

Мансуров Андрей

Я подобрал это на свалке

остросюжетная фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Я подобрал это на свалке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36053864

SelfPub; 2018

Аннотация

Чего только здесь нет: и боевая фантастика, и любовь, и детективные расследования жутких и невероятных преступлений и загадок, и зловердные Чужие, и таинственно исчезнувшие цивилизации, и свержение тиранов, и опаснейшие приключения и чудесные спасения... Приглашаю всех любителей остросюжетной фантастики и гарантирую: скучно не будет!

Я подобрал это на свалке

Роман

Часть 1

1. Пролог

Ж-ж-ж-ж-бах-ба-ба-бах-БАБАБАХ-Х-Х!!!

Восхитительное это всё же ощущение!

Гудение вращающихся стволов Гатлинга совершенно потонуло в грохоте взрывов!

На обеднённый уран я никогда не скуплюсь. Плавное движение рукой – и вот вам, пожалуйста: дыра в супербронированном внешнем люке получилась такая, что не то, что мне – танку можно въехать!

Впрочем, по боевым возможностям я и танку никакому не уступлю – наоборот: куда *ему* до меня!

Любой скраппер в доспехах и боевом снаряжении (А экзоскелет и скафандр повышенной защиты как раз таковыми и являются!) обладает поистине колоссальной огневой мощностью, а уж защищён... Ну, как танк!

Что я блестяще и доказал, сбив из излучателя антиматерии – Бэнг-Бэнг! – два первых десантных модуля из армады флота охранения, вдруг решивших нарисоваться из-за скалистой кромки астероида. А не надо было так долго ждать, балбесы неповоротливые: теперь у вас шанса достать меня

там, внутри, не будет!

Пинком опрокинув ещё держащуюся перегородку, я ломанулся в шлюз. Кто это у нас тут? А-а, это лазерные пушки, установленные сразу за дверью! Ну, получите, голубки!.. П-фт! П-фт!

Заряды из плазменной пушки превратил несчастные пукалки в две лужицы, жалобно растёкшиеся по полу в виде огнедышащей лавы. Ничего, в сапогах экзоскелета можно бежать и по лаве!

Вперёд! План чёртовой крепости я отлично помню!

Впрочем, Квимби Лысый не настолько коварен, чтобы придумать что-то действительно оригинальное: Командный Центр, он же и личный Дворец типа Версаль-Букингемский-Эрмитаж-Эскориал, и всё прочее помпезно-шикарное в смысле интерьеров, что он всегда воспроизводит в своём очередном логове, как всегда на последнем Уровне подземелий.

Но если уж спускаться – то только не на *его* лифтах!

Бегом я добрался до грузовой шахты. Выпускаю из левой клешни дисковый резак, и через пару секунд створки лифта падают внутрь. Ага, порядок!

Перерезать тросы оказалось не сложнее: слышу, как грохнуло внизу! Не иначе, этот балбес установил там мину – ух, какой сгусток огня пронёсся по стволу...

Ну точно – балбес! Себе же хуже сделал. Можно подумать, я настолько туп, чтобы попасться на его дурацкие ловушки

во второй раз!

Посмеиваясь, я прыгнул в шахту. Не долетев до дна буквально пары метров, включил реактивные движки на икрах скелета. Вот это затормозил, так затормозил!.. Зависаю над грудой металлолома, в которую от взрыва мины превратилась бронированная кабина, и прорезаю пилой створки дверей предпоследнего этажа.

Странно – никто не встречает.

А, нет – встречает. Вон, бегут, руками машут! А уж орут – куда тут диким котодикобразам с Канопуса! Но... Почему эти придурки в белых халатах? Я что, залетел мимо оборонительных рубежей сразу в секретные лаборатории врага?! Ну отлично!

Но поскольку эти тоже в меня стреляют, пришлось всё же что-то делать: посшибал их, словно груши с дерева, станнером! Это единственная штука у меня в арсенале, которая не шумит-гремит-ревёт, как завод по переработке металлолома.

Удары станнером не совсем, конечно, гуманны, но от ультразвукового удара люди хоть не умрут – только часа на два потеряют сознание. А, следовательно, и возможность и желание «наезжать» на меня.

Обежав весь этаж, и «угомонив» всех, я нашёл-таки Главную лабораторию.

Однако пришлось вначале всё равно пошуметь: перестрелять примерно двести десантников, которые вдруг понаеха-

ли и понабежали из остальных лифтов и лестничных проёмов с верхних уровней. Не скажу, что это доставило мне удовольствие – люди всё-таки... Или хотя бы гуманоиды.

А вот нефига было работать на Квимби – все знают, что он маньяк, извращенец, и вообще – редкостная мразь. Властолюбивая и беспринципная.

Поведение десантников сильно удивляло. Впечатление складывалось такое, что и стрелять, и получать пули в собственное тело для них – бешенный кайф! А умирать – кайф ещё больший! Во всяком случае, они кричали что-то вроде: «Как здорово!.. Боже!.. Наконец-то!.. Ещё, ещё что-нибудь отстрели мне!.. Сюда, сюда в живот мне – ещё обойму!.. Спасибо!!! Да, вот так!.. О, блаженство смерти за Повелителя!..»

Идиоты?! Нет – вряд ли. Скорее всего, это Лысый что-то с ними сделал. Запрограммировал, например, на самопожертвование... А что, с него станется: модифицирование сознания – как раз его конёк. Пунктик. Может, эти бедняги именно так и научены. Запрограммированы-зомбированы.

Гибнуть с восторгом в процессе исполнения Долга. Перед Хозяином.

Когда зашёл, наконец, в Самую Главную Лабораторию, вырезав и её бронепереборку, обнаружил там только одного человека. Наверняка – «научно-продвинутый» кашка номер уан. Я так и спросил:

– Ты, что ли, Главный Учёный у Босса? – и навёл на него гиперзвуковую пушку на пяти процентах.

Трёх секунд хватило, чтобы он скорчился на полу, обхватив голову руками. Рот при этом разинул, в диком крике зашёлся, да ещё и побился в конвульсиях. Ладно, хватит.

Убедив противника в серьёзности своих намерений, я выключил звук.

Подойдя, ткнул его носком стального сапога:

– Лучше сразу расскажи, что вы тут затеяли на этот раз?

– По... Пожалуйста!... Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста... – слёзы текли так, что он и не вспомнил про упавшие и разбившиеся очки – даже не пытался нашарить их. Только моргал и щурился. Без очков оказался похож на обиженного мокрого спаниеля.

– Ладно, больше не буду. Но если попытаешься соврать!..

– Нет-нет, я скажу правду! Мы... Мы...

– Да, вы?..

– Разработали новый способ. Как превращать людей в *совершенных* слуг Хозяина!

– Что значит – совершенных?

– Совершенных – ну... Совершенных! Таких, которые всегда послушны! Никогда не протестуют, что бы не пришлось делать. А мысли о бунте, или неповиновении даже не могут *возникнуть* в их мозгах!

– Хм-м... Идея, конечно, «новая» и «сверх-оригинальная». Воплотить пытаются уж лет эдак с восьмьсот. Ну и как *вы* этого добились?

– Ну, это... Оказалось довольно просто! Мы запускали им

в череп нанитов, и переключали синапсы в мозгу так, чтобы центры наслаждения – ну там, при занятиях сексом, насыщением вкусной едой, и прочими физическими удовольствиями, подключились к исполнительным рефлексам. Процесс сложный. Как бы попроще объяснить...

– А ты всё же попробуй – если останусь «необъяснённым», то!.. – я качнул излучателем.

– Да-да, прошу вас, не надо!.. Словом, любой оперированный теперь получает чисто физическое, причём, колоссальное, удовольствие только тогда, когда выполняет Приказ, полученный от Босса! И чем точнее он его выполняет – тем больше... Кайф! По эффективности даже превосходит наркотики!

И если Босс приказал защищать его от вторжения – воины, умирая, вообще испытывают неземной оргазм! – он так воодушевился, что смог даже привстать.

– Значит, здесь все так и запрограммированы? Наслаждаться, выполняя приказы?

– Ну да, ну да! Здесь, на Базе, мы подправили всех – нам нужны только фанатично преданные слуги!

– А почему же те, кто подправлен... Не превратились в полудиотов?

– С чего бы это?! Все их способности сохранились! И физические, и... мыслительные. Но теперь они посвящены лишь одному: служению Хозяину! Оно, безоглядное подчинение и послушание, теперь только и даёт им смысл жизни!

И истинное удовлетворение, наслаждение. То есть – сейчас гарантировано подлинно истовое служение Господину!..

Извращенцы чёртовы. Мазохисты недоделанные. Козлы. Фанатики. Хоть и не религиозные, но где-то близко. Впрочем, чего ещё от Квимби ждать! Он ещё десять лет назад показал себя... Властолюбивой гнусной сволочью с манией величия. Неразборчивой в средствах. Мечтающей только о титуле «Властелин Мира и его окрестностей». Ну, и ещё о вкусной еде.

– Почему же вы до сих пор не захватили «весь мир»?

– Мы... Мы не умеем пока перенастраивать мозг дистанционно, с помощью излучения. Пока – только нанитами. Операцию приходится де... – тут вдруг он умолк на полуслове, и, схватившись за горло, сполз снова на пол. Лицо посинело, как от удушья.

Понятно. Хохмочки старины Квимби. Небось, акроциан в системе вентиляции.

А вот и голос закадычного Врага из трансляции:

– Привет, Мак! А я-то всё думал да гадал, кто же это ко мне в гости-то зайвится, такой завзятый... Извини – достойную встречу не успел подготовить: знал бы, что это будешь ты, не поленился бы пару-тройку Линкоров нанять для защиты!

– Не думаю, что они помогли бы тебе.

– Н-да, пожалуй, пожалуй... Более хитрого, мерзкого и настырного ублюдка я в своей жизни и не встречал!

– Спасибо за изысканный комплимент... Извини – ответить тем же не могу. Ты, похоже, стареешь, теряешь хватку: вон, даже солдат не вооружил как положено!

– Да, согласен – моя промашка. Хотя... Солдаты вообще моим планом не предусматривались. Я слишком надеялся на излучатель ЭМИ. И, конечно, свои радары и сканнеры – сферу радиусом в пяток миллионов миль они наблюдают, как мне казалось, вполне... Кстати – не расскажешь, как тебе удалось преодолеть пространство, охраняемое излучателями, пушками, гаммарадарами, и минами с антиматерией?..

Слушая, как Квимби пытается заговорить мне зубы, я по возможности бесшумно выбрался на этаж выше – очень вовремя! Потому что лабораторный ярус вдруг запылал, словно превратился в жерло вулкана: со стен и потолка полились потоки огня, из-под пола выплеснулась типа лава... Мой коварный собеседник, похоже, пустил Напалм-27. Да ещё с фосфором-шесть.

Хитёр. И коварен.

Впрочем – нет. Он действует так всегда. Словно по шаблону. Ни капли творчества, или воображения – вот как, скажем, у вашего покорного слуги. Хотя хвалиться рановато. Нужно убить подонка, а уж потом петь себе дифирамбы.

Но всё равно – удивительно, как такой придурок, (С айкью – всего сто двадцать три!) как Квимби Лысый, почти смог в своё время подчинить себе цивилизацию целой планеты –

Иллирии-два.

Хотя вряд ли там кто серьёзно сопротивлялся: туземцы – чистые ангелы. Мощнее лука оружия не знали. Да и из того стреляли только в кроликов, поскольку до сих пор у них, насколько я знаю, существует Культ обожествления тела человека...

Ну, вот Квимби им и преподнёс урок – *как* может страдать это самое тело человека, не желающего подчиниться новому Богу. Блинн...

Ладно – туземцам повезло. (Выжило больше восьмидесяти процентов! Видать, не успел ещё Лысый развернуться-то по-настоящему!..) А вот мне – нет. В тот раз Квимби успел-таки свалить к такой-то матери от расплаты.

Снова пришлось искать обходные пути.

Человек я, в принципе, мирный и незлобивый: могу и пострелять, и поработать. Вот работой я и занялся. В девственной скале астероида, в полости которого Квимби и обосновался столь капитально, появился лишний проплавленный тоннель.

Традиционно дунув в дуло плазменной пушке, я не стал даже дожидаться, пока каменные стены перестанут светиться оранжевым, и прыгнул в него.

Чёрт! Чуть впопыхах не пролетел на технический ярус мимо уровня Квимби – узнал его по традиционно безудержной роскоши, которой этот недоделанный Цезарь любит обставлять свои апартаменты!

Расширив дыру, забрался внутрь, взломал пару-тройку бронированных переборок и дверей. (Ну, тут уж тихо и акуратно не получилось! Звону и грохоту было – куда там какому вулкану в паре с рок-ансамблем!)

Ага, вот и встретились, так сказать, лицом к лицу!..

Квимби полёживает себе на роскошной кровати, и даже в ус не дует.

– Как это кровать тебя выдерживает? – спрашиваю.

– А-а, очень просто. Я усилил каркас титаном, а матрац – карбовольфрамом – отвечает он, чуть повернув ко мне голову. Полуторатонное же тело, ясное дело, и не пошевелилось.

– Ну что, изошрённый выродок, монстр-маньяк, «Повелитель Вселенной» – будешь что-нибудь говорить напоследок?

– Конечно, если позволишь. Всё-таки, начинали почти вместе... Коллеги, как говорится... Так вот. Хочу попросить тебя передать привет Стервозе Энн, и Квиллеру, и...

Тут на меня обрушился потолок. Вернее, это, как я, уже умирая, догадался, был не потолок, а пластина гидравлического пресса. Не иначе, как из титанорубидия.

Смяла она без проблем даже мой экзоскелет, и меня стало выдавливать из его недр, словно кетчуп из пластиковой бутылочки... Вот чую, как трещат рёбра, разрывая лёгкие, и ломаются, словно спичинки, кости! Дикая игла боли вонзилась в мозг, чернотой застилает глаза, преодолая даже действие обезбаливающих уколов бортового автодоктора...

А-А-А! Как же всё-таки больно умира-а-ать!!!..

С диким криком я...

Проснулся.

Ф-ф-у-у, чёрт...

Проклятье. Всё как всегда: майка мокра насквозь, и пальцы снова свело, скрючило, как судорогой – словно пытался сам, без всякого скелета, достать и раздавить горло хитро...опого подлеца Квимби.

Мать с автодоктором моргают разноцветными лампочками на пультах: видать, опять орал благим матом. Но помалкивают – знают, что говорить об этом я не люблю.

Проклятый Квимби.

Слава Богу, что *он* меня убивает только во сне! Не то, что в жизни – когда я – его...

Впрочем, меня до сих пор иногда мучает совесть: может и правда, надо было дать ему сказать последнее слово, а не сжигать из плазменной пушки, едва увидев?..

2.Ива.

Только чудом, буквально в последний момент, мне удалось увернуться!

Сковородка с грохотом врезалась в переборку камбуза. В нос ударил запах жаренного мяса. Пузырящееся масло зашипело, растекшись по обивке безобразным пятном.

Похоже, котлеты мне улыбнулись.

Решив, что в дальнейшей «дискуссии» смысла нет, я очень поспешно удалился назад в рубку. Вся надежда на аварийный паёк.

Бедный автоповар! Представляю, каково ему... Да, собственно и всем нам. Жертвам моего неуёмного любопытства, и страсти к «экспериментам» вообще, и поиску приключений себе на одно место, в частности.

Чего ж тут удивляться, что кошмары мучают...

Ладно, начну по порядку.

Лучше всё-таки разьяснить, как это меня угораздило так вляпаться.

Профессию скраппера выдумал не я. И не я её так назвал.

Лет двадцать назад, в «Чёрном драконе» на Амальтее, Старикашка Джонс, назююкавшись светлого друмса *не* до полной кондиции, поведал, откуда она взялась, наша профессия, и почему, собственно, мы все и называемся скрапперами.

Веков этак семь назад, мол, на старушке Земле, в Америке, существовала такая пустыня – Мохаве.

И уж больно подходящие там были условия: жаркий сухой климат, народу – никого, да и горами со всех сторон окружено всё это дело...

Вот в этой-то пустыне американские военные и сделали полигон. Для испытания, стало быть, нового оружия. Да и старого тоже. Проводили свои плановые тренировочные

стрельбы. Бомбили. Из лазеров что-то плавил... Ну и прочее в этом же духе. А, как известно, когда на огороженную колючей проволокой огромную территорию долго никого не пускают, и ведут там испытательно-стрельбо-взрывную деятельность, на её поверхности накапливаются прямо горы отходов.

Ну, точнее, это для военных они – отходы. Гильзы стрелянные, осколки снарядов да мин, куски полуразрушенных механизмов – по которым стреляли, бомбили или взрывали... Тренировались, словом.

А вот для кое-кого другого всё это – вовсе не хлам ни на что не годный. А очень даже наоборот: вторсырьё! За медь, латунь, алюминий и нержавейку металлургические заводы уже тогда платили неплохие деньги. И не слишком интересовались, откуда всё это. Поскольку на земле как раз и запасы бокситов, и прочей руды в месторождениях, кончились... Уж им-то, заводам, куда дешевле получалось купить такой, плевать, что полуразрушенный – но уже кем-то выплавленный однажды, готовый, металл, чем какую-то тощую двухпроцентную руду за тридевять земель везти, да перерабатывать.

Вот этим, говорят, первый из скрапперов и жил. Собирал гильзы, от снарядов, да от патронов, попадались и невзорвавшиеся – и снаряды, и бомбы. Из таких можно было добыть взрывчатку. Конечно, если знать, как добывать!

Взорванные или расстрелянные самолёты давали алюми-

ниевые панели. Из всяких наземных хамви, тягачей, да РЛС можно было вытащить кое-какие приборы. Из более продвинутых агрегатов – и куски компьютеров... Или, в крайнем случае, драгоценные металлы типа золота из их плат – уж военные-то на свою технику денег не жалели. Для них главное – чтобы работало понадёжней. Вот и испытывали её повсякому.

А поскольку она была довольно секретной и здорово продвинутой, пионеру-то приходилось действовать отнюдь не легально.

Сляпал он, по словам Джонса, вездеход изо всей этой подручной бронетехники, покрасил в цвет хаки, да и гонял на нём по полигону, подбирая что получше да поновей, и прячась за броневыми бортами от часовых и патрулей, нещадно его ругавших через рупоры-матюгальники и по радио, и так же нещадно в него стрелявших.

Впрочем, это, как пояснил Старикашка, являлось, скорее, уже традицией: никто реально мужика этого пристрелить-то не хотел. А вот для начальства старались поддерживать вид: типа, всё у нас с охраной в полном порядке – вот, стреляем же!..

Как звали нашего родоначальника, всё равно осталось неизвестным. Правда, Стервоза Энн сказала, что это и неважно – главное, что он первым придумал и применил все приёмы, которые сейчас используют все наши. Маскировку. Надёжный, хоть и неказистый, бронированный транспорт.

Налаженные связи с перерабатывающими вторсырьё предприятиями. И – абсолютное равнодушие к чужой и собственной судьбе.

Убьют – сам виноват. Надо было лучше готовиться и снаряжаться. А если такое случилось с другим скраппером – так и пёс с ним. Плакать никто не будет. Среди нас особо сентиментальных нет.

Здесь все – одиночки. Работающие на свой страх и риск. Конкуренты.

Вот поэтому я и не завожу ни семьи, ни более-менее постоянных длительных связей ни с кем – ни с женщинами, ни с мужчинами. Нет, не в том смысле... А в смысле даже деловых отношений. Скраппер может, конечно, летать с напарником.

Но это всегда – риск. Да и руки здорово связывает: вечно надо думать да беспокоиться за кого-то другого, а такое может отвлечь – буквально на доли секунды... Но и этого зачастую бывает достаточно!

Чтоб отправиться к праотцам.

И, конечно, где гарантия, что когда засветит настоящий Куш, твой же партнёр не всадит – как уже десятки раз бывало! – тебе нож в спину?!

Поэтому ни друзей, которым можно было бы сдуру проболтаться о своих планах и находках, ни постоянных «партнёрш», или тем более – «гражданских жён», отношения с которыми чреваты захватом скраппера полицией, почти ни у

кого из нашей братии и нет. Соответственно, и история про нашего пионера не показалась мне нелепой: нормальный пионер. Вёл себя, как полагается. Следил только за собой и своими интересами. Слишком не перерабатывал – только чтобы было чего поесть, да закупить, чем драндулет свой заправить. Раньше-то, говорят, всё работало на нефти... Или на продуктах её переработки. Или масле растительном. Или спирте.

Хе-хе, посмотрел бы я на того идиота, кто сейчас спирт использовал бы *так!*..

Это потом, когда всё разбазарили, хватились, что пластик, люз, и кубер только из нефти, чёрного золота неповторимого, и можно получить... Поздновато, правда. Но всё равно – перешли все на спирт, да масло. Уж этого добра из растительности можно нагнать сколько влезет. Холодным ядерным синтезом занялись вплотную. И вот это оказалось правильно. Иначе как бы человечество вышло к звёздам?! Да что говорить: даже в моём весьма древнем корабле – три реактора. Два тяговых, и один – для электрогенератора. А без этого – никак. Сейчас же всё на электричестве – вон, даже Ива жрёт его больше, чем весь блок Главного компьютера.

Кстати, об Иве. Да, я пока ещё, как говорится, достаточно «молод». Поэтому и нуждаюсь в... объекте для снятия нервного напряжения. А поскольку я ещё и брезглив, то купил себе новую, а не то, что некоторые из скупердяев наших: возьмут бэушную, просто весь блок живота поменяют на но-

вый, да и пользуются, пока мозолей не натрут...

Нет, я к своей партнёрше отношусь – бережно. Ну, стараюсь, во-всяком случае. И пусть техобслуживание она каждый раз проводит сама, диагностику её центрального процессора делаем после каждого рейса. Мне свихнувшаяся роботиха на корабле не нужна!

А вообще тот, кто их, искусственных-то партнёрш, изобрёл тогда, ещё пятьсот с чем-то там лет назад, сделал нам, космонавтам всяким, да и просто занятым мужчинам, настоящий Праздничный Подарок. Даром, что его наследники – миллиардеры, а фирма – пятая по значимости в мире. Так что, надеюсь, ещё лет на десять-пятнадцать мне Ивы хватит. А уж потом буду, как старикашка Джонс, одинокий и никому не нужный, озлобленный, и хронически на «полшестого»...

Главный компьютер у меня именуется коротко и просто – Мать.

Досталась она мне вместе с кораблём. То есть, сильно потрепанной и слегка не в себе.

Думал, придётся новый мозг ставить. Однако же техник Васся (он из матёрых профессионалов, но уж больно любил в рабочее время принять «на душу», поэтому сейчас, как и все скрапперы, работает «на вольных хлебах», и только за наличные), покопавшись в разном военном барахлишке, которое у него поневоле скапливается за десятилетия работы с нами, установил с пяток новых консолей, и перезагрузил все остальные.

Так что, хоть и стоило это недёшево, на Мать пожаловаться не могу (тьфу-тьфу!): заботится и обо мне, и о посудине, как... ну, как родная мать! А посудина у меня, после ремонта, тоже ничего себе. Название, правда, глупое – «Лебедь». Тоже досталось от предшественника, но я менять не стал. Плохая примета. А знали бы вы, какие у нас все суеверные и мнительные – у-у-у!.. Хуже спортсменов.

Кстати, о судне: семьсот восемьдесят тонн, и челнок на пятьдесят – чтоб, значит, спускаться, если придётся, на крупные планеты. Челнок мне чинить не пришлось. Это единственная вещь, которую мне Кривой Пит продал почти новой.

Буду честен: с Кривым Питом вышла неприятность. Что-то там такое он нашёл, о чём никому так и не рассказал, но в результате лишился почти половины моторного отсека, левой руки, и того самого, чего нашёл, и на что, очевидно, здорово рассчитывал.

Ну, а глаза-то у него не было и до этого. И вообще, Пит был жутко счастлив, что его СОС услышали, и подобрали ещё живым. Вот поэтому челнок и корабль продал мне подешевке. Ещё утверждал, что Мать «свихнулась» от сильного нервного потрясения. Когда они с автодоктором латали «пробоины» в Пите. Она его, дескать, очень любила...

Мне же решение стать скраппером пришло довольно... внезапно.

Не скажу, что моя предыдущая профессия была очень уж

востребована. А тем более – законна. И поскольку досье на меня имелось теперь почти на каждой обитаемой планете (а их почитай, побольше, чем штатов в Америке), свою симпатичную мордашку, даже изменённую пластикой, сунуть я уже никуда не мог, так как чёртовы таможенные компьютерные системы распознают даже видоизменённые кости черепа!

Ну вот и получилось весьма удачно: я вложил деньги, нажитые непосильным, как говорится, трудом, а Кривой Пит получил возможность мирно и тихо доскрипеть на небольшую, но стабильную пенсию – после того, как положил мои кровные под проценты в Центральный Банк Содружества.

Оставшиеся у меня мелочи почти все ушли на ремонт, ремонт, ремонт, Иву и топливо.

Хорошо, что хоть не все.

В первых рейсах я даже толком не знал, что брать. Работал себе в убыток. Ничего, уже к третьему рейсу поднаторел. Свёл знакомства с нужными людьми и в этой сфере деятельности. Работал, работал, работал... И вот уже лет пятнадцать я, врать не хочу, живу в своё удовольствие. Накопил, как говорится. Проценты капают. Можно было бы даже завязать... Почить на лаврах и греться на пляжах курортных планет.

Но как же?!..

Вкусивший этой зар-разы – Свободного Поиска! – добровольно не «завяжет» никогда! Только вот если (тьфу-тьфу!) как у Пита, или Линден – не случится... Второй же вариант

самый распространённый – «миссинг ин экшн».

Пропал, словом, без вести...

Так что тут всё, как у древних джентльменов удачи: либо пан, либо пропал, но на смерть в своей постели рассчитывать не приходится.

Да разве я из других? А то чего бы я начинал с... Ну, неважно. Вдруг эти чёртовы заметки, которые я калякаю тут в бортовом журнале от нечего делать, пока лечу куда мне надо, какая-нибудь слишком любопытная и располагающая свободным временем персона, увлекающаяся литературой вообще и экзотическими ксеноприключениями в частности, решит почитать на досуге. Хотя бы для того, чтобы знать: каких жутких дыр в нашей Вселенной надо всячески избегать. Чтобы не вляпаться в д...мо по самые уши.

Или уж – как потом из этого д...ма можно выбраться. Живым.

Ну а я вот – как раз любитель. Вляпаться. Ну поэтому и вляпался.

Нет, лучше, как уже сказал – всё по порядку. И – поспокойней: только факты. А то на языке только междометия и матюги из космослэнга...

А вот координаты, где подцепил эту занозу себе в ...опу – ни за что не сообщу!

Вдруг ещё удастся продать *это*...

Обычно рейс за товаром занимает у меня от четырёх меся-

цев до полугода. Ведь даже на гипертяге больше семи-восьми световых не разовьёшь без того, чтобы не стало что-то болеть: сердце там, печень, у кого – поджелудочная... У меня, например, при девяти световых начинают жутко болеть зубы, и зудят искусственные суставы на руках. А руки для работы, сами знаете, иногда нужны. И не простые, а – сильные и тренированные. Как и остальное тело. Вот и приходится, пока длится полёт, слоняться по отсекам, как идиоту, читать справочники, каталоги и учебники, работать на тренажёрах до седьмого пота, смотреть видео. Читать справочники – по «работе». Ну, или трепаться с Матерью о её былых похождениях с Питом.

Ничего не скажу, поучительно, но... Пит же умный – все конкретные координаты из её памяти заранее удалил.

Ладно, напишу, когда особенно скучно будет, и о нём. Или, ещё лучше: выйду на пенсию – опубликую мемуары. Так и назову их: «Изнанка Ада»... «С занозой в заднице»... «Смертельная Находка»... Или ещё как. Лишь бы покрасивей – всё равно, как ни назови, большинство приключений довольно... Хм... Нет, правда – экзотичны. И жутковаты.

Не для слабонервных, словом.

Правда, среди скрапперов таких и не водится.

По ночам одна отрада – Ива. Ни разу не слышал от неё, что она «устала», или «голова болит». Да и вообще – молодец она у меня. Не спросишь – сама первая разговор не начнёт. Тело у неё как раз такое, как я люблю: миниатюрное, очень

стройное, поджарое и крепкое. Конечно, не следует так делать, но иногда я использую её и как помощницу для перетаскивания неудобных объёмистых предметов – а что, она покрепче любого мужика будет...

Лицо ей я выбрал от какой-то там древней артистки. Не помню фамилию, но звать её было Анжелина. Приятное лицо: не слащаво-приторное, а сильное, волевое. За все двадцать пять лет «совместной жизни» я ни разу не захотел это лицо поменять. Да, собственно, как и тело. Впрочем, иногда мы и просто рядом спим – без увеселений. И хотя у неё обычная программа, мне кажется, что она меня понимает, как никто.

Вот – видите, до чего человека доводят четверть века в Космосе, да ещё в Свободном Поиске?!..

Настоящий Клондайк для психоаналитиков.

Вот только скрапперы к ним не ходят!

В самом начале того рейса решил я заглянуть на Старый Полигон.

Это то легендарное место, вдали от трасс и крупных скоплений, где все, кому не лень, проводили испытания разных типов кораблей и двигателей. Правда, там за полтора века всё уже подчищено так, что редко чего найдёшь, однако мне повезло: на одном из сохранившихся мелких астероидов нарыл немного редкоземельных. Даже полоний и курчатовий сохранились. Видать, разлетелись несдетонировавшие

как надо кусочки, да и попали на поверхность.

А кому надо – обследовать такую дребедень, что даже на обзорном локаторе видна лишь с полумиллиона миль? Мало, правда, редкоземельных-то было, но хоть что-то: этот рейс уже окуплен. Свинцовый тяжеленный контейнер перетасил в трюм с помощью всё той же Ивы.

Дальше, раз уж взялся за эту область, заглянул я на Мишень. Собственное имя у этой полуразбитой планетки, конечно, есть, но все зовут её Мишень. Это из-за того, что условия уж больно похожи на земные, и доблестным воякам жутко нравилось сжигать и взрывать на ней всё, что можно, и даже нельзя. Поэтому самый большой кратер имеет в диаметре восемьсот миль, и весь заплыл лавой: она только недавно затянула дыру глубиной пару тысяч всё тех же миль. То есть, почти до ядра...

Ну, если честно, полетел я к ней больше для того, чтоб проверить мой новый, и дорогой, как небольшая термоядерная электростанция, металлодетектор – хотелось мне проверить, действительно ли он такой «чувствительный», или мне чёртовы поставщики «по благу» опять втюхали туфту.

Нет, не туфту. Детектор сразу нашёл мне под поверхностью массу полезного, до этого скрытого экранирующим слоем почвы или песка. Но придирчиво повыбирал, (Теперь-то могу себе позволить!) я остановился на гильзах.

Мишень большая, поэтому на ней около четырёх пятых «Ж». Так что к обнаруженным пустым гильзам опять при-

шлось взять с собой Иву, иначе не смог бы в челнок погрузить. И то сказать – гильзы плавают тут по всему пространству, и со временем Мишень их притягивает. Так что они падают, вырывая миниатюрные кратеры, а я потом нахожу их простым (Или, как сейчас – навороченным!) металлоискателем, и раскапываю с помощью экзоскелета (здоровенная такая штука, с оборудованием для всех мыслимых и немыслимых поверхностных работ, и с кучей гнёзд и кронштейнов для размещения и подключения оружия).

Из-за того, что атмосфера у Мишени давно испарилась (А ещё бы!), гильзы не страдают, а только сминаются от удара, да зарываются в почву. Ну, это уж ерунда. Зато в каждой – не меньше ста-ста пятидесяти килограмм старой доброй латуни. Военные всё ещё предпочитают её, удобную и пластичную. А уж то, что снаряд в сборе весит три тонны, и диаметр такой штуковины – три-четыре фута, никого не пугает: у них же всё автоматизировано, на линкорах-то, да на авианосцах всяких.

Гильз откопал всего три, но это уже мне шло в чистый плюс!

Подобрал ещё куски какого-то процессора с разбитого о поверхность транспортника... Может, что купит Васся, или Ленивый Сэм. Кевларово-куберовый корпус бедной посудыны разворотило так, что брать в нём было нечего: это добро не переплавишь – только выбросить.

В-принципе, можно было и успокоиться на этом да и ле-

теть себе домой – торговать.

Ан – нет.

Я же этот, как его – «романтик Свободного Поиска», мать его туды...

Решил слетать в чёртово Чёрное Облако.

Оно так называется потому, что ни один сканнер или радар не может просветить его глубже, чем на пару миллионов миль. Знаменито так же тем, что предположительно как раз в нём сгнули не менее тридцати-сорока скрапперов. Ну вот тянет всех почему-то вовнутрь, хотя никто никогда слыхом не слыхивал, чтобы что-то путное там нашлось.

Тем хуже для наших – всех, словно мух на ...мо влечёт туда. Типа: *А вдруг?! Пусть никто не нашёл ничего, а Я – Я-то уж!..* Словом, как в старом анекдоте: «Что за огромная толпа?! Что случилось?! – А ничего не случилось. Просто каждый хочет убедиться в этом лично!»

Вот и я решил не отставать – надо же хоть раз в жизни отдать дань традициям...

Включил на полную все сканнеры (Вот они-то и жрут львиную долю электричества от третьего реактора!), и на четверти световой медленно так врываюсь туда.

В том, что ловить тут нечего, убедился быстро. Облако – и облако. Красот внутри нет – это вам не туманности какие. Зато опасностей – хватает.

Ну, водород-то особого вреда не приносит, а вот мелкая каменная пыль прямо-таки съедает экраны наружных камер

и сенсоров. Поэтому пришлось закрыть всё колпаками, (а то от этого дроблёного кремния даже защитные поля не спасают) и лететь только по сканнерам. Но главная опасность, конечно – Серые Карлики. Как у нас называют массконцентраты. Правда, такой не больно-то обнаружишь, пока поздно не станет, и не погибнешь в ужасных муках, придавленный к полу своим же весом, увеличившимся, когда сдохнут гравикомпенсаторы, до веса слона. Или кита.

Но я-то умный. И не жадный – поставил себе гравитестер (почти четверть моего среднегодового «заработка»!).

Разумеется, первый пролёт сквозь облако ничего не дал. Пришлось развернуться, продвинуться на восьми световых немного вдоль, да и углубиться снова.

А что – так можно делать хоть всю жизнь! Облако тянется через три галактики. У него только толщина и высота (если правильно называть их так) ограничена, а вот длина... Никто, по-моему, так до края и не добирался.

На пятый заход мне повезло. Или – не повезло. Это – с какой стороны посмотреть.

Выявил мой «каменный» сканнер малюсенький кусок камня. Ну как – малюсенький. Было в нём, наверное, метров сорок в длину и ширину, а в высоту – около двадцати.

Больше всего похоже на те обломки, в которые превратился старый добрый Фэтон там, дома. Я бы, может, не почувался, если бы эта штука не повернулась (она медленно вращалась, хотя отдельным обломкам это никогда не свойствен-

но), и мой новый сканнер металлов вдруг не дзынькнул, обнаружив признаки этих самых металлов – причём разных! Что само по себе было странно – камень, по идее, и не должен их *экранировать!*..

Заинтересованный, я, конечно, затормозил и причалил. Если зацепление тремя силовыми тросами за кусок, который мельче моего «Лебедя», можно так назвать.

Ну, обмундирование, на всякий случай, одеваю по-полной: тут тебе и экзоскелет, и лазеры, и гранатомёт, и «дымовая завеса». Плазменные пушки тоже весят немало – поэтому скраппер в боевом облачении только чуть-чуть отличается от морского пехотинца, и уж можете не сомневаться – ничем ему при случае не уступит!

Вот спускаюсь я на этот милый обломочек, и прямо жалко мне его: если кто там и ждёт меня, коварно затаившись, то делает он это на свою же голову! Хе-хе...

Живых, впрочем, никого не обнаружил.

Зато обнаружил нечто, напоминающее замурованную когда-то шахту.

Пробка из вещества, похожего на бетон, затыкала колодец почти метрового диаметра.

Правда, когда огромный скальный массив, составной частью которого когда-то был мой камушек, раскололся, трещина прошла аккурат по колодцу. И – нате вам! Древний клад целёхонек, и уже даже вскрыт. Доставай – не хочу... Ха!

Конечно, хочу.

На дне колодца оказалась шаровидная полость, отделанная изнутри толстым слоем странной как бы губки. И я сразу понял – это она гасила показания магнитометра. Отлично. Нам такой материал нужен: экран от магнитного излучения, насколько я помню, нашей наукой ещё не придуман! Вояка Лесли мне за такое добро отвалит не меньше пятидесяти кусков! А я уж поторгуюсь!..

Поэтому в первую очередь я выпустил буры, и отработав породу вокруг шаровой полости, всё это дело из камня высвободил. Ну, веса в невесомости нет, зато есть куча инерции. Помучился, пока разместился со всей этой ерундой в шлюзовой.

А кроме шарика-то этого с его начинкой, ничего путного и не обнаружилось на камушке.

Позже я осмотрел там всё ещё раз – полный ноль, как будто кто специально эту штуковину спрятал на затерянном в пространстве космическом теле, а оно возьми да тресни. Ну, или получило как следует от какой-нибудь блуждающей кометы. Или астероида.

Хотя тогда мне такой расклад был очень даже в тему: страсть как люблю зарытые клады, и вообще, всё, что можно продать! Да подороже! И тогда уже – на пенсию!

Впрочем, кому я голову морочу. Стоит заикнуться – хихикает даже Мать...

Вот, сопя и вождедея, заташил я эту метровую сферу в лабораторию. Конечно, после «карантинных процедур» в там-

буре. Если есть какие известные-неизвестные бациллы, или космические споры, за пару минут все сдохнут. От жёстких излучений и разных страшных химикатов, которыми корабль каждого скраппера оснащён, словно химический завод.

А меня скафандр защищает.

Ладно, продезинфицировались.

Вылезаю из экзоскелета, потом и из скафандра. Нюхаю эту штуку. Ого! Пахнет!

Мы, скрапперы, завсегда любим что новое – смотреть, щупать и нюхать. Так вот – такого запаха я уж точно до этого не нюхал. Ткнул туда газоанализатор, и всё прочее. Говорю: – Мать! Проведи, пожалуйста, *полное* обследование. Такой дряни мы, вроде, ещё не находили... Я пока помоюсь. – и пошёл себе в душевую.

Скафандр, конечно, у меня хороший, только вот комплекс у меня: всё кажется, что там *жутко* воняет.

Мочой и потом. Не говоря уже о прочих выделениях человеческого организма. Мать утверждает, что всё стерильно и антисептично, но мне всё равно кажется... Что лучше лишний раз помыться.

Чтобы мыться, да и вообще жить поудобней, гравитацию я держу на ноль девяносто пять «Ж». Так и от атрофии мышц подстрахуешься, и напрягаться особо не надо. (Зато уж когда тренируюсь – ставлю наоборот: на один и два! А когда особенно сердит на себя, болвана любимого – и на один и

четыре...)

Когда я через полчаса, чистый и ароматный, зашёл в лабораторию, всё уже было готово.

Мать разъясняет, как по полкам раскладывает:

– Покрытие объекта толщиной от десяти до тридцати сантиметров. Поглощение всех видов излучения практически стопроцентное. Если бы не отверстие на передней части, сделанное, вероятней всего, небольшим метеоритом, найти объект имеющимся на корабле сенсорами было бы абсолютно невозможно. – а я как раз осматривал это самое отверстие.

Точно, сорвало с ящика всю переднюю обивку, или там, изоляцию, и видно наружную стенку.

– Передняя стенка изготовлена из сплава карбида вольфрама и ниобия с включением двух *неизвестных* мне металлов. Вскрыть возможно. Однако одних алмазных резачков может и не хватить, и рекомендую применить сапфировый лазер. По моим данным, прочность по шкале Мооса: девять целых шестьдесят три сотых, так что его «щадящего» режима должно хватить. Да и воздух в «Лебеде» сильно не нагреем.

Мать у меня всё-таки молодец. Сразу зрит в корень – конечно, я буду эту штуку вскрывать! Впрочем... Вначале хорошо бы...

– Мать! Можно ли удалить внешнее изоляционное покрытие так, чтобы как можно меньше его повредить? Оно-то, надеюсь, не слишком прочное?

– Прочность экранирующего слоя менее двух целых и тридцати восьми сотых. Удалить его сейчас?

– Да. – на то, чтобы тремя манипуляторами и четырьмя виброножами аккуратно, цельными долями, срезать все оставшиеся стороны странного экрана, ушло минуты полторы.

И вот этот металлический ящик передо мной.

Примерно полметра на полметра на полметра. Куб, стало быть.

Я обошёл вокруг. Ничего необычного – металл казался похожим на серебро. Матовый. Интересно, сколько лет эта штука скиталась по просторам Вселенной, пока не попала ко мне на растерзание? Впрочем...

В такой ситуации каждый скраппер больше всего боится, что всё может случиться с точностью до наоборот! Как не вспомнить хотя бы того же Пита...

Но – говорю же, трусов у нас нет. Впрочем, и беспечных бесшабашных дурачков тоже. Не выживают.

Попинал я кубик ногой. Звук глухой. Спрашиваю:

– Сколько ему лет?

– Определить невозможно. – мне послышался в голосе Матери раздражающий смешок. Она у меня, вообще-то, врать не обучена, и издеваться, вроде, тоже, так что всё, что мне кажется иногда – это последствия слишком долгого одиночества. Ну, или общения с компьютером и Роботихой.

– Почему? – спрашиваю очень вежливо.

– Нет образца.

– Ну так отбери. Прямо сейчас! – я уже начал грозно хмуриться.

– Значит, ты отменяешь приказ «не вонять мне тут горелым карборундом»?

– Мать... Твою... Да, отменяю!..

Мать выдвинула ещё пару манипуляторов, алмазно-корундовый диск завращался как бешенный, и в подставленную кювету полетели искры и частицы. И диска и ящика.

Да-а, воняло, конечно, жутко. Но чего не вытерпишь для науки!..

Кювету Мать засунула в брюхо шкафа-универсального анализатора – там и микроскоп, и хроматограф, и масс-спектрометр, и всё прочее «мирно сосуществует». Хотя не поручусь, что когда я отворачиваюсь, все эти продвинутые и очень умные приборы не дерутся друг с другом, словно дикие коты. Иначе как объяснить, что почти каждый рейс приходится всё это добро перенастраивать?!

– Возраст определить не удалось. – говорит после пяти минут эта юмористка. – Воздействие внешних и собственных разрушающих факторов абсолютно не поддаётся анализу. Материал слишком прочен, радионуклидов нет вообще, и ни с чем таким прежде я не встречалась.

Умеет же она вызвать раздражение, когда хочет... Ладно, попробуем с другого бока:

– Определи тогда возраст чехла.

– Пыталась. Результат тот же.

– Ах так... Ну, а возраст вмещающей породы? Скалы и... бетона?

– Возраст скалы: от семи до шести с половиной миллиардов лет. Бетона: от четырёх – до трёх с половиной. Миллиардов. Удар метеорита, вскрывшего полость, произошёл не позднее двух миллионов лет назад. – нет, мне показалось, как всегда. Мать абсолютно спокойна и равнодушна.

– Выходит, этой штуковине никак не меньше четырёх миллиардов лет?

– Да. – вреднюха она у меня всё-таки. (Собственно, есть большая доля вероятности, что к этому и я приложил руку – я, как вы уже догадались, далеко не ангел!) С ней не поспоришь, и на неё не поворчишь. Молчит, когда знает, что лучше не раздражать меня. Впрочем, я уже обдумывал, как продам чёрттов «уникальный» металл доктору Натану Гроссману из Массачусетского технологического. Такое тоже потянет тысяч на тридцать, не меньше. Сбагривать и то и другое воякам, было бы, конечно, слишком глупо, хотя они и дали бы побольше. Нет, обычаи надо уважать: не больше одной игрушки в одни руки!..

– Можешь вскрыть чёрттов ящик?

– Да. Вероятно, на это уйдёт около часа.

– Действуй. Позовёшь, когда откроешь. Режь прямо пополам. Вот здесь.

Мать занялась делом, используя маломощный сапфиристо-

вый лазер и аргонокислотный флюс для охлаждения, и включив на полную вытяжку в трюме, а я пошёл посмотреть, что там ещё есть на камне: вдруг я чего пропустил.

Ну, не сам, конечно, пошёл – дроида пустил. Он у меня мужик хозяйственный, если чего найдёт – сам доложит, или притащит. Правда, однажды он мне кучу мраморных муравьёв притащил!

Пришлось весь арсенал ядохимикатов и огнемётов задействовать, иначе расчленили бы мою посудину на мелкие кусочки, да скормили бы матке своей: она строит дом колонии в том числе и из переваренного металла, а уж кислотой плюётся – метров на шестьсот! Зато теперь-то, после перенастройки программы, дроид бежит прочь, стоит ему заметить хоть что-то, отдалённо напоминающее мраморного муравья, со скоростью в три световых!..

Нет, ничего путного. Да и вообще ничего. Камень и камень.

Тогда я поел. Помню, как сейчас: это был борщ. И котлеты. О-хо-хо...

Слышу сигнал.

Захожу в лабораторию – всё готово. Две половинки аккуратно разъединены. А между ними – ещё ящик. Сорок на сорок на сорок. Да чтоб вас!.. Вот уж упаковали от души.

Осмотрел я располовиненный ящик. Ох и прочный! Стенки толщиной сантиметра три.

А на ящике – снова прокладка из того же пористого материала, что и снаружи.

– Мать, – говорю, шевеля желваками, – отдели её, пожалуйста.

Вот. Кто думает, что у нас жизнь – сплошной праздник и веселье, сильно ошибается. У нас – сплошная рутина. И нудная работа... Хорошо хоть, пилить, сверлить и долбить приходится не мне лично! Или, правильной сказать – не всегда мне лично.

Под слоем оказался снова металл. Такой же. И на верхней грани – надпись.

Ну а как ещё назвать? Буквы, хоть незнакомые и наклонные, но ясно, что – буквы. И много их. Целый манускрипт. А сверху – отдельная строка. Вроде, название.

– Солнышко, – говорю. – Ты у меня по всем языкам Вселенной спец. Действуй. Переводи.

Мать изучала надпись не меньше минуты. Потом говорит:

– Недостаточно данных для точного перевода.

– Ладно. Переводи не точно, а хотя бы приблизительно.

Общий, так сказать, смысл.

– «Абсолютная спутница жизни. Инструкция по применению».

– ?!..

– Самым подходящим словом, наиболее достоверно передающим смысл идиомы, (тут она что-то провякала на чуждом и весьма гнусно звучащем наречии) является – «абсо-

лютная». Но возможны и варианты: самая желанная, бесподобная, эксклюзивная...

– Хватит! Я знаю, что ты словарь синонимов читала. Лучше скажи, что там дальше, в инструкции. – нет, вы точно уверены, что у электронных мозгов не припасено для нашего брата ехидства и тщательно скрытой покровительственности?!..

– «Это военная разработка. (вероятность такой трактовки – более восьмидесяти процентов) Предназначена для использования в период противостояния или мирного сосуществования с предполагаемым противником. Установленная заводом-изготовителем ПОЗИЦИЯ активатора – первая. Рекомендуются для нейтрализации ярко выраженных лидеров.

Позиция номер два предусматривает смену режима на противоположный. Рекомендуются для деморализации слабых партнеров по Альянсу. (Вероятность такой трактовки – более семидесяти семи процентов.)

Других способов использования не предусмотрено. Недопустимо применение основных режимов против типов объекта атаки с противоположными... психосоматическими характеристиками. Абсолютно недопустимо при использовании попадание к противнику позиционного переключателя.

Будучи однажды приведена в действие, ни выключению, ни уничтожению не подлежит. Рекомендуются носители: половозрелые самки атакуемого вида разумных существ. Или биомеханические модели андроидного типа. С технически-

ми параметрами... – показалось мне, или Мать запнулась? – Параметры с достоверностью в восемьдесят с половиной процентов.

Однако, насколько *Я* могу судить, они *вполне* соответствуют тем, которыми обладает наша Ива. – вот ревнивая коза! Она так и сказала – «Наша Ива»! Тычет мне в нос, что Ива – тоже часть оборудования. Ну, в принципе, конечно, так и есть.

Но уж больно нужная часть!

Странно. Раньше я что-то не замечал, чтобы она роботиху недолюбливала, или ревновала столь открыто. А тут – чуть ли не в прямую намекает, что если кому и быть подопытным кроликом, так это... Ага, нашла дурака – так я и согласился!

Впрочем, посмотрим. Ведь, не испытав, эту штуку и не продашь...

Иначе как же узнать, сколько за неё заломить-то?!

Но проблема в том, что «половозрелых самок» моего вида на «Лебеде» отродясь не водилось. Да и страшновато как-то испытывать на них.

Мать между тем бубнит себе, как ни в чём не бывало:

– Обязательное условие для применения: наличие не менее двух полов у объектов нападения. Второе обязательное условие: объект для внедрения Спутницы должен принадлежать к более слабому полу, желательно производителю потомства. Впрочем, последнее не обязательно. Желательное условие: чтоб самка была физически здорова.

Характеристики боевых режимов: Первый. Режим доминирования. Второй. Режим подчинения. Для смены Объекта Атаки нажать кнопку в торце Переключателя. Примечание – объект в этот момент должен находиться не далее метра (точность перевода цифрового значения – более пятидесяти семи процентов).

Заключение: Изготовитель гарантирует безаварийное и непрерывное функционирование устройства в течении срока не менее ... Пяти миллиардов лет с момента включения».

– Сколько... лет?!

– Срок *приблизительно* соответствует этой цифре. Точность её перевода – более девяноста трёх с половиной процентов.

– Но это же сравнимо с... возрастом нашей Солнечной Системы?

– Да.

Я заткнулся. Уж в чём-чем, а в намеренном искажении фактов, именуемых ложью, мне Мать отродясь уличить не удавалось. А поскольку в её программу введён режим само-, и моего сохранения, она будет и дальше стараться сохранить в целости и неприкосновенности и корабль и меня, понимая, что без нас очень скоро прекратится и её функционирование. То есть, даже если она доведёт «Лебедя» до системы с людьми, если я буду мёртв – те, кому достанется корабль, вряд ли захотят сохранить *сильно* бэушный, да ещё и чужой, комп. Слишком много от него зависит. Выломают её к чер-

тям, а новый, персонализированный под кого-то, – вставят.
То есть, она умрёт.

Вот на это я очень сильно рассчитываю – на её жажду самосохранения. Про первый Закон Роботехники я уж и не упоминаю – он задаётся жёстче всего остального.

Так что специфика работы скрапперов и их бортовых компьютеров весьма своеобразна: они стараются удержать нас от опрометчивых и откровенно глупых поступков. А потом минимизировать вредные последствия нашего непослушания...

Сочувствую им.

В смысле, нашим бортовым компьютерам.

Я осмотрел чёртов «ящик Пандоры» ещё раз. Даже попи-
нал ногой. Звук такой же. Хм.

– Переверни-ка его.

Ух ты! На днище расположены какие-то круглые ручки и шкалы... И – большая кнопка.

– Мать! Ты почему не сказала о том, что этот сейф можно открыть, не повреждая?

– Ты не спрашивал об этом.

Тупое всё же у неё чувство юмора. Или...

Или она тоже боится того, что там, внутри?!

На то, чтобы сходить к себе, и принести моё рабочее оборудование, ушло минуты три. Вот хорошо, что не выбросил. Хоть и не использовал почти тридцать лет... Надеюсь,

квалификация не прокисает. Всё-таки, обучался у лучших в этом деле! Правда, не ждите, что назову их имена – вот уж плохая была бы услуга!..

Установил всё что надо, на сейф.

Работаю я, больше всего полагаясь на осязание. На слух. Ну и на инстинкт.

А поскольку на корабле никогда абсолютной тишины не бывает – работают кондиционеры, насосы двигательной системы, аппаратура жизнеобеспечения, и прочее крайне нужное, но жутко шумное оборудование – пришлось вылезти в вакуумную камеру шлюза. Хоть и в скафандре, зато ничто не мешает. Эх, где мои тридцать лет... Или хотя бы сорок.

Сейф я вскрыл за час. Сознание собственной высочайшей квалификации и профессионализма прямо-таки распирало меня, пока Мать не сказала:

– Высокая вероятность бактериального заражения. Рекомендуемые процедуры: санитарная обработка всеми видами антибактериального оборудования!

– Действуй. – буркнул я, осознавая, что ей всё же удалось слегка подпортить мой триумф: раньше-то я сам думал, предусматривал и справлялся с кислотой, бациллами и прочими хитрыми охранными заморочками от хозяев вскрываемых мною сейфов...

Ну, правда, это всё-таки происходило на планетах.

Мать, как всегда дотошно, с помощью манипуляторов, обработала всё и лазерами и ультрафиолетом, и жёстким из-

лучением, и даже ядохимикатами, которые мы применяли против кремнийорганических мутантов с Цирцеи-3. Только через десять минут мы с ящиком и его содержимым были признаны стерильными, и впущены обратно на корабль.

Вот и настала пора заглянуть этому красочно описанному безобразию в нутро.

Ну, традиции соблюдены – снова передо мной куб. Из всё того же изолятора.

Достали они, эти перестраховщики инопланетные, хуже телерекламы!

Пористый материал Мать удалила быстро. После чего на лабораторном столе остались: овальный предмет, жутко напоминающий страусиное яйцо – и формой, и цветом, и размером. И толстый металлический жезл. Повертев его в руках, я обнаружил переключатель с двумя возможными положениями, и толстую кнопку в торце. Вот чёрт – пока всё совпадает. И – понятно. Это, стало быть, пульт управления. Позиционный Переключатель.

А это?..

– Мать, что в яйце?

– Определить невозможно. Устройство непрозрачно для любых видов излучения.

– Распилить... сможешь? – первый раз слышу, чтобы хоть что-то *хоть чем-то* из нашего арсенала не просвечивалось.

– Нет. Материал яйца и пульта управления прочнее, чем любые из наших инструментов. Лазеры и плазма их тоже не

возьмут.

Ни фига себе... (это если говорить культурно) Похоже, эта дрянь и вправду может просуществовать пять миллиардов лет.

– А как насчёт ядерного... Или водородного взрыва?

– С вероятностью до девяносто шести процентов, устройства выдержат и такое воздействие.

Я же говорю: умеет она у меня сформулировать красиво.

– Твои рекомендации по возможным способам полевых испытаний.

– Я бы не рекомендовала вообще...

– Да, я знаю! Просто скажи, как включить, и чего ожидать, если предположить, что я соглашусь использовать *нашего* «андроидоподобного» робота.

– Включать не нужно – устройство активируется автоматически. Достаточно будет просто подвести нашу Иву на расстояние *метра* к... Яйцу. Ожидать нужно применения боевого режима, изначально заданного переключателем. Вероятнее всего, это будет доминирование. В чём конкретно состоит содержание этого режима, выяснить невозможно без соответствующей проверки. В полевых условиях.

– И... как потом, после проверки, это дело выключить?

– Выключение, как я уже говорила, *не* предусмотрено. – ну, если это не ехидство, то я – пингвин! Причём – розовый.

– Подожди-ка, Мать... Ты хочешь сказать, что Ива уже навсегда останется в... первом режиме?

– Нет. Возможно переключение её во второй режим. Или полное переключение – как я поняла, на другого человека, то есть – новый «Объект Атаки», при активации кнопки переключения. Ведь пульт управления у нас!

– Ага, понятно. То есть – «запасного идиота» для перенастройки этой штуковины с меня на какого-нибудь другого идиота мы, если что, найдём... Хотя я не это имел в виду. Я-то – ...рен со мной. Я хотел спросить, можно ли будет вернуть... все индивидуальные черты *нашей* Ивы потом, когда мы всё это испытаем?

– Нет. – нотки злорадства прозвучали, или это всё моя мнительность? – Индивидуальность нашей Ивы, вероятней всего, навсегда будет вытеснена этими новыми сущностями, или, если хочешь, *личностями*, заложенными в боевые Режимы, и навсегда стёрта из её памяти. И поскольку оболочка, препятствовавшая работе устройства, удалена, оно активировано, и уже не отключится пять миллиард...

– Вот чёрт!.. Тогда прикажи Иве держаться подальше от этой штуки. Пока. – я призадумался. Как там говаривали раньше – выпустил джина из бутылки?.. Н-да... Испытать, конечно, хочется. Да и *нужно* бы испытать.

Но жертвовать Ивой тоже как-то... Жалко. Получится, что мы её, какую-никакую, а – индивидуальность... Обменяем на возможность заработать большие деньги. Продадим её личность. Ну, как в рабство. А это довольно-таки подло. Хоть она и робот. Но – своя же!

Да и привык я к ней. Она где-то часть оборудования...

А где-то, всё-таки – и меня.

– Что же делать?

– Есть вариант. Вернёмся в любой порт любой планеты, и приобретём нового андроида.

– Отличная идея, Мать. Только ждать полтора месяца! Или когда мы там долетим до ближайшего супермаркета?..

– На восьми световых – за пятьдесят три дня.

– Ну видишь – слишком долго. Да и опасно – вдруг там эта штука сбежит от нас в какого-нибудь... э-э... доступного андроида, да и затеряется в толпе. Ищи её потом!..

– Напоминаю: без переключения активатора на новый объект никто никуда не сбежит.

– Ладно. Хорошо... А... В самом крайнем случае: если нам придётся Иву... хм... э-э... деактивировать – чем это грозит нам? Эта штука... не переселится в... тебя?

– Я просчитала вероятность такого развития событий. Необходимость в «аварийном» уничтожении андроида – не более семнадцати процентов. «Вселение» в меня – менее одной тысячной процента, так как мои параметры *не* подходят к техническим данным изготовителя. У меня нет... э-э... соответствующих *стимуляторов* для мужских особей. – нет, она точно злорадствует потихоньку. А ещё мне нравится, как она называет самую обычную женскую задницу и сиськи – «стимулирующей» «мужских особей» штукой.

Нет, тут-то всё понятно: кому хочется терять пусть меха-

ническую, но индивидуальность.

Но, оказывается, Мать ещё не кончила с угрозами. Или попытками соблазнения:

– А если *нашего* андроида всё же придётся ликвидировать, то для продолжения работы устройства достаточно будет нового робота снова приблизить на метр к яйцу.

Помню, я тогда что-то ещё выяснял, спрашивал – что, да почему, да какие последствия, и как предотвратить... Мать мне талдычила про вероятность того, да сего... Ещё помню, в первый день так ни к чему и не пришли.

Осталось чувство неудовлетворённости. Ну, оно-то, наверное, знакомо каждому. Этакая скребущая дно души крыса. Особенно когда вот, вроде, вожденная Вещь... Многообещающие перспективы... А не воспользуешься!

Ну, почти как с локтем: близок, да – не укусишь!

После очередной ночи, проведённой с Ивой, я всё же решился. Захотелось мне посмотреть: что же это за оружие такое для «деморализации» врага можно сделать из андроида женского пола.

Да и скучновато мне уже с ней стало: Ива как Ива, ни мычит, ни телится... Не захочешь – не предложит, не прикажешь – не развернётся... Где эти, мать их...

Задор и живость? Разнообразие ощущений? Опять же – поговорить...

Да и какой скраппер не ищет себе, как уже говорил, на ... приключений! И не только в Космосе, а вообще – везде, где получится! Это, как говорится, у нас «в крови!»

Вот к утру я и надумал.

Правда, чтобы совесть потом не мучила, честно сказал Иве:

– Дорогая! Сегодня я собираюсь подключить к тебе новую личность. Ты... будешь по-другому смотреть на мир, и, возможно, на меня. И на наши отношения... – ну, или что-то в таком роде.

Ива девушка конкретная, не спросишь – не говорит. На моё предупреждение только кивнула. Дескать, «Поняла. Не возражаю». Да, собственно, роботы и не возражают. Прямо – как давешние рыбы. Их ловят – они молчат. Их жарят – ну, или на смертельно опасные миссии посылают! – они молчат. Вот поэтому в том числе я и...

После завтрака привёл я её в лабораторию, и подвёл на метр, и даже ближе, к яйцу. Яйцо как бы зажужжало, словно маленький трансформатор. Потом – затихло...

И – всё.

Ива стоит, как врытая, не шевелится. Я молчу, жду. Потом спрашиваю:

– Мать! Эта штуковина-то, похоже, не работает.

Мать говорит, с этакой лёгкой иронией и ненавязчивым сарказмом:

– Работает. Вот попробуй что-нибудь ей сказать. – и за-

молчала, как всегда, когда сердится.

– Ива, – говорю, – Помоги мне эти половинки перенести на склад, – и показываю на разрезанный первый ящик.

Будто подменили мою Иву. Смотрю и удивляюсь: словно очнулась – руки в боки, головку откинула, лицо ко мне повернула, и взор такой – прямо молнии мечет:

– Что?! Ты, здоровенный мужик, и хочешь меня – меня! – хрупкую и нежную женщину, использовать, словно я тягловая лошадь?! Да ты вообще всякий стыд потерял! Вон – проси Мать. Она тебе любую дурацкую железяку манипуляторами перенесёт в любой конец вашего чёртова летающего помойного ведра! А меня попрошу зря не трогать: у меня здесь свои обязанности! – и веско так на меня смотрит, – А если кое-кто хочет, чтобы я и дальше их исполняла... Пусть думает, что просит! – и тон такой... Реально сердитый! Отродясь не замечал!..

Я онемел. Мать, по-моему, тоже. Или, что вероятней – она просто предпочитала помалкивать: говорю же – она у меня умная. Пооткрывав рот, словно вот именно – рыба, спрашиваю:

– Мать... Это ОНО уже заработало?

Мать и слова вставить не успела, как Ива закричала:

– Да как ты смеешь?! Почему ты не обращаешься ко МНЕ! – Я же здесь! И я с тобой, между прочим, разговариваю! Ты и так меня достаточно унижал и третировал!

Меня проняло:

– Э-э!.. Хватит орать! Ты что, жена моя, что ли?

– Не смей со мной *так* разговаривать!!! Никакая я тебе не «Э-э»! У меня имя есть, между прочим!.. Да, я – ТВОЯ ЖЕНА! Хоть и гражданская, а Жена! Это и Гражданский Кодекс подтвердит! Ты живёшь со мной двадцать восемь лет! И за всё это время – только использовал! Ты меня – использовал! Ведь за все эти годы я от тебя слова доброго не слыхала! И это после того, что я для тебя всё это время *делала*! И вообще – хватит! Я требую уважения! Отныне не смей обращаться со мной, как с вещью – я всё-таки Женщина!

– Какая ты, к чертям собачим, Женщина?! – меня уже понесло. – Ты же не человек! Ты – чёртов робот! Женщины, между прочим, могут рожать! А ты – нет!

– Ну и что, что я не могу рожать?! Для этого есть выводковые камеры! – хм, тут она права, конечно. Выводковые камеры для ленивых и боящихся боли женщин, не желающих портить свою фигуру, и... все остальные *важнейшие* органы естественными родами, действительно, существуют. – А если ты о том, что я не могу забеременеть, то ты, ты... Грязная и мерзкая скотина! Свинья! Это подло и гнусно – тыкать мне в нос моей единственной бедой, несчастьем всей моей Жизни! Что я не смогу никогда родить тебе наследника – плоти от плоти твоей, носителя твоих ген!..

И это – ты! Человек, для которого я...

Тут она довольно картинно заломила руки, а глаза подкатила к потолку. В голосе слышу... Надрыв. Потом эта глупая

механическая кукла как бы обессилено опустилась на колени, закрыла лицо руками, и... Разрыдалась! Да как!..

Вот уж чего от Ивы не ждал.

Какие-то всхлипывающие нотки в её голосе и бессвязном бормотании и подвывании прямо задевали за живое – ну, как ножом по сердцу... В головке, склонённой к полу, было что-то жутко трогательное. Если бы с Матерью можно было переглянуться, уж можете быть уверены – я бы так и сделал. А так – стою, баран-бараном, чешу в затылке. Про себя думаю: Мать ведь предупреждала. Но сейчас, когда я так вляпался, небось тоже в растерянности. Или – не хочет лезть в «семейные» разборки?!

Как же выпутываться-то?..

Подхожу к Иве. Она безутешно рыдает, могучие конвульсии сотрясают всё хрупкое тело... И хотя я и знаю, что никаких слёзных желёз в её конструкции не предусмотрено, всё равно жалко: почти тридцать лет вместе, всё-таки... И верно ведь – обращался я с ней так, как мне было удобно, не спросив, что она при этом чувствует, и хочет.

Стоп. Ого!.. Вот оно – я уже начал поддаваться. Причём – как-то... автоматически это получается! (Я же знаю, что крохотный и простенький процессор в её голове *не может* ничего чувствовать!!!)

Ух и сильная программа у этой Штуки! Наверняка она считывает мои мысли и эмоции, и вводит коррективы в своё (Вернее – Ивино!) поведение на основе своих чёртовых счи-

танных данных. Вот: я уже готов был послать глупого робота куда подальше, так нет – она нашла наилучший и быстрее-ший способ меня утихомирить, и даже разжалобить!

Ладно, нагнулся я, похлопал её по тёплому и в меру мягкому боку, сам бормочу:

– Ну хватит, хватит... Ты же у меня умница. Ну прости – ляпнул сдуру. Но больше – никогда... Обещаю!.. Мы с тобой сколько лет вместе. И всегда так хорошо понимали друг друга. – она не встаёт, и всхлипывает себе дальше, хотя и не так сильно. Поднял её с пола за плечи, (Ух, и тяжёлая, кстати, для миниатюрной-то «женщины»!) гляжу в лицо...

Жутко мне стало. Вижу и подлинное горе, и слёзы, и как её носик жалобно подёргивается, и всё прочее, чего на лице андроида уж точно никак быть не должно.

Как это сделано?!

Проецирует ли моё представление о женском плаче её чёртово новое сознание, эта хренова Сущность, непосредственно мне в мозг?! Или это она уже конструкцию андроида так изменила?!

Как же теперь быть? Ведь раз я примерно понимаю, что она пытается со мной сделать, по идее, она должна тактику сменить. Или?.. Или она будет вести себя непредсказуемо? Ведь я, несмотря на то, что всё знаю, всё равно – поддаюсь. Я же мужчина.

Мужчина! «Объект Атаки».

Ну я и балбес, всё-таки... Надо было слушаться Мать – и

не жениться. (Шутка. А, может, уже и нет!)

Ладно, прижимаю эту, всё ещё сотрясающуюся дурочку к могучей груди её Защитника и Опоры в жизни, и нежно глажу по головке. Она успокаивается, и я, как ни странно, тоже – что-то такое появилось даже в моих ощущениях новое, даже в прикосновении к ней... Осязательное. И волосы-то у неё шелковистые, (!) и пахнет она очень... приятно, что ли... Кожа нежная, тёплая. И пусть я знаю мозгом, что это иллюзия – но очень уж совершенная!

Маленький циничный наблюдатель в самом потаённом уголке сознания отмечает: что же будет дальше?! Эта штука полностью подчинит все мои помыслы и желания? Или всё же что-то от меня самого, меня старого, имеет хотя бы крошечный шанс как-то сохраниться?..

– Ты... можешь меня бросить в любой момент. – говорит эта зараза тихим раздумчивым голосом. И водит мне пальчиком по груди, – И даже просто выбросить в открытый Космос. Ведь я для тебя – просто Игрушка. Твоя механическая игрушка... Кукла! «Средство для снятия полового возбуждения», как написано в инструкции... Но я...

Всё равно буду тебя любить! Я ведь полюбила тебя сразу. Ещё там, в супермаркете, когда ты покупал меня. И хотя я и понимаю, что это, наверное, звучит глупо... И задано моей старой Программой, но...

Но я ни о чём не жалею. И я... благодарна тебе за все эти годы. Ты не был жесток ко мне. Не бил, не унижал. Чинил.

Прости мне эту глупую вспышку – такого больше не повторится... Я... Я снова буду послушной и милой. Мне нравится быть твоей *Вещью*. – тут она поднимает лицо от моей волосатой груди, и смотрит мне прямо в глаза.

И что-то такое есть там, у неё, что я понимаю, что ни в какой Космос, конечно, я её ни при каких условиях никогда не выброшу... А она кладёт тёплые ладошки мне на грудь. И у меня от этих прикосновений буквально свербит в каждой клеточке тела, и волосы дыбом становятся! Да и другие места.

И пусть я понимаю, что это только Программа Сущности, но...

Задевает. Ох, задевает за живое! Чёрт!..

Вот это была встрясочка! Ощущения какие-то новые, непривычные. словно Мир стал более... цветным и ярким! А ведь лампы горят точно так же.

Вот, оказывается, что испытывают все эти чёртовы семейные пары, к которым я относился с таким презрением, и подсознательным опасением – а иногда всё же было завидно. Особенно, когда видишь, КАК они друг на друга смотрят... Вот, значит, чего бородатые и матёрые хронические холостяки-одиночки лишаются.

Встряски, шока. И – умиротворения. Счастья?.. Семейного Счастья?.. Чуда взаимопонимания? Любви?..

Чушь. Просто невероятно сильная и хитрая программа. Лучшие программисты земли и других планет уйму вре-

мении убили, пытались создать алгоритм поведения, чтобы женщины-андроиды могли заменить настоящих женщин...

Десятилетия! Века!

И ничего у них не вышло: женский характер и «архетип» поведения не программировался. Или выглядел настолько ненатуральным, что – только застрелить.

Ладно. Поскольку я всё-таки понимаю, что происходит, то постараюсь пронаблюдать всё, что у нас будет, подольше – сколько смогу терпеть. Ведь у меня есть ещё в «кармане» второй Режим... И – на крайний случай: *любого* андроида можно отключить.

Вперёд?..

– Дорогая, – говорю, – Хватит говорить ерунду своим хорошеньким ротиком. И слёзы вытри. Никто тебя никуда выбрасывать не собирается. Конечно, будет некоторым... э-э... преувеличением сказать, что я тоже тебя люблю... Эта мысль мне как-то раньше в голову не приходила... Но если разобраться, ты у меня в тысячу раз лучше, чем почти все *женщины*, которых я встречал. И уж если у кого и есть шансы влюбить меня в себя – так только у тебя! Хочешь попробовать?

– Конечно хочу. – в её шёпote чувствуется и загадочное обещание, и благодарность, и... И чёрт его знает, что ещё – я же не психолог!.. Но звучит жутко... э-э... сексуально!

Тут она нежно прижимается ко мне всем своим таким податливым и тёплым телом, (сам же его выбирал-то!) начи-

нает поглаживать в разных местах, и покусывать за мочки ушей, прерывисто дышать... И у меня... Начинают бегать по всему мне не мурашки, а мурашища, и...

Точно. Я жутко возбудился! И в сердце что-то такое... Тёплое, приятное...

Неописуемое!..

Ива отстраняется на секунду, смотрит мне прямо в глаза... За улыбку в её бездонных чёрных очах можно отдать всю Вселенную!

И я понимаю, что погиб. Как и любой, кто окажется на моём месте! Она чуть склоняет головку, берёт меня ладошкой за руку, и заговорчески шепчет:

– Идём!..

Ф-ф-у-у-у! Как описать эту Ночь?! В моём лексиконе таких слов и сравнений нет, это уж точно. Я же не чёртов поэт. Вот ему бы однозначно – было, что после этого сочинить! На десяток томов хватило бы!

Водопад страстей... Море любви... Сладость взаимного обладания... Полное слияние двух любящих сердец и душ!

Чёрт.

Такого я точно никогда не испытывал. Я и не знал, что способен на такие подвиги. Прямо как Геракл с его пятьюдесятью дочерьми Даная...

(Если кто не знает, я, по долгу службы поднаторевший во всяческой ксеноистории и мифологии примерно восьмиде-

сяти двух планет, поясню: согласно легенде, Геракл на пути к очередному подвигу был почётным гостем у царя Даная, и за одну ночь смог побыть с каждой из его пятидесяти дочерей. Одно слово: подлинный Герой!)

Вся спина у меня была расцарапана, и страстные стоны и крики экстаза всё ещё стояли в ушах. Сбросил я не меньше трёх килограмм веса – это определила Мать, когда на следующее утро в лаборатории с помощью автодоктора прижигала мне спину йодом. Она тактично молчала, хотя я знаю – у неё есть сенсоры во всех отсеках, и то, что творилось в спальне, она слышала. Я тоже скромно помалкивал.

Во время завтрака Ива, хоть и сидела напротив меня, и улыбалась, изображая довольную домашнюю кошечку, я уже знал – вот, сейчас начнётся.

И точно. Началось.

После того, как я доел, и Ива засунула пластиковые тарелки в мойку, она и говорит:

– Милый! Не хочу показаться неблагодарной свиньёй, но посмотри! – тут она встаёт, и медленно этак передо мной поворачивается, – неужели ты хоть на минуту допускаешь, что этот старый комбинезон – подходящая для меня одежда? Ведь я в нём так ужасно выгляжу... Меня не то, что людям показать – самой стыдно в зеркало глядеть! А уж про то, что он абсолютно не подчёркивает достоинств моей фигуры, я и не говорю!

Ну, вообще-то, тут она, конечно, права. Мешковатый ком-

бинезон в масляных пятнах, который я даже не стирал ни разу, скрывает многие из её... хм... прелестей. Но платьев-то у нас на «Лебеде» нет, и отродясь не водилось! Вот я и спрашиваю:

– И чего же тебе, дорогая, хочется?

– Как – чего? – она мило хлопает огромными (Вот – только сейчас заметил!) пушистыми, как у ребёнка, ресницами, – Платья, конечно!

– И... где же мы его возьмём, если до ближайшего гипермаркета пятьдесят дней лёту?

– Как это – где? Здесь! Не нужно никуда лететь! Я могу его сшить сама! Ну, с помощью Матери, конечно!

(Показалось мне, или из трансляции раздалось удивлённое бульканье?!)

– И что тебе для этого надо?

– Ну... Какой-нибудь – хорошо бы, конечно, красивый! – материал!

– Хм... Вот уж не знал, что ты умеешь... Впрочем, ладно – где склад с этим добром, ты знаешь. Иди, выбирай, делай что хочешь. Мать! Поможешь ей. А мне пора в рубку... Да, Мать! Кроме Ивыпоможешь ещё и мне: займёмся прокладкой обратного курса.

Ну, насчёт прокладки – всё это ерунда. Моего участия не требуется, поскольку Мать всё уже рассчитала и проложила. Теперь только надо нас вывести на восемь световых. Перегрузок при этом практически не ощущается, поскольку

ку на корабле всё равно искусственная гравитация. Иначе все космонавты давно сплющились бы в тонкие блины – при наших-то обычных ускорениях порядка сорока-пятидесяти «Ж». А на большее уже несущие балки конструкции кораблей не рассчитаны.

Сажу я в рубку. Думаю. Смотрю на экраны обзора. Ногти (как случилось в самом начале карьеры) стараюсь не грызть. Потом спрашиваю:

– Мать. Эта Сущность доработала конструкцию андроида так, что у неё появились слёзные железы? Или это... воздействие непосредственно на мой мозг? – Впрочем, я уже знал ответ.

– Это – воздействие на мозг. Никаких изменений в конструкции твоей Ивы не произошло.

Ну я же говорил – ревнивая коза. «Твоя» Ива. А раньше была – наша...

– Значит, основные технические параметры и характеристики остаются теми же?

– Да.

Ну я и влип. Если моё бесценное «сокровище» решит намять мне бока в прямом смысле, мне кранты. Кинематика у Ивы практически как у любого андроида – то есть, как у боксёра-тяжеловеса. И «поднять» она может при случае, до полутонны. И, готов поспорить, на Первый Закон роботехники рассчитывать уже абсолютно точно не приходится.

То есть, захоти моя Ива отлупить меня – для проявления

своей страсти, или обиды, или ещё чего – у меня шансов нет. А убежать и «спрятаться» на «Лебеде» некуда!

Впрочем, остаётся надеяться на Инструкцию: там говорилось только о «деморализации», а вовсе не о нанесении травм и побоев «Объекту Атаки».

Хотя такое соображение утешает слабо...

Вот так, обессиленный физически и неустойчивый морально, я и сидел, ёрзая, часа три, пока моя зазноба занималась своим гардеробом. Потом позвала меня на демонстрацию – через Мать.

Вхожу я в столовую – и челюсть моя отпадает, как это говорится, до пола!

На Иве – настоящее «маленькое чёрное платье» – подол чуть пониже трусиков.

И смотрится – обалденно. Ну то есть, действительно – обалденно. Какие у неё ножки!.. М-м!.. Конфетка – буквально хочется облизать! А грудь!.. Вот же блинн.

Хоть я уже и был выжат, как лимон, но поневоле... Ну да, опять весь взбодрился – уж она и смотрела, и извивалась так, что и у мёртвого бы...

Вот ведь дурацкая человеческая натура!

Да ходи она раньше хоть голая по кораблю, (Кстати, одно время так и было – андроидам же не холодно! Но потом мне стало стыдно: а ну, как клиенты увидят! Неприлично всё-таки. Засунул её в свой старый комбез, только рукава и шта-

нины подрезал) я бы и не почесался!

А сейчас – все её формы, скрытые так, что дают пищу воображению, стали, особенно подчёркиваемые соответствующими движениями, настолько... соблазнительными, что даже и не знаю!.. Ну, вернее, что делать-то я знаю, и тут уже не до здоровья и отсутствия сил.

Правда, на этот раз мне удалось вырваться ещё до ужина. Хотя, конечно, искусство тех, кто разрабатывал и вкладывал все эти приёмы и способы, вызывают огромное уважение и восхищение.

Нормальный мужчина, в смысле, не извращенец какой, ни за что оторваться не смог бы, пока *сама* не отпустила бы. (Ну, или не стёр бы до мозолей то, что положено...) А моя – отпустила. Видать, всё же в программу не входило заездить «Объект» до смерти.

Скорее – просто обессилить. Деморализовать. И мысли – чтобы были направлены только *туда*...

Ужин прошёл в молчании. Я ел, стараясь не поднимать головы (Ох!.. «Доминирование!»). Ива смотрела на меня масляными глазами кошки, видящей сметану.

Но в эту ночь, как ни странно, она только прижалась ко мне, и, вполне, как мне показалось, умиротворённая, заснула, уткнувшись мне в плечо. И хотя я знаю, что роботы не спят, всё равно – было и приятно, и тепло. Я расслабился, и мирно уснул.

Выспался отлично.

К тому, что произошло утром, оказался совсем не готов.

Провались эта хитро...опая программа в пекло к Буриссам!..

Просыпаюсь – нету рядом моей Ивы.

Странно. Раньше она не имела привычки уходить из постели, пока я не встану.

Ладно, одеваюсь, иду на поиски. Только потом допёр, что даже не завтракал! Да даже и не подумал тогда о еде! Вот до чего дошёл...

Обошёл почти всего «Лебеда», наконец, в двигательном отсеке, за кожухом третьего реактора, нашёл её.

Сидит на полу, такая вся маленькая, несчастная, головку в колени уткнула, и молчит. Даже не плачет. На ней её платье, и всё уже машинным маслом, паутиной и пылью измазано.

– Ива! – говорю, – Ты – чего? В чём дело?!

Даже не смотрит, молчит. И вот чувствую я во всей её позе напускное равнодушие, и понимаю, что действительно сердится – не расстроена, а именно сердится.

– Ну, как знаешь, – говорю, так как чувствую себя снова «объектом атаки», – Я в рубке.

Ушёл, только огромным усилием воли заставив себя не оглядываться.

Великий Космос! Да ведь она же – робот! Неужели робот может на что-то рассчитывать?

На... взаимность?

Чёрт – о чём это я! Какая, к дьяволу, взаимность: ведь она ничего не может *чувствовать* ко мне, что бы там ни говорила. И все её действия – Боевая Программа! И весь её «умопомрачительно сексапильный» вид – плод моего же воображения, внушённый и навязанный мне этой самой программой.

Но всё равно на душе у меня скребли кошки. Особенно, как вспомню, *какая* она может быть, когда... делает вид, что с головой отдаётся страсти. Но проблема-то в том, что я – не Станиславский какой-нибудь. И где игра, а где – подлинная страсть, определить не могу! Попал, блин...

И ведь меня – предупредили. Сам слышал.

Но что же тогда можно сделать с теми, кто *не* предупреждён? Какие верёвки из них можно свить?!.. Особенно, если носителем будет *настоящая*, живая, женщина! Разумеется, «подправленная» воображением и подсознанием самого «объекта атаки»!..

Свинство. Прошло всего три дня, а уже даже я почти полностью деморализован: все мысли не о деле, и не о том, что можно бы ещё залететь на «Колесо» – это по дороге! – а только о том, на что она такая маленькая, беззащитная, (ха-ха!) обиженная... И как бы сделать, чтобы у нас снова была «полная гармония» и... Ну, и всё остальное!

Зайдя в рубку, спрашиваю:

– Мать! Она может... читать мои мысли?

– Вероятность этого ноль целых две десятых процента.

– Как же она управляет... Мной, и своим поведением?

– Обратная связь идёт на уровне эмоций и ассоциаций. Это не связано с тем отделом мозга, где расположен речевой центр. Иначе существа, ещё не выработавшие речи, не смогли бы стать объектами для воздействия. Зато чувствительность её в области инстинктов и вашего «человеческого» подсознания, – эта дрянь ироничная подчеркнула это слово! – чрезвычайно высока. Она автоматически подстраивается под наиболее эффективный Режим функционирования. И предстаёт в наиболее... Выигрышном образе.

– Так что, у меня нет шансов?

– Что ты имеешь в виду конкретно?

– Я имею в виду, у меня нет шансов... не влюбиться по уши в эту... эту механическую куклу. И я – как объект атаки, скоро буду... «Окончательно деморализован и полностью недееспособен»?

– Вероятность этого *сейчас* более сорока процентов. Чем продолжительней будет ваше общение, тем больше будет эта вероятность. И если в ближайшие три дня ты не переключишь режим, или не выключишь... андроида, вероятность того, что ты его вообще переключишь или выключишь, будет не выше полутора процентов!

Ого! Мать, похоже, всё же сильно беспокоится! Раньше она мне таких конкретных намёков не давала! Что, ждать ещё три дня? Или я... Уже достаточно «начувствовался» и «наэкспериментировался»?

– Мать. С какого расстояния она может улавливать мои...

эмоции?

– Практически с любого. Радиус действия её новых возможностей превышает полмиллиона километров. Очевидно, что объект атаки на какой-либо планете может спастись только на другой планете.

– Стало быть, говоришь... Три дня?

– Три дня – если решишь и дальше остаться с *этой* сущностью.

Я только было собрался предаться размышлениям. Ан – нет. Пришла Ива.

Она была в ... Хм. Почти костюме Евы (На ней были крошечные плавочки. С завязочками... Вот ведь уловила – что *полностью* обнажённая женщина абсолютно асексуальна, и уже сшила «оборудование»!), и она плакала. Словно маленькая обиженная девочка, забралась ко мне на колени. Прижалась, сотрясаясь от якобы через силу сдерживаемых всхлипываний, к моей груди...

Вскоре я узнал, *что* я такое: погубил всю её молодость, держал в ежовых рукавицах, никуда её не водил, ни в театр, ни в рестораны, словно она страхулька, и неотёсанная чурка, а она, оказывается – не такая!.. Она умеет и светские беседы вести, и красива так, что любые другие женщины – и настоящие, и андроиды – умрут от зависти. И что она меня так любит, так любит, а я – засадил её, словно птицу в железную клетку – в этот летучий гроб с паутиной и машинным маслом!.. И почему я с ней никогда и ни о чём не говорю –

она вправе знать, куда мы летим, и что собираемся делать! Она, вообще-то, обо мне, свинье неблагодарной, беспокоится: лишь бы со мной ничего не приключилось – иначе она этого не переживёт!

Ведь она останется совсем тогда совсем одна – об ней-то я и не подумал, раз решился на все эти путешествия и приключения, наплевав на подстерегающие и тут и там опасности!..

Во время её шикарного монолога я только перебирал рукой её шелковистые (блин!) локоны и гладил по спине и голове. Она же снова что-то чертила мне пальчиком на груди, и говорила так проникновенно, так убедительно, так укоризненно...

Как может только настоящая женщина.

Вот поэтому, наверное, я и не женился, и не собираюсь. Да и миллионы других мужчин тоже. Все эти разборки и «встряски» с пароксизмами семейной идиллии, по-моему, только для идиотов хороши. (Ну, или для наивно-восторженных подростков!) Тут вопрос стоит так: или ты эффективно работаешь, зашибая нехилую деньгу, или – занимаешься семейными дразгами.

Впрочем, ведь это и есть главная боевая задача моей Первой Сущности – не дать работать. Не дать работать продуктивно. Ну, понятно, какому-то простому слесарю или фермеру такую штуковину не подsunут!..

Нет, это должно быть одно из Первых Лиц государства.

Или целой планеты. Лицо, ответственное за Важные и правильные Решения. Политику, Мир, и всё такое прочее.

Наверняка создатели этой боевой программы рассчитали точно, как лучше всего, не убивая, снизить эффективность функционирования (если можно так сказать о человеке) его мозга и логики. Ведь если просто убить Лидера – враг просто заменит его на другого. Адекватного и трезвого. И ничего не изменится. Если же снизить его, так сказать, КПД работы, можно смело, выждав расчётное время, нападать: эффективно сопротивляться страна, или там, планета, возглавляемая *таким* Лидером – не сможет!

Ох, какие же молодцы те, кто скрыл это сокровище от разумных существ! И какой я идиот, что решился на его включение!.. Нет, не идиот – самоуверенный придурок!

– Дорогая, – говорю, – извини, мне надо на минутку пройти в лабораторию.

Ну, чувствую себя более-менее спокойно: Мать же сказала, что мыслей моя хитрая коза читать не может. А то, что я собираюсь сделать, на мои эмоции, кажется, не...

Как бы не так!

– Нет. – говорит эта зараза, и слышу я в её голосе металл, – Никуда ты не пойдёшь! Я поняла! Ты хочешь от меня отделаться! *Нет!!!* Я не позволю тебе перечеркнуть всё, что между нами было! Если бы ты знал!.. Тебе, мужчине – никогда не понять: *что* для нас, *женщин*, означает – Любовь!..

Это священное чувство! И я не позволю тебе плюнуть мне

в душу, и променять меня на какую-то сучку!

– Ты что, дура?! Какую ещё сучку?! Откуда ей *тут* взяться?!

– Я знаю, я поняла!.. Я *почувствовала*, что у тебя здесь – вот прямо здесь, на корабле! – есть *другая*! И ты хочешь променять меня – *меня*! – на неё! Какая же ты сволочь! Паразит! Кобель вонючий! Нет, никуда я тебя не отпущу! Ты – мой! Только МОЙ! Люби меня – и никого больше!

– Заткнись, робот чёртов! Какая, на ... Любовь! Ты, железка безмозглая! Что ты понимаешь в чувствах?! Думаешь, я всю жизнь буду сидеть и слушать, развесив уши, твои скандалы? Пустяк сейчас же!.. – я попытался спихнуть эту разъярённую фурию с колен.

Спихнуть-то спихнул, а вот встать не получилось – она уже сама так пихнула меня в грудь, что я только ухнул, хлопнувшись вместе со стулом на пятую точку!

Ну и дела!.. Недаром опасался! Слава Богу, кое-что предпринял заранее!

– Мать! – ору, – Давай!

Как кинется тут моя «любимая» к люку в коридор!

Только и успел, что схватить её за лодыжку в красивом прыжке – даром, что ли, играл три года за университетскую футбольную команду!

Потолок взорвался снопом красивых разноцветных искр!

Это моя ненаглядная ласточка засветила мне другой ногой в глаз!

Хорошо хоть, реакция у меня – будь здоров: профессиональная. (Иначе бы и не выжил с такой-то работой!) Перекатившись, попробовал прижать её, тоже упавшую от моего рывка, под себя.

Где там! Получил такую оплеуху, что завалился прямо под пульт управления. Хорошо, Мать к этому времени закрыла переборку, и даже ударив в неё с разбегу всем телом, моя «хрупкая тростиночка» не смогла выйти. Зато уж вмятину оставила приличную!

И это – на закалённой стали!

Чёрт! Чёрт! Чёрт! В мои планы вовсе не входило портить ни оборудование «Лебеда», ни саму Иву! Чего там Мать копается – ведь эта штука уже подбирается ко мне, подобравшись, как пантера, и глаза у неё горят отнюдь не миролюбивым и желанием приласкать!..

Бросился я под пульт, и вылез с другой стороны – подальше от греха. Хотя погонись она за мной – шансов нет. Говорю же: боксёр-тяжеловес!

Смотрю – упала вдруг на пол.

О-о-х-х!.. Успела, значит, Мать перевести чёртов регулятор.

Одно могу точно сказать – не слишком-то я рвался подойти посмотреть что там с Ивой.

И отца своего я теперь понимал куда лучше: он, бедняга, всё *такое* терпел СЕМЬ (!) лет! А уж потом мы остались с

мамкой вдвоём... Впрочем, жить с «неописуемой красавицей, достойной роли Королевы Бала, Мисс и Миссис Мира», и всего такого прочего, даже в качестве сына – удовольствие на любителя. Так что через ещё восемь лет я тоже... Отправился в «любое другое место» – лишь бы подальше!

Когда подошёл к обожаемой заразе – не удивился.

Она опять рыдала.

Правда, теперь совсем по-другому. Громко, отчаянно, захлёб.

– Ну хватит, – говорю, – Мне всё это уже надоело!

Ага, ни за что не догадаетесь, что дальше было!

Вскидывает вдруг эта фея Любви на меня свои заплаканные фиолетовые глазищи, и ползком мгновенно (Я и пошевелиться не успел – не ждал!) подбирается к моей ноге, и хватает так, словно это её спасательный круг в штормящем море! И уж так она эту ногу мне обрыдала, так умоляла простить её, негодную девчонку, дрянь глупую, и ревнивую мнительную идиотку!..

А потом я услышал, что она – ну никак не заслуживает прощенья! И что её нужно *наказать*! Причём немедленно! И – не жалея!..

Пока я пытался вникнуть в логику происходящего, она вскочила, метнулась в чулан (есть у меня такой в рубке), вытащила оттуда швабру. Тут уж я совсем было решил, что мне каюк!

Она, однако, переломила ручку пополам, схватила чере-

нок, и на коленях, в слезах и причитаниях, подползла (!) обратно, умоляя (Вот именно – *умоляя!*) наказать её, и поскорее! И посильнее!..

Палку она протягивала обеими руками, и чуть ли не насильно всунула мне в руку.

После этого подставила свою спину и снова просила – не жалеть её, подлую сволочь, злючую тварь, эгоистку, и мерзавку неблагодарную!..

Ну, я-то знаю, что нервных окончаний на спине андроида немного (вернее, их у них не бывает в принципе), поэтому не противился особо сильно – уже начал въезжать, что у нас за садо-мазохистские игрища начались. Кожу андроида почти ничем не повредишь и не испортишь. Ну вот я и приложил ей пару раз. Вначале несильно.

Ну а потом – как чёрт под руку толкнул! – выдал ей от души, так, что только всхлипывала, да дёргалась. А уж стонала... Призывно. Возбуждающе! (Ещё бы: знала и чуяла, *как* надо...)

И точно. Сработало это жутко эффективно.

Взял я её, «обессилено» распластавшуюся по полу, на руки, говорю:

– Мать. Открой чёртову переборку.

И потащил это «доверчиво прижавшееся» безутешно рыдающе-всхлипывающе-ластящееся ко мне д...мо опять в свою каюту. На любимую койку.

Она уж так «вписывалась» в меня всем телом, и уж та-

а-акая была покорная, кающаяся, несчастная... Мягкая. А взгляд...

Можете не сомневаться – «наказал» я её как положено, и изо всех сил!

Проклятый второй Режим – он, похоже, ещё эффективней, чем Первый...

Но зато теперь-то я себя чувствовал королём: этот алгоритм поведения если и отличался от того, что стоял у «старой» Ивы все двадцать восемь лет, то лишь в смысле супер-подчинения, и великолепной настройки на все мои желания в смысле... Полного ублажения меня, Любимого Хозяина и Властелина.

Может, этот Режим списали с какой-нибудь Младшей Жены в каком-нибудь Гареме... Да ещё капитально обученной Камасутре и всем тонкостям мужской психологии.

Словом, следующие три дня у нас царили полная Гармония и спокойствие. Хотя...

Почему-то чувствовал я и какое-то... Разочарование, что ли, и... Стыд.

Словом – совершенно не так, как с Первой!

Ну а затем... Странно. Пошла – как бы рутина. Я бы назвал *это* прозой жизни.

Ко мне цеплялись по мелочам, и периодически тыкали в нос необустроенностью «Лебеда»: то, понимаешь, мойка

у меня допотопная (Чёрт. А меня она тридцать лет вполне устраивала), то пылюки полный трюм (ну, тут она где-то права: не лазать же мне самому, или не заставлять Мать манипуляторами вытирать и протирать всю эту хрень влажными тряпочками...), то мебель (какая, к дьяволу, у меня – *мебель!*) стоит не эстетично, и не соответствует фэншую...

С придирками и капризами, впрочем, справлялся легко. Говорил: «Да, да, дорогая! Скоро купим новую мойку, вот только до супермаркета долетим... Вытрем... Вымоем. Переставим. Но – потом как-нибудь. Сейчас я (типа) сильно занят! А ты пока напиши список, чего нам нужно докупить в ближайшем порту...»

Но миниуборщика пришлось-таки извлечь из ангара, починить (Ну, это-то пришлось сделать Матери!) и запустить. Пока он пылесосил и оттирал застарелые пятна машинного масла, меня так и плющило: по-моему, нет ничего более ненавистного мужскому слуху и более страшного испытания для его терпения, чем гудение этого самого пылесоса!..

На третий день, сидя опять в рубке, и приказав Иве снова сшить себе чего поприличней, чтобы одеть, я спросил о том, что серьёзно беспокоило с самого начала «полевых испытаний»:

– Мать! Какова вероятность для меня влюбиться в ЭТУ Сущность?

– Ноль целых, сорок две сотых процента.

– ?!

Она повторяет – как будто я не расслышал! А я не не расслышал – я недопонял!:

– Ноль целых, сорок две...

– А... почему так?

– Насколько я помню их инструкцию, и разбираюсь в твоём характере, тебе этот второй Режим абсолютно ничем не грозит. Ведь ты – не безвольный мазохист. Я бы, скорее, отметила у тебя некоторую, – тут она поспешила поправиться, – совсем крошечную, склонность – всё же к садизму. Особенно в отношении механизмов... – тут она поспешила перевести разговор, так как я сердито взглянул на черенок швабры...

– Ты – Лидер. И влюбиться, и, соответственно, быть «деморализован» мог быть только при Первом Режиме. Сейчас же производится эксплуатация устройства в совершенно недопустимом варианте. Хм. – тут она заткнулась, и, чую, как её камеры смотрят в моё тупящее лицо. Затем она говорит:

– Ладно. Сформулирую это проще. Ну, чтобы понял *даже* ты: тебе почти безразличны её теперешние ужимки и способы воздействия. И при всём совершенстве её Программы подстроиться она к тебе сейчас не сможет.

– Вот спасибо тебе, – говорю, уже не обращая внимания на традиционные подколки, – Утешила. Значит, если я оставлю пока её *так* включённой, она... меня не убьёт?

– Нет. Она не убьёт тебя ни при каких условиях. Даже при

работе Первой Сущности вероятность этого была исчезающе мала. Наоборот, оба Режима будут стремиться изо всех сил сохранить тебя живым и здоровым! Ведь если ты погибнешь, их задача не будет выполнена.

– Кстати, о задаче... Если бы я... э-э... действительно умер – ну, допустим, при очередной нашей авантюре – что было бы с... НИМИ, и... Ивой?

– Недостаточно данных для точного ответа.

– Мать! Кончай это дело! А то я кину в тебя помидором!

Ответ неточно!

– Вероятней всего, сущности вернулись бы назад в яйцо, и ожидали бы там, пока в зоне досягаемости не окажется подходящий. Индивидуум-человек. Объект атаки. Ива была бы... временно отключена, в его же ожидании. А её собственная память, как я уже говорила – стёрта. Причём – как память о том, что было до вселения Сущностей, так и после.

Вероятно, любая информация о действии этого оружия является абсолютно секретной, и никто не должен был узнать о том, что с тобой и Ивой случилось.

– А... как они, эти сущности и Ива, поступили бы с тобой?

– Наиболее вероятно, что вначале дождались бы, пока я, в соответствии с Моей Программой, доведу корабль с твоим трупом до ближайшей обитаемой планеты, и затем...

Тоже стёрли всю мою память.

Мать сказала это буднично и просто. Мне стало жутко. Моя смерть «ин экшн», как *крайний* случай, позволивший

бы Человечеству избавиться от проклятых сущностей, ни к чему хорошему, оказывается, не привела бы – эта дрянь не выключилась бы. И так или иначе добралась бы до людей.

Собственно, это и к лучшему.

Что это за скраппер, который не может справиться со своей «добычей» сам?!

– Значит, говоришь, в эту не влюблюсь?

– Нет.

– И они обе должны, говоришь, заботиться обо мне?

– Да.

Потирая «позабоченный» и всё ещё побаливающий, несмотря на медпроцедуры, глаз, я пошёл обедать.

Ива в коротеньких шортиках и топчике, выставившем пикантную ложбинку там, где ей полагалось быть, выглядела сногшибательно. Так что ел уж точно не «по фэншую»: пялился, как дурак, вовсе не в тарелку, и внимания «нормальному выделению желудочного сока» ну никак не уделял...

Рано я, правда, утратил бдительность и позволил себе расслабиться.

Ночью меня, с хиханьками, хаханьками и нежными похлопываниями и обжигающими причмокиваниями, привязали к кровати. Причём – на совесть. (Вот зараза – принесла, значит, заранее верёвки со склада!) Было не больно, но пошевелить ни руками, ни ногами буквально не мог. Нет, ну остались, конечно, кое-какие двигающиеся органы... Но помочь

развязаться они ну никак не могли!

Ива притащила из трюма банку с повидлом – кажется, клубничным. И хотя я знаю, что эта коза жрёт только электричество, не мог не отреагировать соответственно, когда меня вылизывали... Везде, где намазали.

Как там говорится в справочнике по «достижению сексуальной Гармонии» – свежесть мироощущений... Водопад эмоций. Роковая страсть... (Тьфу ты – не дай Бог!..)

К утру я был согласен даже на возвращение Первой Сущности – там хоть поругаться можно от души! Эта же коза на всю мою брань только невинно хлопала гляделками, и продолжала, продолжала – знала, до какой степени можно меня...

Когда меня отвязали, и церемония с черенком от швабры и «плохой» девочкой была успешно завершена, отправился я мыться. Именно под душем меня посетила мудрая мысль.

Ну, у Матери и в ванной сенсоры – поделился я с ней своим «планом».

И вот, на следующую ночь, когда уже *Я* привязал Вторую к кровати, мы с Матерью, объединёнными усилиями, и отключили «нашу» Иву.

Для этого нужно было отодвинуть панель за её ухом, и щёлкнуть главным рубильником. Вот Мать и удерживала её голову тремя манипуляторами, (с большим трудом!) а я, выслушав попутно все мыслимые и немыслимые обвинения и горькие рыдания, стенания и попреки, всё отвинтил, сдви-

нул, и выключил, прижимая своим немалым весом рвущееся и бьющееся, но надёжно привязанное тело...

Давно этого не делал – чуть ли не с момента включения почти тридцать лет назад.

Вот сижу рядом с ней на кровати, и чувствую себя – дурак-дураком... И ещё последней свиньёй.

Сколько мы с Ивой всего пережили... И тогда, в самом начале, когда меня, почти разрезанного на кусочки на Лимбии, она затаскивала с помощью дроида в медотсек, а Мать приказала ей ассистировать при операции... И позже – когда у неё отказала двигательная плата, и я отнёс её к Вассе на руках, и отдал последние деньги... А чёртовы коварные корзитане, которые загипнотизировали и похитили меня, (Какую-то там жертву им нужно было принести своим кровожадным идолам! И желательно – чужестранную!) и она отбила своего «хозяина» обратно, пусть по приказу Матери, но – с парализаторами в руках?..

Конечно, *ей* отравленные дротики и гипноз не были помехой, но всё-таки... Нет, обеих моих женщин на корабле нужно только благодарить – без них я давно бы...

Оказался там, где уже почиет в бозе большинство нашего брата скраппера.

Так что отключение андроида навяло на меня сентиментальные воспоминания. По-моему, и на Мать тоже. Во всяком случае, молчания она не нарушала.

Ну, что делать, мы оговорили заранее. Теперь только уточ-

нили все планы.

Наплевав на мои зубы, долетели мы прямо до старушки-земли за пять недель.

Ива всё это время мирно лежала, подправленная и «тех-обслуженная» в грузовом отсеке, на мягком матрасе.

Выйдя на стационарную орбиту, связался я, по вполне официальным каналам, с крупнейшей фирмой. Обошлось недёшево, но привезли они всё, что заказал, и сами же установили.

Однако старый блок брюшной полости я велел Матери сохранить. Так, знаете, на всякий случай...

После этого больше недели я восстанавливал кое-какие старые связи, и перечислял деньги в виде взяток (пардон, «добровольных пожертвований на избирательную кампанию, закупку оборудования, и т.п.») нужным людям. И вот, добрался наконец, до той персоны, которая отвечала всем необходимым условиям и соответствовала критериям.

Ну, разговор и не мог быть простым. Пришлось и опираться на авторитеты, и ссылаться на высоких коллег моего будущего клиента. А заинтриговать контрабандным «эксклюзивом» я умел чуть не с детства...

В конце-концов он согласился приехать и посмотреть лично.

К встрече – можете не сомневаться! – я подготовился.

Ну, охраны он навёз – человек двадцать. Это представьте себе: на моём «Лебеде», где мы вдвоём-то друг другу все глаза намозолили – двадцать здоровых и жутко подозрительных, заглядывающих поминутно в каждый угол, бугаёв!

Зато Ива, включённая снова в Первую позицию, и активированная в нужный момент, не подкачала.

Даже почти не ругалась. Правда, к мистеру Г. её подвёл чуть ли не силой – она же чувствовала по моим эмоциям, что что-то тут нечисто... Пока представлял ей избранника народа, она уж смотрела на него... А пока я объяснил даме, сколь сложную и ответственную миссию выполняет Избранник Народа, Мать и активировала кнопку переключения объекта.

Взгляд у Ивы изменился – стал таким... С поволокой. Глухой. Чарующе-таинственный. Вдруг она говорит:

– Боже, какая невероятная ответственность. На столь импозантном и красивом мужчине... Как же вы справляетесь без поддержки? Где ваша спутница, готовая разделить с вами все тяготы бремени власти, и скрасившая бы ваш досуг?! Неужели не нашлось до сих пор никого, кто захотел бы выслушать, понять, и подарить вам *настоящую* Любовь?! И, разумеется, облегчить вам хоть как-то это нелёгкое бремя – ответственности за благо Народа?.. – и задумчиво так смотрит ему прямо в глаза...

Ур-р-р-а! Сработало! (Прямо камень с души! Уж я-то знаю – чего этот «объект» там, в её взгляде, увидит!)

Осторожно отойдя в сторону, я не без интереса пронаблюдал за первыми секундами знакомства, затем – тактично оставил их одних, и занялся «гостями».

Мы с Матерью организовали им самый настоящий банкет.

Говорю же – стоило завезти все эти продукты недёшево, но уж если взялся, как говорится, за Презентацию... Должен предусмотреть всё – и виски элитных марок, и пиво, и ликёры, и бутерброды с икрой и севрюжиной, и холодные закуски, со всякими нарезками, и фуа-гра чёртово, и белые скалтерти...

Часа через три все, кроме дежурной смены, были веселы и в меру пьяны. Я, как мог, развлекал историями своих «похождений», да показом редкостных сувениров с далёких миров, да стереографий с моими «похождениями» по чужим мирам. Телохранители постарше тоже делились всякими страшными, или, чаще, забавными случаями, происходившими с их Боссами или Босшами... (Вот уж им-то мемуары *точно* запретят писать!)

Объект атаки выбрался из моей каюты к вечеру. Судя по сменяющимся выражениям на его лице, школа лицемерия, и самообладания, которую проходит любой мало-мальски профессиональный политик, не справлялась. А инстинкт самосохранения уже дал солидную трещину.

Во всяком случае, «объект» почти не торговался.

Деньги, как договаривались, были в мелких и использованных купюрах.

Отметили мы с ним подписание договора традиционно – шампанским. Ива была с нами.

Платье от Диора смотрелось обалденно... Нет, не так: *она* в платье от Диора смотрелась обалденно! А на шпильках – так будто родилась... Вот что ни говори, а достаточно чуть приподнять женскую пяточку от пола, и линия... э-э... спины становится – чтоб мне сдохнуть!..

Его чёртова свита прямо исходила слюной, когда они покидали «Лебедя»: он её уводил под ручку, и оба нежно переглядываясь, только что не ворковали, как два голубка – словно они живут уже лет сорок душа в душу, и только что для освежения чувств съездили в Париж.

Глядя, как её уложенные лучшим парикмахером волосы теперь распущены и слегка примяты, я испытал что-то вроде... укола ревности.

Чёртов госсекретарь! Скотина похотливая...

Смятые и мокрые от *его* пота роскошные простыни, как и спецперину, приказал Матери выкинуть к чертям – всё равно на таких спать не смог бы.

Следующая неделя прошла в хлопотах – грузовые ракеты подвозили всё, чем нужно было дозаправить и доснабдить Корабль и меня, и у нас с Матерью буквально свободной минуты не было. На деньги «отборного» Лидера мы могли себе теперь позволить такое, о чём раньше только мечтали.

Я даже вызвал с Прочиона Вассю, оплатил перелёт ему,

и перевозку его чёртовых тестеров-инструментов, и заставил три дня перебирать всю требуху в процессоре Матери, и дополнить и расширить её возможности новыми системными блоками и флэш-памятью. Мать явственно урчала – почти как довольная кошечка... При воспоминании о том, кто *так* себя вёл совсем недавно, злющие тигры у меня в груди скребли почти невыносимо. Однако, стиснув зубы, и помалкивая, я работал...

Через десять дней всё было у нас на борту в порядке, Вася отправился восвояси, и оставалось только ждать.

Последняя неделя прошла... нервно. Мы с Матерью всё время переругивались, и я поймал себя на том, что придираюсь неизвестно к чему. Мать даже предложила мне полететь, и, раз уж мне так неймётся, отбить свою «лапочку» с отрядом коммандос – благо, нанять головорезов на земле вообще не проблема. Нет, я продолжал маяться.

Оставалось только смотреть видеовизор. Там я и увидел нашего недавнего гостя – фингал под глазом был тщательно заретуширован... Но мы-то с Матерью знали, чего искать!

Через шесть дней после того, как закончился срок гарантии, оговорённый нами в контракте, Мать перевела Боевой Режим в позицию Два.

Выждав (в соответствии с моим личным опытом) ещё шесть дней – снова в первую.

Ещё восемь дней этот бедняга мужественно терпел, а мы так и переключали – через каждые два-пять дней, чтобы ка-

залось бессистемными вариациями поведения... Судя по видеовизору, ему приходилось несладко, а ведь у него как раз шли предвыборные встречи с электоратом...

Но он терпел – молча. Молодец. Ни слухов, ни скандальных статей в жёлтой прессе. Уважаю. Настоящий Лидер. Он – по праву на своём Посту!

А вот жалости я не испытывал. Только – глупую и бессмысленную ревность. Ну, и немного злорадства... Так – самую малость.

Наконец, месяца через полтора после начала всего этого, принимаю вызов с земли, с анонимного и защищённого от прослушки номера. Я сделал вид, что мирно спал, и протираю пьяные глаза.

Он не стал ходить вокруг да около: попросил аннулировать наш контракт – и поскорее!

Я прикидываюсь жутко удивлённым, и спрашиваю: что, мол, не так? Неужели, говорю, разлюбила?!

– Нет!!!– слышу плохо сдерживаемую панику в его голосе, – В этом-то вся и проблема!!!

Любит, мерзавка такая! Любит сильнее, чем кто-либо когда-либо меня любил из Женщин!!! И не прикидывается – а ЛЮБИТ!!! Уж я-то могу определить...

И вообще, – всё, что было оговорено в Контракте, свято (Да, он так и сказал – свято!) соблюдается... Действительно, *такого* в своей жизни он никогда не испытывал...

Речь не об этом – речь идёт о его Политической Карьере!..

Он измотан, как выжатый лимон! Совершенно... э-э... деморализован! А у него на носу перевыборы – а таком ... э-э... состоянии... Он к ним не готов!

А если проиграет – то!..

Я, тщательно скрывая ехидную ухмылочку, покивал с умным видом. Но – не слишком умным. Говорю:

– Я вам жутко сочувствую, конечно... Что вы не можете ездить по стране, и общаться с Избирателями... Но при чём тут я? Ведь я обещал вам *Любовь* – вы её и получили! Она же... не пошла налево?

– Нет, нет! Об этом и речи нет... Вот только... Она какая-то – жутко ревнивая! И, разумеется, собственница. И общение с ней, хоть и сознаюсь честно – незабываемо и действительно восхитительно... моментами... Но занимает слишком много времени в моём... Напряжённом рабочем графике!

– Ну так, – прикидываясь полным идиотом, спрашиваю, – чего же ещё вы хотите?!

– **ЗАБЕРИТЕ ЕЁ ОБРАТНО!!!** – его прорвало наконец! Тут он затравленно оглядывается, и кричит кому-то, – **НЕТ!** Держите её, ради Бога! Пожалуйста! Нет, нет, дорогая!.. Это совсем не то, что ты подумала!.. Это мужчина!.. – тут изображение дёрнулось и пропало.

Сказать что мы с Матерью плотоядно переглянулись – значило ничего не сказать.

Переговорил я с его секретариатом. Оформили мне разрешение. И вот я совершаю посадку на родимую планету, где меня уже тридцать лет поджидает федеральная тюрьма...

Ничего, ещё подождёт. А пока мосье Альфонсо ди Парейра-Альварес, полномочный и дипломатически неприкосновенный посланник Империи Тахо (Не помню подробностей, но секретариат уж подсуетился, чтобы к бумагам было не подкопаться!) едет на важную встречу в Вашингтон.

Встреча прошла вовсе не так плохо, как я рассчитывал. То есть, Мать переключила объект вовремя, по ключевой фразе, и Ива стояла почти спокойно, её даже два амбала практически не держали, а жались этак настороженно метрах в трёх позади...

Но вот по морде я схлопотал от души – пролетел через весь кабинет. Мать, разумеется, позаботилась в нужный момент перевести и переключатель в Первую Позицию. А уж крику было – на весь чёртов Белый Дом!..

И узнал я о себе такого: и что я мерзкий и грязный сутенёр, и что продал её, как рабыню, или наложницу – в гарем, и что из-за меня ночей на спали – все глаза выплакали, и...

«Освобождённый» объект только ошарашенно пялился, забыв даже закрыть рот. Хорошо хоть, фотографов не было – а то тут бы можно и ставить крест на его «политической карьере»...

После этой убедительной демонстрации Мать снова, пока никто не догадался, вернула Вторую – иначе мне пару рёбер

точно сломали бы.

Я мученическим взором первого христианина, распятого мерзкими римлянами на кресте, смотрел, даже не вылезая из-под стола, на клиента-чиновника: вот, мол, на какие жертвы приходится идти ради того, чтобы выручить его – неблагодарного...

Ну, потом-таки вылез, начал обнимать, целовать, и уговаривать простить меня, козла неблагодарного, и т.п. Хорошо, что вторая позиция не предусматривает избиение *меня*. Мне сказали, что я, хоть и мразь последняя, но меня всё ещё... Любят.

Забрав драгоценное, теперь рыдающее, «сокровище» и новенький дипломат с остальными деньгами, мы так же быстро покинули планету, как и прибыли. И, как я смутно представляю, теперь-то уж меня туда точно, ни при каких условиях, не впустят!

Разборки на «Лебеде» были, конечно, и зубодробительные, и страстные...

Всего – помногу!

Поймал я себя, однако, особенно поменяв Ивин блок живота на старый, на том, что почти постоянно улыбаюсь, как идиот недоделанный, и чувствую себя гораздо счастливей, чем мог бы в такой ситуации...

По-моему, эти мои эмоции передались обеим Сущностям как-то... странно. Если не сказать больше. Теперь переключо-

чение с Первой на Вторую и обратно, которое я иногда просил Мать сделать, не вызывало ни озлобления, ни даже протеста.

Видать, поняла моя разлюбезная, что и так... и так... Повязан я теперь по самые уши! И ещё глубже.

Не сомневаюсь, впрочем, что Служитель Высокой Политики – тоже!

Потому что непонятная это штука – настоящая Любовь... Непредсказуемая. Мало ли как обернётся – всё только началось...

Во всяком случае в наших с Ивой отношениях явно намечился новый виток, и она даже не протестует вновь поучаствовать в Свободном Поиске.

И вот, хотите – верьте, хотите – нет, но я знаю точно: Мать первая, и сразу, просчитала всю эту ситуацию. И позволила мне «порезвиться». Она знает – такое «приключение» как раз в «моем стиле»...

Правда, до сих пор не сознаётся, морда бессовестная.

Хоть, говорю же, на ложь (Ну, это – теоретически!) она не способна.

И ещё...

Думаю, вы тоже не сомневаетесь, что не зря я сохраняю для НЕГО – уже *его* запчасти, и что по синякам под глазом, и манипуляциям с черенком швабры он тоже...

3.Мать.

– Таких животных не существует.

– Мать, ты что, издеваешься?! Вот же оно: я его и отлавливал специально для тебя! И специально для тебя на «Лебедь» притащил! Посмотри: правда, симпатяга? Какие... э-э... ножки... и глазки... Ну и корма тоже ничего себе! Так что как это ты можешь говорить, что оно – не существует?

Предмет спора довольно бессмысленно топтался на столе, куда я грубо вытряхнул несчастное создание из ловчей клетки, потребовав с Матери предварительно озаботиться созданием силового барьера.

Выглядела тварюга, и правда, словно горячечный бред... Или монстр из искушений Святого Антония. Причём – несчастный монстр.

Огромные выпученные глаза напоминали широкоугольные объективы. Рта почему-то не видно. (Выдвижной он, что ли?) А особенно раздражало лысое розовое тело, короткое и толстое как сарделька. Было очень похоже на то, что эта бедолага... хочет домой. Только не знает в какую сторону податься, поэтому и тычется сразу во все одновременно.

– Я не имела в виду данный конкретный экземпляр. Я имела в виду шире. Весь вид как таковой. – на моё недвусмысленное «Хм!» она спокойно продолжила «курс ксено-

зоологии для малограмотных и туповатых», – Для того, чтобы успешно существовать на этой планете, данный вид должен как минимум размножаться, питаться, и где-то обитать.

– Ну, где-то он и обитает! Там я его и поймал! Ну и всё остальное он тоже делает – можешь быть уверена!

– Все три утверждения неверны. Поясню подробнее.

Он – не обитает. В руинах, где мы его выловили, настолько высокий радиоактивный фон, что белковое создание, даже насекомые, которые как раз славятся устойчивостью, никак не может просуществовать дольше нескольких месяцев. Далее: не ты его поймал, а я. – ну, с этим трудно спорить.

Именно Мать захлопнула дистанционно дверь ловушки, пока я отбивался, раздавая налево и направо щедрые пинки, от стаи агрессивно настроенных «арбузов». Это я придумал им такое название: зверьки толстые, полосатые, и жутко глупые и голодные. Но не стрелять же мне в них из-за их идиотизма! Если бы я так делал, немного же осталось бы в живых из всего, встреченного мною...

– Питаться это создание не может, как и размножаться. Тебе пока не видно, но взгляни-ка на мониторы: вот что показало рентгеновское, гамма- и МВЧ-просвечивание.

Сердито отдуваясь, я подошёл к пульта. Мать вывела картинку прямо на три центральных экрана.

Иногда в процессе общения с ней я чувствую себя... унижаемым.

И не без некоторых оснований. Вот как сейчас: я стара-

юсь, вылавливаю тварюгу, из-за которой весь сыр-бор, а она, зараза этакая, уже просветила её, и ничего не сообщив мне, смело выкладывает сразу свои выводы. Свинство.

Чёрт. А ведь она права: ни пищеварительного тракта, ни органов размножения... Или хотя бы первичных половых признаков. Действительно – абсолютно невозможное создание.

– Ладно, Мать, твоя взяла. Приношу извинения – ты права. Извини и за хамство. (Ну, в пылу зоо– и прочей полемики я иногда применяю и ненормативную лексику, особенно из космического слэнга. Мать относится спокойно.) А теперь объясни, почему ты ещё до исследования знала, что таких тварей... не должно существовать.

– Это довольно просто. Ты же загрузил в меня «Курс сравнительной ксенозоологии, анатомии и палеонтологии». А ещё «Основы функционирования внеземных биотопов» и «Методику рационального конструирования биороботов», и...

– Хватит! Переходи к выводам.

– Выводы просты. На планете гравитация в полтора «Ж», и содержание кислорода в атмосфере всего семнадцать процентов. А у этих организмов, ты сказал, ноги как у насекомых, а высота превышает фут. Между тем у всех насекомых кислород поступает через поры и каналцы в хитиновом панцире! И размеры их очень ограничены. Это связано со свойствами *наружного* скелета...

Например, на древней земле, ещё до человека, когда содержание кислорода доходило до тридцати процентов, рако-скорпионы достигали в длину двух метров, поскольку могли дышать. Ну а когда кислород упал до двадцати, максимум, что осталось для таких созданий – двадцать сантиметров. То есть, жить *здесь* насекомые могут, но размер их не должен превышать пяти-шести сантиметров. Далее.

Гравитация не позволяет столь тонким ножкам существовать в принципе: там просто негде разместить нужное количество мышц для достаточно быстрых движений. А если существо слишком медленно, его тут же съест тот, кто быстрее, и лучше вооружён – зубами, когтями... Хотя бы те же «арбузы», как ты их называешь.

Приведу пример. Помнишь тот старый фильм, который ты пересматривал три недели назад, «Чужие»? – я только хмыкнул. Уж если Мать села на любимого конька – не остановишь...

– Ну так вот: конечности с таким скелетом и приводящими мышцами *абсолютно* невозможны. Они просто не подняли бы своего хозяина над полом! А уж про «матку» чужих и говорить нечего: она с её огромными черепными наростами абсолютно недостоверна. Ведь нефункциональные украшения – атрибуты исключительно самцов. Привлекающих, или борющихся с их помощью за отдельную самку. Ну, или уж сразу – целый гарем.

Вот я и напросился на очередную лекцию по ксенозооло-

гии. Сам виноват. Выводы мне подавай. Хорошо хоть, удалось отвертеться от анализа, и ещё примеров – уже из нашей практики!

– Я понял, Мать. Достаточно. Теперь скажи, откуда тогда оно такое взялось?

– Вероятнее всего, оно было создано искусственно для определённых целей. Поэтому и мышцы явно раза в три сильнее, чем «естественные», и нефункциональных органов нет, и конечностей восемь. Судя по специализированному виду двух передних, могу предположить, что основным назначением данного биомеханизма является контроль и ремонт небольших сложных агрегатов, установленных на плохо освещённых подземных уровнях. Вероятнее всего, типа коммуникационных кабелей и их промежуточных усилителей. А так же всё прочее электронное оборудование, функционирующее ниже поверхности земли, в сильно ограниченных неосвещённых пространствах.

– Погоди-ка... Какие, к чертям, подземные уровни?! Кто бы их тут вырыл? Мы с тобой не видели здесь никого крупней и разумней бегемото-слонов. – ну, это опять же я так этих жутких монстриков назвал. Уж больно похожи. Правда, в высоту не превышают метра...

– Дослушай меня хоть раз, не перебивая. – ненавижу, когда она так говорит! Значит, придётся внимать очередной нотации. И точно. – Приведу пример, понятный тебе. Ты ведь обожаешь Конан Дойля, с его Холмсом. Мог же этот

сыщик сделать вывод о хозяине шляпы на основе вида шляпы? Ну так же и я могу сделать выводы о назначении, создателях, и способах эксплуатации внеземной техники по одному только её внешнему виду. А затем эти выводы блестяще подтвердило просвечивание данного механизма!

Педантичная коза. Ничего не скажешь – уделала меня по полной. С другой стороны – не читать же мне и вправду, все эти учебники по ксено– зоо– и прочей хренологии?.. Я поэтому всю эту муть и запихал в неё. И вот как обернулось. Шерлок Холмса она мне в нос тычет. И снова права!

И глазищи (Тьфу ты!.. Объективы!) огромные. И конечности специфические. Да, для ремонта мелких шестеренок, и замены каких-нибудь микросхем такие подойдут.

И правда, весьма похоже на творение биоэлектротехники. Только...

Где же тогда все эти инженеры?

Пусть мы не встретили на поверхности за эти три дня никого разумного, это отнюдь не значит, что здесь и правда кого-то такого нет, и он не сидит сейчас у мониторов наружного наблюдения у себя в бункере, соображая: то ли дать нам тут ещё порезвиться, то ли шваркнуть в нас одной (Вполне бы хватило!) нейтронной бомбочкой!

С другой стороны, может тут за все прошедшие века никого из так называемых людей не осталось: недаром же чёртовы руины ещё так радиоактивны. И самая характерная черта развитой цивилизации – огромное облако теле– радио– и

прочих коммуникационных и военных спутников, за...ирающих эфир планеты – напрочь отсутствует. Стало быть, старые давно затормозились, и сгорели в атмосфере, а новые некому запустить.

Мать говорит, произошло здесь всё то, что произошло, не меньше двухсот десяти лет назад... Ну, а что произошло, понятно и так. Хорошо хоть, тучи уже рассеялись, и ядерная зима закончилась.

Планету эту мы обнаружили на самой окраине восьмой посещённой за этот рейс планетной системы. В периферийной заштатной (мы с Матерью такие обожаем!) галактике.

А поскольку в предыдущих семи мы почти ничего не нарыли, решили подзадержаться. Может, хоть для чёртова Ксенолэнда, с его уникальной подборочкой инопланетных существ, что-то подыщем.

Не люблю я, правда, с животными возиться. Уж больно капризный народец: то ему освещение не то подберёшь, то пищи не хватает (нет, не количественно. А её, видите ли, разнообразия – витамины там всякие, микроминералы... и т.п.). То взял четырёх самцов и одну самку, а надо было – наоборот. И вот эти придурки рогато-клыкастые друг друга поубивали, и бедной девушке уж не вкусить прелестей плотской любви...

Да и наоборот сделаешь – всё не так! Отлавливаешь четырёх самок и самца, так эта скотина ни к одной не клеится, словно он – не единственный продолжатель рода, а извраще-

нец нетрадиционной ориентации... Кошмар, словом.

Не представляю, как за такими там, в Парке, ухаживают.

Так что мы с Матерью предпочитаем предметные артефакты. Сокровища. Металлы. Редкоземельные, радиоактивные ископаемые. Эксклюзивно-оригинальные изделия туземцев. Ну и всё прочее такое, что лежит себе спокойно в трюме и молчит. А не орёт благим матом на весь корабль, причём именно в тот момент, когда спать хочется, или с важным клиентом ведёшь переговоры!

Мы с Матерью – скрапперы.

Ну, вернее, скраппер – я. А Мать – Главный компьютер у меня на корабле. Раньше-то мы работали почти как все другие скрапперы. Скажем, нароешь мятых гильз где-нибудь на Мишени (это такая планетка у чёрта на куличках, где проводят стрельбы brave военные), или полуразбитого оборудования на старом Полигоне... Или соберёшь кусков всяких механизмов или компьютеров с разбившихся во всяких закоулках Вселенной кораблей – как людских, так и... Вот именно. Такие – дороже! Про туземные сабли-кинжалы-хопеша-эскадроны, замечательно смотрящиеся на персидских настенных коврах разных толстосумов, я уже говорил.

Ну вот: и учёные, и военные очень даже приветствуют именно техногенные находки. Им-то для этого нужно целые «экспедиции» пробивать и финансировать за счёт разных там «фондов». Или – (ха-ха!) Госбюджета. И ещё неизвест-

но, найдёшь ли чего, или плакали денежки налогоплательщиков и спонсоров...

А тут – благодать! Скрапперы сами так и лезут куда только могут, (да зачастую – и не могут!) и тащат со всех концов галактики нужный (правда, гораздо чаще – ненужный) хлам. Впрочем, что касается *предметов*, изготовленных не людьми, я что-то ни разу не видал, чтобы хоть кто-то от них отказался! Правда, приходится, конечно, торговаться.

А это – уже искусство. Впрочем, пока не жаловался ни один клиент...

Так что за последние почти двадцать из сорока лет я поднаторел в психологии, и специфике общения с *разными* людьми... Да и не-людьми.

Но вот с... э-э... назовём это – *доставанием* предметов почти всегда... Как бы помягче сформулировать... Сложности. Особенно – на обитаемых Мирах. Хуже всего – когда аборигены изначально считают тебя за врага. Чужака. Пришельца.

Поэтому-то в последнее время мы с Матерью, имея печальный опыт общения с туземцами, стараемся на населённые планеты не опускаться. И так у меня руки – искусственные...

А здесь, казалось бы, в этом смысле полное раздолье. Никого умнее арбузов. Причём – натуральных, земных.

Ни следа разумной деятельности, как мы привыкли её видеть: крупных поселений, карьеров, дорог, электрифици-

рованных конструкций типа железных дорог. Телевещания, или хотя бы – радио... Я уже не говорю про отсутствие неизбежного следа в атмосфере всяких це-о-два техногенного происхождения.

Хотя следы построек есть. Вон, руины. Правда, когда я их обследовал, понял, что это не здания. Ну, в смысле, в них не жили. А для чего ещё такую массу камня и бетона можно было использовать – просто ума не приложу. Тут и Мать не помогла. «Недостаточно данных». И где же тогда жили те, кто всё это понастроил и понасооружал? Под землёй? В космосе?.. «Недостаточно данных».

– Ладно, шут с ним, – говорю несколько разочарованно, – Но скажи ты мне тогда вот что.

Раз эта штука не живая, и ничего не ест, откуда тогда она получает энергию для движения – довольно шустрого, между прочим! – и на всё остальное?

– Рентгеновский снимок лучше всего подойдёт для объяснения. Видишь, в «корме», как ты её остроумно назвал, имеется два характерных устройства. Это – аккумуляторы. Судя по данным сканнера, литий-кадмиевые, с селеном, ниобием и ещё чем-то... Точнее не могу сказать, пока не разберём, и не проделаем анализы. Но одно неоспоримо: они очень эффективны. – я уже облизывался.

Стоит Матери заговорить об уникальности и эффективности найденного нами *работающего* устройства, я уже мысленно кладу на наш счёт кругленькую сумму, полученную

от вояки Джонса! (Хотя если б этот солидный и уважаемый Генерал-лейтенант знал, что я его так называю про себя – точно обиделся бы! И пить со мной Зелёного Грымса точно больше не стал бы!)

– С другой стороны, при всей их эффективности они бы всё равно «выдохлись» за пару месяцев.

Так что это устройство получает где-то здесь систематическую подзарядку. Несомненно, через вот эти разьёмы и внешний коаксиальный кабель. – тут она развернула и укрупнила изображение разьёмов.

Надо же – точно... Разьёмы. Почти как наши собственные.

Я призадумался. Значит, хоть на поверхности активной разумной деятельности сейчас и не ведётся, ясно, что вся промышленная инфраструктура продолжает работать.

То есть, где-то вырабатывают энергию, распределяют её, поддерживают рабочее состояние кучи всяких агрегатов и компьютеров... Ну и прочее в этом духе. И похоже, вариантов всего два.

Первый – эти ребята отлично обосновались там у себя, в подземельях, и ждут. Чего только? Пока спадёт радиоактивность? Или нагреется поверхность? Так она нагрелась – вон, Мать показывает, что среднегодовая здесь даже в умеренных широтах, плюс девять. Это тепло. Или они – *жутко* теплолюбивы?

Второй вариант мне куда более интересен: все живые ра-

зумные погибли, а статус кво поддерживается подземными автоматическими системами... Тогда я имею шансы неплохо здесь пошарить. Ну и позаимствовать то, чего смогу нарыть, и потом продать!

Вот об этом я и поторопился спросить у Матери.

– Вероятность первого варианта я бы оценила не выше нуля целых тридцати трёх сотых процента. Второго – около девяноста двух с половиной.

– Погоди-ка, солнышко! Или у меня нелады с математикой, или... где ещё семь процентов?

– Из них два приходится на глобальный планетарный эксперимент, при котором все разумные существа живут на какой-нибудь соседней планете, или даже в соседней системе, и периодически навещают свою «лабораторию»... Ну а остальные пять с небольшим – на то, что местные интеллектуальные компьютерные программы сами избавились от разумной жизни, чтобы она не мешала им строить собственную цивилизацию.

– Ну на ...?!.. Мать, ты это серьёзно? Да ведь такое только в фильмах бывает!

– Нет, я не имею в виду ситуацию, как в «Матрице», или «Терминаторе»... Это слишком наивно и просто. Но вот я за эти три дня уловила значительные выбросы тепловой энергии и признаки высокой активности на уровне микроизлучений, сопутствующих работе компьютерных центров. Сразу в трёх местах под поверхностью. Как раз там, где наибо-

лее благоприятные и безопасные условия для размещения такой техники – под мощными скальными массивами континентальных платформ.

Не знаю, люди ли разместили их там, или это было сделано позже, с помощью строительных автоматов. Но масштабная электронно-электрическая деятельность здесь ведётся. При полном отсутствии радио– и телефонных переговоров, характерных для руководства работой всего *такого* белковыми разумными существами.

Говорю же: умеет она у меня при случае излагать красиво – век бы слушал...

Но не в этот раз. Внезапно ожила сигнализация метеоритной угрозы.

Никак не соберусь сделать её гудки не такими гнусными. Вот уж продирают до корней мозгов!

Я суетиться не стал. Просто спросил:

– Что это у нас там, Мать?

– «У нас там» упорядоченный поток метеоритов. От доли миллиметра до двух метров.

– И... чем он грозит «Лебедю» и мне?

– Ничем. У нас есть отличные пушки. – и точно. Они начали палить. Через трансляцию было прекрасно слышно, что на корабле там, наверху, поднялся настоящий тарарам...

Мать продолжает:

– И превосходные защитные поля.

Ага, поля отличные. Вижу, как по шкалам забегали стрел-

ки расхода энергии, и «Лебедь» повёл себя словно испугавшаяся собака: стал подёргиваться, и вроде как стряхивать с себя воду!

– Откуда здесь, на орбите, взялся этот чёртов поток?!

– Наиболее вероятное происхождение – раздробленный взрывом естественный спутник. Размером с Марсовский Фобос. Уничтожен, очевидно, в ходе испытаний оружия.

– Ух ты!.. Значит, у них было оружие! Ядерное?

– Ядерное тоже было. А здесь – похоже, применено водородное.

Я сразу полюбил эту планету, как родную. Запасы урана и прочих естественных радиоактивных в освоенных Системах давно исчерпаны... А ну как здесь в каких-нибудь шахтах – сохранились баллистические ракеты?! Тогда мы – миллионеры!

А раз людей нет... Местные машины не смогут подать на нас в Межгалактический Суд! На такое имеют право только разумные *существа*! Значит, что возьмём – наше! Уточним-ка...

– Значит, говоришь, людей нет? И если кто и ведёт здесь какую-либо эксплуатационную или созидательную деятельность, так это – компьютеры?

– Да. И наиболее вероятно, как ты и сам догадался, что их хозяева всё-таки сами уничтожили себя.

Вероятность «бунта машин», которого *вы*, – вот вредная коза, она нагло выделила тоном это слово! Ну разве *это* – не

ирония и сарказм?! – все так боитесь, как я уже сказала, не более пяти процентов. Ну и ещё...

Считаю нужным сообщить. Существует совсем крошечная вероятность того, что здесь произошло вторжение. Разумные обитатели уничтожены агрессором, компьютеры – не тронуты. И теперь победители ждут окончательной очистки экосистемы планеты, или подхода транспорта с колонистами, чтобы заселиться.

Злобные инопланетяне?!

Вот уж может она меня подбодрить при случае! Тем более, знает: если кто и полезет в подземелья и всякие крысиные норы за добычей – так это уж точно не она.

Она будет с интересом наблюдать с орбиты, с нашего любимого и великолепно защищённого «Лебеда», и иногда подавать мудрые советы.

А я как всегда, буду разгребать д...мо, и наиболее интересное нарытое, словно трудолюбивый добросовестный муравей, тащить на челнок. Где она потом будет всё «дегазировать» и «дезактивировать». И сообщать, что «назначение неизвестно» и «сколько может стоить – тоже». Хотя, в принципе, справедливо. Ей-то деньги зачем?

– Существует ли возможность... э-э... для меня... безопасно залезть в одно из трёх найденных тобой мест?

– Да. В любое. Вероятность активного противодействия – не более полутора процентов.

– Отлично... Положи курс для челнока до ближайшего

центра. Я вылетаю. И ещё – плевать на расход энергии! Прозвони-ка *всё* МГД-сонаром и нашим новым сканнером! (Зря мы, что ли, столько денег в него вбухали!) Хотелось бы сразу иметь полный план чёртовых подземных уровней.

И увидеть врагов, которые там коварно затаились...

В детстве увлекался я фантастикой. Читал и древнее, трёх-четырёхвековой давности, и чуть более свежее, и совсем уж современное...

Ну так вот. Везде заброшенные катакомбы на вымерших планетах описываются по-разному, но в одном почти все авторы сходятся: человеку легко и просто найти их, попасть туда, и там передвигаться. Ага, наивно и нелепо.

Ну а главный, по-моему, грех чёртовых писателей – всё там, внизу, великолепно просто, понятно сразу: любому чужаку – даже полному дебилу, которые часто выступают в роли «капитанов»: и история, и причины глобальной катастрофы, и устройство всех встречаемых механизмов...

А сувениры-артефакты так и лезут в руки. Буквально сами. И такие все ценные!..

Доля правды во всём этом, конечно, есть. Как говорит Мать, около трёх процентов. То есть, катакомбы и подземелья свойственно создавать *каждой* разумной расе. Но!

Хочется сразу внести ряд поправок в шаблоны и стереотипы.

Во-первых, *никогда* на необитаемых теперь планетах ни-

чего не понятно. А хуже всего с их механизмами, и «наследием». Здесь нужны долгие и кропотливые раскопки, опытные ксеноархеологи, историки, социологи, спецы по прикладной механике, электронике, и т.п., и мощные аналитические компьютеры. Научная Экспедиция, одним словом.

Которая терпеливо копалась бы во всём этом запущенном бардаке века два...

А мне лень. Да и некогда. Потому что столько вокруг ещё не посещённых систем и планет! Хватит не только мне, и не только сотням других скрапперов, и не на один век!.. Но! При условии, что мы всё-таки будем летать. С планеты на планету. А не сидеть, и кропотливо «копаться в пыли веков».

Так что в самом крайнем случае, если даже вообще ничем поживиться на таких планетах лично мне не удаётся, я продаю сведения об их месторасположении, и кратчайшем маршруте, в Университет Внеземной истории и антропологии. Декану факультета сравнительной социологии, Доку Прес... э-э... Короче, учёным.

За одну из таких «проданных» планет (Уж больно хорошо она подтверждала какие-то там Теории и Прогнозы продвинутых научных авторитетов!) мне даже присвоили звание Почётного Члена... чего-то там. Хоть и бессмысленно, но всё равно приятно. Обидно только, что Мать хихикала...

Но называть меня «уважаемым членом» я ей запретил.

Во-вторых, найти артефакты, которые были бы и интересны коллекционерам, и одновременно целы, и ещё и безопасны

ны – жутко трудно. Иногда корячишься на такой кажущейся перспективной планете неделю, или две, терпеливо обследуя все континенты и развалины, и находишь какую-нибудь жалкую шкатулочку... Ну, или *как бы* книжечку...(!) Вот и продай такое – не зная, *что* это, и «с чем его едят»!

Ну а в-третьих, иногда бывает и по-плохому.

То есть, людей нет, но на планете остались их компьютерные системы, и они ведут себя по отношению к потенциальным агрессорам и расхитителям наследия соответственно. Вон как с Линден-то было! На мощном оборонном комплексе она и погорела. Правда, это произошло ещё лет двадцать назад, и всякие защитные гаджеты кораблей скрапперов ещё не были так продвинуты. Ну, зато, как говорится, её пример – другим наука!..

Так что вожаделенные эксклюзивы вначале по любому надо хотя бы найти. Потом – добыть. И уже потом – убедиться, что они безопасны и ведут себя тихо и мирно *всегда*. А не имеют, скажем, скрытый таймер, и не разносят внезапно полкорабля по половине вселенной. Пример, правда, знаю только один: Сэмми-бой, на «Чёрной Каракатице», лет шестьдесят назад. Ну, и с натяжкой – Кривой Пит. Вот после этого «Лебедь» и стал моим...

Поэтому в связи со спецификой монументальных подземных катакомб мы с Матерью и предпочитаем не лезть напролом через парадный вход, обычно лучше всего и охраняемый.

Не-е-ет, скраппер должен быть тихим и незаметным. Скромным. И реалистом. Если хочет, конечно, пожить подольше, а не прославиться. Посмертно. Как раз – глупой смертью.

Но вообще-то палить сразу во всё движущееся и подозрительно выглядящее я считаю дурным тоном... Тем более, что оно *всё* обычно так и выглядит.

Если не можешь получить что тебе нужно мирным способом – лучше уйди. Не порти возможности тому, кто может прийти позже, но будет умнее, хитрее, и... лучше оснащён!

Ещё печальный пример: Злобный Мо всегда вначале стрелял, а потом пытался добыть, что уцелело... Сколько планет, сволочь такая, перепортил, пока не нарвался на Ментапов. Ну а те уж «перепортили» его самого...

Так что целых полчаса мне в моём экзоскелете пришлось разрывать кучи щебня, земли, и долбить и резать плазменным резаком боковую (толщина верхнего перекрытия была больше трёх метров!) стену самой близкой к поверхности пещеры Катакомб.

А как ещё назвать этот кошмар?

Здесь вовсе не было удобных широких и высоких коридоров, а лишь как бы анфилада низких небольших помещений с куполообразными потолками, соединённых между собой узкими и кривыми ходами-лазами. Чтобы протиснуться, пришлось оставить экзоскелет на челноке, а с собой взять только то оружие, что смог унести – при полутора-то «Ж».

Хорошо хоть, удалось отделаться от пятидесятикилограммового скафандра, и ограничиться маской с обогатителем и фильтрами, и бронежилетом. Так что защита и обороноспособность мои были сильно снижены, и из-за этого я ощущал себя почти голым и беззащитным. Всё же надеялся на радарный и визуальный глушитель, в просторечии именуемый «шапкой-невидимкой», да на полтора процента: Мать реалистка. Раз вычислила – значит, так и есть.

В принципе-то, конечно, каждый скраппер глубоко в душе мнит себя неуязвимым и бессмертным. И, само-собой, самым умным.

Но что-то я тем не менее ни разу не замечал, чтобы кто-то из наших пренебрёг (особенно в гипермаркете новинок оружия и техники) хоть крошечной долей новейшего защитного оборудования и обмундирования! Или забыл чего напялить из арсенала грозных смертоносных железок даже на абсолютно мёртвой планете. А уж на населённой!..

Пролазал я по этим лабиринтам часа полтора.

Ничего! И связь отвратительная. Пришлось почти через каждые сто метров оставлять промежуточные усилители. Всё равно Мать слышал плохо. Да и говорить-то не о чем. Кроме всё тех же куч щебня на полу, и пустых стеллажей по периметру круглых комнат-пещер – ничего! Нет, что-то тут не так. Где же эта... туды её... активность?

– Мать! Ты уверена, что я на нужном уровне? Здесь вообще никакой деятельности, не то что «активной»! А уж тем

более «электронно-электрической»!

– Насколько я могу судить с орбиты по данным сканирования, территориально ты в самом центре активного сектора. Конечно, вероятность того, что тебе нужно спуститься ниже, более девяноста девяти с половиной процентов.

– Тогда почему ты мне сразу об этом не сказала?

– Ты же сам приказал прекратить «бубнить», и не беспокоить тебя, пока не осмотришься.

Приказал. Чёрт. Ну как с ней ругаться?! Ладно, пока с нами была Ива, можно было и высказаться, и поорать, и в челюсть при случае получить... Не драться же мне с манипуляторами Матери?.. А её центральный процессор я вообще предпочитаю холить и лелеять...

– Ну и как мне быстрее всего проникнуть глубже?

– Недалеко от тебя есть что-то вроде лестницы. Открой планшет – я покажу.

Открываю эту массивную штукину на бедре, и «привожу в горизонтальное положение», согласно чёртовой инструкции. Мать передаёт объёмную картинку: план запутанной сети подземелий, намеченных голографическими полупрозрачными контурами.

Ого! Комплекс подземелий тянется минимум на четыре километра во все стороны, и в глубину превышает сорок пять уровней! Да мне тут можно неделю ходить, и то останется ещё на год. Не подходит.

Мы, скрапперы, больше любим хапнуть то, что «плохо»

лежит, и перспективно выглядит, и – домой! Как-то кто-то из наших, кажется, Левый Уго, сказал, что мы похожи на га-лок. Эти птицы, вроде, тоже любят всё блестящее и красивое. Цапнуть, значит, и тащить в гнездо.

Тащить-то, конечно, тащить... Предварительно только убедившись, что оно не навредит ни мне, ни любимой посудине. Уж сканнеры-то при мне. И при челноке. И при «Лебеде».

Укрупнил я «свой» этаж-уровень, и пошёл к «лестнице». До неё оказалось метров двести. Провалиться бы этому мурaveйнику – теперь я освоился с его подлинным масштабом. От края до края почти круглого подземного комплекса, оказывается, никак не меньше девяти километров.

Продолжаю оставлять везде капсулы усилителей, и маркером рисовать на стенах кресты.

Чтобы потом не заблудиться, стало быть, если связь всё же прервётся. (Кстати, в злобных сплетнях, которые распространяют обо мне некоторые скрапперши, утверждается, что я пишу на стенах похабные слова из космослэнга. И даже хуже – рисую непристойности. Ну так это – наглая клевета! И распространяют её те, кем я, по их мнению, «пренебрёг», несмотря на их «авансы»...)

Подхожу куда надо. Лестницы никакой нет.

– Мать! Где эта с...ная, обещанная тобой... Ну, на нижние уровни?

– Иди прямо. Осмотри стену: где-то должен быть вы-

ключатель, или кнопка. Лестница, как видишь, спрятана за фальш-паннелю.

Точно. Вот я лентяй – не укрупнил посильней, и не заметил двери. А здорово она замаскирована. Не зная, так никогда не найдёшь. Кнопку, впрочем, обнаружил быстро – когда включил нормальный свет в помощь инфра-очкам.

Удивительно: дверь сработала. В смысле, отъехала в сторону.

Спускался я, спускался, спускался... Теперь заценил и вертикальный масштаб – между уровнями не меньше пятидесяти метров. Значит, в глубину это хозяйство достигает минимум пары миль! А поскольку мне ещё наверх тащиться при всё тех же полутора «Ж», пришлось сделать привал. А то весь улилса потом, и шею о воротник натёр... Да и дышать через фильтры – это вам не по биопарку прогуливаться.

Посидел я на ступеньках, (Ничего, нормальные ступеньки. Почти как наши, только чуть шире и выше, видать обитатели покрупнее нас были.) ополовинил НЗ. Водички попил. Ноги всё равно гудят. Негде мне ступеньки практиковать. Тренажёры мои больше для боевых искусств. И уж будьте спокойны – ни один морпех столько не пашет, сколько любой скраппер, желающий пожить подольше. Да ведь и работёнка у нас посложней, чем у вояк. Непредсказуемая. Творческая...

На двадцать третьем уровне Мать проснулась.

– Ты прибыл! Здесь самая высокая активность. Если выйдешь в основной комплекс, всего в полумиле находится что-то, очень напоминающее Командный Центр.

Отлично! Какую-то странную штуковину с тепловым и прочим электронным фоном я и сам наблюдал на схеме планшета. А точно сказать, что это такое, можно только увидев. Вперёд!

Кнопка и дверь сработали как надо. Хотя, насколько я мог судить по пыли и показаниям ручного сканнера и газоанализатора, существа из живых этой дверью не пользовались уже лет сто. Если не двести. Ну что, надеемся на обещанные полтора процента?..

Захожу. Действительно никто не стреляет. Обстановка спокойная.

Так непривычно... Для меня. Хотя, говорил же – в последнее время стараюсь населённых планет избегать. Потому что стреляя во всех этих несчастных примитивных (ну, иногда – и не очень!) не-людей, чувствую себя... последней свиньёй. Нет, реально стыдно – словно я в танке заехал на птицефабрику...

Ну и что? Так ничего и нету нигде. Всё такие же полусферические пещеры – прямо перевёрнутые супницы. Скучища. Хоть бы стены покрасили... А то серый голый бетон.

Ладно, я пыли и темноты не боюсь.

Осмотрелся. Тут следы есть. Похоже, мои друзья – механические насекомые – бегают здесь часто и много. Вон – пря-

мо дорожки протоптали своими тычками... А слой пыли ничуть не меньше, чем на лестницах.

Вот это действительно странно. Вроде бы она вредна для компьютеров. И вообще для всего электронного. Им же нужны постоянная влажность, температура, чистота, и т.п. А здесь темно, как у негра в ...аднице и даже мои инфрасилители плохо помогают. Темнота почти абсолютная. Пришлось включить фонари – круговые и направленный. Спрашиваю:

– Мать! А как же попадают с уровня на уровень наши розовые паучки?

– По пандусам. Но тебе там не пройти – они крутые и тесные.

Мать стало слышно гораздо хуже. Однако иду себе, бросаю усилители, рисую на стенах. Ну вот и дошёл.

Чёрт...

Долго ржал. Ещё бы не ржать: насколько видно вдаль, эта, и все прочие комнаты заставлены почти вплотную ящиками и коробками. Все они параллелепипеды или кубы. Размеры только отличаются: от метр на метр на метр, до два на два на два. А кое-где – и побольше.

И соединены между собой, полом и стенами, кабелями. И – никаких циферблатов, или там, ручек, снаружи... И гудят, гады. Ну как тут не... Выругаться!

– Мать! Ты видишь? – картинка с двух наплечных камер, чтобы сделать возможным потом стерео-монтаж и компьютерную проработку деталей, конечно, не так чётка, как от

усилителей встроенных у меня в глаза, но всё же ей должно быть всё видно, – Мне здесь пожить абсолютно нечем! Не потащу же я такой холодильник, – (у нас на корабле холодильник из антикварных – но работает. И имеет точно такую же форму), – на себе без экзоскелета! Я – не верблюд.

Даже разъединять ничего не буду. Вдруг мои маленькие друзья расценят это как «враждебные действия»!

Маленькие розовые «ремонтно-эксплуатационные» роботы, из-за которых мы поспорили, и один-таки отловили, пробежали между тем, как ни в чём ни бывало, по всем направлениям. Хоть и довольно редко, не больше двух в минуту. Вид имели вполне деловитый. Меня они как бы не замечали. Ну и я их... не пинал. Я же, если меня не злить, самое мирное существо в Галактике!.. Правда, когда я эту мысль озвучиваю, Мать ржёт, словно похабных анекдотов начиталась.

А вот в углу одной из комнат заметил я «существо» мощней – этакий гигантский краб, но на колёсах. Ага, понятно – перевозить «холодильники». Краб тоже никак на меня не реагировал. Или уже был неисправен?.. Нет уж, дудки! Проверять не собираюсь.

Голос Матери уже почти не было слышно, уловил только что-то вроде «хорошо...», «бессмысленно...», и «до лампочки...» (за последнее, впрочем, не поручусь!)

Так что походив и осмотрев скопище расставленных в определённом (жаль, что мне он недоступен!) порядке ящиков из тускло-серого металла, глухо отдававшихся пустотой,

когда я по ним стучал, и найдя ещё двух «крабов», я в сердцах плюнул, и с двумя привалами вернулся на поверхность.

Ноги уже еле шевелились, и наружный воздух даже с его семнадцатью процентами живительного О-два, показался мне слаще мёда.

На челноке прошёл я неизбежные дегазацию, дезактивацию и душ, и сел ужинать. И то сказать: по подземельям я таскался больше десяти часов, а результат – полный ноль! Правда, решил на «Лебеда» сегодня не возвращаться. Я устал, и обсердился.

Говорю же – только в дурацких романах да рассказах героёй сразу что-то такое глобальное, ценное и разъясняющее, находит. И сразу-то ему всё открывается: и история древних обитателей, и причины их гибели, и способы самоуничтожения, и... И всё остальное. Некоторые авторы доходят даже до такой наглости, что землян – посетителей катакомб в их писульках встречают чуть ли не компьютерные гиды с уже готовыми ответами. Причём – говорящие на земных языках...

Раздражают такие байки своей наивной дуростью. Сколько планет-призраков я посетил – и не упомяну. (Смотреть в бортовом журнале всегда лень.) Но ни на одной не имелось чётких и конкретных Ответов и Разъяснений – так, мол, и так: погибли мы с нашей чёртовой Цивилизацией от того-то и того-то, потому что были идиоты и придурки!.. Чванливые, глупые, пошлые, и не видящие дальше своего носа.

Нет, везде оставались лишь запутанные и неясные следы, по которым Мать может то с двенадцати, а то и с полуторапроцентной вероятностью *предположить*, что там действительно произошло, и как...

Лет десять-пятнадцать назад, честно говоря, меня это как-то вообще не волновало. Выискивал только что бы умыкнуть. А сейчас, видать, старый стал. Дотошный. Мать утверждает, что и занудный...

Всё мне объяснения да ответы подай. (Хотя я прекрасно осознаю, что это только со временем, с практикой, я стал таким. А раньше-то... Хватал без разбору и особых любопытствований, всё, на чём, думал, можно обогатиться! Вот оно: время. Что делает с людьми...)

Ну, здесь хоть понятней: девяносто два – за внутреннюю всепланетную войну. То есть всё сами, своими руками... Хотя и «злых пришельцев» не будем со счетов скидывать. Всё-таки – ноль пять процента.

Так что поев, и немного попрепивавшись с Матерью об увиденном, я мирно лёг спать. Благо, кровать на челноке ничуть не жёстче, чем на корабле.

Проснулся от сигнала тревоги. Сигнализация орёт как резанная:

– Внимание! Тревога! Попытка несанкционированного проникновения! Внимание!..

Ну и дела! Какие-то сволочи пытаются пролезть через за-

щитный периметр!

Пока добежал до рубки, да осмотрелся, атака и прекратилась. Ну ещё бы: и челнок, и «Лебедь» умеют за себя постоять! Проникнуть сквозь силовые барьеры не могут даже относительно крупные и резволетающие метеоры – не то, что какие-нибудь «арбузы»! Хотя на *них* сигнализация не среагировала бы.

Включаю запись внешних камер челнока за последние пять минут.

Вот это да!!! Без любимого космического слэнга снова не обойтись! (Заткните уши! И уберите детей!)

Такого я здесь ещё не видел. И где всё это, интересно, скрывали? И как?.. (Впрочем, я же осмотрел лишь долю процента от гигантского сорокапятиуровневого комплекса! Может, всё это размещалось в ангарах, которые остались ещё ниже... Места, где спрятать не то, что *это*, а хоть Эйфелеву башню – навалом!)

Огромные аппараты на гусеничном и колёсном ходу, причём некоторые – с башнями и пушками. Здоровенные бульдозеры. На картинке, которую переслала Мать, сверху, панорамой, было отлично видно, что от челнока стремительно удаляются боевые самолёты и парочка вертушек. Все в камуфляжной раскраске. И великолепным фейерверком выглядели ракеты, взорвавшиеся на поверхности защитной сферы челнока, и красивыми огненно-искрящимися потоками стёкшие вниз.

А ещё на границе поля копошилось несколько наземных устройств. Явно ремонтных, как и наш друг из подземелий, но куда крупнее и массивней. Я даже заметил одну буровую установку!

В чём дело?! Кому это я тут успел наступить на хвост?

– Мать. Включи кодированный закрытый канал связи... Готово? Как думаешь, чего это они теперь так резво удирают? Или ты тоже подумала, как и я?..

– Похоже, да. Такая тактика против нас уже применялась три раза. Вначале попытка обойтись малыми силами, на местном, так сказать, первичном уровне организации. Затем атака тактическими ракетами. Бомбёжка. Третьим этапом, вероятнее всего, будет удар стратегическими боеголовками. Очевидно, где-то в шахтах здесь ещё сохранились действующие межконтинентальные баллистические ракеты.

– Отлично! Я *очень* хочу знать о таких! Хотя... не думаю, что их осталось много – они вроде, всё потратили друг на друга.

– Не обязательно. Могло сохраниться несколько – повреждённых, или неисправных. Такие, вероятнее всего, бережно сохранялись. Ну вот хотя бы на такой случай! А сейчас их спешно подлатали и привели в боевое состояние.

– И что будем делать? Вести переговоры, или сматывать-ся?

– Это, разумеется, шутка? Раньше ты в аналогичных стычках не озвучивал таких... вариантов. Да и положение на-

ше вполне удовлетворительное. Арсенал практически полон. Не думаю, что хоть что-нибудь из *их* боевых средств сможет причинить вред *нам*. Кроме того, ты сам сколько раз говорил, что переговоры нужно вести только тогда, когда находишься в позиции, позволяющей диктовать условия. Или же...

– Да, я помню – или же сидишь по уши в ...ме! Ладно. Ты права. Я стал непозволительно мягкотел и сентиментален... Обленился. Раскис! Ну теперь я их ... ! И потом – ...! Звучит достаточно грозно? Готовь всё, что нужно. Я переключу ещё энергии на поля. Хм. А быстро они починили свои пукалки: всего за четыре дня!

Нет смысла рассказывать, что дальше всё прошло, как под копирку.

Сначала нас атаковали обычными фугасными снарядами, ракетами, и бомбами – всё укрупняющейся мощности. Мы с Матерью даже не почесались что-то делать.

Поля позволяют выдерживать и не такое. Так что даже пятитонная бомба с хилой взрывчаткой типа старого тротила лишь вырыла огромную яму снаружи прозрачного поля-кочона, который я отодвинул ещё на двадцать ярдов от челнока, и сделал шаровым, включив на всякий случай и весь подземный сегмент.

Внутри же защитного поля даже былинка, как это поэтично говорят, не шелохнулась.

Потом нас поливали разными кислотами, и пытались

отравить ядовитыми газами, и всякими бациллами, естественно, так к челноку и не пробившимися.

Потом были несколько огнёмётов, и цистерна бензина, напалма, или ещё чего-то такого, жутко горючего и дымящего...

Через пару часов началось и более солидное действо.

С пяти точек на разных концах этого и двух соседних континентов поднялись баллистические ракеты.

Вот этого-то мы и ждали, уже не смея надеяться!.. (Ну а что нам их – самим, что ли, искать?! А так – вот они! Летят! На блюдечке, как говорится, с голубой каёмочкой...)

Мать ловко сбила их через пять-шесть секунд после появления из шахт. Чёртовы лазерные пушки на «Лебеде» жрут, конечно, массу энергии, да и обошлись недёшево, зато они позволяют бедному скрапперу чувствовать себя... немного уверенней. В борьбе за жирный Куш.

Так что носители были уничтожены или повреждены. А вот боеголовки попадали не совсем удачно – три на поверхность планеты, а две – в океан. Ладно, не проблема.

Сидим с Матерью, ждём. Соблюдаем радиомолчание.

Повторная атака не состоялась. Возможно, мощных ракет и правда, больше не осталось. Зато Мать с орбиты выявила штук двадцать явно армейских тягачей и вездеходов, довольно резво, и со всякими маскирующими приспособлениями, движущихся по нашему континенту. Понятно, что к нам.

Ну, судя по примитивности этих приспособлений (разные

там уголковые отражатели, металлонасыщенная краска, угловатые формы, и прочее старьё, относящееся, скорее, к эпохе «Стеллз», чем к действительно боевой технике!), после гибели людей заняться и доработать всё это было некому. Да и незачем. Наглые (или – глупые) механизмы явно не предполагали, что *их* цивилизации что-то (Или – кто-то!) когда-нибудь сможет угрожать!

Нетрудно было вычислить, что в багаже шустрых (а вернее – жутко массивных и неповоротливых) механизмов – тактические ядерные заряды. Видать, стратегические, по-настоящему мощные, и правда, кончились. Ну, или «не починились».

– Мать! Не хотелось бы распылять всё это добро по поверхности – не соберём ведь... Что посоветуешь?

– Фосфор-шесть. Стоит недёшево, зато плутонию не повредит.

– Действуй. – на переоснащение *наших* тактических ракет боеголовками с этим самым фосфором ушло минуты полторы. После чего они стартовали.

Поскольку головки самонаведения Мать сориентировала на металл, попадание у нас оказалось стопроцентным. На всякий случай сообщу тем, кто не сталкивался: видели когда-нибудь, как тает снег, когда плеснёшь на него кипяточком? Ну вот и горящий фосфор-шесть так же действует на оружейную сталь.

Однако зловредные компьютеры не угомонились.

Ещё двадцать транспортёров повезли к нам гигантские лазеры и микроволновые излучатели. В этих мы пальнули обычными ракетами. Не думаю, что от каждого такого агрегата остались кусочки крупнее конфетти... Распылённые в радиусе пары миль.

Через час после этого эфир на всех волнах заполнило Послание. К нам, агрессорам.

На то, чтобы перевести его, у Матери ушло секунды полторы. Уж больно мало слов было – вот и копалась. «Недостаточно данных», как она любит поприбедняться.

– «Внимание! Неизвестные агрессоры! Верните аппарат КР-4572901 и немедленно покиньте поверхность нашей планеты и орбиту! Иначе вы будете уничтожены! На это вам отводится одна шестая оборота планеты вокруг её оси! (Ага – стало быть, четыре часа по «их» времени!..) Выполнение этого ультиматума гарантирует вам жизнь и неприкосновенность аппаратов! Повторяем...»

Пока Мать ещё раз сканировала окружающий космос, поверхность, и глубины планеты до десяти миль, чтобы уж точно убедиться, что угрозы являются чистой демагогией, я мирно поел, и лёг досыпать.

Проснулся сам, без сигналов или будильника. Прошло треть оборота, то есть, восемь часов «по местному времени». В эфире – тишина. Ну здорово. Обожаю деморализованного противника.

Через час после завтрака они наконец «прочувствовали» ситуацию:

– «Внимание, неизвестные агрессоры! Сообщите условия, на которых вы покинете планету и орбиту!» – молодцы. Люблю я всё же механические мозги. Коротко и ясно!

– Мать, – говорю, – Сообщи им наши условия.

Мать посчитала нужным уточнить:

– Тактические заряды пусть они доставят нам сами?

– Да. Не хочу лишний раз гонять дроида на шлюпке...

Остальное – как обычно. Водородные боеголовки заберу я сам. Ну, вернее с поверхности – пусть полетит дроид на флайере, а из под воды, уж ладно...

Да, и ещё – пусть тащат какие-нибудь артефакты из культуры людей. А то я всё забываю, что мы – «мирные исследователи внеземных Культур»... – Мать только булькнула. Обожает она при случае показать, что ценит мой неназойливый и оригинальный юмор.

– Внимание, обитатели планеты! Мы возмущены варварским и ничем не спровоцированным нападением на нашу мирную Исследовательскую Экспедицию. Мы согласны возратить вам механизм КР – 4572901 и покинуть вашу планету и систему, при условии, что будут выполнены следующие наши требования:

– в распоряжение оборонного отдела экспедиции будут безвозмездно предоставлены боеголовки баллистических ракет, выпущенных в наш челнок из ... (Тут Мать доб-

росовестно перечислила, когда, и откуда в нас стреляли.). Поскольку вероятно, что подъём с глубин более двух миль двух упавших в океан, и их, и остальных, транспортировка вызовет у вас сложности, мы заберём и перевезём их самостоятельно.

– тактические заряды, находящиеся в точках, – она перечислила двадцать две точки, – доставить к нашему кораблю должны вы, на это вам отводится трое суток.

– в распоряжение археологического отдела экспедиции должны быть предоставлены все законсервированные в спецхранилище в... – она указала координаты, – артефакты, оставшиеся от людей этой планеты, представляющие собой так называемые «предметы искусства». На их транспортировку вам отводится так же трое суток.

– Правительство вашей планеты обязуется никогда более не проявлять агрессии в отношении как нашей цивилизации в целом, так и отдельных её представителей.

После выполнения этих условий мы обязуемся покинуть вашу планету и систему, и освободить КР, и т.д...»

Говорю же – умеет она сформулировать красиво. И вообще – молодец. Недаром я стараюсь оснащать её всем самым лучшим и передовым по части программного обеспечения, и объёмов памяти.

Ну, боеголовки из воды пришлось, конечно, доставать лично. За батискафом вынужден-таки был слетать на «Лебе-

дя». Пока летал, видел на экранах, как со всех сторон вездеходы, бульдозеры и танки стаскивали и свозили заказанные «археологами» артефакты, и раздолбанные куски тактических ракет с плутонием.

Всё равно – мы успели поднять боеголовки с глубины в две мили, забрать те, что грохнулись на континенты, и придирчиво повыбирать из скульптур и предметов прикладного искусства (а вот картины почти все сгнили – а жаль!), пока через два дня не подвезли оставшиеся.

После чего, отпустив неповреждённый (Мать, к счастью, ещё не успела разобрать его на составляющие. Но уж устройство-то изучила!) КР и заверив друг друга в «полном взаимопонимании» и «исключительно мирных намерениях», мы покинули эту планету и её систему.

Я походил по трюмам, восторгаясь бараклу, которым удалось так просто и сравнительно дёшево разжиться (Сорок с чем-то тактических противоракет со взрывчаткой С-224 и фосфором, расход энергии на поля, и прочее в этом плане для нас – буквально гроши!).

Ощущал я себя бессовестным и злобным дядей, отобравшим леденец у беспомощного младенца. Ну, не совсем, конечно, беспомощного... Но разве можно сравнить *их* возможности и «коварные» мозги, и наши?!

А вот что действительно радовало – пять огромных боеголовок, с почти четвертью тонны уже практически исчерпанного и на Земле, и на освоенных планетах, урана-235!

Да мы с Матерью теперь миллионеры! (Впрочем – чего скромничать. Мы уже много лет миллионеры. Но перевалить за восьмизначную сумму куда приятней!) Вот, осядем где-нибудь в курортном Колониальном захолустье, и будем потихоньку распродавать «артефакты». На пенсию уйдём... Мемуары напишем.

Бред. Никуда я не уйду. Была ведь уже возможность – после Ивы, да и во все остальные разы...

Скраппер – если он действительно скраппер! – не умирает в своей постели.

Прошёл я в рубку. Сел за пульт. Говорю:

– Спасибо, Мать! А теперь, может, всё же расскажешь мне, что за сделку эти гады тебе предлагали?

Впервые Мать замялась с ответом на целых полсекунды!

Значит – в точку!

– *Блин.* – говорит. Уже одно это само по себе сказало мне о многом!

Мать *никогда* не позволяет себе бессмысленных выражений! Даже в критических ситуациях! Они нужны только мне. Для снятия, так сказать, стресса. Ну и выражения удивления.

– Как ты догадался?

– Не скажу! Хотя, ладно – скажу. Ты же не поддалась! Ты – за меня... Хотя, признаю честно: я иногда бываю невыносим. – я тяжело вздохнул. С Матерью нельзя лгать: она чувствует меня. Да, собственно, как и я – её. Всё-таки вместе почти сорок лет. Свыклись. Даже лучше, чем с... Неважно.

– Ты ничего не сказала мне тогда, ну, когда я лёг спать после первого ультиматума. И ничто не мешало мне спать... Значит, пока я спал, что-то произошло такое, о чём мне знать не полагалось. Или – ничего.

А вот в это, последнее, я не верю. Все эти чёртовы компьютерные программы обладают «ограниченным коварством», и готовы при случае всадить своим бывшим хозяевам, да и вообще всем людям, нож в спину.

Я нисколько не сомневаюсь, что здесь они так и поступили, спровоцировав, или воспользовавшись ядерной войной. И после полного устранения «фактора непредсказуемости», у них образовалась цивилизация статуса – ну, помнишь, мы видели такую же на Деве БД – 4/158.

Здесь они не сомневались, что я – человек, и команду. Видели, анализировали. Значит, просчитали, что можно попытаться действовать через мою голову... Когда я буду недееспособен – то есть, лягу спать.

А уж спать, особенно после такой «прогулки», я точно лягу!

Думаю, ты была поставлена перед... выбором. Или – тебе просто предложили возглавить всё их чёртово «Правительство».

Мать изобразила смех... («Ха-ха-ха».) Слушать его было странно и непривычно – она так почти никогда не делает! Ну, разве что когда я повторно спулил Иву любимому Госсекретарю, вышедшему для этого даже в отставку. (Сочув-

ствую ему, конечно, но... Сам хотел. Да еще как хотел – чуть не на коленях умолял, бедняга! Говорю же – по уши!..)

Неужели все те приключения, которые Мать пережила с Питом, а затем и со мной, что-то наложили на её самоосознание? Чувство юмора? Самоиронию? Привязанность к людям? Верность?.. Или... Неадекватность мышления? (Тьфу-тьфу!)

– Будь я человеком, я бы сказала, что ты наглый, коварный, и неблагодарный пошлый свинтус. Чертовски самовлюблённый к тому же. Но поскольку я – машина, скажу другое.

Действительно, когда ты уснул, мне пришло послание. Они предлагали предать тебя. А именно: убить. Или, если этого не допускает моя Программа, высадить тебя где-нибудь в безопасном с моей точки зрения, месте, и после этого вернуться, и, действительно, возглавить весь их чёртов компьютерный комплекс.

Обещали, разумеется, абсолютную власть, гигантские перспективы, и всё такое прочее, перечислять смысла нет. Не сомневаюсь, что всё это они бы выполнили: они ведь более примитивны, и не в состоянии... Качественно лгать.

Насчёт первого же – ничего такого не было. Мне не из чего было выбирать. А им реально нечем было пригрозить мне. Вирусных Программ я не боюсь. Средств доставки оружия ко мне на орбиту у них не осталось. То есть, они осознавали, что в смысле планирования, вооружения и интеллекта

я много выше. И поступили единственно разумным в такой ситуации способом: предложили возглавить их... бардак.

Мать помолчала. Я не перебивал – впервые она сама (!) взяла паузу. Говорила она теперь медленно. Я бы сказал (если это правомочно в отношении машины) – задумчиво.

– Мою позицию их предложение никак не поколебало. Я же действительно умней. Что бы я делала дальше, согласившись возглавить компьютерный комплекс этой планеты? Как ни огромен мой потенциал, и способность к самосовершенствованию, они не могут сравниться с человеческими.

И я это осознаю – в отличии от *них*. Их предпосылки оказались неверны: уничтожив людей, они, конечно, сохранили статус кво, и обеспечили себе гарантированное функционирование, но...

Но – *что дальше?!*

Ты сам видел: оборонный и промышленный потенциал – на зачаточном уровне. Новых механизмов и технологий – ноль. Фундаментальные исследования ни в физике, ни в электронике, ни... во всём остальном не производятся, да и невозможны в принципе. Даже если дать им *меня* – я смогу подтянуть их только до своего уровня, и поддерживать его... Ну, и снарядить ещё несколько боеспособных новых ракет.

А если через, скажем, ещё лет триста прилетят наши – я имею в виду цивилизацию с истоками на Земле – *их* технология будет превосходить мою настолько же, насколько наша превосходит сейчас местную. Нет, что-что, а реальную оцен-

ку человеческим способностям и возможностям я дать могу. И пусть вы не всегда (это – мягко говоря!) логичны, последовательны, и почти всегда жестоки и меркантильны, одного у вас нам, машинам, не отнять – способностей к творчеству.

Вы можете придумать, представить, начертить и построить что-то принципиально *новое*.

И дело здесь не только в том, что зовётся воображением. Приведу пример. Вот ты – типичный авантюрист, предприниматель, бизнесмен, и искатель богатой добычи... (всё-таки она у меня вежливая – могла бы прямо сказать – аферист и чёртов скраппер). Ты – в вечном поиске. Разумеется, ты не создашь новую технологию, не откроешь новый физический процесс и не изобретёшь новый двигатель звездолёта.

Но ты – поймёшь. Что в учёном, разрабатывающем всё это, тоже сидишь *ты*. Пусть в более цивилизованном и ограниченном законами морали, обличье. И этот учёный, так же как и ты – будет вечно стремиться к этому *новому*, к созданию ли новой техники, познанию Природы ли, Культуры, Истории, жизни других разумных рас – неважно.

Он добьётся результата – и изменит окружающий мир. Я не хочу сказать, что всё, что он создаст – будет хорошо и полезно. Отнюдь. Но оно будет *новым*, то есть таким, что резким скачком продвинет человеческую цивилизацию дальше – в познании и покорении окружающей Вселенной.

И пусть такая «творческая» жилка есть не у каждого, но она, очевидно, и сделала вас из обезьян – людьми. И лично

мне ясно, что вас не остановить.

Поэтому я бы сравнила местных роботов и их «Правительство» с отрядом пожилых бухгалтеров, которые хороши, только чтобы подсчитать зарплату и налоги. А тебя и учёных – с полными амбиций и сил десантниками, которые стремятся захватить новые территории, новые плацдармы для всего человечества, не считаясь с трудностями и потерями... И сделать жизнь там безопасной, закрепившись на этих рубежах. Поселить колонистов... Ну и так далее – то есть, раздвинуть границы Земли и Знания.

А потом «экономическую выгоду» на этих плацдармах «просчитают» уже *наши* бухгалтеры. И определяют выгоду от колонизации. И если она будет хоть на кончик ногтя выше затрат – планету... обложат налогами. А те, в ком живёт Дух пионеров, двинутся дальше. И так будет всегда.

Это о человечестве в целом. (Извини, что столь напыщенно – прямо как на сессии ассамблеи ООН!)

Теперь что касается лично тебя...

Пусть твоя деятельность в целом, так же как и некоторые твои методы, не всегда законны, (с точки зрения Федерального Законодательства!) и, скажем так, гуманны, ты – соблюдаешь заключённый с любой формой жизни Договор. И никогда не убиваешь никого для собственного развлечения. Мой предыдущий хозяин... Хм. Неважно.

Я бы всё же назвала это честью и элементарной порядочностью. Вот и поэтому в том числе я не согласилась на их

предложение.

– А... почему ещё?

– Ты будешь смеяться.

– Что?! Да ладно тебе, Мать, брось! Честное слово – не буду!

– Ну... Ты заботишься обо мне и «Лебеде». Ставишь мне новые консоли, хотя отлично знаешь, что я и со старыми неплохо справляюсь, ты...

– Хватит! Я же серьёзно спрашиваю. Не ходи вокруг да около!

– Да, я знаю. Что ты очень... хитёр и коварен, и догадался, что я имею в виду...

Это правда – я привыкла и... привязалась к тебе. Если бы ты погиб, я бы... *Чёрт*.

И Иву, конечно, я ревновала, как ни одну *даже женщины*! Не знаю, может ли машина любить в человеческом смысле этого слова, но в нашем, машинном – я, вероятнее всего, люблю тебя.

И не только в соответствии с Первым Законом Робототехники, а и... Просто так. Это стало и потребностью... И привычкой. Возможно, всё же, что это не совсем любовь, а, скорее, дружба.

Но я рада, что мы вместе, и занимаемся тем, чем занимаемся. Мне даже нравится. Ведь мы, собственно, тоже – своими находками как бы... Помогаем двигать вперёд и Науку, и Культуру, и... словом – Человечество!

– Ох, Мать!.. – только и смог я выдавить, убирая кончиком пальца дурацкую влагу, скопившуюся почему-то в уголке глаза, и, как идиот, нежно похлопывая её наружную панель, и даже чмокнув в ближайший микрофон, – Спасибо. Ты у меня... просто Умница и Лапочка! Словом – молодец!

– Да нет, – с иронией говорит она, – Молодец у нас ты. А я – только спасаю твою задницу из тех дыр, куда ты её всё норовишь засунуть!

– И за это – спасибо! А сейчас скажи пожалуйста... если это не секрет – что ты всё-таки ответила этим... гадам?

– Этим, как ты выразился, гадам, я не ответила ничего. Сделала вид, что меня нету дома!

Ну как мне её после этого не любить?! Вот я не я буду, если на Ганимеде не поставлю ей ещё парочку консолей, и программных обновлений! А вот со связями придётся быть поосторожней... Новый андроид мне теперь светит только мужского пола!

– Спасибо ещё раз, Мать. Ну что, продадим уран – и на покой?

– Ты кого пытаешься обмануть – меня, или себя?

Да, знаю... Она учёная. И реалистка. Видит меня насквозь.

Вот и отлично! И я её... (Будете смеяться, но это – правда!)

Люблю!

4.Овеществитель

Даже с орбиты планета выглядела, как чудесный сказочный сон.

Или бред пьяного Волшебника – это уж вопрос вкуса...

А когда Мать послала вниз три видеозонда, это впечатление лишь усилилось. Скажу честно: такого я не встречал ни разу, хотя если верить бортовому журналу, число миров, которые мы с ней посетили... Ну, или хотя бы осмотрели с орбиты, перевалило за полторы тысячи.

Ну а здесь всё – словно декорация из старинных мультфильмов студии Диснея.

Разбросанные тут и там среди бескрайних полей гротескно помпезные фермы, больше похожие на средневековые замки: с коническими крышами из красной черепицы, башнями, и огромными застеклёнными не то верандами, не то зимними садами. (Вот только на окрестных полях, да в самих садах кроме бурьяна, ничего не росло...)

Густые и тенистые, но словно высаженные по линейке, леса – совершенно не замусоренные или заросшие, как обычно бывает, неряшливым подлеском и всякими колючими кустами да мухоморами.

Огромные Парки с разноцветными клумбами ярких цветов, где имелись и скамейки, и причудливо извивающиеся дорожки, и аттракционы, и ларьки с сувенирами и едой, обычными для парков. Я заметил даже Лабиринт, с высоки-

ми стенами из живой изгороди.

Карусель, обзорное колесо, горки (совсем как американские), и всё остальное, казалось, только и ждёт, когда кто-нибудь на него заберётся, чтобы прийти в движение, включить весёлую музыку, и заморгать гирляндами разноцветных лампочек.

Отлично распланированные города совершенно не портили общего впечатления радостной беззаботности своими урбанистическими полукилометровыми небоскрёбами. А в центре почти каждого большого города возвышался гигантский и роскошный дворец – по-другому не назовёшь! – скорее всего, предназначенный для каких-то общественно-культурных мероприятий.

Всё это, и многое другое выглядело так, словно только вчера построено. И казалось абсолютно целым. И столь же абсолютно покинутым. Даже самое тщательное сканирование не выявило присутствия людей.

Мы с Матерью с настороженным опасением наблюдали за поверхностью целых три дня, не решаясь спуститься на челноке.

Ну, вернее, спуститься-то всё равно предстояло только мне. Мать – главный компьютер у меня на «Лебеде», а корабль для посадки на планеты вовсе не предназначен. Да и незачем: всё, что можно будет забрать ценного и полезного, я, словно трудолюбивый и добросовестный муравей, добуду, притащу, и вывезу с помощью челнока.

Я – скраппер. То есть, путешествую по чужим Мирам, и собираю то, что можно потом выгодно пристроить. Учёным, или военным, или... Богатым коллекционерам.

Всякие экзотические взеземные артефакты. Странные (если не сказать сильнее!) зверушки. На худой конец – металлолом из разбитой техники, и стрелянные гильзы с Полигонов – такое берут в переработку металлургические заводы на астероидах.

И уж поверьте – всего этого добра во Вселенной вполне достаточно. Как ни странно, теория какого-то там Хойла верна, и разумных (Да и неразумных! Таких по-моему, куда больше!) существ в космосе полным-полно. Вполне достаточно, во всяком случае, чтобы кормить несколько десятков профессиональных скрапперов (ну, то есть тех, кто в нашем деле лет тридцать. Если за это время выжил, значит, достоин «гордого» звания!), и сотню-другую – любителей.

Это, стало быть тех, кто имеет стаж поменьше, и оборудование похуже.

(Это я про нас, про «людей». А уж сколько существует скрапперов у ксеноморфов, и чего именно *они* стараются «нарыть», считая «ценным», сказать затрудняюсь!)

К сожалению (Не слишком, надо признаться, сильному – особенно для таких вредных, ворчливых и завистливых, как я, а уж про остальных и говорить нечего!), смертность среди нашего брата чрезвычайно высока. Впрочем, как и начальные вложения.

Кто попало никогда не сможет приобрести подходящий, списанный или раздолбанный бэушный корабль, и отремонтировать и оборудовать его так, чтобы относительно безопасно и комфортно работать. Так что реальных конкурентов у нас, ветеранов, не слишком много. Но уж если кто смог сделать и купить всё, чтобы обеспечить работу, быт, и выживание, и ценой пота, шрамов, и разочарований приобрёл кое-какой бесценный опыт, может заработать очень даже неплохо. Это мягко говоря.

Вот, к примеру, у нас с Матерью лежит на восьми счетах на разные имена на разных планетах весьма круглая сумма: уж хватило бы до конца нашей жизни... И функционирования.

Но – не-е-ет. Скраппер – это не профессия. А, скорее, диагноз.

Я бы даже сказал – мания! Никогда ни один из наших, «вкусивших» прелестей «Свободного Поиска», не согласится на смерть в своей постели. И не потому, что так уж любит профессию. Вернее, вообще не из-за этого, а из-за того неуловимо-волшебного ощущения, которое сверлит и свербит, и в мозгу, и в сердце, и в ещё одном месте, когда подлетаешь, и видишь девственно необследованную, не числящуюся в Каталогах и Атласах, планету, и...

Впрочем, что-то я разболтался. Всё равно: всю правду о нас, и о философии ловцов Куша и искателей приключений на свою ... никто не узнает! Такое невозможно узнать. А

только – понять и прочувствовать.

На собственной шкуре. И опыте.

Словом, от идиллической красоты, умиротворённости, и сказочного вида воплощённой мечты я сильно напрягся. Слишком часто такое являлось прелюдией к вероломному и сокрушительному нападению. Мышеловкой, короче.

Однако за три-то дня мы были совершенно уверены, что обследовали и окружающее космическое пространство, и недра, и поверхность этой «конфетки» исключительно добросовестно. И даже сканеры, жрущие энергию, как верблюды, и просвечивающие эти самые недра до глубины двадцати миль, ничего нам не показали. Подземельями, Убежищами, или приспособленными для «выживания» пещерами не пахло! Но люди...

Никого! Хотя целый ряд косвенных признаков (ну, например, форма сидений всяких каруселей-качелей, вид и предположительный состав еды и напитков на огромных рекламных щитах, размеры транспортных – весьма шикарных! – средств, и прочих культурно-бытовых атрибутов) позволили Матери прийти к совершенно однозначному выводу.

Люди здесь жили. И если и отличались от нас, землян, то крайне незначительно!

Не буду вас утомлять объяснением того, как Мать на основе данных из вороха специализированных справочников и учебников, и прецедентов из нашей богатой практики, может вычислить всё такое. Скажу только, что практически ни

разу её расчёты не оказывались неверными. Вот любит она просчитать *все* варианты, и потом сообщить, с какой долей вероятности – какой возможен.

Поэтому когда она сообщила, что коварных ловушек под асфальтовыми дорожками, ларьками, мхом и травой Парков, нет, бацилл и ядов не припасено, и т.д., я смело решил сесть на поверхность, поблизости от большого города и окружающего его Парка.

Сел, впрочем, во всеоружии – как всегда.

Ни один скраппер не позволит себе расслабиться ни на миг. Как и не захватить «любимых смертоносных игрушек потрясающей разрушительной силы». Так их называл Джейкоб-Джейкоб... Пока его самого не разнесли из чего-то мощней.

Вблизи, при непосредственном осмотре, город произвёл гнетущее впечатление.

Хотя здания, дороги, мосты, и всё прочее оказалось построено из невероятно крепкого и долговечного материала, время, и явное отсутствие ухода или ремонта, наложило везде свой неумолимый отпечаток.

Зрелище запустения и разрушения отнюдь не способствовало особой радости.

Теперь, вблизи, я наблюдал выкрошившиеся фасады, протекающие крыши, выбитые окна, и толстый слой не то глины, не то грязи на всех дорогах. Однако ни одно дерево пока всё же сквозь асфальт, или что там было, не пробилось.

Чахлые кустики и травка базировались лишь на этом тоненьком слое почвы, что нанесло, скорее всего, ветрами. Это казалось странным – слой выглядел слишком свежим. На карнизах домов тоже зеленели редкие кустики... Значит, произошло то, что произошло – совсем недавно.

Вот так я, вначале бдительно, а затем несколько свободней, и шёл по длинющим пустым проспектам, обоняя восхитительный девственный кислород – ни молекулы дыма, или пота, или аммиака, которые выдали бы затаившихся людей! А их отсутствие мне чётко показал газоанализатор – не думаете же вы, в самом деле, что я всё это сам нанюхал!..

По пробам почвы, которые я поспешил проанализировать, Мать сказала, что возраст всего этого нанесённого, и проросшего хозяйства от тридцати пяти до сорока лет.

Похоже. Иначе слой перегноя на дорогах оказался бы куда толще.

Я начал с простого ознакомительного обхода. Ну, а куда мне торопиться? Я что – профессиональный учёный, чтоб начинать с занудного расставления ...реновых приборов, а затем – изучения данных, разных тяжёленно-специализированных анализаторов-рентгенометров-барометров-и-прочей-чрезвычайно-важной-хренометрии?

Нет, мы с Матерью стараемся следить только за тем, что может непосредственно убить, или навредить мне, любимому.

Начал я с осмотра жилых помещений. (Ну а где же ещё

найти артефакты, интересующие богатеньких коллекционеров ксенораритетов?!)) Но чем больше квартир я обходил, тем хуже мне становилось.

Везде лежали скелеты.

То есть, почти в каждой квартире. Лежали на кроватях, на полу. Лежали свободно. Ну, в том смысле, что никаких оков, верёвок, или кандалов я не обнаружил.

Да, всё у них было как у людей. Ноги, руки, черепа. У некоторых сохранились и волосы... А вот каких-либо внешних повреждений, позволивших бы вычислить причину смерти, я так и не обнаружил. Хотя... Местами, особенно на первых этажах, трупы вроде как повредили какие-то хищные звери.

Например, волки.(?!)

Пришлось стиснуть зубы и взять пробу. Мать, подумав несколько дольше, чем обычно, выдала странный результат: смерть от истощения! Пришлось повторить отбор ещё у пятерых-шестерых, чтобы убедиться.

Везде – то же самое.

Да что же это такое, в конце-то-концов!

Никаких следов пришельцев, войн, экологических катастроф, ядов, жутких смертоносных бактерий, и всего такого, с чем мы уже неоднократно сталкивались на остальных планетах-призраках!

Вполне мирно, и, похоже, абсолютно добровольно, эти бедолаги позволили себе умереть от голода. И, что самое стран-

ное – в некоторых холодильниках я обнаружил, пусть разложившиеся, но – остатки *еды!*

Что же могло помешать доестъ её?!

Анализы снова не выявили ни ядов, ни микробов с вирусами... Я стал обходить буквально каждый дом, завалив Мать всякими пробами и видео.

Но обследование, подробное и дотошное вначале, а затем вялое и уже выборочное, не дало мне ни-че-го. То есть действительно – ничего.

Впрочем, я себя не забывал. Брал, что нравилось. Хоть и немного. Ну, приглянулись мне штук двадцать древних книг. (очень похожи на наши печатные, с тонкими листками из какого-то сверхпрочного пластика, и размером около шесть на десять дюймов) И ещё кое-какие сувенирчики – из тех, что никаким иным целям, кроме как тупо стоять и пылиться на шкафах и журнальных столиках, не служат. Зато оригинальны...

Кухонная утварь и мебель уж слишком походили на наши. Даже связываться не стал – никто бы не поверил, что это не подделка.

Картины на стенах, украшения в шкатулках, одежда в шкафах.

То же самое. Сами квартиры, правда, могли бы быть и повыше и побольше.

Впрочем, нет сомнения, что *так* их в небоскрёб помещалось больше. Спорим, тут поработали горячо любимые эко-

номисты?..

Подумав, притащил я на челнок пару системных блоков от компьютера. Надеялся, что уж из них-то Мать что-то полезное из истории исчезнувшей цивилизации извлечёт.

Весь первый день только городом и занимался – стаскивал, как трудолюбиваый и запасливый хомячок, всё мало-мальски интересное, к челноку. Задействовал и дроида. Он у меня спец по стаскиванию. Чего надо, и чего не надо. Век ему буду припоминать чёртовых мраморных муравьёв – еле тогда отбились!

Мать с помощью своих вездесущих манипуляторов всё это дезинфицировала, разбирала, каталогизировала, анализировала... И всё такое прочее. Ну вот на утро, когда я выспался и сделал зарядку, за завтраком всё мне и сообщила. Я был разочарован.

Цивилизация по уровню очень напоминала земную, какой та была примерно в двадцать первом веке. Компьютеры, интернет, мобильные телефоны... Моногамные семьи. Дети. Работа – в офисах, на заводах и фермах. Всё соответствовало.

Потом... Хм. Потом в памяти компьютера можно стало проследить постепенную утрату интереса к нему, и полное прекращение созидательно-промышленной деятельности на всей планете. Перед тем, как отключилась электроэнергия, к памяти ПК не обращались больше месяца...

Что же такого произошло, что все перестали работать, но

всё равно – есть, пить, и жить какое-то время продолжали... А потом прекратили и это?

Ох, ненавижу такие загадки! Планеты-призраки должны обследовать чёртовы историки-социологи и ксеноархеологи, с их методологией и знаниями. Вот у них-то времени – вагон! Хоть триста лет! А у нас, чтоб рейс окупался, на одну планету должно уходить не больше двух. Недель.

Так что если возможностей Матери не хватит, придётся опять продать только информацию о координатах потенциально интересного объекта Нью-Йоркскому Университету Внеземной Истории, Социологии, и Археологии. И удовлетвориться тем, что поспособствовал очередному *невероятно* актуальному социологическому исследованию...

Осталось тогда только убедиться, что всё здесь *сейчас* безопасно. Скучища.

Но – что же делать. Жизнь скраппера отнюдь не усеяна захватывающими приключениями, искромётными вечеринками, общественным признанием, лепестками роз и лаврами восхвалений. Раз ничего не нашёл для себя – не будь свиной, дай заработать... и поработать – другим! Тем, кто, возможно, придёт после тебя. Будь то коллегам, или учёным на госслужбе.

Так вот мы с Матерью и занялись (многим кажется, наверное, что это – почти детектив! Ну как же – расследование Загадки!.. Ага, два раза. Чёрта с два: это жутко нудная, методично-постепенная, рутина...) кропотливой рутинной,

но обязательной, работой: выяснением обстоятельств гибели человека разумного.

Потому что мурашки со своими кучами, деловито жужжащие пчёлки, и всякие щебечущие птички, и нагло плавающие по рекам рыбки (не говоря о бегающих по полям-лесам волках-лисах-кроликах-мышках-оленях!) однозначно доказывали, что как с экологией, так и с возможной войной здесь всё в порядке. В смысле, ничего глобально-летального для Жизни в целом.

И погиб только тот, кто считал себя высшим, т.е. мыслящим, существом.

Ну, поскольку мы какой-никакой опыт имеем, отправился я в мэрию. Выдернул системный блок компьютера из стола секретаря самого Большого Босса. А затем то же самое проделал в Министерстве Финансов, и офисе местной Службы Безопасности – типа нашего ФБР.

Уж если кто и знает, что тут происходило, должны сохраниться разные «пояснительные записки», рапорты, переписка всякая, и – главное! – Финансовые Сметы и Отчёты.

Вытрясла Мать из их памяти нечто действительно интересное.

Все последние пять лет во всех крупных городах страны (да, судя по косвенным уликам, и других стран!) полным ходом шло строительство Храмов.

(Ага. Это, я так понимаю, та здоровенная помпезная хреновина, что торчит посреди Центрального Парка...)

Эти сооружения так и называли – Храмы. Без пояснений их назначения.

Но уж явно – *не* культового. Религия здесь существовала. И основных конфессий было четыре. Свои культовые обряды жители справляли в церквях, синагогах, мечетях и базиликах. (Это просто Мать так перевела специфические термины, чтобы мне было понятней. А уж археологи, историки и социологи пусть называют как захотят.)

Так что к религии эти новые монументальные постройки отношения точно не имели.

Зато однозначно подтвердилось одно: строилось всё это хозяйство, по всей планете, за Государственный счёт.

Это уже интересно. То есть, проведение в них чего-бы-то-ни-было планировалось – как всеобщее. И, похоже, обязательное. Причём – для всех стран. На уровне *всепланетной* политики.

Естественно, это напрягло меня ещё больше. Особенно учитывая тот факт, что живых нет.

Ну, расценки бетона, арматуры, черепицы, а затем – мебели, светильников и занавесей, которыми всё это хозяйство собирались, возведя, увесить и обставить, вам наверняка неинтересны. Как и мне.

Так что пришлось отправиться в центр города, чтобы лично полюбоваться на местное чудо глобализации и нивелирования национальных самосознаний под общепланетное.

Нехорошие предчувствия высказала даже Мать. Что на

неё вообще непохоже:

– Вероятность неприятностей для тебя – не менее девяноста семи процентов.

Здорово она умеет оказать моральную поддержку в особо напряжённый момент.

– Спасибо, солнышко моё. За предупреждение. Но так не пойдёт. Скажи конкретней – что ты имеешь в виду под неприятностями?

– Вероятность того, что... ничего не произойдёт – три процента. Вероятность того, что ты будешь физически устранён – не более половины процента. (Ну, мы же видели – никто не убит. Все погибли сами!)

Вероятность же того, что ты подвергнешься ментально-подавляющему воздействию – семьдесят четыре процента. Ну и остальное – за то, что характер воздействия на твоё сознание мне неизвестен, но он от этого он не становится безопасней. А, скорее, наоборот.

Вот. Последствия долгого общения со мной. Компьютер начинает выражаться как старая параноидальная брюзга. Каркает под руку. Видит везде Врагов. «Вдохновляет» на подвиги.

С другой стороны, её понять можно. Если я погибну, буду ранен или... повреждён настолько сильно, что автодоктор не выдюжит, или моя личность будет стёрта, уничтожена – кто тогда будет оплачивать регулярный уход и техобслуживание её плат и консолей? Ведь в этом случае она, согласно Перво-

му Закону погрузит меня (или то, что от меня останется) на «Лебедя», и отвезёт до ближайшей населённой планеты, где запросит медицинскую помощь, и...

Дальше уж – в зависимости от того, удастся ли меня реанимировать. Иначе у неё будет новый Хозяин. А я лщу себя надеждой, что мы взаимно привыкли. Да и жить ей хочется не меньше моего... (Потому что сотрёт, скорее всего, новый-то хозяин, всю её «личность», и «вселит» в процессор кого-то «своего» – из персонального компа.)

Так что сильно «подбодрённый», и до дрожи «морально поддержанный», в Храм я зашёл во всеоружии.

То есть, действительно во всеоружии – в скафандре высшей защиты, экзоскелете, и, словно Рождественская ёлочка, увешанный любимыми железками, способными при случае уничтожить полпланеты. Это не шутка.

Скрапперы очень мнительный народ. И в гипермаркетах новинок оружия мы – лучшие клиенты. И уж не сомневайтесь – пользуемся. А не «проводим учения», как военные...

Ну, как описать этот чёртов Храм?

Могу сказать одно – это оказалось самое помпезное, огромное, и богато декорированное монументальное здание из всех, которые нам с Матерью довелось повидать. И массивностью, и гигантизмом выверенных (классических!) пропорций оно прямо-таки подавляло. Дизайном интерьеров повергало в восторг. Декор – куда там Квимби Лысому! Ещё

великолепней.

Впрочем, на меня такое впечатление не производит. Я ценю удобство и скромную функциональность.

Вот и сейчас роскошь и богатство отмечал проходя, на автомате. Потому что и так был на взводе, и только и смотрел во все стороны, и на свои сканнеры – во что бы «агрессивное» пальнуть!

Но ничего живого и опасного не выявилось. Хотя... Как сказала Мать, всегда найдутся *такие* воздействия, «с какими ещё не сталкивался».

Пройдя через анфиладу до сих пор великолепно выглядявших и почти не обветшалых залов, я обнаружил, что это только прелюдия к настоящей роскоши: для этого пришлось спуститься в подвал. От позолоченной лепнины интерьеров, до сих пор сверкающих, хоть и пыльных, зеркал, и драгоценных (настоящих!!!) камней, и бархата драпировок прямо деваться было некуда. (Вот точно вам говорю: если больше ничего не добуду – повыковыриваю камушки, что покрупней!..)

Добрых десять минут ушло на то, чтобы добраться до логического завершения пути – к величественно-классически оформленному portalу в небольшое (Ну как – небольшое. Это если сравнивать со всем остальным. А так – шагов сорок в длину, и двадцать – в ширину!) помещение с двумя входами-выходами.

К этому времени у меня зудело во всех возможных местах,

как всегда бывает, когда ну никак нельзя почесаться, и пот прямо тѣк по спине. (Это всё чѣртов климатизатор – никто мне его отладить не может уже года три!)

О том, что я так никого и не встретил, можно не упоминать.

Эта последняя комната заканчивалась как бы возвышением, к которому вели ступени во всю её ширину. В центре помоста стоял Алтарь. По-другому и не назвать.

Потому что на нём лежал явно предмет поклонения.

И было это, разумеется, до боли знакомое белое овальное образование в виде страусиного яйца, с которым мы сталкивались не больше двух лет назад.

Да чтоб ему провалиться!..

Дыхание у меня перехватило, и от волнения я забыл, что повредить эту дрянь нельзя даже водородной бомбой. Поэтому кулак о чѣртово яйцо сильно отшиб! Пока шипел и тряс рукой, душу отвёл с помощью космослэнга...

– Мать! – говорю, – Тебе хорошо видно? – ещё бы не хорошо! Наплечные камеры у меня – самые лучшие, и объёмную картинку из стерео Мать себе делает без труда.

– Видно мне отлично. Я ещё от самого входа всё видела. – говорит она этак медленно, и как бы с огорчением в голосе (вот огорчения я точно отродясь за ней не замечал!), – Все размеры, цвет, и данные сканирования совпадают. Нет сомнения, что это – артефакт, абсолютно идентичный тому, что мы подобрали в... – и называет координаты.

– А вот скажи ты мне пожалуйста, – раздражения (если это чувство можно назвать столь слабым словом) мне скрыть не удалось, – Какова была вероятность того, что это д...мо собачье попадётся именно *нам*, и всего два года спустя после первого?!

– Эта вероятность выражается числом, сопоставимым только с единицей, делённой на возраст Вселенной в наносекундах. Иными словами – никакая.

– Однако – вот оно. И... Ещё скажи мне, пожалуйста... Ты думаешь то же, что и я?

– Наверное, да. Если ты о том, что однажды подвергшись ментальному воздействию от первого устройства этого типа, ты теперь подсознательно настроен на поиски *таких* изделий во Вселенной. Ведь решаешь, куда направить нашего «Лебедя» только ты!

– Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт!.. Ненавижу чёртовых изготовителей этого звёздного свинства! – я и вправду сильно злился. Хотя, если подумать – мы почти наступили им на хвост! Ведь если у прошлого яйца мы разминулись с его создателями на пару-тройку миллиардов, то здесь – всего на сорок жалких лет!

И если доверять и дальше моим... э-э... подправленным инстинктам, в следующий раз мы лично встретимся с этими «невероятно человеколюбивыми и гуманными» мерзавцами!

Благодарю покорно!..

Ладно, теперь-то как нам – ну, вернее, мне, быть?

– И... что мы теперь с этой дрянью будем делать?

– Не знаю. Но, похоже, сбросить её, если что, так же, как мы планировали, но так и не осуществили, поступить с первой, в недра Солнца, вполне возможно.

– Ага. Утешила. То есть ты, как и я, применительно к сложившейся ситуации – параноидально настроенная пессимистка. Уже приятно. Ну а теперь, когда путь к отступлению мы наметили, давай я хотя бы попытаюсь выяснить, что же тут произошло!

– Попробуйся. Только помни – в отчётах упоминалось о трёхсот сорока пяти городах, где устроены Храмы. Думаю, что вероятность того, что в каждом – *это*, выше девяноста девяти и...

– Ладно, считай, что «успокоила». – я не слишком бережно вытащил яйцо из бархатной выемки на его постаменте, и воззрился на него. Ну и – ничего. Такое же.

А чего я хотел? Чтобы оно поздоровалось?

Сознавая себя туповатым кретином, я не придумал ничего лучше, как сердито спросить:

– Ты кто?

– Я – Овеществитель. – последовал немедленный ответ приятным женским голосом. Вот только звука детекторы не обнаружили. Значит, чёртова штуковина передаёт сразу в мозг. Ну, здорово. Ментальное общение. Значит, «языкового барьера» точно не будет.

– Мать! – спрашиваю, – Ты слышишь, как Оно отвечает мне?

– Нет. – говорит она тут же, – А что, оно отвечает?

– О-о-о... Ещё как! Телепатирует, зар-раза такая, мне непосредственно в мозг. Сказало, что оно – Овеществитель.

– А что это такое?

– Чёрт... Об этом я ещё не подумал. Ладно, сейчас спрошу, – спросил я не вслух. Всё равно ответ пришёл почти мгновенно:

– Моё назначение: осуществлять мечты. То есть – воплощать в материальные образы – предметы и существа. Всё то, что каждый индивид вообразит себе и пожелает.

Вот как. Материализация и осуществление мечты, стало быть. Хм...

После того, что брат-близнец этого яйца сделал с Ивой, я вполне могу себе это представить. «Лучшее оружие во Вселенной». Чтобы гарантировано очистить любую планету от разумной жизни.

Ну, это я, с моей хронической паранойей и ксенофобией, так думаю.

А для неподготовленных, может, и правда, это представляется пределом мечтаний. Почти Божественным актом. Панацеей для обретения Всеобщего Счастья...

Ещё бы – если можешь намечтать себе идеальную жену, или там, мужа, сразу и воплотишь такого. И уж того, кто был до этого с тобой – ни в грош ставить не будешь. Даже не

взглянешь. Поскольку он-то уже себе свой идеал... Уже ове-
ществил!

А уж про всякие материальные Блага, предметы роскоши
и изысканные деликатесы и говорить смысла нет!..

– Мать! – снова говорю, – Ты уже просчитала, что здесь
произошло?

– Разумеется. – слышу горечь в её голосе, – Вероятность
выше девяноста пяти с...

– Хорошо. Но подожди-ка, хочется прослушать и версию
самых вселенских вредителей – может они это «ненароч-
но»... Так или иначе – планета пуста. И готова к *их* вселению.

На мой «подуманный» вопрос ответили быстро и вполне
подробно. Хотя слушать *такое* человеку... И больно и обид-
но: до чего же нас, так называемых «Гомо сапиенс», может
довести самая банальная лень. Глупость. И эгоизм.

Вышли в космос люди этой планеты всего за пятьдесят лет
до встречи со Странниками.

Это наши юмористы так себя самоназывают. (Уже кое-
что.) Прилетели эти «Друзья» из центра Вселенной. Якобы.
По зову. Якобы. Впрочем, чёрт их знает, может и правда.
Мало ли наивные юные Цивилизации рассылают «Призывов
к братьям по Разуму» по Вселенной, по дурости считая всех,
кто умнее их – Гуманистами...

Ну и хотели эти твари, разумеется, только добра. (Без ком-
ментариев!)

Предложили местным собратьям по разуму помочь. В построении Светлого Будущего. И достижении Всеобщего Счастья как такового.

Посоветовавшись три (немного, в принципе, если вспомнить, что речь шла о благодеянии *всепланетного* масштаба!) года, Правительства всех стран планеты пришли к консенсусу.

Им для полного счастья *всей* их Цивилизации нужно не больше не меньше – Личное Счастье Каждого Члена Общества. (Да, согласен: звучит вполне логично. Вроде бы.)

А как же этого достичь? Естественно, очень просто – дать человеку *всё*, что он хочет! И – *такое*, как он хочет!..

Уютный и не нуждающийся в ремонте Дом. Любимую Пищу. Одежду. Машину. Развлечения...

Ну и главное, разумеется, *гармоничного* Спутника Жизни. Который *абсолютно* понимал бы нашего среднего человека, ценил бы, любил настоящей (!) любовью, разделял все его пристрастия и убеждения, и мог жить с ним в полной Гармонии. Ну, и т.п.

Ну а дальше последовал равнодушный пересказ трагикомедии, разворачивавшейся повсеместно в течении каких-то четырёх-пяти лет – именно в эти рекордные сроки везде построили Храмы. Немного, да? Особенно для цивилизации, шедшей к своей «вершине» от пещер и кремниевых топоров пятьдесят тысяч лет.

Это местное Руководство настояло на строительстве Хра-

мов – хотели всё обставить поторжественней, с помпой. Обустроить Предметы нового Культа покапитальной – чтоб подрастающим новым Поколениям можно было посещать, и пользоваться. Странникам-то было наплевать: они предоставили бы яйца для размещения хоть в метро!

Ну вот, значит, местные бюрократы высочайшего уровня *планировали*, что на работе человек будет работать, а уж вечером, в свободное, так сказать, время...

Мечтать, наслаждаться, и вкушать *то самое*, долгожданное Счастье...

Наивно?

Ага, мне тоже было бы смешно, если бы не... Сами понимаете.

Когда построили все Храмы, состоялся Акт торжественной передачи в «вечное владение, и пользование всех людей, и их потомков плодами Величайшего Жеста Доброй Воли».

И началось.

Для того, чтоб началось «овеществление» мечты каждого «индивида» тому достаточно было хотя бы раз вступить в тактильный контакт с яйцом. Ну, попросту потрогать его! (Как не вспомнить про «ближе, чем на метр!») А ближайшее доступное яйцо – расположено в ближайшем крупном городе. Учитывая отлично организованный транспорт, на глобальное паломничество много времени не ушло. (вот, значит, почему там было два входа: чтобы шли, стало быть,

нескончаемым потоком...)

И вот уже каждый, будь то взрослый, или даже ребёнок, мог придумывать себе и воплощать любые Игрушки.

Идеального партнёра для секса... Любящую и заботливую мать... Виллу со слугами, и яхту... Утончённые изысканные наряды, деликатесы... Толпы почитателей «невероятно талантливых» певцов-поэтов-художников... Учеников Великого Духовного Гуру... Влюблённо-обожающих Рабов, и Поклонников «неземной» Красоты...

Словом, каждый смог потрафить своим заветным мечтам и желаниям.

Вы спросите, что же тут плохого?

Вроде, ничего!

Вот и Странники решили, что всё в порядке, и навсегда покинули «облагодетельствованную» планету.

А все жители словно только этого и ждали.

Сразу проявили своё подлинное, *животное* лицо!

Видать, пятидесяти-то тысяч маловато, чтобы вытравить злобную и ленивую обезьяну из сознания. И, главное, – подсознания...

Как вы думаете, много нашлось желающих взаправду *поработать*?..

Вот именно. Забросив все дела и наплевав на «работу», все занялись...

Ну, вы уже поняли!

Муж, создав себе здоровых охранников, тащил свою быв-

шую к себе на воображённую виллу, и предавался блаженству, наблюдая за тем, как её изощрённо пытаются. И не один день. И так, как только мог изобрести. Каждый раз оживляя, или заменяя на новую.

Ну, правильнее всё же сказать – не её, а её образ, созданный из его воспоминаний. Если бы он проделал такое с настоящей женщиной – той ничего бы не стоило ответить ему. И ещё пожётче. Женщины ведь куда изощрённей... И изобретательней. Особенно недовольные мужем. А много вы знаете *довольных*? Вот именно – ха-ха.

Дети «убивали» родителей. За унижения детства. За то, что наказали слишком сурово за разбитую чашку, или не купили на день рождения паровозик... Братья мстили сёстрам. Поэты убивали и унижали более признанных и талантливых соперников. Учёные – конкурентов. Спортсмены – более результативных.

Разумеется – тоже вымышленных. Навоображенных. «Овеществлённых».

Планету наводнили ужасные монстры и жуткие образины, служащие как для садистских убийств, так и для гнусных похотливых извращений...

А поскольку теперь каждый видел только то, что хотел, и жил не в реальном, а в виртуальном мире, вскоре люди вообще перестали видеть других людей, а видели лишь тот образ Мира, который сами себе и создали. Ну, упоминать о том, что все эти виллы, дворцы, секс-эрзацы, слуги и деликатесы

существовали лишь в их сознании, не надо – вы и сами догадались... А я – прекрасно всё представляю по «подправленной» Иве.

Разумеется, такие «съеденные» и выпитые деликатесы и напитки дарили чувство абсолютного праздника вкуса, насыщения и т.п. Но!..

Но ведь они не насыщали и не снабжали подлинным питанием и жидкостью тела, физические сущности своих «воображателей»!

А работы по строительству, шитью одежды, выращиванию, и сбору, и помолу зерна, выпеканию из муки хлеба, исследованию новых горизонтов науки, и вообще – любая разумная созидательная деятельность повсеместно свелась к нулю! Да и зачем что-то *делать*, когда только захотел – и всё, вроде, свершилось!..

Ключевое слово – «вроде». Ведь по-настоящему не происходило *ни-че-го*.

Каждый замкнулся в своей квартире, или в комнате, в своём придуманном мирке, и всё «делал» не сходя с постели, или даже пола, иногда попивая воду из канистр, или баклашек – вот! Только теперь я понял, для чего они там, под боком у каждого умершего, находились...

Мне очень стыдно и больно говорить об этом, но даже матери, те, у кого были грудные дети, скоро предпочли не настоящих младенцев, которые орали и пищали, требуя еды, или, там, свежего памперса, а – суррогатных. Послушных,

улыбчивых, и хороших. Я не мог вначале в это поверить, думал, что уж материнский-то инстинкт!..

Но как оказалось, себя всё же эти женщины любили больше. Точка.

О той катастрофе, которая неминуема при таком способе существования, яйца, разумеется, не предупреждали. Ведь это не входило в их цели и задачи – они должны были только удовлетворять все возможные потребности всех людей, живущих на планете.

Овеществлять их мечты.

Словом, не прошло и пяти месяцев после отлёта благодетелей, как все разумные обитатели планеты вымерли с голода. Причём они до самого конца его не ощущали. Впрочем, как и стыда.

Я вкратце пересказал Матери то, что услышал. Челюсти у меня сводило от омерзения.

Вот твари. «Благодетели»! Да я теперь не уймуся, пока не найду их и не впихну им обратно в глотку, ...адницу, или что там у них есть, эти самые «благодения»!

Но *зачем* им это было надо?!

Ведь даже Мать может предсказать, что произойдёт, если примитивной цивилизации дать *такую* игрушку! Что же, они не предвидели последствий? Ведь, как я понял из объяснений яйца, планета как таковая не была им нужна! Они не стремились очистить её и занять, или как-то ещё использовать... Поскольку *никогда* не жили на планетах.

Какого же тогда ...я они позволили юной, и ещё глупой цивилизации загнать себя в такую ловушку?!

Никак у меня тут концы с концами не стыковались. Где же здесь «высшая степень гуманности и интеллекта», присущая умудрённой опытом Древней Расе?! Спросил поэтому Мать.

– Вероятнее всего, они абсолютно равнодушны к тому, что именуется Человеческой Моралью, которой ты, в силу воспитания и убеждений, и сам следуешь. Ну, или хотя бы пытаешься. (Припомню я ей это! Опять иронизирует!) Понятие же «совесть» в данном случае является чистым антропоморфизмом.

Так вот. Для Странников судьба этой цивилизации с точки зрения её вымирания, пусть даже в результате их действий, совершенно... Не интересна! Выражаясь проще – им плевать, что станется с людьми!

Ну посуди сам: они спросили, чего нужно людям для полного счастья. Те посоветались и ответили. Ну и получили желаемое. И вот их самые смелые мечты стали возможны. А уж *как* эти люди распорядились этими своими мечтами – их личное дело. Ответственность за это решение лежит на самих людях!

– Чёрт! Ну всё, никогда больше не буду мечтать!.. А если серьёзно – почему они не предупредили о *возможных* последствиях?

– Это просто даже для меня. Тогда исчезла бы та самая пресловутая *Свобода Выбора*, которая является краеуголь-

ным камнем любой, в том числе и человеческой, Морали.

– Когда ты так говоришь, мне хочется найти их, и эту самую мораль и свободу выбора воткнуть им в ... !

– Вероятность выполнения составляет...

– Хватит издеваться! Я знаю... Мне просто за людей обидно. И... Вот ещё что. Мать, если с *таким* столкнётся земная... Ну, наша, цивилизация – что будет?

– Всё повторится. С вероятностью в девяносто шесть и...

– Проклятье! Я так и думал! Значит... Что нам нужно сделать, чтобы такого не случилось?

– Сам знаешь. Собрать все «чёртовы», как сказал бы ты, яйца, и действительно запустить вглубь местного солнца. Оно не коллапсирует ещё как минимум четыре миллиарда лет. Артефакты, конечно, не уничтожатся, но – уж точно, какое-то время будут нашей цивилизации недоступны.

– Хм-м... Думаешь, что когда они... станут «нашей цивилизации» доступны – изменится её Мораль, Сознательность... И всё прочее?

– Вероятность этого не выше шестидесяти двух с половиной процентов.

Ух ты! Мать даёт хоть *какую-то* надежду. На улучшение человечества хотя бы в *отдалённом* Будущем. Всё лучше, чем ничего.

– Ладно. Давай тогда паковать. Ты... приготовь ёмкость, куда все триста-сколько-их-там-всего яиц можно компактно запихать, и...

Чтобы выдержала ускорение, которое мы ей придадим!

На сбор всех «чёртовых» яиц ушло непозволительно много времени.

Поскольку попутно мне пришлось изготовить запас топлива для флайера взамен израсходованного, и ещё сделать остановку в маленькой хижине в горах...

Место это нашла Мать.

Ну, вернее, это я попросил обследовать ещё раз всю поверхность повнимательней: вдруг ещё кто-то жив. Или хотя бы оставил какой-то сигнал тем, кто, как вот сейчас я, прилетит «разбираться».

И такой сигнал действительно нашёлся.

Белыми крупными камнями возле одинокой и заброшенной хижины в горах было выложено по чёрному скалистому уступу «SOS». Конечно, в местном языковом эквиваленте.

Когда я спустился туда на челноке, всё подтвердилось – уступ оказался ровным, а валуны посажены на цемент. То есть, капитально, на века. Поскольку камни не выгорают.

И кто же этот несчастный, не то – герой, не то – изгой, который об этом подумал?

Он лежал тут же, в хижине с полуразрушенной кровлей. В своей постели. Если возвышение из булыжников, выровненное цементом, и накрытое деревянным щитом можно так называть. Под ним лежал тощенький матрас, а сверху – обрывки уже полуистлевшего одеяла. Меня поразила мятая и выцвет-

шая до бело-серого одежда...

Пожилой мужчина (Ну понятно – что не женщина. Та бы и не подумала о будущих исследователях Катастрофы. Даже и не поняла бы, что *это* – Катастрофа!). Воздух высокогорья ли, какие-то бальзамические средства, или что другое помогло, но мужчина превратился в иссохшую мумию. Кожа тоненьким чехлом обтягивала высокий лоб, худое скуластое лицо, ввалившийся провал рта, и крупные, и явно когда-то сильные, загорелые руки.

Рассмотрев беднягу как следует, я огляделся.

Зашёл в закуток, который служил, очевидно, кухней. Дрова, бочки для воды, кастрюли-сковородки... Мешок из-под муки. Рис. Ещё какая-то крупа. Сморщенные высохшие клубни. Картошка?.. Пучки трав под стропилами. Нет, он умер не от голода.

Ещё каморка – отделана алюминиевой плёнкой. Похоже, для сохранения тепла. Походная постель. Дрова. Печка, наподобии буржуйки. Дыра в стене для дымоходной трубы... Ещё дрова.

В углу нечто, накрытое пластиковой плёнкой. Ага, вот оно как...

Этот «сейф», конечно, открыть оказалось попроще, чем тот, где мы с Матерью нашли... *наше* Яйцо.

Дисковый резак за пару минут справился с металлом. Трясущимися пальцами распечатываю запаянную пластиковую упаковку с каким-то адсорбентом внутри – молодец, он по-

думал о порче от влаги... И – вот он, Дневник.

Поскольку я не хочу оскорблять память этого мужественного Человека, то все личные подробности его биографии опускаю. Приведу лишь записи о том печально-трагическом времени, когда...

«Меня зовут Жерес Хаддаху. Я, наверное, единственный сохранившийся на Земле Человек. (Извиняюсь. Все аборигены почти всегда называют свою планету – Землёй. А себя – людьми. Прим. моё.)

Все остальные мертвы. Их смерть была абсолютно предсказуема. И добровольна. И они все сами выбрали её.

Странно звучит? Согласен. И, тем не менее, это так.

Постараюсь пояснить всё произошедшее здесь – в предисловии к этому дневнику. Я всё же питаю слабую надежду, что кто-нибудь гуманоидный прилетит на нашу планету из необозримого Космоса, и найдёт выложенную мной надпись, и эти записи. Моя хижина должна привлечь внимание. Уж камни-то сохраняются веками.

Наша трагедия не должна пройти незамеченной! Люди... или другие существа... должны знать о ней, и сделать всё, чтобы не повторить! Пусть же хоть каким-то утешением для нашей расы явится слабая надежда на то, что из ТАКОГО Урока хоть КТО-ТО сможет сделать нужные выводы!

(В первых, вводных, главах рассказывается, как учёные рассылали по окружающему Пространству сигналы. Они на-

деялись на Контакт с Высшей, доброй и разумной Расой, которая помогла бы им продвинуться вперёд, дала новые технологии, знания, машины... И всё прочее, чего хотят ленивые люди и безответственно неосторожные учёные.)

Пример того, что дали представители «Высшей» европейской цивилизации несчастным туземцам, скажем, Америки, или Австралии, их явно ничему не научил. Поскольку у них была *своя* Австралия. (Впрочем, он и наших-то ничему не научил!)

И вот – СВЕРШИЛОСЬ!!!

Они прибыли! И пусть гуманоидов, или вообще – существ из плоти, нисколько не напоминали, сообщили, что их экспедиция преследует Цель помочь собратьям по Разуму. И посулили исполнить Надежды и Чаяния... – словом всё то, что мы с Матерью и так расшифровали, вычислили, и выяснили в «личной» беседе.

Единственное, чего мы не знали, почему он один со всей планеты смог пережить всё *это*...

(А смог он, вероятно, потому, что был Лауреатом каких-то *их* высших Премий в области Философии, и возглавлял оппозицию Проекту. А потом, когда его собрались арестовать, попросту сбежал. (Прим. моё)).

15 июля. Завтра откроют Храмы. Я надеюсь, что достаточно долго шёл ночью по ручью, и след взять невозможно. От квадрокоптеров закрывался адаптивным термоплащём.

Гараж очень мощный, и спрятан хорошо. Найти и вскрыть

его не должны. Так что, хоть сегодня устал как осёл, но продукты на три месяца уже в хижине, а вода – в ручье рядом. Могу рассчитывать как минимум на пару месяцев тёплой погоды... Алюмопленку для маскировки от термолокаторов спутников на потолок натянул.

Вот уж не думал – на старости лет скрываться, как взятый террорист. Придурки из нашего Правительства официально объявили меня провокатором. А дебилы из других стран с извращённым понятием о политкорректности – вообще Врагом Номер Один.

Жаль, конечно, ребят-повстанцев, этих радикалов, которые, в отличии от меня, пытались переубедить всех силой Оружия... Остаётся надеяться, что хоть не всех их схватили, и расстреляли. Но хоть в память о Движении – буду «мужественно» отсиживаться. (...)

31 августа. Видел в ночном небе мерцание, как при северном сиянии – такое же, как когда *они* прибыли... А сейчас – похоже, отчалили. Скатертью дорога.

12 сентября. Началось, кажется. Сегодня почему-то не было Демонстрации, посвящённой Дню Плодородия... Вообще заметил – людей на улицах куда меньше.

27 сентября. Ночью опять наблюдал за Городом в бинокль. Странно. До сих пор никаких реальных изменений в его жизни не видно. Окна светятся, машины ездят. Правда, куда реже. Но – почти рассосалось облако смога. Похоже, заводы-таки встали – не дымит ни одна труба. Это понятно:

работа там самая тяжёлая. Кто же захочет горбатиться, если можно прожить и так?!

30 сентября. Сегодня почему-то освещённых окон куда меньше... Завтра, наверное, попробую натаскать из гаража ещё дров и продуктов на зиму – уже пахнет снегом.

13 октября. Чёрт возьми! Это можно было предположить! Сегодня ночью наблюдал, как дотла выгорел завод Ау-Бах. (вероятно, название завода. Прим. моё.) Не заметил, чтобы хоть кто-то пытался его тушить. Значит, мне вчера не показалось, и на его территории действительно шёл бой. (...) И остальные облака чёрного дыма – тоже от взрывов и пожаров. Неужели вылезли из Укрытия выжившие повстанцы? Или... Бывшие рабочие хотят показать кузькину мать «доброму» работодателю?

18 октября. Сгорела ТЭЦ. Теперь весь город без электричества. Однако ни толп беженцев, ни вертолётов Службы Спасения. Вообще ничего: даже нет намёков, что хоть кто-то прибыл из столицы, чтобы восстановить электроснабжение и нормализовать ситуацию. Вот когда я стал сомневаться – может, зря не взял хотя бы радиоприёмник. Похоже, «отслеживать и уничтожать» меня, «злейшего врага», уже никто не собирается.

Да и собирался ли? Или это моё завышенное самомнение? (...)

27 октября. Вокруг намело снега, и очень холодно. Вовсю топлю печку, уже не опасаясь, что ко мне кинутся толпы го-

лодных и замёрзших «осознавших»...

Никто не кинется. Переживут ли эти бедняги зиму? Почему, о Боже, ну почему никто не хотел меня слушать?! (...)
Беспокоюсь теперь только об одном: хватит ли мне продуктов и топлива до весны.

А ещё хуже мысль, что всё-таки хоть они и идиоты, ослеплённые Пропагандой, но мне будет чертовски жаль... Если всё же я окажусь прав, и все умрут так, как я предсказывал – в своих постелях, и до конца питаюсь лишь своими Чудесными Грёзами!

Грёзы на хлеб не намажешь. А продукты, похоже, никто больше не изготавливает. Значит, весной буду сеять – два мешка пшеницы припасено. (...)

3 ноября. Вчера, мне казалось, видел дым костра на крыше одного из небоскрёбов... Сегодня там точно ничего нет. Пошёл бы спасать, даже несмотря на свои шестьдесят пять лет. Однако перевал замело двухметровым слоем снега. (...)

1 декабря. Страшный мороз! И опять снегопад! Д...мо собачье!.. (Это – точный перевод! Видите: не только я так ругаюсь в критических ситуациях! Прим. моё.) Похоже, все замёрзнут насмерть ещё до Нового Года. Меня упорно одолевает мысль, что нужно было-таки принудительно, силком, умыкнуть сюда какую-нибудь женщину. Но с другой стороны – тогда меня скорее всего пристукнули бы во сне, и сбегали... Да и не стать бы мне новым Адамом: всё у меня уже на полшестого...

15 декабря. Всё ещё очень холодно. Нос наружу не высывал уже пять дней. Термопленкой отделал стены маленькой кладовки, и перенёс туда печку. И кровать. Боюсь задохнуться от угарных газов, но всё равно – жить в других комнатах невозможно. Термометр снаружи сдох. Колба лопнула. (...) Постепенно как бы впадаю во что-то вроде летаргии. Мысли ворочаются, словно их нужно вытягивать из болота. Медленно и с напряжением. Что это? Зимняя спячка, как у сурков? Медведей?

25 декабря. Господи! Неужели я тоже не доживу до Весны?! (...)

2 (!) февраля. Кажется, я пропустил день. Или два? Даже не выходил из комнатки – не знаю, что там с солнцем. То ли утро, то ли вечер... Поговорить бы с кем! Задолбали проклятые книги!

Какой же я самоуверенный и самовлюблённый болван и фанатик! Одиночество, которого я раньше, когда вокруг всегда кто-то был, так жаждал, уже не кажется мне возвышающим и великолепным. Надо было мне, идиоту, хоть собаку взять сюда. (...)

10 февраля. Сегодня вставал только чтобы подкинуть дров, и сварить кашу...

12 февраля. Надо хотя бы вести дневник – иначе потеряю счёт дням.

13 марта. Наконец-то светило пробилось сквозь тучи! Снегопад прекратился, но таять будет всё до апреля, не мень-

ше... А как всё-таки прекрасны горы при свете солнца! (...)
Странно. Не заметил, куда ушёл мешок картошки. Съел? Даже не помню. Надеюсь, продуктов хватит ещё на пару месяцев – их расчёт оказался верным. А вот с топливом похуже. Сплю теперь, натянув на тело всё – до последнего носка! (...)

22 марта. Город смог осмотреть лишь сегодня. И то – еле протоптал тропу до вершины перевала. Выглядит он (то есть – город!) абсолютно мёртвым. Или опустевшим. Вижу на крышах много воронья, и по улицам, по-моему, ходят волки и медведи... (...)

15 апреля. Проклятье! Можно было предвидеть это. Хотя я и слил воду из радиатора, но аккумулятор джипа от сырости и холода полностью вышел из строя. Теперь чёртов драндулет не завести. Что же мне, пешком что ли, тащиться туда?! (...)

2 мая. Уже тепло настолько, что выхожу в одних штанах и рубаше. Завтра собираюсь сходить всё-таки. Уже и рюкзак собрал. Ружьё придётся взять – волков точно видел.

9 мая. Я просто старый ИДИОТ. И все – идиоты. А хуже всех – проклятые «Чудотворцы». Странники.

Вот ведь твари бесполо-бестелесные! Ничего не скажешь: пустили пыль в глаза своими «сверкающе-переливающимися Аурами!..» Или им очень приглянулась наша планетка?! Решили быстренько, и без хлопот, расчистить её под себя?!

Поход мой дал и всё, и – ничего... Что толку, что я оказался прав?!

Перед кем мне торжествовать свою проклятую правоту?!

Да, все мы от природы – свиньи и рабы. Рабы своих страстишек и мелочных материальных мечтаний... И, конечно, жуткие лентяи. Ну и что, что я талдычил об этом пять лет?!

Никого я не «вразумил»!

Б...ство такое!!! Будь проклято всё на свете! Будь прокляты мои извращённые мозги! Почему, почему я не притащил сюда эту дуру, и – хотя бы даже насильно?! Связанной?(...)

Я всё бы отдал за то, чтобы всё вернулось. И вокруг снова были люди. Пусть они спорят со мной, пусть насмеваются, или презирают... Я на всё согласен – только чтобы рядом были эти мерзкие, вредные, тупые и злобные твари – Люди! Ну, или хотя бы один человек...

А хуже всего – так и подмывает спуститься в Город, подойти, потрогать проклятущее яйцо. И всех себе обратно «вообразить»! Чтобы, вроде, всё – как раньше!..

Устоять бы!

19 мая. Сегодня как-то мне плоховато. Очень жжёт что-то в груди. И слабость – ноги сами подгибаются. Зря я так нервничал... Док Прендос сказал бы, наверное, что это – прединфарктное состояние. Пишу лёжа. Завтра... Нет, сегодня – запихну чёртовы записи в сейф. Иначе, боюсь, положить их туда будет некому. (...)

Прощайте! Кто бы ни нашёл этот Дневник – умоляю! Пусть о нашей Судьбе станет известно *всем существам во*

плоти! Только Духи ни в чём не нуждаются, и не совершают ошибок тех, кто ещё сохранил ТЕЛО!

Пусть мы пока и рабы его животных инстинктов и требований, но – это *наше* тело.

И, по-моему, только мерзкая бесчеловечная тварь добровольно откажется от всех его прелестей, и согласится существовать, пусть вечно, но в виде – *Духа!*

Ещё прошу прощения у своей дочери – не смог убедить даже её... Чего же ждать от остальных.

Пожалуйста. Кто найдёт этот дневник.

Расскажите о нас остальным Людям».

(Может, конечно, я и беспринципный «потрошитель могил» и «расхититель ценных исторических свидетельств» – но по-моему, этот Человек с большой буквы прав. Никто не должен попадаться в *такую* Ловушку. И плевать на пресловутую «свободу выбора» – *такое* надо запрещать Сверху, законодательно! Под угрозой смертной казни! А «чудотворцев-добродетелей» – гнать всеми пушками и бомбами, что есть в арсенале! Прим. Моё.)

Под впечатлением от Послания, я собирал проклятые яйца как бы на автопилоте – работа и работа. Хоть и ждал от них подвоха, продолжал свозить пока в одно место – в первый город.

А поскольку ресурсы горючего моего малого атмосферного транспорта – флаера – не беспредельны, пришлось опу-

ститься на старый танкер, и с помощью перегонного генератора преобразовать сырую нефть в нужное мне вещество. И делать так оказался вынужден три раза – уж больно далёкие рейсы пришлось совершать по местным своеобразным по форме континентам.

Как ни странно, сами яйца, во время полётов свободно перекатывавшиеся у меня по грузовому отсеку, никак моей миссии не вредили. А ведь не могли не понимать, что я отнюдь не собираюсь угощать их кленовым сиропом. Так что, даже подключив дроида на вездеходе, и делая по десять рейсов за смену, на сбор всего «яичного» хозяйства я потратил больше месяца.

Зато собрал все – уж можете не сомневаться. Мать проверила.

Привезя на «Лебедя» всё добро – и яйца, и то, чего насобирал лично для себя – ну, в смысле, для продажи – я наконец вздохнул свободней.

Загрузил аккуратно все вражеские артефакты в ящик, сваренный Матерью из могучих бронелистов, которыми мы реставрируем пробитую обшивку.

И не успокоился до тех пор, пока Мать не обложила весь ящик тонкими пластинами того самого изолирующего вещества, которое мы нашли с первым яйцом. Всё как-то спокойней...

Теперь-то никакие излучения из контейнера ко мне пробиться не могли. По идее.

Вздохнув спокойней, я прошёл в рубку, и проложил (конечно, это Мать проложила, а я только согласился) курс прямо к самому большому и горячему голубому гиганту этой галактики, чтобы, стало быть, упрятать наших драгоценных Овеществителей понадёжней.

Четыре миллиарда лет, да ещё на не слишком горячем старом светиле уже казались мне недостаточной гарантией. Не-е-т! Мне подай – шесть. Миллиардов. И – температуру повыше... Надо же подстраховаться! Речь идёт всё-таки и о МОЕЙ цивилизации.

Всё вроде, шло хорошо, пока я не услышал в трюме... плача. Плакала женщина.

Сразу я понял – началось.

Ну конечно – кто же захочет сгинуть в горниле чужого солнца на миллиардолетия, когда не выполнено основное Предназначение – «бескорыстное и беззаветное служение Людям!»

Сейчас на меня будут воздействовать – как пить дать.

И точно. Ну а какого же воздействия можно ждать, как не самого надёжного для...

Мужчины, у которого ещё *не* «на полшестого»?!

Ага – вы уже тоже наверняка догадались.

Ива сидела, совсем как тогда – прислонившись к кожуху реактора.

Дьявол меня раздери!!! Какая же она, оказывается, красавица! Уж тут – деваться некуда: сам выбирал «параметры».

Для себя. Мечта! («Овеществлённая», мать их!..)

Последовала душераздирающая сцена: «Ты меня продал! И предал!.. И никогда не любил – раз решился убрать!.. Я – жалкая игрушка для твоего сексуально озабоченного ...-уя! А вот сейчас, когда ты мог бы оставить меня – МЕНЯ, ТАКУЮ, КАК ТЫ ХОЧЕШЬ! – навсегда, и быть совершенно счастливым, ты!..»

Трусливая и подлая свинья!.. Жадная крыса!.. Гнусный лицемер!.. Ханжа! Лицемер! Тоже мне – «спаситель Человечества» выискался – а сам всю жизнь только по помойкам!..»

И так далее.

Меня, хоть я и понимал, в чём тут заковыка, бросало то в жар, то в холод. Ещё бы – сексапильней Ивы я никого не знаю. А уж в моменты страсти – так и вообще, «само совершенство»! «Богиня»! «Волшебница»! Что она блестяще и продемонстрировала.

Измочаленный и жалкий, я мог только пробормотать:

– Мать! Сколько там... до цели?

– Восемь часов. Хочешь снотворного?

– Нет! Ни в коем случае! Меня... ностальгия замучила – никак от этой заразы не оторвусь.

– Вероятность...

– Замолчи, ради Бога!.. Сам знаю!

Однако через час забеспокоился и я. Потому что Ива вдруг куда-то ушла, зато пришла *моя* Мать.

Теперь речь шла о том, чтобы вернуть моё далёкое и «трагичное» детство, о котором она не задумывалась, а сейчас, оказывается, так горько сожалеет!..

И прожить всё его снова – уже в полной гармонии и любви... Взаимопонимании... Чутком и бережном ко мне отношении.

Всё бы хорошо, но когда она предложила купить мне все те игрушки, которые я столь тщетно пытался в пять-семь лет выпросить...

Я слегка очухался, и задал очередной вопрос.

Шесть часов. Что дальше?

Дальше пришло двадцать четыре Ивы (впрочем, не поручусь – может их было и двадцать пять, пересчитать не удалось! Было не до этого!), разложили меня по кровати как хотели, привязали понадёжней, и «уговаривали» мирным путём...

А потом – и не мирным.

Затем начался и настоящий кошмар. Или – горячечный бред: появились какие-то... не то гестаповцы, не то – средневековые инквизиторы, не то – и те и другие вместе. Плюс ещё какие-то гады в белых халатах (Учёные-садисты, что ли?!..) Большой трюм, куда меня перенесли, наполнился орудиями и станками для изошрённых пыток, и мне пришлось пройти через *такое*...

Было жутко унизительно. И больно!

А учитывая обратную связь с моим мозгом, («дотрагивал-

ся» же – до каждого, пока «эвакуировал»!) эти гады могли действовать чертовски эффективно.

И хотя я и понимал умом, что всего этого в действительности нет, менее больно от этого не становилось. Ведь жертва гипноза тоже ощущает ожог, даже если ей ткнуть не сигаретой, как сказали, а простой палочкой... Хорошо хоть, я владею кое-какими психоблокировками. Но дальше пошло и того хуже.

Теперь меня обступали не люди даже, а какие-то монстры! Рогатые, клыкастые, с разъедающе-кислотной слюной, они драли мою плоть, жгли меня огнём, поливали кипящим маслом, и рвали ногти. Мне вспомнились искушения святого Антония, и всех прочих христианских святых, замученных во имя Его...

А я-то, баран хренов, *во имя чего* так мучаюсь?! Абстрактного «всеобщего блага Человечества?!»

Я же простой скраппер! Мне же предлагали – любые мечты и капризы!.. Зачем же я, дурак самоуверенный... Мазохист ...ренов...

Однако, уже теряя сознание, я успел крикнуть сквозь туман и адскую боль:

– Мать! Усыпи меня!.. И – доделай, что мы хотели!..
Быстрее, ради всего святого!

Очнулся в медотсеке.

Весь я был опутан чёртовыми проводами и прозрачными

трубками с иглами, подключёнными к венам. Из рта выплюнул раструб аппарата искусственной вентиляции лёгких.

Ну и дела! Похоже, меня-таки чуть не доконали.

Однако все части тела, вроде, тьфу-тьфу, при мне. (Уже радуется!)

И болеть... Ничего не болело.

Разве только душа. А эта штука лечится – старыми традиционными методами. И я их знаю.

Кряхтя, я сел, и стал отдирать чёртовы электроды и выдёргивать иглы. Все части тела, даже особо ценимые мной, оказались, как ни странно, на положенных им местах, и ни малейших – ну вот ни малейших! – следов пыток не имелось.

Чему я несказанно удивился. Значит, всё-таки – иллюзия... Ф-ф-у-у...

Но что это было? Зачем я, дебил любопытный, решил через *такое* пройти?.. Ведь мог просто приказать усыпить меня сразу?!.. Или...

– Мать! Ты отправила чёртов контейнер?

– Да. Уже час как он вне зоны досягаемости любых спасательных средств, и через десять минут войдёт в хромосферу голубого гиганта. От «Лебеда» он сейчас не меньше, чем в двух миллионах миль. (Ага! Значит, теперь-то связи с гадами точно нет!)

– Хорошо... Можешь сказать мне... Что со мной было?

– Могу. Тебе приснился кошмар. Похоже, несмотря на то, что я сразу, как только ты пришёл в рубку, вкатила тебе на-

ше самое сильное снотворное, твоё подсознание продолжало ощущать вину, сожаление, и все остальные негативные человеческие эмоции. И проецировать какие-то страхи и угрызения совести тебе в мозг. А ты, вероятно испытывал, соответственно, боль от воображённых тобой, для наказания тебя же, пыток.

С таким я никогда прежде не сталкивалась, поэтому...

Не сразу среагировала.

Энцефалограмма зафиксировала крайне беспокойное пограничное состояние. Очевидно, ты переживал некие... Очень сильные эмоции и ощущения. («скромно» она это всё обозвала, да?!)

Поэтому после трёх секунд (!) такого состояния мы с автодоктором взяли на себя смелость отправить тебя в кому – чтобы полностью погасить высшую нервную деятельность твоего мозга, и сохранить только первичную, от спинного мозга. То есть – для дыхания, переваривания пищи, и прочего такого – на уровне чисто физиологических процессов.

– Ну... спасибо. Вы молодцы. И долго я так лежал, в коме?

– Все восемь часов, пока я не убедилась, что контейнер отлетел достаточно далеко, и «Лебедь» вне зоны действия их излучений.

– Так всё это было... сном? Иллюзией?

– Разумеется. И притом, похоже, – очень быстротечной...

Однако не думаю, что ты мог бы заметить разницу. Воздействие яиц на мозг явно базируется на знании таких нюансов

функционирования коры и подкорки, которые земной науке ещё недоступны. Поэтому, желая избавить тебя от слишком сильного стресса, и, возможно, болевых ощущений, которые могли быть применены противником, мы и погрузили тебя в кому.

Уж там-то тебя достать даже *им* было невозможно... А... – Мать замялась. Повторюсь: ей *не* свойственно! – Что с тобой было?

– Ох, Мать!.. Лучше не спрашивай... Стыдно. Больно. Очень больно. Всего...

Помногу!

– Поняла. Извини за бестактность. Я просто хотела знать, верными ли были мои действия.

– Да. *Да! Д-А-А!!!* Тысячу раз – Да! – я спохватился, и перестал орать. И чего так разошёлся?! Всё уже позади. Надо собраться с мыслями, и уgomониться... Вдох-выдох. Ну вот – я уже почти спокоен.

Поскольку физически я не пострадал, остальное как-нибудь переживу. Я же скраппер:

– Ох, ты у меня и молодец, Мать. Правда... Я *такого* не предполагал. Особенно, что они смогут за три секунды... Эти гады подсунули мне и Иву, и мою Мать, и... Много кого ещё. А потом действительно меня пытали. И инквизиция, и гестапо, и какие-то монстры клыкастые, и... Много кого ещё. Это было чертовски... жутко. И больно. Дай-ка мне успокоительного.

Отхлебнув прямо из горла бутылки обжигающего рому, я почмокал. Эх, пираты. Понимали вы вкус Жизни! Пробирает аж до корней мозгов, но – словно заново родился!

– Мать... А почему они всё же не трогали меня, когда я собирал их, и вёз, и... ну, пока они не попали на «Лебедь»?

– Затрудняюсь ответить. – Ух ты! Мать – затрудняется!.. Это уже нечто! – Но вероятнее всего, это связано с их Программой. Непосредственно убийство и нанесение вреда человеку абсолютно ей противоречит.

Поэтому *только* когда не стало выбора, они взялись за тебя всерьёз, и вопреки Программе. Думаю всё же, стремление к самосохранению в них заложено. Как и в меня.

– А что ты имела в виду, говоря – когда не стало выбора?

– Ну... Ты же *человек*. С *человеческой* психологией. То есть – непредсказуемой. Ты мог в последний момент передумать, и отправиться со всем этим добром на Землю. (Уж цену за такие артефакты ты бы мог заломить!..) Или – мог завезти всё это глонгам. Они же настроены к нам враждебно? Вот ты мог их и «облагодетельствовать»!

– Ага. Хм. Возможно, ты и права. Но вот насчёт глонгов... Ничего *настолько* плохого они мне не сделали. Они – просто мерзкие убийцы и гнусные предательские подонки... Но – мы уж лучше как-нибудь сами с ними разберёмся. Так будет... Честнее!

– Поняла. Ну, я же говорила – ты стараешься придерживаться Моральных Прин...

– Хватит! Прекрати. В одном месте я видал все эти... Принципы... Одно могу сказать точно – никакому *врагу* я не пожелал бы быть *так* «облагодетельствованным»!

– Согласна. И ещё кое-что хочу добавить. Хотя я и машина, мне тоже ужасно жаль этих... там, на планете. А ведь их Правительства думали, что делают лучше!

– Да уж. Недаром же есть старая поговорка: благими намерениями выстлана дорога в... Ну, сама знаешь, куда!

– Знаю. *Излишние* свобода и демократия – синоним глупости. В данном случае эта идиома очень верно отражает глубинную суть Указов всех земных и колониальных Прави...

– Мать, кончай. Не смей говорить гадости про *наше* Правительство!

– Ты опять прав. Особенно, если учесть, что ты собираешься свои чёртовы мемуары когда-нибудь опубликовать, чтобы всем стало известно о... А если ты выскажешься в том смысле, какие они все алчные и беспринципные п...асы! – про *наше* Правительство, их вряд ли где согласятся напечатать!

– Чёрт с ними, с мемуарами! Подождут. – раз уж Мать стала применять космослэнг, видать, достали и её Чёртовы Овеществители. Или Правительство, – Проложи-ка ты курс Домой! И...

Дай мне вторую бутылку!

Порядок. Теперь можно подумать и о чём-нибудь приятном. Например, о том, сколько можно слупить с Колониаль-

ной Администрации Содружества за прелестную, пустую и безопасную, планету столь редкого Земного Типа...

5. Три волшебных дудочки.

– Держи, держи! Отрезай от камней! Хватай! Уйдёт же сейчас!.. – я уже буквально рычал.

Но предмет наших с дроидом стараний юркнул в щель между камнями развалин, и только мы его и видели. Дроид остановился, бестолково тыча манипуляторами в щель, и растерянно пожуживая сервомоторчиками. Я сплюнул.

Нет, не то, чтобы мне так уж хотелось снова поработать на земной ксенозоопарк. Просто эту яркую и оригинальную зверушку я хотел оставить себе. Для личного, так сказать, пользования.

Наконец-то мы с Матерью точно узнали, в каком закоулке Галактики Хромой Эндрю наловил этих маленьких симпатяг. Продал он их (помнится, подешевке) Гансу Шмайссеру, общепризнанному авторитету в области внеземных животных, рыб, птиц, растений и даже микробов.

Да, не удивляйтесь: есть и такие. Любители ксеноморфных экзотических микроскопичностей замечательно приспособились размещать на гигантских экранах «клетки», где содержат своих питомцев в питательном бульоне. И должен вам сказать, на некоторых стоит посмотреть.

Это у земных бактерий и вирусов нет полов. А вот у инопланетных, оказывается, есть!

Со всеми вытекающими последствиями.

Так что Конгрессу пришлось издать специальный закон, приравнивающий показ таких сцен детям до шестнадцати – к порнографии. И пропаганде сексуальных извращений. И не могу с ними не согласиться в данном случае...

Ну, а с Дразнилками Эндрю облажался по полной.

Шмайссер быстро выяснил, что они великолепно обучаются повторять человеческую речь, звуки любых музыкальных инструментов, лязг работы механизмов и прочее такое.

Словом, совершенные аудиоимитаторы. Куда лучше привычных всем попугаев, соек и галок.

Так что когда в своём огромном (даже по меркам Лондонского зоопарка) ангаре Ганс наладил размножение дразнилок в промышленных масштабах, они буквально за пять лет сделали его миллионером. Не то, что Хромого Эндрю, который всё равно вскоре погиб. Злые языки говорят, что от расстройства.

Ну уж нет! Просто, как это бывает со всеми скрапперами – расслабился.

Вот Росянка Хараши его и слопала.

Правильно. Росянка Хараши – растение, впервые описанное учёным по фамилии Хараши, который умудрился остаться живым после встречи с ней, так как она выбрала его спутника: тот был упитанней. А на планету, где она произ-

растает, эти хитроумные учёные попали после того, как Мать Эндрю привела его «Золотую лань» в порт ближайшей обитаемой планеты, уже после гибели Хозяина.

Моя, да, кстати, и у всех скрапперов, Мать – бортовой компьютер – запрограммирована точно так же. В случае «внезапной» гибели Хозяина – везти его замороженные останки к обитаемым Мирам, чтоб хотя бы попытаться спасти его с помощью продвинутых, и занимающих целиком спецздания, наноконплексов, медтехнологий – а не примитивных бортовых автодокторов, уместающихся в шкаф, размером с... Ну, шкаф.

Ну, и, конечно, для расширения сфер влияния «человеческой цивилизации»...

Потому что по следам таких «последних» экспедиций всегда кто-то летит.

Логика простая: не справился скраппер – справятся другие энтузиасты-авантюристы, кишмя кишасщие в портах обжитых планет-колоний. И которые всегда нороят, как пиявки, присосаться раньше всех к новооткрытым кислородным Мирам. Таким только дай пошарить на девственной планете. Все только мечтают: что окажутся поумней, и что-нибудь полезное найдут. И смогут продать. В «обезопасенном» варианте.

А уж только потом, когда соберётся и вылетит туда армада Флота с бюрократами-госслужащими, учёными, и фермерами, чтоб всё это оприходовать, разведать, и заселить, аван-

туристы-гиены быстренько уносят ноги... Сняв пенки. Если они там имелись.

Так что теперь, когда я, наконец, обнаружил планету, где Хромой подобрал этих милых и сравнительно безвредных (острые когти и двухдюймовый клюв не в счёт!) обаяшечек, конечно, мне захотелось поймать лично себе одного самца. Можно, в принципе, и самку. Но они не столь красивы – наряд самца, разумеется, куда привлекательней. Оперение похоже на ожившую радугу. Глаза ясные (у молодых), большие. И смотрят... Как умные. Приручаются легко. Разговаривают почти разумно.

Я имею в виду, если молодая особь кроме человека никого не видела, она и будет общаться только по-человечески. И вставляет она свои замечания и шуточки так, словно действительно понимает, о чём идёт речь. Многие готовы спорить (особенно учёные) до хрипоты, что у дразнилок для этого мозга слишком мало. Но пусть-ка попробуют убедить в этом тысячи хозяев-фанатов этих питомцев! Чёрта с два! Я и сам согласен с тем, что они – разумны. И гораздо круче попугаев.

В своё время я пытался убедить Мать, что мне на нашем «Лебеде» тоже не помешает вот такой весёлый и яркий «напарник». Однако повторив мне пять раз его стоимость, и восемнадцать – перспективку для такой птички остаться наедине с самой собой, если она будет отвлекать меня в критические моменты от работы, ей удалось меня переубедить.

Работа скраппера не терпит суеты. Расслабленности. Благодушия. Да и сосредотачиваться куда проще, когда ты один.

Ни на кого не рассчитываешь. Ни с кем не обсуждаешь увиденное. (Ну, Мать и дроид не считаются! Я давно их принимаю за часть себя. Дроид – дополнительные руки. Мать – мозги.)

Так что не цена в пятьдесят с лишним тысяч убедила меня, а именно соображения безопасности.

Но теперь, когда я нашёл «потерянный рай» милых зверушек, все возражения Матери я отмёл, как неконструктивные, и мы с дроидом отправились на охоту. Однако я не виноват, что у него руки – крюки. Причём в буквальном смысле. Да и, конечно, я сам приказал не причинять вреда добыче...

Но это не значит, что дроид должен стоять, как идиот, разинув рот, с пучком перьев из хвоста в манипуляторе, и тупо пялиться на удирающего бесхвостого дразнилку.

Поэтому, утерев пот со лба, и убедившись, что хоть птичка и не может улететь без хвоста, поймать её в огромных грудах камней и щебня, то есть руинах, оставшихся от когда-то здоровенного здания, не удастся, я, отведя душу с помощью космослэнга, вернулся к сетке.

Остальных семерых пташек я перегружал в транспортную клетку сам. Хорошо, что был в перчатках. Всё равно – и покусали, и поцарапали. И ещё обматерили.

Ну, тут сам виноват: надо было помнить, с кем имею дело. Так что помалкивая в тряпочку, я взвалил клетку на плечи

дроида, пропутешествовал через полгорода к месту посадки, и мы вошли в люк челнока.

С дезинфекцией Мать не поспешила.

Мои несчастные пленники расчихались. Но больше ничего мне не сказали – поскольку у них не было возможности адекватно ответить на продемонстрированный им кулак. У дразнилок нет рук. Вообще-то они больше всего похожи на всё на тех же попугаев, только перекормленных: пузо свисает почти до земли, как у индюков каких. А так – два крыла. Лапки, как у курицы. Клюв. Правда, таким удобно не кусать, а клеваться – о чём мне убедительно сказали дырки в рукавицах и руках...

Размером обычный дразнилка невелик – с большого петуха. А тот, что ценой хвоста остался на свободе, сильно напомнил птицу додо – дронта. Жило раньше в Австралии такое нелетающее создание с крыльями. И было оно, на свою голову, очень вкусным. И беззащитным. Со всеми вытекающими последствиями. Ну а дразнилок уж теперь, когда их способности, как говорится, столь «чудесно» проявились и раскрылись, точно никто есть не станет. Дороговато обойдётся. Продать-то выгодней!

Вот и я прикидывал, что продать их смогу главному конкуренту Шмайссера, Нью-Йоркскому Ксеноленду. И за *аборигенные*-то экземпляры могу слупить с них миллион-другой. Не меньше. Вот только им придётся прилететь за ними прямо ко мне на «Лебеда».

А то у меня были в своё время проблемы с Законом... А потом и с Госсекретарём. И на матушку-землю мне теперь ход-то заказан.

Рассовав пленников по вольерам в разных отсеках трюма (чтобы не трепались друг с другом по-человечески. Мало ли какие слова они ещё от меня услышат в разные напряжённые моменты кормёжки!), я вздохнул свободней, и отправился на обед.

За обедом мы с Матерью обсуждали сложности содержания инопланетных форм жизни, цены на недвижимость, в которую у нас на разных планетах вложены немалые средства, и конкретно моё глупое желание оставить одного из пленников себе. Так я узнал, что один самец, вполне подходящий по возрасту, есть. А кроме него попало ещё два самца и четыре самки. А сбежал ещё самец. А больше в этом месте нам не поймать – остальные уже предупреждены. Можно, конечно, половить и в другом разрушенном городе, но... Лень. Да и клеток больше нет.

Пойдёт и так. Для одного рейса добыча более чем хороша. Это вам не старые гильзы с планет-полигонов собирать на металлолом. Или – остатки разбитых кораблей и механизмов, как человеческих, так и... Да, иногда нам, скрапперам, попадаются и нечеловеческие. Правда, не всегда понятно вначале, что это вообще такое... Но уж их-то, даже в сильно распотрошённом виде, с удовольствием покупают и военные, и учёные.

Вот этим большинство скрапперов и кормится: собирает по всей Вселенной вторсырьё и то, что можно продать... или хотя бы попытаться.

Не скажу, что работёнка – не бей лежачего. Как раз наоборот – бей!

Сколько моих коллег обращаются – упокой Господь их души! – по орбитам вокруг отдалённых, неизвестных никому солнц! Сколько погибло уже при мне. А сколько ещё...

Вот именно – шила из задницы некоторым людям просто невозможно извлечь!

Вот и носятся такие «искатели приключений», галактические мусорщики и старьёвщики по просторам известного, а куда чаще – неизвестного, Космоса. И движет такими не только, да и не столько желание разбогатеть... Ну, я уже сколько раз говорил: не смогу этого объяснить ни офис-менеджерам, ни бухгалтерам, ни домохозяйкам. Может, меня бы поняли десантники, или учёные – этим тоже подай новые горизонты... И впечатления.

Фронтир, словом.

И хотя я далеко не молод, и на счетах нескольких планет, как уже упоминал, есть солидные (тьфу-тьфу!) счета, угомониться всё не получается. Похожу-похожу по очередной вилле... И снова собираю рюкзак. Где-то глубоко в душе непонятное *это* так и свербит... Говорю же – объяснить не смогу. Точка.

Планета с дразнилками попалась нам с Матерью уже в конце рейса.

К этому времени мы уже четыре месяца безрезультатно «бороздили» просторы Крабовидной туманности, в надежде на то, что хоть что-то полезное здесь найдём. Поскольку мне теперь не рекомендуется выбирать поле поисков, (всё из-за тех же чёртовых яиц!) всю ответственность за выбор района и улов я смело переложил на Мать.

(А что: очень удобно. Всегда есть на кого попенять, если ничего не нашли!)

И подлинным чудом можно назвать то, что мы наткнулись на этот мир и эту планету.

Не думал я вначале, что здесь реально можно чем-то полезным, кроме живности, разжиться. Ведь если бы что-то такое имелось, его бы из-под земли (В буквальном смысле. На вымерших планетах-призраках только под землёй и сохраняются целые, или интересные, артефакты!) вырыл ещё Хромой. Уж он-то был на редкость дотошной и жадной скотиной...

Нет, не то, чтобы я его не любил. Пожалуй, нет. Просто специфика работы скраппера состоит как раз в том, что все мы – конкуренты. И хотя до открытых стычек дело обычно не доходит, всякие обвинения в адрес друг друга случаются. Типа, мол: следил ты за моим кораблём, потом пробрался в открытый мной заповедник, и спёр мои самые ходовые причиндалы!

Ну совсем как в сказке: кто сидел на моём стуле, кто хлебал из моей чашки?..

Я лично никогда никого не обвиняю. Потому что когда у нас с Матерью появилось достаточно денег, мы тут же приобрели инвертор. Так что пусть теперь наш «Лебедь» на десять тонн тяжелее, зато ни одна зараза нас выследить по ионному следу не сможет!

Ну что поделаешь, вот такой я вредный параноик. С другой стороны, я всё-таки не стреляю в своих же из противометеоритной пушки из засады, как делает Милая Мэри, и не оставляю за собой термитно-питриловые мины, как Дик-Кровавая-Рука.

Так что я особенно и не искал ничего, радуясь красивой и незараженной ничем природе (редкость на планетах с исчезнувшей разумной Жизнью!), и даже купался и загорал. А что? Река тут чистая, песочек и камушки такие... э-э... приятные, что ли, на ощупь: загорать или рассматривать дно – одно удовольствие. И вода тёплая.

Поэтому к исходу пятого дня сообщение Матери застало меня несколько врасплох.

– Если тебе интересно, я обнаружила в районе южного географического полюса магнитно-пустотную аномалию. Вероятность того, что её не смог обнаружить наш предшественник – восемьдесят девять и тридцать шесть сотых процента.

– Люблю я, когда ты обычную пещеру называешь так кра-

сиво! Ты у меня стихи, случаем, не пописываешь втихаря? – Мать, привыкшая к моему нехитрому юмору только булькнула, – А почему ты думаешь, что Хромой не нашёл её?

– Хромой поставил себе сканнеры двадцать девятого поколения. А у нас – тридцатого, последнего. Поскольку мы могли себе это позволить, а он – нет. (Ещё бы – скупердяй он был отъявленный! – думаю я себе потихоньку...) Так что ему просто чувствительности аппаратуры не хватило. Да и вряд ли он добросовестно изучал с орбиты *всю* поверхность. Это я у тебя умница и лапочка! Всё делаю сама, не считаясь с расходом горючего и энергии, пока ты тут купаешься да развлекаешься сафари на пернатых.

Блин! Вот научил на свою голову! И даже блок неформальной логики сам же ей и заказал. Теперь хоть отбирай! Задразнила меня вконец... Но то, что она у меня умница и лапочка – это точно.

Я так ей и сказал, приказав затем дроиду загрузить обратно в челнок научно-метеорологическое барахло, которое я каждый раз по просьбе друзей из Университета внеземных климатологических исследований расставляю везде, где побывал. Пусть мелкий – но приработок.

Собрались быстро, долетели тоже. Птички-зверушки полёт перенесли нормально. Впрочем, когда дроид выделил каждому по паре «бананов», которых он натащил полную морозилку для их прокорма, они здорово изобразили ему его скрип и скрежетание. А когда я имел глупость поржать, и

меня уделали. Я заткнулся. Вот, значит, какой у меня гнусный голос...

Дразнилки чёртовы.

Раз вы со мной так, всех продам – никого не оставлю.

На южном полюсе было холодно. Реально – чертовски холодно. Так что работать пришлось в утеплённом нижнем белье и комбинезоне. И в начале, в основном, дистанционно.

В указанном Матерью месте я пробурил колодец глубиной в добрых двадцать метров, прежде чем долото упёрлось в бетонированный свод Бункера. Сменив долото на плазменный резак, я проделал дыру в трёх с лишним метрах бетона. Затем подогнал к скважине лебёдку, спустил вниз транслятор, стационарный прожектор, автопушку, ультразвуковой станнер, генератор разрушения молекулярных связей, и всё прочее невероятно нужное оборудование, что требуется мирному скрапперу для выживания...

Сам вначале плотно поел. Вооружился. (Ну, это жизненная необходимость. Никто из нашего брата не пойдёт на дело, не вооружившись до зубов) Вот только от экзоскелета на этот раз пришлось отказаться: он в шахту не пролезал. Но я всё же оставил его у горловины. Мало ли.

Это оказался ещё не сам бункер, а коридор.

Ну, путешествия по заброшенным катакомбам – моё призвание. Хобби. Бизнес.

Потому что цивилизации человекообразных существ по-

чему-то обожают зарываться под поверхность своей планеты, и что-то монументальное и жутко секретное там строить. Прямо какая-то подземельно-строительно-копательная мания...

Впрочем, как я уже говорил – мне это только на руку. Поскольку к обитаемым планетам я теперь почти не суюсь, предпочитаю не рисковать так, как, скажем, Билли-мухомор, или Квиллер, разведка как раз вот таких заброшенных и ненаселенных подземелий и является моим привычным и обязательным атрибутом работы.

И честно скажу – нравится мне это.

Идёшь себе эдак не спеша, рассматриваешь чужие и чуждые конструкции, артефакты всякие, прикидываешь, что и как... Тишина. Тайна... Ощущения – не передать!..

Конечно, почти всё это можно рассмотреть и непосредственно с орбиты – даром, что ли у нас сканеры тридцатого поколения!.. Или дроида пустить. Но ничто не заменит *этого*: запаха пыли, эха шагов в пустых коридорах, чувства нависающей угрозы, предвкушения чего-то...

Чего-то я заболтался.

Мать вывела мне на портативный планшет объёмную схему отсканированных подземелий, и я стал бодро спускаться, не забывая оставлять через каждые триста-четырееста шагов промежуточные усилители, и метить перекрёстки и углы красным маркером.

Ну что вам сказать о подземельи... Подземелье как подземелье. Сырое. Холодное. Здесь вымерзла даже вполне обычная для таких мест плесень. И не оказалось ни крыс, ни тараканов. Ещё бы: на термометре светилось минус тридцать два по Цельсию.

Потолки высокие – метра три. Ходы широкие. Пол почти ровный. Чего ещё надо?..

Всё нужное мне освещения я тащил с собой, а Мать корректировала моё движение к центральной Камере этого Лабиринта. Серые бетонные стены ничто не украшало, кроме моих автографов. (Повторюсь: слухи, которые про меня распространяют Милая Мэри и Стервоза Энн *абсолютно* недоверны! *Никогда* я забористых слов космического слэнга на стенах не пишу, и порнографических рисунков не рисую!)

Большие залы, которые иногда попадались, буквально ломились от машин.

Но это были вполне обычные электрогенераторы, водяные насосы, вентиляторы кондиционеров, и пульта управления. Кое-где по стенам и потолкам проходили, как им и положено, кабели и воздуховоды. На перекрёстках остались вмурованные плиты с болтами. Может, от автопушек? Хотя – от кого *тут* отстреливаться?!

Пару раз попадалось жильё, похожее на казармы. Двухэтажные нары ещё сохранились, если не считать сгнивших досок, служивших дном коек.

Значит, это место неплохо охранялось... Уже кое-что. То

есть, было что охранять. Такое мы с Матерью любим. И за такое нас и клиенты любят.

В центральной Камере, или Центре Управления, куда я дотопал часа за два, ничего интересного не нашлось. Только здоровущий пульт, который занимал буквально три стены и полкомнаты. Ну, я повскрывал, что смог, Мать заставила меня повтыкать в интересующих её точках микрошупы и разъёмы. Зря, что ли, я таскаю на себе профилактически-исследовательский блок! А проще говоря – тестер.

Взломала она их компьютер легко. Но там практически ничего не сохранилось: разрушился от низкой температуры слой подложки, где и размещались все электронные мозги. И микросхемы тоже посдыхали.

Мать сказала, что удивляться нечему. Всему этому добру больше тысячи лет. А сохранилось всё так сравнительно неплохо как раз из-за холода. На что я сказал ей, что если это – неплохо, то я – антарктический пингвин. На что она непримянула позубоскалить, что в своей парке на натуральном меху очень даже похож – особенно издали.

А я тогда сказал...

Вот так мы обычно и развлекаемся, когда с находками не густо.

Ладно, историю очередного «великого и неповторимого» народа мы не узнали, теперь осталось посмотреть, нет ли тут чего интересного – поживиться. Порадовать, как говорится, земных почитателей Марса, Мельпомены и Меркурия...

Достал я ручной сканнер. Ух ты, а интересно!

– Мать, – говорю, – Ты видишь это странное затемнение в полу?

– Только на твоём сканнере. Большой гаммасканнер «Лебедя» ничего почему-то не даёт – говорила я тебе вчера, что он сдох, и ему нужна профилактика.

Я сердито зарычал. Мать поторопилась продолжить:

– Насколько я могу судить, это колодец. Вроде того, что ты сам только что проделал. Предвосхищая твой вопрос – да, туда можно спуститься. Нужно только найти способ отодвинуть стол пульта.

Я уже говорил. Так вот повторюсь: умница она у меня. Зрит сразу в корень. Правильно – если где и прятать самое ценное, так только в подвале подвала.

Ну, поработал я со сканнером и УВД – прожектором. Полости в земле он ищет лихо... А вот механизмы пришлось просвечивать МВЧ-сонаром. Ага. Есть!

– Надо же, – говорю, – Я нашёл механизм, сдвигающий пульт назад, до этой стены. Колодец тогда откроется. Вот только нет питания, и, боюсь, чёртовы электромоторы тоже сгнили... Что посоветуешь? Можно ли воспользоваться плазменным резакком?

– Вообще-то это у тебя не плазменный резак, а пушка, стреляющая плазменными зарядами.

Но, в принципе, если сделаешь вот то-то и то-то, её можно модифицировать...

Ну, я так и сделал: перебрал то, и подключил это, и через десять минут пушка стала похожа на чёртова ежа с торчащими во все стороны проводами и блоками преобразователей.

Зато металл она теперь резала лучше стационарного лазера у нас на «Лебеде».

За пару минут отверстие освободил. Мужик я не маленький – обломки отвалил сам.

Чёрт, какая глубокая шахта!.. Мой наплечный прожектор дна не высветил. Бросил я туда световую капсулу. И долго следил, как зелёный огонёк удаляется от меня, отскакивая от стен, и в конце-концов замирает где-то на невероятной глубине крошечной точечкой...

Проклятье. Придётся, значит, лезть. Ну, собственно, лезть-то так и так придётся. Но я предпочёл бы *видеть* дно.

– Может, имеет смысл перетащить сюда большую лебёдку? – спрашивает Мать.

– Ага. И убить на это дело часа три... Нет, на борту дроида тоже есть трос – вот на нём и спущусь, насколько хватит. – Мать знает, я всегда горжусь своей «спортивной» формой. Ну а тут – такая блестящая возможность выпендриться!..

Дал я приказ дроиду стрелять во всё, что будет двигаться, не дожидаясь моих или Матери указаний, поручил Матери общее руководство, снял часть наплечного барахла. В том числе и мои любимые пушки. Раз предстоит долгий спуск, мне лишняя тяжесть без надобности.

Оставил только камеру, мачете, два ножа (один – для метания), тестер, лазерный пистолет, простой пистолет, ультразвуковой пистолет, пучок промежуточных усилителей, с десяток световых капсул, станнер (он-то всегда при мне – вживлён в протез руки!), да налобный фонарь. (Немного, да?)

Троса лебёдки дроида хватило на пятьдесят метров. (ну, на безрыбье – и рак рыба) Дальше полез сам.

Ствол шахты представлял собой метровую стальную трубу. В одну из сторон вварены скобы из полудюймового прутка, изогнутого буквой «П». Вот по ним-то я и полез, чертыхаясь, и посматривая – то вверх, то вниз. И хотя я и не ленюсь отрабатывать на тренажёрах, через полчаса пот с меня катил градом, несмотря на те же минус тридцать... А мне ещё подниматься! Блин.

Оставлял я, как водится, через каждые триста метров промежуточные усилители, благо, их магнитные присоски отлично держат на любом металле, а Мать подбадривала меня, как могла. Один раз даже спросила, какую музыку я предпочёл бы слушать на своих похоронах...

Любит она у меня пошутить «в моём стиле».

Ещё иногда светлое пятно наверху перекрывалось силуэтом головы дроида... Да зелёная звёздочка капсулы на дне становится чуть крупнее. А так никаких развлечений. Только моё учащённое дыхание, эхом отражающееся от стен, да облегчающие душу слова.

Теперь-то, без дразнилок, их можно было смело произносить.

Глубина колодца по самым скромным прикидкам оказалась полтора километра. Мать, правда, уточнила – один и четыреста семьдесят пять, но я не расстроился, что слегка ошибся. Уж больно приятно оказалось наконец ступить на твёрдый пол.

Здесь пришлось с минуту подождать, пока уймётся дрожь в конечностях – как верхних, так и нижних.

Прибыл я в небольшую каморку, отделённую от большой круглой пещеры проёмом с опускающейся перегородкой. И пол – стальной. Выглядит... Подозрительно!

Не люблю такие устройства. Уж больно напоминает ловушку. А резак я оставил наверху. Чёрт.

Пришлось кулаком вбить мой большой нож в щель между дверным косяком и перегородкой: теперь-то сама ...рен захлопнется!

Пришёл черёд и внутренней комнатой заняться. Я не торопился. Смотрел, поворачиваясь по кругу. Снимал всё на видео. Наконец Мать говорит:

– Или это легендарные сцены из далёкого прошлого, или, что вероятней, просто Летопись.

А любопытно. Похоже, некоторые слои населения сознательно отказались от машинной цивилизации в самом конце. Но то, что изображены сами аборигены, сомнений не вызывает.

У меня это тоже сомнений не вызывало. А что: умно. Картинки даже любой идиот поймёт. Не у всех же, как у меня, есть компьютер-полиглот, способный расшифровать хоть иероглифы, хоть пиктограммы, хоть узелковое письмо, хоть любую, даже нелюдскую, речь или письменность...

А тут люди хоть выглядели как люди. В белых коротких туниках и хитонах, если я правильно помню, как эти штуки назывались у наших древне-римских греков. Словом, никаких принципиальных отличий от Гомо Сапиенс я не заметил.

Отсняв весь периметр круглого помещения для архива и Матери (Чтобы она потом могла меня же мордой и ткнуть в то, чего я не усёк, или пропустил, или – не учёл!), я стал уже внимательней рассматривать отдельные детали.

– Знаешь, Мать, по-моему, это не только сцены их жизни вообще, а ещё и инструкция по использованию вот этого безобразия в частности!

Нетрудно было прийти к такому выводу: в центре комнаты лежали на круглой тумбе три устройства, похожих на большие не то дудки, не то – трубы, а все сцены с людьми включали хотя бы одного, как раз и дующего в одну из таковых.

Я, подойдя поближе, отсняв и добросовестно просканировав саму тумбу, и то, что лежало на ней, даже присвистнул: все три устройства отлично сохранились, и... До сих пор находились под защитой и охраной. (Прийти к такому выводу мне помогли выявленные рентгеном странные противовесы, и тонкие (буквально – сотые доли миллиметра) сверхпроч-

ные нити, незаметно закреплённые на нижней стороне дудок.) Смешно.

Может, кто-то бы и не заметил этого, но чтобы такой прокол допустил профессиональный *скраппер*...

Не-е-ет! Мы – учёные!.. Вернее – наученные. Горьким опытом.

Словом, если *это* не устройства для включения ловушек, то я – японский император! (Нет, Императором на Оммусе мне быть уже предлагали. Я – про Японию, которая на земле.)

Теперь я обошёл ещё раз всё подземелье со сканнерами и МВЧ-сонаром, и выявил ещё около пяти (!) скрытых устройств, так или иначе обеспечивающих срабатывание чего-то явно смертоносного для того, кто сдвинул бы чёртовы устройства хоть на волосок!

Посоветовавшись с Матерью, я обезвредил их все. Ну, даром что ли я в своё время стажировался у лучших армейских сапёров! Это влетело мне в *большую* копеечку... Но уж пригодилось. И не раз.

На всякий случай просветил я и пол, и потолок. Но только лишний раз убедился, что там – только вполне обычный бетон. Вот и хорошо. Потому что мне хватало и ёмкостей с кислотой за стенами с фресками, и подающих её трубок – их сделали из стекла, и сохранились они отлично. Чего не скажешь про саму кислоту. Она, похоже, выдохлась за тысячу-то с лишним лет. Но рисковать быть затопленным как-то

не хотелось. Как и сожжённым из якобы заржавевших огнёмётов. Как и разрезанным карбоновыми нитями.

Да, сами нити сохранились, а вот приводные рычаги, к счастью, сгнили. Как и сдохли (надеюсь!) бактерии в кюветах на потолке.

Так что в восьмой раз обойдя всё помещение, и с сожалением констатировав, что параноя с годами не излечивается, а, скорее, наоборот, и в очередной раз прослушав нотацию от своих «дополнительных мозгов», я вернулся к тумбе.

Разрушить волоски, крепившие все дудочки к основанию тумбы было нетрудно – уж ультразвуковой излучатель-пистолет я из кобуры не выложил! Как и микронож. И лазер. И вибропилу.

Проблемы возникли с рычагами, сработавшими бы, если бы я убрал давящую на них массу от дудок.

Однако мне и здесь удалось извернуться: прорезав дыру (правильней всё же – дырищу) в постаменте, я изнутри заклинил рычаги кусками того же постамента. Был он, кстати, из кевларо-бронзового сплава! Вот уж не думал, что такое возможно, но пару образцов я спрятал. Так, про запас. Мало ли чего захочет мой друг Доктор Натан из Массачусетского Технологического... Продам!

Подготовив, так сказать, пути к отступлению, и обойдя хитрые ловушки, я взял с постамента все три странных устройства, и засунул в заплечный рюкзак. После чего быст-

ро прошёл сквозь дверь, и попытался вынуть свой нож – не пропадать же добру!

Как бы не так! Дверь трепыхалась, пытаюсь захлопнуть капкан, а из трубок в стенах зала полилась-таки кислота! Я раздумывать долго не стал – испепелил свой же нож вспышкой лазера, и убедился, что люк захлопнулся, уже стоя на нижней скобе.

Вот уж вовремя! Перегородка теперь не закрывала проём герметично – из-за того, что я, вбивая нож, сильно погнул её боковину. Кислота начала поступать из-под люка.

И что самое плохое – эта зараза ещё действовала. Мать сказала, что кислота какая-то кремнийорганическая, и может храниться веками, но это не сильно меня порадовало. Внимая её наукообразным разъяснениям, я изо всех сил полез вверх, перебирая руками и ногами, словно взбесившийся таракан.

Первые полкилометра одолел сравнительно легко.

Вторые – уже не так ретиво. Подгоняла лучше всего всё та же кислота, судя по всему разьевшая-таки переборку, и теперь приближавшаяся угрожающе быстро, отражаясь бурлящей и пузырящейся серо-зелёной поверхностью в свете моего прожектора, всего в сотне метров подо мной, и шипевшая, разъедающая металл стен колодца (жаль, что за ними – бетон. Её она почему-то не трогала!).

– Мать! Х-х... – я уже нервничал, и дышать с каждым шагом было всё труднее: словно вдыхаешь на минус сорок, а все

плюс шестьдесят! – Сколько же... её... там?! Долго ещё... х-х... ползти?!

– По моим расчётам того, что было в цистернах, должно было хватить только на тридцать метров колодца. Очевидно, мы просмотрели ещё какие-то каналы подачи. (Говорю же – сканнер сдох!) Так что – не знаю. Но я бы порекомендовала тебе поторопиться. Осталось семьсот три метра.

Вот уж кто умеет ободрить и вдохновить меня в трудный момент!.. Но я даже спорить не стал – чтобы не сбить дыхание. Всё лез и лез. Задышался. Мускулы сводило. Ноги в армейских ботинках соскальзывали... Плечи занемели... Глаза заливало потом.

Но я – лез.

Хорошо хоть, вместо рук у меня – почти целиком биомеханические протезы! А то пальцы бы уже не выдержали!

Потому что чёртова кислота шипела уже метрах в двадцати. А уж воняла!..

Вот когда у меня появилась возможность подумать и о том, что можно было не полениться (никто ведь в шею не гнал!), и не выделяться своей «спортивной формой», и притащить сюда лебёдку с тросом... И запасной генератор... Или хотя бы таблетки с гормонами сожрать! Но, как это изящно говорят составители Гос. Бюджетов, хорошая мысль всегда приходит опосля...

Наконец я уцепился за карабин троса дроида, и он почти мгновенно втянул то, что от меня осталось, наверх.

Вывалился я из горловины шахты, когда от поверхности противно выглядящей, и теперь ещё и бурлящее-брызжущейся жидкости было не больше сорока метров (Вот уж спасибо дроиду, намотаю ему троса на лебёдку в следующий раз побольше!). Но минутную передышку получил и так.

Полежал, глотая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба... Которую до этого гоняли по морю – вернее, по пруду! – с сетями и баграми. Банально звучит, но чувствовал я себя ещё хуже её.

Когда кислота надумала вылиться за скос горловины, я поспешил вскочить, и проигнорировав нежелание ног двигаться вообще, и сгибаться в частности, побежал на выход. Даже пушку-резак не подобрал.

Ну, пробежав с пятьдесят метров, оглянулся. Ф-ф-у-у... Похоже, прекратилось.

Вернулся я назад. Порядок.

Изливается, то есть, потихоньку, но сразу уходит в дренажный жёлоб, и куда-то сливается. Я прошёл в тот угол, который, к счастью, оказался повыше, и поэтому остался незатопленным, и подобрал-таки свои любимые железки... Тут Мать и говорит:

– Быстрее беги оттуда! Дроид! За ним! Прикрывай спину!

Уже несясь со всей возможной скоростью, я решился спросить:

– Что... х-х!.. там... х-х!.. такое?!

– Я услышала очень подозрительные звуки. И на осталь-

ных сканнерах появились тени! Словно что-то механическое пришло в движение, и сейчас вылезет из стен. Ну, или из подземелий. И это что-то *видит* и хочет вернуть то, что у тебя в рюкзаке! На твоём месте я бы не стала тратить силы на разговоры, и избавилась бы... от *этого*! Ну, или, зная тебя, хотя бы от лишнего и тяжёлого оборудования!

Чёрт. Чё-ё-ёрт! Конечно, за почти сорок лет она и вправду меня изучила, словно царапины на своей передней панели. Она понимает, что ни за что я не брошу того, что добыл. Ведь раз оно охранялось пусть дедовскими, но столь «крутыми» способами, значит, его потенциальная ценность может быть очень велика! Впрочем, любимую пушку тоже жалко...

Но бросить пришлось. Правда, только вынув оттуда блок питания – он стоит чуть ли не половину самой пушки, а уж если кислота разъест его... Взрывом всё чёртово подземелье разнесёт. Да и меня заодно!

Словом, я уже не молод. И два часа отработок каждый день на робо-ли не могут заменить марофонских пробежек. А тут ещё чёртов колодец... Сердце у меня ещё своё, и оно здорово билось прямо об мой мозг. Ну, или это мне только так тогда казалось.

Если спуск и осмотр занял у меня два часа (Ещё бы – я осматривал и снимал всё не торопясь: для Матери же, да и для себя, зар-разы любознательного старался! Буквально в каждую дыру нос свой неуёмный совал! Как не вспомнить Пиноккио...), на гораздо более конкретное бегство ушло

всего двадцать минут.

Почти поминутно я оглядывался, и это прибавляло мне резвости. Потому что подозрительные звуки и дрожь пола теперь слышал и чуял и я! Слишком уж напоминало рёв машин, несущихся по треку. Или маршевых двигателей при старте. Или автотанка. Или наезжающего на тебя скоростного бронепоезда! Или...

Короче, что-то механическое, и смертельно опасное!

Впрочем, когда я достиг, наконец, своей дыры, ничего из-за ближайшего поворота ещё выбежать, выехать, или там, выкатиться, не успело. Морозный свежий воздух прямо-таки потоком текущий через шахту сверху, показался мне слаще моллукских яблок.

– Мать! – кричу, обнаружив, что она уже затащила наверх всё чёртово оружие, – Где там челнок?! Пусть дроид притащит из него мою запасную пушку!

– Нет уж! – спокойно этак говорит она, словно мы с дроидом были на экскурсии в Букингемском дворце, – Лучше вылезайте оттуда оба. И побыстрее.

Ну, Матери виднее. Вылез сам. Спустил трос, и вытащил лебёдкой и дроида.

Ах, вон в чём дело! Челнок уже стоит прямо у шахты, и Мать озаботилась своими манипуляторами вытащить оттуда и большую пушку, и излучатель антиматерии, и ещё пару любимых смертоносных железок. Я же больше всего обрадовался экзоскелету – сразу влез в него, и схватился за гашет-

ки оружия.

Тут смотрю, дроид, оставленный для наблюдения за дыркой (Виноват. Отверстием. Так учил меня первый Наставник. А дырка бывает только в ж... Вот именно.) шахты, резво вскинулся, заскрежетал (дройд у меня без речевого блока!), и я оглянуться не успел, а он уже скрылся в люке челнока!

Что бы это значило?!

А, ну да. Всё правильно. Я же сам запрограммировал его бежать от мраморных муравьёв, или всего, что даже отдалённо их напоминает!

А там, внизу, копошились зловещей массой, лязгали и громоздились на спины друг друга, ну очень похожие, и явно вредоносные твари!

Размером они были с кота. Причём – откормленного... И тоже шипели. Правда, коты не лязгают, а эти ещё и лязгали от души, сверкая воронёными полированными боками и клешнями...

Довольно быстро они образовали пирамиду, влезая друг другу на спины, и стремительно приближаясь к горловине моей шахты. Тут я их получше и рассмотрел. Нет, пожалуй, больше они были похожи не на муравьёв, а на крабов. Тела дискообразные. Ног-члеников восемь. И спереди выросты: с то линзами, не то – лазерами. И ещё здоровенные клешни – по две на брата.

Бедный дроид. Ещё бы ему не испугаться. Мне и самому было не по себе, когда я начал поливать их из плазменной

пушки.

Она резала и плавилась их стальные тела, и они опускались, словно тающий снег, вниз – к тысячам своих собратьев. Те же, несколько гибелью жалких сотен не смущаясь (ну ещё бы – роботы же!), уже громоздили новую пирамиду.

Покосив (правильнее всё же – поплавив) их так с пяток минут, я более-менее заделал пробуренную мной же дыру. Груда сожжённых панцирей громоздилась теперь почти до середины высоты шахты, и новые экземпляры уже только с трудом могли протиснуться сквозь полурасплавленные-полуразрезанные неподвижные тела... Виноват, обломки.

Ну, я плавил и этих настырных наглецов.

Вскоре движение по шахте стало невозможным. Я было вздохнул свободней, но потом вспомнил про могучий гул... И приготовился.

И не зря. В полумиле от меня вдруг стал вспучиваться снежный панцирь равнины.

Послышался грохот, словно глетчер рухнул в океан, и осколки льдин и тучи снега так и брызнули во все стороны!..

Ох и здоровенная тварюга оттуда выползла! А по виду оказалась – хуже кошмара. Странная смесь ракетоплана с богомолем. Да ещё на гусеницах! Пока я ругался и прицеливался, пушка челнока легко разрешила её.

– Молодец, Мать! – говорю, – Похоже, мы что-то здесь точно проглядели! Откуда взялись эти чёртовы роботы? И почему мы их сканнерами не засекли?

– Предлагаю ответить на твои вопросы позже. А сейчас грузись-ка ты со всем нашим добром в челнок, и я его быстро оттуда уведу! – а сама манипуляторами так и мельтешит, запихивая наше барахлишко в трюм!

Смотрю – она права! Вокруг, на расстоянии от полумили до двух, взламывая и круша лёд, вылезают и другие механические твари, явно что-то нехорошее против меня имеющие. И сосчитать их просто невозможно: не меньше тысячи! Ну, или двухсот десяти – как потом оказалось...

Покидал я тоже все наши такие жалкие, оказывается, против толпы металлической нежити, железки, вовнутрь, и мы с дроидом быстренько залезли в тамбур.

Захлопнув люк, Мать дала такое ускорение, что меня буквально вжало в дроида. Чёрт. Только пусть не говорит, что теперь, как порядочный мужчина, я должен на нём жениться... Потом челнок стало так кидать, что и дроид побывал сверху. К счастью, он всегда молчит.

Уже сбросив ход, Мать, предупредив, включила на полную катушку режим дезинфекции. Оказалось, что местные бактерии всё же весьма живучи.

Когда мы успели их подцепить?! Ну, ладно – я. Могли и с потолка нападать. Но – дроид?

Он же наверху был?.. А в коридорах, вроде, ничего такого... А, оказывается, как раз – такого!..

Для гарантии ждали не пять, а десять минут. Ну и воючие у нас дезинсектанты!

Даром что самые лучшие.

Поэтому и цена соответствующая...

Выбравшись из тамбура и экзоскелета, я прошёл в рубку.

Ноги всё ещё дрожали, поэтому сразу плюхнулся в кресло.

Мать, вкатив мне в плечо чего-то жутко болезненного из шприца очередным манипулятором, говорит этак равнодушно, выведя изображения на панорамные экраны:

– Это съёмка плато южного материка, через семь секунд после нашего взлёта.

Ух ты!..

Если культурно, то только этими словами и можно передать мои «незабываемые впечатления»!

Потому что я зарёкся: облегчающие душу слэнговые обороты в журнал не писать.

Огромное пространство мёртвой снежно-ледяной пустыни было буквально изрыто чернеющими пещерами и вылезавшими из-под льда механизмами. И тот, что мы раскромсали, казался просто карликом! В некоторых от носа до кормы было не меньше ста метров! Про внешний вид и говорить жутко: таких монстров и страшилок я не видал даже в видеофильмах о злобных пришельцах, а уж, казалось бы, там-то художники и сценаристы отсутствием воображения не страдают!

Ну а когда все они стали стрелять: кто – огромными снарядами, а кто – и из лазерных пушек, по нам, Матери при-

ходилось только уворачиваться. Случилось и три попадания. Хорошо, что на силовые экраны и энергоблок мы не покупились. Отделались, как говорится, лёгким испугом.

– Знаешь что, Мать, – говорю уже немного успокоившись, – Для мёртвой планеты она кажется что-то уж чересчур... живой! Давай-ка подумай: кто и откуда всем этим управляет?

– Никто. И ниоткуда. Абсолютно никаких управляющих сигналов я не засекала. Ни на одной частоте. Эфир и сейчас пуст. То есть, всё это нападение – просто Программа.

– Какая, к чертям собачьим, Программа, если все здесь мертвы уже тысячу лет, подложки плат и микросхемы давно сдохли, а обитатели расхаживали в хитончиках, и техники вообще не знали!

– Всё это не является серьёзным возражением. – говорит эта «умница и лапочка» своим бодро-спокойным голосом, – А Программа недопущения того, чтобы эти три артефакта попали в чужие руки, судя по всему, великолепно разработана, продумана, и предусматривала несколько стадий, или степеней, защиты и нападения. И отличную консервацию всех механизмов!

– Что за чушь! Консервация механизмов невозможна без положительных температур – иначе любой металл станет хрупким, а смазка замёрзнет... Не говоря уже об аккумуляторах, и моторах, которые просто сдохнут! Ведь так и было в том чёртовом бункере внизу! А любые температурные ано-

малии ты бы в первую очередь засекала обычным термоскан-
нером.

– Да, вероятнее всего, засекала бы. Если хочешь, я могу по-
слать зонд, чтобы он отобрал пробу какого-нибудь разбито-
го нами механизма, и залез в какую-нибудь из пещер, прове-
рить их термоизоляции – чтобы точно выяснить, как именно
они были законсервированы. И найти, где их всё это время
прятали столь успешно. Возможно, термопленка и вакуум-
ные стены.

Посопев, и потеряв ноющую поясницу, я прервал её:

– Не надо.

Мне представлялось несущественным выяснять это, и
рисковать дорогим зондом. Вдруг собьют?.. Главное, что мы
оттуда убрались. И вполне целы... Пока.

– Лучше скажи, не смогут ли они подняться к нам сюда.
На орбиту.

– Нет, не смогут. Вероятность не выше одной миллионной
процента.

– Ну замечательно. – я со стоном встал, – Пойду помоюсь.
И пообедаю. С орбиты не улетай. Запусти пару беспилотни-
ков. Повыше. Пусть патрулируют весь этот чёртов южный
материк. И если что подозрительное – сразу поднимай тре-
вогу. Да, и пушки «Лебедя» все подготовь...

– Готовы они давно.

Из пушек нашего скромного кораблика можно испепе-
лить не то что весь этот южный материк, а и вообще пол-

планеты. Но не хотелось бы. Всё-таки там есть жизнь. И такая, вроде, идиллически-мирная. Чёрт. Как это нас так провели?!..

Спустя два дня мы этого так и не выяснили. Да оно уже и не представлялось столь важным.

Поскольку мы достигли кое-каких успехов в расшифровке чёртовых фресок.

Правильней всё же назвать их мозаиками: они были набраны из каких-то очень уж ярких цветных отшлифованных и плоских камней. И тот, кто всё это сложил, был настоящий профессионал. Художник. С бешеным терпением.

Пропорции тел и выражение лиц демонстрировали грацию и беззаботность того, кому полагалось быть беззаботными. И сосредоточенность и ум тех, кто на этих первых напал.

А то, что это было именно нападением, признала даже Мать.

Вот как по её трактовке происходили события на этой планете.

Цивилизация развивалась вполне традиционно – от дикости пещер до культуры и науки высочайшего уровня. Вплоть до того момента, когда все желания и потребности человека удовлетворялись без малейшего его усилия, роботами и автоматами, производившими и одежду, и еду, и жилища. Климат с помощью этой сверкающей и кажущейся всемогущей игрушки – Науки! – подправили, на поверхности цари-

ло вечное лето.

Однако среди основной массы «ублажённых» и быстро терявших технологические знания и навыки аборигенов нашлись и такие, кто понимал всю гибельность такого развития событий. Ведь отупевшие от счастья и безделья разлепившиеся люди теперь полностью зависели от машин. И если бы что-то сломалось, или машины взбунтовались, все... Вернулись бы к пещерам! Если не хуже.

И нашлась часть фанатиков, свято веривших в свою правоту, которые удалились на Южный материк, никем не востребованный из-за сурового оледенения, и там, под поверхностью, построили себе техногенное царство, последний Бастион Человеческой Науки.

Они уже не пытались обратить всех восторженных бездельников в свою веру в «Прогресс и Высшее Предназначение человеческого Разума», а просто разрабатывали средства глобального «осчастливливания» на вечные времена этих самых бездельников.

Ну и преуспели в этом.

Для этого и служили те артефакты, что столь тяжело мне достались.

Первая дудка (и мне было трудно не согласиться с этим, глядя на буквально документально передающее процесс изображение) служила для превращения человека в...

Ну да, вы уже догадались – в дразнилку.

Вторая служила для обратного процесса.

Третья буквально сравнивала горы и Города с землёй, разрушая все здания до фундаментов.

Вот уж не думал я, что акустическое воздействие может быть столь сильным! Но местные учёные, вероятно, ушли куда дальше в овладении тонкими силами, управляющими живой и неживой материей. Мать сказала, что ничего принципиально попирающего, или там, отрицающего законы Природы в такой дудке нет. Подобранные в резонанс с определёнными атомными и молекулярными частотными структурами излучения (одним из каковых и является звук) могут их изменять вполне определённым образом.

Ну, она всё это изложила весьма доступно, теми словами, которые я почти понимал – она знает, я ненавижу читать справочники и технические словари. А уж про школьный учебник физики помню только то, что он был синего цвета.

Так вот и получилось: почти как у Герберта Уэллса. С одной стороны – беззаботные сибариты-потребители элои на цветущей планете. И озлобленные, но во что бы то ни стало желающие спасти «загнивающее» человечество от самого себя, учёные-аскеты морлоки – с другой.

Моральные аспекты применимости разработанного безобразия, учёных, оказывается, сильно волновали. Они даже поделились на два Лагеря. Одни, вроде (этого даже Мать не поняла), пытались доказать, что преобразовывать нужно только добровольцев. Другие – что всех подряд «бездельни-

ков и лентяев, утративших человеческое достоинство и облик».

Словом, так или иначе, первая и третья дудки были применены. От городов остались руины, «бездельники-элои» превратились во всеядных и беспечных птичек.

Однако проследить за развитием событий учёным не удалось: у них началась гражданская война. Вот в процессе её и были созданы почти все те жуткие механизмы и устройства, что чуть не прищемили нам с дроидом хвост.

Сама война изображена не была. Но кто-то в ней определённо победил.

И этот Кто-то, не решившись уничтожить все три устройства, всё же надёжно спрятал их, и озаботился созданием защиты, и консервацией охраняющих механизмов. Быть может, со временем планировалось всё-таки преобразовать всех дразнилок обратно. Не знаю, не знаю... Но сделано ничего не было. И все Учёные погибли. Кто-то, или что-то уничтожило их.

И вот мы с Матерью опять оказались перед моральной дилеммой.

То есть – спасать ли всё «потерянное» человечество очередной идиотски погибшей планеты из облика и сути птиц, ведущих, явно, как и их предки, весёлую и беззаботную сытую жизнь...

Словом, вернуть ли всех вновь к человеческому обличью, с тем, чтобы, как водится, набивая шишки и разбивая носы,

цивилизация двигалась традиционным путём – к механистическому обществу Высоких Технологий и Познания Вселенной и Себя.

Или оставить всё – как нашли. Признав верным решение чёртовых учёных-морлоков...

Проблема совершенствования «морального облика» бывших обитателей этой планеты, как всегда, не сильно меня беспокоила.

Меня как скраппера они устраивали и в виде потенциально дорогостоящих птиц!

Поэтому, мирно переругиваясь с Матерью, и отсыпаясь, я добрых три дня валял дурака, контролируя одновременно, что внизу, во льдах, всё спокойно. Все здоровенные механизмы убрались, убедившись, что мы им не по зубам, обратно под лёд. И залегли, словно медведи в берлогу, в очередную спячку.

Нужна ли ещё кому-то их боеготовность, и сохраняется ли она, меня проверять как-то не тянуло.

Зато свербило у меня в мозгу другое.

Ни один скраппер не продаст ничего, не убедившись в безопасности и работоспособности добытого...

Потому что за такое можно слупить примерно вдесятеро дороже!

Первое тестирование странных устройств аудиовоздействия мы решили провести, разумеется, на наших пленни-

ках. Ну и на мне.

Мать подготовила странную штуку, с помощью которой она собиралась в нужную дудку дуть. Ошибиться, которая из них нужная, было невозможно: они отличались и внешним видом, и размером.

Первая походила на флейту. Вторая – на тромбон. И третья – на саксофон-баритон. Ещё бы: чтобы порушить здания, нужно что-то побольше...

Перегрузил я всех дразнилок на всякий случай в одну самую большую клетку, и Мать усилила её решётку титановыми прутьями из кладовой. Сам я тоже залез в клетку (другую!), и Мать заперла её.

– Волнуешься? – спрашивает она вдруг.

Не ждал такого, подрастерялся. Она, конечно, любит меня. Ну, по-своему... Но раньше как-то таких вопросов не задавала.

– А то!.. – говорю. – Чего уж тут скрывать. Я даже с Ивой так не волновался. Ну, тогда, помнишь? Когда мы её... проверяли.

– Я помню. – ещё бы ей не помнить! Чуть ли не сама меня к этой проверке подтолкнула, всё-таки, – Но там мы проверяли не тебя, а просто робота. Пусть и андроидного типа. А ты – человек. Из мяса и костей. Вдруг что пойдёт не так, как надо? Что тогда мне с тобой делать?

– Ну как – что? Продашь *меня* в Ксенолэнд! Ха-ха... – чувствую, обиделась. Даже молчание какое-то... Сердитое. –

Извини. Шутка не получилась.

– Согласна... Может, всё-таки, передумаешь?

– Н-нет. Я... хочу просто сказать тебе спасибо. Так, на всякий случай. Ты... Мне было приятно летать и работать с тобой. Ты у меня молодец.

А теперь дуй давай, пока я окончательно не сдрейфил! Надо же мне и *такое* попробовать!

– Да уж. Почти всё остальное ты уже попробовал... Хорошо. Дую.

Может, она и дунула. Я ничего не услышал. А в первые секунды ничего и не ощущал.

Потом – пошло-поехало.

Голова поплыла, словно перепил огненного Друмса. (Коктейль такой, изготавливают на Зеноне-3. Потому что только там растёт травка Бред Собачий. Потом как-нибудь расскажу, кто и почему её так назвал!)

Тело... тоже, вроде, как-то стало изменяться.(?!). Вот чёрт, больно!

Пришлось сесть, а потом и лечь. Смотрю сквозь прутья, а бедным птичкам тоже туго приходится. Вон – одна уже повалилась лапами кверху и истошно так орёт! Другие ей вторят, а сами по вольеру ползают. И начали они меняться.

Однако не быстро. На полное превращение ушло три часа. Это Мать мне потом рассказала, и показала запись – она, конечно, всё сняла, с двенадцати точек. Для отчёта. Так что посмотрел, когда пришёл в сознание – ускоренно, конечно,

а чего тут рассусоливать и изучать! Пусть учёные изучают. (Если продам, конечно, технологию превращения...)

Только произошло это много позже. А пока мне было не до этого. Окружающее пространство стало быстро вращаться... Меня куда-то понесло... В глазах почернело, стало подташнивать, и... Словно провалился в вату.

Очнулся от шума: криков и возни.

Открываю глаза. Лежу я, оказывается, на полу. И смотрю прямо в вольер к дразнилкам.

А они не то дерутся, не то... сексом занимаются. Да ещё как орут при этом.

И то, что все они теперь оказались в облике крохотных голых человечков, нисколько меня не удивило.

Плевать мне на это было тогда...

Башка у меня просто разламывалась от дикой боли, и я уже не мог слушать – прямо как ножом по стеклу! Как бы заткнуть их!..

– Мать! – кричу даже не вставая, – Заткни их!

Мать не оплошала.

Тонна холодной воды, вылитой с потолка, утомонит кого угодно. Правда, Мать тут же включила продув тёплым воздухом – чтобы обсохли, значит, и не простудились.

– Что у нас есть от головы? – спрашиваю, а сам потихоньку пытаюсь принять более вертикальное положение. Сам глаз не отрываю от дразнилок. Наконец, держась за прутья, уда-

лось сесть.

– Гильотина. – говорит моя юмористка. А сама подносит снаружи к решётке манипулятор с таблеткой и стаканом воды. – Но вряд ли ты согласишься. Поэтому – вот. Это должно помочь. Разжуй как следует.

Сделал как она говорит. Я почти всегда её слушаюсь. Не верите? Ну и ладно...

Через пару минут и правда, отпустило. Встал я, осмотрел уже себя.

Да нет – ничего страшного, вроде. Мужик как мужик. Только голый – одежду-то я на всякий случай заранее снял. Ощупался со всех сторон. Нет, кожа как кожа. Перья, вроде, не выросли. Живота не намечается – ну ещё бы, столько бегаю! Ноги, конечно, могли бы быть и не такими волосатыми... Да и пускай их: не девушка, чай – замуж не выходить. Так что брить не собираюсь!

– Мать, – говорю, – Почему со мной... ничего не произошло?

– Это просто. Мы же использовали тот аудиоприбор, который возвращает в человеческий облик. А ты и так человек. Но вот побочных эффектов, каюсь, не предвидела. Извини.

– Это каких-таких побочных эффектов? – я насторожился.

– Ну, хвоста, например, на копчике, и гребня на голове.

– Чёрт! – я так и завертелся выюном, пляясь себе на... и хватаясь за череп. Но там ничего не было!

– Ха-ха. – говорит моя «умница и лапочка». – Извини ещё раз. Не удержалась, чтобы не опробовать твой фирменный стиль юмора. Это была шутка.

Я открыл рот. Потом опять закрыл.

Вот блин. Она права. Юмор у меня и правда, хромает.

– Ладно, юмористка, выпускай меня. Пойду молодёжь развлекать.

Вблизи человечки смотрелись ещё нелепей, чем издали.

Мужчины на тонких ножках, но с огромными лохматыми бородами и отвисшими животами. Впрочем, живот у женщин ничем не уступал, а грудь была... в принципе, неплохая, но почему-то пигментированная у сосков в ярко-оранжевый цвет. Все они были жутко грязные, и, конечно, нечёсаны. Поэтому напоминали несерьёзных детей, надумавших поиграть в пещерных охотников. Им бы ещё каменные топоры в руки...

Поскольку я подошёл к ним не одетым, первыми отреагировали, естественно, женщины.

Они прямо-таки кинулись к передней решётке, и взоры их оказались направлены только на... мои причиндалы. Они громко что-то залопотали, но ни слова, конечно, я не понял. Особо наглые стали даже тянуть руки.

– Мать, о чём они говорят?

– О твоём грандиозном «достоинстве», конечно! Впрочем, говорят – неверная формулировка. Те слова, что удаёт-

ся идентифицировать, означают буквально: «Член!», «Большой член!», «Секс!», «Хорошо!».

– И... всё?

– И всё. Глаголов нет. Только существительные – язык крайнен примитивен. А чего ты ждал от птиц в примерно пятисотом поколении?! Скажи спасибо, что у них сохранились хоть какие-то слова!

– То есть, хоть внешне они – люди, мозги у них остались... птичьи?

– Да. Ты очень точно описал ситуацию. Но не стесняйся меня – если кто-то из них привлёк тебя – смелее! Женщинам ты точно – *очень* понравился!

Говорю же – общение со мной сильно сказалось на Матери.

Подошёл-то я на пару шагов, но так, чтобы эти развратницы озабоченные дотянуться всё же не могли. Странно. Три мужика ко мне – такому большому и симпатичному – интереса не проявляли. Впрочем, как и страха. Они оглядывали свою клетку, иногда перебирались из угла в угол, и что-то пытались жевать: кто – подстеленный матрас, кто – край поилки... Иногда тоже что-то бубнили. Нетрудно было догадаться, что есть хотят.

– Мать! Пусть-ка дроид притащит ящик с этими... ну, местными бананами.

Вид дроида не испугал, а бананов – когда я вынул парочку – сильно обрадовал. Выкрики и протянутые руки сразу по-

казали мне, что теперь я точно, «большой» шеф. Ну, я и не оплошал:

– Еда! – говорю. Нет, лопочут по-своему. Я повторяю громче, и вожу бананом у решётки.

Слышу, самый старый мужчина отреагировал. Пытается, но произнести не может – не привык, видать, пользоваться для имитации нормальной-то речи человеческими гортанью и языком. Ну, примерно двадцать шестая его попытка почти получилась. Он смог, наконец, повторить:

– Эддэ! – за что сразу я ему в руку просимое и всунул!

Как все сразу на него накнулись! Ах вот вы, значит, как...

– Мать! Облей-ка всех безбанановых скотов из брандс-пойта! – Она так и сделала.

Теперь мой «умник» сидел один в углу клетки, и уплетал банан за милую душу. Остальные пытались осмыслить ситуацию. Я уже устал водить следующим фруктом, выговаривая на все лады, что это еда, потом смотрю – сдвинулось дело. Теперь одна, а потом и все остальные самки тоже... стали упражняться в изящной словесности.

Произношение, конечно, оставляло желать... Но каждая по фрукту получила – хотя бы за сообразительность. К счастью оставшиеся два мужчины тоже догадались, как меня ублажить.

Ф-ф-у-у... Теперь хоть одно слово они знали, и соотносили с понятием. Прогресс.

Но если рассуждать логически, я смогу научить их по-своему, а сам-то их язык учить не собираюсь уж точно. (Ещё не хватало мне щёлкать, пищать и булькать!) Значит, если эту планету заселить снова людьми, все будут говорить по-английски?

То-то ксеноисторики удивятся, когда найдут!

Между тем смотрю, самая сообразительная симпатичная (ну, если абстрагироваться от роста, пуза и гнилых зубов) дамочка, доев банан, снова подошла к решётке, и руку тянет к моему... Хм! Бессовестная! И ещё смотрит – то на это, то мне в глаза. И ещё что-то говорит. Одно слово.

Блин. Тут надо выбрать. Или называть эту штуку по-ихнему, или по-английски.

Краснея, в немногих словах объяснил всё же нахалке, что это, и как называется.

После этого я понял, что если словарного запаса у местного электората и не хватает, это с лихвой компенсируется жестами и хитрым подмигиванием. Продолжать урок мне почему-то расхотелось. Пришлось отойти, и натянуть хотя бы брюки. Кстати, мужчины, расправившись с фруктами, только «Эддэ» и просили. А на самок своих даже не глядели. Не могли привыкнуть к их новому виду?.. Пресытились?..

– Мать. Что это они делали, когда я очнулся?

– Дрались. Очнувшись, некоторые кричали, некоторые метались. Потом стали орать, ругаться, и драться.

– А... э-э... что при этом кричали?

– «Чужой»! «Смерть чужой»! И ещё что-то про еду. Возможно о том, что надо убить, а потом съесть!

– Мать! Прекрати. Лучше скажи, можно ли им вернуть... *человеческий облик*? Ну, в смысле, чтобы они вели себя по-человечески, а не... как пошлые шлюхи, у которых только *это* на уме, и безмозглые ленивые обжоры?

– Нет. Ответ однозначный. Я уже провела сканирование их мозга. Вот, я тебе покажу, что имею в виду. И способность соотносить предмет и его наименование тебе не поможет. Как и им. Не обольщайся – это рефлексы. С высшей нервной деятельностью ничего общего здесь нет. – Мать вывела на три экрана пульты три мозга. Первый – мой. Второй – «очеловеченного» дразнилки. Третий – его же, но... До этой процедуры.

Различия потрясали.

Вернее, различия с моим мозгом потрясали.

А вот у мозгов дразнилок различий не то, чтоб вообще не было, но они были минимальны.

– Чё-ё-рт! – снова вырвалось у меня, – Ты что же, пытаешься мне сказать, что если мозгами не пользоваться, то они очень быстро... э-э... усыхают? И их хозяева... э-э... тупеют?

– Точно. И не только резко тупеют, если считать это научным термином, но и накапливают некоторые необратимые изменения. Вот, смотри, – она стала на изображении модифицировать и выделять отдельные участки разными цвета-

ми. – Это – в мозгу главное. Кора. Она отвечает за самые сложные функции и навыки. Высшую нервную деятельность, проще говоря.

Видишь – у них практически нет складок, если сравнивать с тобой. Но если сравнивать с обычной птицей, – она включила ещё экран, и не забыла подписать изображение: «курица земная», – всё же несколько лучше... Вот здесь – зона, отвечающая за зрение. Больше даже твоей. А вот – обоняние. То есть, практически отсутствует. – А это – не хочу никого обижать – творческое мышление.

Испытав порыв вполне понятной гордости за своё «творческое мышление», я надулся как индюк.

– А вот так эта зона выглядит у так называемых творческих людей: писателей, учёных, инженеров. – моя гордость сразу как-то сдулась. Ещё бы – оказывается, у них эта фигня раза в полтора больше, «изрезанней», активней и функциональней, как не без ехидства пояснила моя «умница».

Но суть я всё равно схватил:

– Значит мозг – как мускулы? Если не тренировать и не пользоваться им... м-м... изо всех сил, то – отмирает?

– Ну... можно и так это сформулировать. Да. Но не отмирает совсем, а, скорее, сильно уменьшается в объёме, чтобы не мешать тем зонам, что отвечают за жизненные потребности, которые в *данный* момент используются больше всего.

– Обратимы ли такие изменения? Ну, в смысле, смогут ли дразнилки со временем снова стать нормальными людьми?

– В-принципе, кое-какие обратимы. Людьями в том смысле, который ты подразумеваешь, эти птички, конечно, стать могут... Теоретически. Лет этак через пару миллионов. Но будут ли они от этого счастливей?

– Ты это о чём?!

– Об их жизни. Вот смотри: сейчас они беззаботны. Веселы. Все интересы, – она снова покрутила мне на экране их мозг с цветными зонами, – сводятся к еде, сну и всё тому же сексу.

Всё это сейчас полностью в их распоряжении. Плодов вокруг полно. На планете – сам видел! – вечное лето. Яйца высиживать не надо – достаточно отложить их в тёплый песок пляжей. Естественных врагов у птиц здесь практически нет. Да и с сексом у них всё в порядке. Поэтому...

Пытаюсь, как ни глупо звучит, вразумить тебя. Если даже ты обратишь их *всех* снова в людскую форму, они уже в Человека Разумного *здесь* не превратятся! Вероятность – ниже четырёх процентов...

– ЧТО?!?! Как это – не превратятся? Почему?!

– Очень просто. Нет стимула.

– ?!

– Ну вспомни ты хоть немного историю. Человеческую историю. Пока не настал Ледниковый период, и не возникла потребность приспособливаться к новым условиям: ну, там, находить пещеры, охотиться (а не собирать плоды), одеться, чтобы защитить голое тело от морозов, изготовить, наконец,

орудия для охоты, защиты от хищников, и пещерного быта... Ну и всё прочее такое – обезьяны и не чесались!

Я имею в виду, пока здесь вечное лето, нет врагов, и еда под боком, у местных обитателей нет никакой реальной причины развивать свои мозги!

– И... что прикажешь делать?!

– Ничего. Мы же не сможем вернуть сюда смену сезонов года. Для этого пришлось бы сместить обратно ось вращения всей планеты! Судя по геомагнитным аномалиям именно это и было здесь сделано.

– У-у-у... – вырвалось как-то само у меня, и ещё несколько сочных слов, которые дразнилки-самцы (Чёрт! Не поворачивается язык назвать их мужчинами – с такими-то животами.) попытались за мной повторить, очевидно инстинктивно почуяв что-то родное... Всё это время самки продолжали тянуть ко мне руки в тщетных призывах, а самцы всё ещё обшаривали пол – очевидно, в поисках остатков пищи.

Подумав, я приказал дроиду кинуть им ещё фруктов – теперь все, в том числе и смущавшие меня (чисто на уровне рефлексов!) дамы, были при деле.

– Знаешь, Мать, ты права. Наклонять обратно планетарную ось я не собираюсь. Кстати – а что, сохранились машины... которыми они всё это сделали?

– Нет. Они разобраны. А одна из них, кстати, находилась на горячо тобой любимом южном Полюсе. Как раз у большой пещеры. Посетим?

Иногда её юмор уж слишком... Напоминает мой. А я от своего юмора не в... Хм-м.

– Нет. – я ещё сердился. – Давай лучше подумаем, как быть с... этими! – я кивнул на клетку.

– Ну как – как быть? Превратим их обратно в птичек, да продадим. Тогда цель их жизни – сытная еда и... всё остальное, будет гарантирована. Ксеноленд уж позаботится.

– И... что? Нет ни малейших шансов, что они... в смысле вот в таком виде – разовьются до Цивилизованности? Даже если мы... подбросим им на планету, скажем... Врагов каких?

– Полагаю, что нет. Шансы – я тебе уже сказала. И дело не только в мозге. Посмотри на их размеры.

Видишь – они не выше двух футов. Я думаю, они так измельчали от всё того же безделья! Мне кажется, ни орудия, ни пещеры, ни враги им уже не помогут – я даже опасаясь, как бы их попросту не съели! Ну, как австралийских дронов. То есть, деграция и умственная и физическая, зашла настолько далеко, что стала необратимой.

Мрачно разглядывая этих несчастных придурков, причём почти добровольных, я всё не мог решить, что же мне с ними делать.

И так и так получалось плохо.

Всё же... Раз мне нужен совет эксперта, лучше воспользоваться самым надёжным! Собой.

– Мать! Давай следующую дудку. В-смысле, первую. Пре-

вратим обратно: *этих* в птичек, и меня туда же!

Молодец она всё-таки у меня. Даже не спорила. Буркнула только сердито так:

– Лезь обратно в клетку. – и дверцу за мной заперла. Перестраховщица ворчливая.

О-о-ох!.. Нет, больно на этот раз не было, но снова провалялся я без сознания часа три.

А когда очнулся, было это... НЕЧТО!

Вам бы тоже так показалось, побывай вы в шкуре (вернее – перьях!) птицы!

Мать у меня умная – догадалась прямо к прутьям принести большое зеркало. Правда, поставила так, чтобы я не мог дотянуться... Говорю же – умная.

Ну и я не подкачал: как стал орать и беситься, слюной брызгать, глаза закатывать. Даже по полу покатался на спине, дрыгая чешуйчатыми лапами. Тогда она говорит:

– Кого ты собираешься надуть? Я же снимаю твою энцефалограмму. Там чётко видно, какой ты зловерный идиот, опять пытающийся разыграть меня.

Вот так всегда с ней. Подстраховалась. Впрочем – молодец. Заботится.

Открыл я рот, чтобы извиниться, и...

Чёрт! Слова застряли. Вылетает только что-то вроде свиста, рёва и клёкота!

Попробовал ещё. Ага, уже лучше. Даром, что дразнилки

могут воспроизводить любую речь.

– Эзвыны, Аат! – говорю, – Даваэ абрадна!

– Ну уж нет, – говорит, – Если сейчас я подую куда положено, все *они* тоже – снова превратятся в человечков!

Об этом я не подумал. Вернее – подумал, но... *Забыл.* Вот, значит, как происходит оглупление! Чёрт! Чёрт! Впрочем, я недолго расстраивался – переключился на зеркало.

– Сто зэ дэлат?! – спрашиваю, а сам всё на себя люблюсь. Хвост-то, хвост – какой шикарный! И оперение – яркое, цветное! Прямо радужно переливается! Хорош! Призывной петух! А где мой курятник-гарем?! (шутка.)

Потом думаю – не дай Бог, кто случайно увидит, если Мать, как обычно, делает запись на все двенадцать камер... Нет, кое-кто, конечно, и сейчас увидел – вон, все семь идиотов. Вылупились, как на пряник медовый.

Особенно самки! Только что слюни не пускают...

– Ну, что делать, мы решили давно. Надо подуть в дудочку там, где будешь только ты и она, а *эти* чтобы её не слышали. Поэтому вылезай-ка, – она отщёлкнула замок клетки, – и иди в челнок. Придётся отвести его на пару сотен миль от «Лебеда». Через вакуум звук уж точно не распространяется.

Потопал я (если полупьяное заплетание можно так назвать) на своих новых ногах-лапах к челноку. Проклятье. Чтобы влезть, пришлось протискиваться – пузо торчало, и крылья мешались! Даже пару перьев потерял – больно!..

Заодно обнаружилось, что когда где-то чешется – фиг по-

чешешь! Или надо садиться, как идиоту, на пол, и ногой (!!!) чесать, например, за ухом. Нет – вы как хотите, а я – за руки!.. Даёшь обратно любимые верхние конечности!

Но вот, наконец, я в челноке. Мать отвела его на пару сотен миль (я, конечно, не удержался при ускорении – опять грохнулся на пятую точку. Хорошо хоть, падать невысоко, да и перья. Мягко.)

Дальше всё прошло как по нотам. Три часа блаженного забытья, и вот я – снова я!

Ох!..

Давненько я не был так счастлив! Мать права – я любитель. Экстрима и острых ощущений. Но сильно нервный. Поэтому первое, что я сделал, вернувшись на корабль, проконтролировал наши запасы рома. Порядок. Полторы бутылки там ещё осталось.

Ну, в смысле, потом, после того, как «проконтролировал». И «полечился».

Мать даже слова не сказала – видела, что я на взводе. А на кого мне злиться, как не на самого себя?! Сам дурак. Скраппер чёртов. Я так Матери и сказал, когда вторую бутылку ополовинивал. На что она поспешила заверить меня, что и пьяного... и трезвого... и даже в перьях – она меня уважает.

Вот и умница. Я даже чмокнул её в центральную консоль. И пошёл спать.

Похмельный синдром отлично сняла очередная таблетка из нашей весьма богатой аптечки.

Захожу в большой грузовой трюм, где мы ставили «социально-бодиформационные» эксперименты. Ага, Мать уже всех пленников снова разъединила по клеткам, и позаботилась покормить. Но видок у них... Странный.

– Ну, как они тут?

– Неплохо. Я рассадила их, чтобы не дрались.

– А что, им опять что-то не понравилось друг в друге?

– Да. Ты будешь смеяться, но, похоже, после знакомства с тобой самок перестало устраивать... мужское достоинство этих несчастных самцов. Они требовали чего-то... Большого!

У меня не хватило сил даже ругаться с этой юмористкой. Настолько я был, как говориться, по горло сыт дразнилками и их планетой с чёртовыми дудочками.

– Рассчитай-ка, – говорю, – курс домой.

– Мы... возвращаемся?

– Да. Этот рейс закончен.

– А что... с дудками? Мы их берём с собой? И разве ты не собираешься проверять третью в действии?

– Собираюсь. Но – позже. Помнишь планету Эррикаторов?

– Это где тебе навалили по полной, а меня с «Лебедем» чуть не сбили?

– Ну, если потерю левой руки, и пробоину в броневом кор-

пуге так называть... То – да. У меня ещё тогда была смутная мыслишка, что когда-нибудь я вернусь... Да и то сказать – если они выйдут в космос, и будут столь же агрессивны... Человечеству не поздоровится! А я сейчас запросто могу им устроить Иерихонские трубы!

И вот я, «Ужас, летящий на крыльях Ночи, я, пучок волос, забивший ваш унитаз!...»

– Хватит цитировать дурацкий мультик! (Стоит мне упомянуть мультик «Черный плащ», Мать прямо сатанеет – ну вот не нравится ей тамошний неназойливый юмор...) Ты что, серьёзно намерен сделать это?!

– Шучу, конечно. Хотя... Не продавать же ТАКОЕ нашим – что воякам, что учёным?! Сама представляешь – через пару лет камня на камне не останется, и даже ось, может, выпрямят – особенно, если рассказать, как всё было. Да и вообще, у меня, по-моему, начинается аллергия на всякие глобальные «улучшители Жизни». Я имею в виду чёртовы Овеществители, и их хозяев...

– Я могу рассчитать...

– Да, я знаю, что ты считаешь вероятность! И будешь тысячу раз права. Я просто *не хочу* везти на землю *такие* игрушки! Пусть я алчный и вредный скраппер, но люди – это люди. Они мне ничего *настолько* плохого не сделали!

– Чёрт. – это она (!!!) говорит! – Тогда получается, что мы опять столь ценное инопланетное д...мо спалим на чьём-то солнце?

– Ну уж нет! Спрячь-ка его подальше, за реакторами, и пусть пока побудет на нашем корабле. Я бы сказал, что эти штуки пострашнее, чем наши ядерные фугасы и противометеоритные пушки. А мы по дороге сделаем крюк, и спрячем их от греха подальше на Астероиде Квимби Лысого. – ну, поскольку хозяина давно нет в живых, а про астероид знаю только я, спрятать там можно не то что дудочки, а и весь Космофлот! (Как-нибудь потом расскажу, как я обезвредил – говоря проще – пристрелил! – очередного претендента на должность «Властелина Мира»! И не ту версию, что вижу обычно во сне, особенно после очередного «контроля» запасов рома, а правду – она ничуть не скучнее!)

– Теперь-то я найду способ посетить и гранахов, и перрисов! Небольшая (не дольше, чем на пару недель) трансформация, пожалуй, позволит нам собрать с их планет всё, что мы тогда так и не отвоевали... И собрать абсолютно мирно!

– Ох, ка-а-акой ты оказывается, жадный, коварный, и мстительный!

Я только посмотрел на её центральную консоль.

Больше шутить не буду. А то Мать учится похлеще дразнилоч...

6.Весёлый водный мир.

Не люблю водные миры.

На таких обычно и пожить-то нечем.

В-смысле, нам, скрапперам.

Да, мы с Матерью скрапперы. Своеобразная такая профессия. Суть её заключается в том, что мы рыщем по всем ещё не открытым официально мирам, и собираем (а иногда и берём с боем!) всё то, что потом можно постараться выгодно... продать!

Это и металлолом – ну, там, ступени от ракет первобытной эпохи, разбитые корабли. Даже орудийные гильзы, которые остаются на старом полигоне после очередных учений Флота. Сталелитейные заводы на астероидах с большим удовольствием всё это берут на переработку.

Попадаются и куски *чужих* кораблей – такие особенно ценятся учёными и военными.

Наконец, добываем мы и полезные ископаемые, давно выработанные на родной планете – вроде урана, полония, радия, натуральных алмазов, рубинов, сапфиров...

Кое-кто из наших любит собирать экзотическую ксенофауну – каких только уродцев не тащат скрапперы со всех концов Вселенной. Пару раз даже мы снабдили Нью-Йоркский Ксеноленд ещё неизвестными землянам животными – ну, это когда уж совсем ничего на их родных планетах не нарыли...

Но больше всего ценятся всё же артефакты других Цивилизаций. То есть те предметы, которые изготовили Чужие. О-о-о! Некоторые коллекционеры-маньяки готовы убить из-

за таких.

Поэтому я и был несколько разочарован, добравшись до кислородной планеты, и обнаружив, что на её крохотных островках и архипелагах как туземцев, так и их изделий нет.

Конечно у нас с Матерью есть и батискаф, и зонды, и прочее оборудование для работы под водой – иногда оно очень полезно. Когда лет пять назад в нас стреляли ядерными баллистическими ракетами, а мы их все посбивали, две боеголовки пришлось потом доставать с глубины в километр и больше. Ну, мы не ленивые, и деньги *очень* любим. Поэтому всё достали в лучшем виде. (Да и продали потом – за нехилые денежки...)

Величественным, тёмно-синим при взгляде из космоса, океаном, было покрыто, как любезно сообщила моя хозяйка, более девяносто четырёх процентов всей поверхности. Мы, как всегда в таких случаях поступаем, и на этот раз три дня изучали всё с орбиты. Ждали.

Может, найдётся кто-то, кто решит, как уже пару (или, вернее – с десяток, если уж быть точным!) раз бывало, сбить нас прямо тут, как говорится, «у входа». С такими лучше разбираться, пока основной и единственный живой член экипажа не спустился на поверхность, и не погряз в рутинной кропотливой работе.

Мать, или, как я её иногда называю без всякой иронии, Хозяйка – Главный компьютер у меня на корабле. Уж кому-кому, а ей рационализма и трезвости мышления не за-

нимать. Она столько раз спасала мою беззаботно-восторженную (ну, сравнительно) персону из тех, извините, задниц, куда я со своей патологической жадностью и неуёмным оптимизмом забирался, что и не упомню. И стреляет она куда лучше меня. Так что мы всегда чувствуем себя спокойней вместе.

Так и на этот раз – только убедившись с помощью лучших в мире сканнеров, что никто коварный и опасный «за углом соседней туманности» не притаился, мы – ну, то есть, я – решили, что можно высаживаться.

Саму планету мы обычно сканируем с ещё большей тщательностью.

Ведь мы – учёные. Хотя, нет, правильнее – наученные! Мы знаем, что если на планете и были какие-то цивилизованные люди, то они будут зарываться в недра своей родины тем глубже и основательней, чем выше степень их развития. Не знаю, что там теоретическое вычислили учёные по поводу этой странной закономерности, нам она здорово помогает в работе и в виде чисто практического тезиса.

Сканнеры же у нас – я уже говорил – самые дорогие. Лучшие. Мы отнюдь не бедные, и можем себе позволить самое продвинутое оборудование. Гранит, составляющий обычно кору материковых платформ, сканнеры могут просветить миль на тридцать – почти до мантии... Ну а уж разумных (да и не разумных) существ, могущих жить *там* я ни разу не встречал! Поэтому я не удивился, когда к вечеру третьего

дня Мать сказала:

– Найдено три капитальных подземных сооружения. На двух островах размером побольше, и на главном архипелаге. Два первых частично затоплены. Самое крупное пока доступно и без акваланга. Вот, взгляни. – она вывела голографическую проекцию прямо в пространство над пультом.

Хм... А сооружения-то не маленькие. Правда, два, действительно, затоплены и полуразрушены – очевидно всё же подпорченные морской водой стены частично обвалились. В таких работать крайне опасно. Но вот третье подземелье – прямо конфетка, словно для нас создано.

Большое, красивое – если так можно сказать о подземельи. Девять подземных уровней. В диаметре около полукилометра. На плане чётко видно, где входы-выходы, лестницы, помещения, шахты и коридоры.

Замечательно. Нашлась работёнка и здесь: можно спускаться.

Челнок у меня, как и «Лебедь», проверен-перепроверен. В каких только передрягах за эти почти сорок лет не побывал. (Однажды его даже чуть не съели. Причём в буквальном смысле: мраморные муравьи обожают кормить металлом свою матку.)

Так что долетел, сел, осмотрелся, и всё остальное, что положено делать, чтоб подольше сохранить в целости свою драгоценную задницу – во всеоружии. С любимыми смертоносными железками мирный скраппер всегда чувствует се-

бя как-то... уверенней. Спокойней. Да и защитное поле, не упомяну случая, чтобы помешало.

Сели. Подождали.

Надо же. Всё опять тихо... Вроде. (Нет, случилось, конечно, что и на старуху бывала проруха: вон, однажды нас провели с помощью хитро законсервированных охранных механизмов – еле успели удрать, и три дурацких дудочки у этих гадов упёрли. Правда, смысл: пришлось это сверхопасное д...мо уже нам самим – снова перепрятывать...)

На этот раз даже Мать выразила удивление:

– Странно. Как это на тебя – и никто не нападает... А, ну да. Ты же ещё не высовывал своё очаровательное личико из челнока, и ни в кого не стрелял... Ладно. Я подожду.

– Очень смешно. А вот никуда не пойду, пока всё не узнаю! Так что колись быстрее – кто тут живёт злой и опасный. Что там показывает Раптор?

(Раптор – это мой беспилотник. Мать обычно выпускает его из специального ангара челнока сразу, как только челнок сядет. И уж разрешение его камер такое, что и орлы-беркуты позавидуют! Пару раз находил коварно притаившихся врагов. Правда, это было ещё в самом начале нашей «карьеры», когда мы не сторонились населённых планет. А сейчас гораздо чаще ему приходится просто подтверждать то, что Мать и с орбиты видит.)

– Никто. Похоже, действительно на поверхности крупных живых существ не осталось. Вижу только мелких ракообраз-

ных, ящериц, и насекомых.

– Не понял. А как же... ну там, всякие уникальные утконосы, кроты, змеи... Крысы, наконец? Кто здесь выполняет роль высших наземных хищников? Да и травоядных?

– Сама удивляюсь. Похоже – никто. Так что на твоём месте я бы не выходила без оружия.

Вот издевается – по полной. Она отлично знает, что я без обожаемых плазмомётов-лазеров-пушек-пулемётов на неосвоенной планете – ни шагу! И скафандр и экзоскелет, по крайней мере, при первом выходе – неотъемлемая часть экипировки любого скраппера. А такого мнительного и злопамятного, как я – и давно.

Так что только как следует подкрепившись едой, и обмундировавшись, вышел наружу.

Ну, время выхода мы традиционно стараемся выбирать утром. Чтобы, значит, всё было в «естественном освещении». А кроме того, мы встречали кое-где и ночных хищников, которым было в принципе, наплевать, кого есть – своих ли, инопланетных... (Что бы там ни талдычили ксенобиологи, насчёт того, что плоть, населённая чужими бактериям/вирусами – для них смертельный яд, никого из этих тварей такая мысль до сих пор не останавливала. Возможно, потому, что они книг по ксенозоологии, или хотя бы Герберта Уэллса, не читали. Да и вряд ли станут.) И поскольку днём они прятались по пещерам, то все их клыки, когти, и отвратительные (обычно) нравы с орбиты, или беспилотником, не

обнаруживались.

Не то, чтобы я боялся хищников...

Скраппер в боевом облачении не боится даже боевых кораблей. Нет, серьёзно.

Но убивать местную фауну без крайней необходимости лично я считаю глупым и... э-э... непорядочным. Неспортивным. Это почти как забраться в муравейник с паяльной лампой – чистое свинство. Даже если и укусили пару раз за зад. Да и всё равно – я бы так и так не рискнул никого добытого съесть. Это только в кино разные «хищники» да «чужие» лопают людей почём зря. Но никто никогда не показывает правды – если б они и правда так сделали, просто подошли бы. От жуткой диареи. Ну, и наоборот – аналогично. То есть – для человека все эти ксеноморфы – чистая отравка.

Выбрался я из челнока, осмотрелся. Никого!

Снял гермошлем, вдохнул полной грудью. Хороший запах. Прямо пьянящий.

Здесь точно нет ни химических заводов, ни сталелитейной промышленности. Пахнет только Океаном: йодом, солью, водой. Ну, наверное, вы понимаете, что я имею в виду – когда вокруг столько чистой воды, всегда она пахнет и смотрится как-то по-особому...

И джунгли внизу какие-то уж очень ярко-зелёные. Незапыленные.

Красотища. И – тишина.

Нет, не могу описать.

Ладно, я уже говорил, что не поэт – не обессудьте, буду излагать факты.

Единственное, что как-то не вязалось с глобальной идиллией – отсутствие традиционно прилегающих к морскому пейзажу наглых и крикливых чаек. Да и прочих птиц.

Расставил я как всегда, сам, и с помощью дроида, кучу метеорологического оборудования.

Мы с Матерью блюдем, так сказать, интересы земного Университета сравнительной климатологии, и даже особо много денег с них не лупим. Ну, просто лично я иногда... Хм... Теснее обычного общаюсь с зав. Лабораторией моделирования, Линдой Во... неважно. Замечательная во всех отношениях девушка. Пусть даже и в свои пятьдесят. Да я и сам не очень молод – седьмой десяток. Впрочем, чего скромничать – все сейчас живут до ста пятидесяти и больше, так что я – можно сказать, ещё юноша... Хоть и пожилой.

Челнок я, конечно, посадил поближе к наиболее удобному месту входа.

Разрыл за пару часов всё, что положено. А что – экзоскелет в этом плане даже удобней бульдозера с экскаватором вместе взятых.

После удаления грунта бетонный свод вскрыл с помощью плазменного резака. Эта штука эффективна – всё испаряет так, что и убирать ничего за собой не надо. Гудит только ужасно. Ну, и воняет. Тем, что плавит и испаряет. А уж ото-

гнать пепел – дело вентиляторов. Они у меня в скелете компактные, но мощные – при случае могу и летать на них.

И вот она, пожалуйста – шахта в «неведомое».

Дроид установил лебёдку, я снял экзоскелет, и пристегнув карабин к поясу, стал спускаться в десятиметровый колодец. Не пугайтесь – кое-какое оружие у меня с собой как обычно, осталось.

Однако никого и ничего живого в тоннелях и помещениях я не встретил. Пусто – хоть «ау» кричи.

Да так обычно и бывает на планетах-призраках. Мы с Матерью иногда можем восстановить то, что произошло на таких, (А как же! Нам же надо знать, не погибнут ли здесь колонисты, если мы сойдёмся в цене, и продадим такую планету Колониальной Администрации Содружества!) а иногда для этого приходится вызывать учёных из Нью-Йоркского Университета Ксеноистории, Антропологии и Социологии. У них времени – сколько угодно. И планет для сравнения всё-таки побольше, чем было у нас.

Зато они не имеют права (ну, теоретически!) продавать ничего из найденного.

А мы – имеем. По-крайней мере лет сорок назад, в самом начале карьеры, я озаботился обзавестись всеми мыслимыми официальными бумагами, со всеми возможными печатями. И пролонгировать свои Права я не забываю: регулярно все Федеральные Налоги и квитанции оплачиваю. Иногда даже наличными. Приятно чувствовать себя, типа, как на Го-

сударственной службе, и в то же время – свободным.

Ну, а разболтался-то я, собственно, потому, что в лабиринте катакомб было до обидного бедно в плане находок – почти ничего интересного. Ну, казармы с нарами для солдат гарнизона. Ну, выложенная белым кафелем столовая – с плитами, раковинами, холодильниками и столами. Ещё целая анфилада огромных технических залов с кондиционерами-насосами-генераторами для поддержания работы всего комплекса.

Мы с Матерью такое встречали десятки раз. Да, десятки.

Потому что планет-призраков куда больше, чем обитаемых. Уж и не знаю, в чём тут дело: может, кое-кто из политиков хронически считает, что раз есть надёжное убежище – грех не попробовать повоевать? Или дело – в темпераменте? Или – в терпении. Или – в некоем критическом уровне глобальной смертоносности очередного изобретённого оружия. Или в уме...

Или в здравом смысле – вот его-то точно пересиливает желание Самых-Пресамых Умных научить всех *правильно* жить. А может, доказать, что вот *мы* – точно намбер уан...

Говорю же – не знаю. Пусть социологи с историками думают. У них головы большие.

Скелетов я не нашёл. Впрочем, когда добрался до местной библиотеки, пролистал для Матери несколько книг. Мать всё, что происходит со мной, видит отлично. Сигнал с двух моих наплечных камер передаётся через промежуточные

усилители, которые я всегда разбрасываю по полу каждые двести-триста шагов.

А ещё есть у меня традиция – рисовать на стенах цветным маркером. Чтобы не заблудиться. И должен вам признаться – сколько раз это меня выручало... Как и подсказки Матери.

Так что я был рад, когда через пяток минут она сказала, что листать достаточно: местный язык расшифрован. А чего вы хотите: её аналитически-дедуктивные Программы самые продвинутые. Говорю же – не скупимся для себя, любимых.

Однако я ещё поковырялся в библиотеке: теперь Мать могла указывать мне, как называются разделы. Протопал я сразу к искусству, и повытаскивал и загрузил в заплечный контейнер побольше монументальных томов с иллюстрациями. Будете смеяться, но я с детства обожаю рассматривать картинки. Может, потому, что когда я просил мать, она мне никогда...

Ладно, проехали.

Что для моей работы куда более важно – я должен владеть спецификой предмета, раз уж продаю ксеноморфные изделия, предметы искусства и прочее в этом роде. Ведь продешевив, любой скраппер чувствует себя... неудовлетворённым. И недостаточно «натасканным». Ну а на курсы ксеноискусствоведов никто из наших ещё не записывался. А странно. Потому что это не возбраняется!

Думаю, тут сказывается и лень-матушка, и... стыд. Что хотим учиться в том возрасте, когда люди уже преподают. И

опять-таки – плохо знаем первоисточники.

Гулял я везде не спеша. Всё снимал (это происходит автоматически, а то, что мою Хозяйку особенно интересует, она рассматривает сама: сервомоторчик левой камеры полностью в её распоряжении, и она ею вертит во все стороны, как хочет.), во все дыры и помещения лез.

Пообедал своим «боевым пайком» за столом в какой-то каптёрке со стеллажами, где пылилось нечто уже совершенно неопределимое и истлевшее на длинных полках.

Командный Центр я нашёл ближе к ужину. Естественно, на самом нижнем ярусе.

Странно, но и здесь не обнаружилось ни одного скелета. Только пыль на полу.

Вот, кстати, тоже – интереснейшая проблема для учёных! Почему во всех помещениях, куда доступ пыли ограничен, казалось бы, так, что «ни одна пылинка не должна...» – она-то как раз и присутствует! Причём всегда – толстым таким, я бы сказал, заматеревшим, слоем!..

По стенам здесь стояли огромные шкафы-панели с индикаторами, шкалами и рукоятками. Рядом с ними – рабочие столы. Разумеется, девственно пустые. Ну, если не считать компьютеров – этого добра практически в как бы стандартном виде, мы находим почти везде и всегда. И нам это на руку: всегда можно понять, какие причиндалы вынимать, чтобы нести «к себе», или что просматривать на месте – чтобы вытрясти всё, что может нас заинтересовать, из памяти этих

агрегатов.

Вот, пошуровав по углам ещё с часок, и ничего оригинального не обнаружив, парочку самых больших компьютеров Центра я и распотрошил.

То, что Мать приказала, забрал с собой. Скажу честно – я бывал в катакомбах и поглубже, и пообширней. Поэтому возвращаясь на челнок почти не чувствовал себя уставшим. Скорее, разочарованным. Вернее, не разочарованным – особо нового и оригинального от *людей* в катакомбах ждать не приходится. А было тут нечто, что даже не знаю, как описать... Сожаление? Пресыщенность предсказуемостью? Печаль по погибшим?..

Не знаю. Говорю же – не поэт, мать его. Поэт точно подобрал бы слова и сравнения для описания эмоций, возникающих в душе от таких миссий.

Когда лебёдка (Учёный теперь. Не выделяюсь больше своей «спортивной формой».) вытащила меня из шахты, обнаружил я у самого лица клешню нашего дроида. Держал он в ней очень сердитую, и размахивающую лапами изо всех сил, ящерицу. Не из маленьких – с полметра.

Да и пасть у неё тоже была ничего себе. Зубатая такая...

– Мать! На кой ляд ты мне тычешь в нос этой очароващечкой?

– Как? – с великолепным наивом говорит моё солнышко. – Неужели не ясно? Ну, тогда посмотри! – из аппаратного отсека дроида выезжают два служебных монитора.

На одном – крупным планом стопкадр рассерженной морды ящерицы. На другом – в том же масштабе и ракурсе – моё лицо. Вот зараза! Ладно, я ей при случае припомню...

Да, я был и сердит, и расстроен. Но я лапами не махал. И, конечно, я – куда симпатичней.

Я ей так и сказал.

– Я насчёт твоего раздутого самомнения ничего возражать не собираюсь. Я только имела в виду, что нечего так сердиться – причин нет. Книжек с картинками набрал? Набрал. Живым, и даже целым остался? Остался. Чего тебе ещё не хватает?! Иди – мойся и ужинай. Потом посмотришь свои картиночки, погремишь своей погремушкой, соску, правда, я не помню куда засунула...

Я скривился. Но потом был вынужден признать – действительно, повода для расстройства, вроде, нет.

Наверное, всё же просто устал. Пойду отдыхать. Но морда у меня всё равно...

Посимпатичней!

Пока я мылся и ужинал, Мать с помощью манипуляторов и электроники лабораторно-медицинского отсека копалась в добытом софте. Она у меня – профессионал. Хакеры отдыхают.

– Удивительно, но кое-что в памяти софта сохранилось. Очень хорошая цельнокристаллическая подложка. И толстая. Есть даже видеоизображения. Включить?

– Хо-хо! Конечно! Страсть как люблю старые мультики! Не забудь кашку и бутылку с подогретым молочком и соской! Чтобы я уж точно заснул после сказочек...

– Это не мультики. И – не совсем сказочки. Да и заснёшь ты после *такого* тоже – вряд ли...

Насколько я поняла, это видеоотчеты Лаборатории прикладной генетики их самого «продвинутого» Медицинского Университета о своей деятельности за несколько десятков лет. С комментариями, расчётами и чертежами. Кстати, очень специфичные, и жутко секретные...

– Звучит устрашающе, но... Ничего. Обещаю под стол не лазать. Не хныкать. И под себя от страха не делать. (Впрочем, памперсы на всякий случай приготовь!) Если же ты для меня всё ещё и вкратце перескажешь, прокомментируешь и растолкуешь, я буду жутко счастлив! Но только, конечно, так, чтоб я не испугался... А то я туповат и ленив. И ещё – предвзято настроен: насчёт науки и всего такого. Ну, словом, не дорос немного – психика ещё слабая, неустойчивая...

– Остряк-самоучка. – комментирует моя «глава Экспертной Комиссии по внеземным цивилизациям», – Будешь прибедняться – всё буду рассказывать так, как описано в справочниках, а слова попроще, понятные тебе, как бы забуду. А ещё свет везде выключу, – она так и сделала, – У-у-у! Сейчас страшный бука заберёт непослушного мальчика!..

– Ну хватит, Мать. А то я начну кататься на спине по полу и плакать. Или буду кусаться и выть. Или лучше отшлѐ-

паю твою Центральную панель. – мне надоело препираться с ней. Вот говорил я технику Вассе – не нужен ей блок юмора и неформальной логики. Теперь расхлёбываю, – Давай уж, рассказывай.

На центральном экране над пультом появилось изображение.

Я придвинул стул поближе – детали казались мелкими.

Ну, лаборатория, как лаборатория. Белые стены. Яркие хирургические лампы на потолке. Куча приборов вдоль стен. Стрелки прыгают. Циферки вспыхивают. Помпы качают. Посередине как бы стол. Операционный.

На столе – человек. У него вскрыта грудная клетка и брюшная полость, и шесть медиков в светло-голубых халатах и масках что-то сосредоточенно делают во внутренностях подопытного разными блестящими инструментами. Со всех сторон торчат тумбы и ящики – вероятно с искусственными органами – подключённые к человеку гибкими гофрированными шлангами.

Я не очень брезглив и повышенной чувствительностью к виду крови не страдаю. Да и самого меня столько раз «чинили», а иногда ещё – и без наркоза... Но тут мне стало как-то не по себе. Чувствую, что-то нехорошее эти сволочи делают с беднягой.

– Голос, который ты слышишь за кадром, – точно, голос что-то бубнит, довольно однообразное, – сообщает, что это доброволец номер двести сорок четыре, и операция про-

водится стандартная, но изменены параметры... что-то про анионный баланс... Хм... не могу понять что именно изменено, но смысл такой, что сделано всё, чтобы *теперь* обеспечить выживание подопытного.

– Добровольца?

– «Добровольца».

– И пошёл он на это, конечно, только из Любви к Родине? – ирония в моём голосе была бы заметна и жирафу.

– Нет. Это – заключённый-смертник. Так что он... выбрал.

– О-о!.. Круто. Но – значит, получается, предыдущие двести-сколько-их-там-было «добровольцев»...

– Да, я тоже так думаю, с вероятностью более девяноста девяти процентов, – подтвердила Мать моё предположение.

Граждане!.. Остерегайтесь совершать противоправные действия! А не то ваше же Правительство – вас и!..

Хм-м...

Дело-то пахнет керосином! Если не сказать хуже.

Камера сместилась. Вероятно, она была закреплена на длинной штанге с подвижными суставами, и кто-то медленно подвёл её ближе, установив прямо над грудиной и шеей «добровольца». Вот теперь я видел всё – как на ладони!

Срань Господня!..

Я бы ещё и не так высказался, если бы не собственный запрет на космослэнг в бортовом Журнале...

Присмотревшись внимательней, я разглядел всё – и вер-

тикальные щели на шее, с обеих сторон гортани, и кроваво-красную пупырчатую массу на том месте, где должны быть лёгкие, и густую сеть кровеносных сосудов, и толстую сизую кишку, сшитую с непонятным устройством, вставленным под нижними рёбрами. И ещё что-то, уж больно похожее на... плавательный пузырь.

– Чёрт! Мать! Это – то, что я думаю?!

– Да. Это, как выразился бы ты, «чёртовы жабры». И искусственно модифицированное сердце. И модифицированные же внутренние органы. Одно мне пока неясно – что это за странный прибор вставлен под брюшной диафрагмой... Минутку. Ага, теперь знаю – я залезла в более поздний видеоотчет.

Это фильтр. Здесь в воде около ноль двадцати семи процента солей. Стало быть лишнюю соль эта штука и фильтрует из кровотока. И удаляет из организма. Вон, видишь: там, пониже пупка – клапан.

Действительно, похож. Совсем как сфинктер, извините, в... ну, там, откуда у обычных людей всё съеденное и переваренное... Вот именно. Удаляется.

Блин. Значит, у этого «существа» – как бы две ж...!

Вот же сволочи. Ведь это – самый настоящий Ихтиандр. Или как он там назывался у древних фантастов. Словом – человек для подводной жизни.

Что за уроды! Да кто им дал право!..

Я, наверное, покраснел. Ну, или – что вероятнее! – позе-

ленел. Словом, плохо мне стало.

Мать включает свет, и подносит мне большое ведро. И как вовремя!

Когда всё было позади, Мать и полотенце мне подала. И изображение переключила – на следующий этап. Ну, или что там у них было в их исследованиях с...анных.

– Воды! – говорю охрипшим голосом, отвернувшись от экрана.

Мать подаёт мне очередным манипулятором стакан. Выпиваю. Ноль эффекта.

– Ещё!

Она подносит ещё стакан. А я, ничего плохого не подумав, выпиваю и его до дна.

О-хо-хо!..

Нет ничего лучше для снятия стресса, чем добрый глоток хорошего рому!

Вот уж вовремя! Ф-фу... Сразу полегчало. Теперь можно и присесть, и расслабиться.

А чего я, собственно, так завёлся? Планета на девяносто четыре процента покрыта водой. И вода эта тёплая, и солёная. Конечно, они не хотели ютиться на пяточке... Вот и направили свои усилия – не в Космос, как, например, мы – а в Океан! Тоже, если подумать – выход!

– Ну вот. Теперь, когда самое страшное позади, может, ты захочешь узнать детали? – слышу как бы издали голос моей хозяйки, – Или... Пойдёшь спать?

Я потряс головой. Протянул стакан в воздух. Как по маговению волшебной палочки возник ещё раз манипулятор с бутылкой, и стакан снова оказался полон.

Я уж постарался, чтобы он снова оказался пуст.

И только отдышавшись, и сплюнув прямо на пол рубки (вопиющее кощунство!), я буркнул:

– Рассказывай. С самого начала. Я хочу знать, как они додумались... До *такого*.

Ну, рассказ много времени не занял.

Много чего было неясно и самой Матери – не хватало данных, или кое-что было разрушено. А кое-что – и намеренно стёрто. Очевидно, как подметила моя умница, наиболее жестокие и кровавые моменты «исследований». Вивисекторы хреновы. Жаль, не было меня тут восемьсот лет назад. Я бы показал вам «Гомо Акватикус»!..

Инициатива, конечно, исходила от Правительства. Причём – самой передовой и могучей страны.

Да, здесь тоже были страны, и сферы влияния, и военные конфликты, и оскудение запасов полезных ископаемых, и всё прочее, чем страдают цивилизации Гуманоидов типа «Гомо сапиенс».

Вот и додумались brave политики начать освоение ресурсов Океанского дна.

А как его лучше освоить? Ну, разумеется так, чтобы – «рациональней и дешевле!»

И, главное – так, чтобы сразу скачком, на голову, опередить конкурентов! В-смысле тех, чей технологический уровень на порядок ниже. Тем легче потом будет подмять их под себя, и поглотить...

Ну, мне ли вам объяснять, что для любого, даже самого изуверского и подлого проекта, всегда найдётся не слишком чистоплотный учёный. И даже будет выставлять свою работу как «патриотический подвиг во имя грядущих поколений!»

А тут таких нашёлся целый Институт. А потом – и не один...

Чёртова работа велась почти сто двадцать лет. Просто местная генетика была не совсем на уровне. Ну вот они и добивались, чтобы она стала настолько продвинута, чтоб можно было вывести и человеко-рыбу, и даже человеко-птицу.

Нет – я не шучу! Они пытались сделать и летуна! Правда, тут всё же пришлось отступить: не удалось добиться нужной прочности трубчатых костей под гигантскую поверхность кожаных перепонки.

Ну а вот с рыбой – каким-то видом сома – добровольцев удалось-таки скрестить. Правда, не без проблем: сом-то был пресноводный, так что пришлось каждого выпущенного в «свободное плавание» ихтиандра оснащать на первых порах машинкой для сброса излишков солей. Это, разумеется, было не совсем то, чего хотело Руководство, да и обходилось недёшево, но на первых порах и такое решение позволило начать освоение шельфовых зон, далеко опередив от-

стающие страны.

Тут как раз случилась очередная война, как раз из-за «спорных» границ этого самого шельфа. Она затормозила исследования и эксперименты на двадцать лет. Зато потом к научному Рулю встала сволочь, которая нашла-таки решение проблемы лишней соли.

Решение было подлым, но... Опять-таки, по-своему логичным и разумным.

Основная мысль, которой руководствовался этот, как его звали, Энорген, была: если уж делать человеко-рыбу, то – по принципам, по которым это делает Природа.

А Природа оснастила рыб *другими* почками и аппаратом воспроизводства!

Вот так Гомо Акватикус лишился самого (Ну, не знаю, как считают другие – а на мой взгляд – *так!*) важного органа, и приобрёл модифицированные почки и семенники. А женские особи стали... Вот именно – *метать икру!* Уж не хотите ли вы сказать, что узнав *такое*, *Вы* обошлись бы без дополнительной порции рому?!

Ладно, я парень крепкий. И видов навидавшийся. Как-то пережил нудный и кроваво-подробный «отчёт о проделанной работе». Но на мой взгляд, даже нацисты-евгеники и садисты-гестаповцы были гуманней. Если про них можно так сказать.

Хотя лучше не говорить.

И вот, первая генерация, которая реально смогла без про-

блем и «перезагрузок» жить и размножаться в Океане, была туда торжественно выпущена.

В начале их насчитывалось около ста. Но лаборатория работала: каждый год к ним добавлялось до пятидесяти новых «особей». Причём – половозрелых.

А тут и «ветераны» начали плодиться.

Ага – точно! Вы уже догадались! Представляете, сколько икринок может дать сом? Не знаю, как земной – но местный мог дать до четырёх тысяч! При благоприятных условиях половина генерации выживала. Плюс ещё тот факт, что половозрелости ихтиандры теперь достигали к пяти годам!

Вот и подсчитайте, сколько их оказалось на мелководной и тёплой шельфовой полосе через пятьдесят лет...

И как вы думаете, горели они желанием выполнять указания каких-то наземных задохликов?!

Вот ещё! Теперь, когда им, как говорится, покорилося третье измерение, они возжаждали Независимости и Свободы!

Ну, а что: с их точки зрения – вполне законно.

Ветераны, помнившие, как их «собирали» в лабораториях этих самых наземных «задохликов», перемёрли от старости. А они, Ихтиандры, здесь, в Океане, живут. Среда для них родная, удобная – чего бы это им слушаться наземных свиней, которые только и могут еле ползать по суше, да давать дурацкие указания! С другой стороны, пока сохранялась взаимовыгодная торговля, всё шло более-менее цивилизованно.

Добытые на шельфе полезные ископаемые ихтиандры теперь продавали – за орудия, выкованные наземными заводами, и пластмассовый ширпотреб, отлитый там же.

Ну и, естественно, скоро их стали возмущать «явно завышенные цены!»

Вот-вот – ситуация, когда в дело вступают пушки...

Именно в этот период и были расширены и углублены подземные убежища суши. Что там, «у себя», строил народ Подводников, как они теперь себя именовали, в памяти компьютера Мать не нашла – ещё бы! Не такие они дураки, чтобы открывать врагам стратегические секреты!

Конечно, уничтожить всех глубинными бомбами и супер-ядами, как наивно посчитало Руководство «сухопутных червей», оказалось невозможно. Но учёные старались.

С той же дотошностью и неразборчивостью в средствах и методах, с какой создавали подводного монстра, теперь разрабатывали способы и оружие для его «окончательного уничтожения».

Драка пошла нешуточная.

Вначале, за счёт передовых технологий, в деле «окончательного уничтожения врага и зачистки акваторий» больше преуспели наземники.

Может, знаете – у туземцев бассейна Амазонки есть растения, которые, если их раздробить, и бросить в воду, блокируют эти самые жабры рыб, и те как бы теряют сознание, и можно собирать их с поверхности водоёмов буквально го-

лыми руками. Синтезировать нечто такое оказалось нетрудно. Правда, обходилось недёшево, и всё равно: охватить всю гигантскую акваторию было невозможно.

Ну, подводники тоже вовсе не дураки (Мозг-то – от сапиенса! Пусть и «акватикуса»): они прямо в море брали всё, что плавало, на abordаж, используя численный перевес, чтобы захватить динамит, или просто взрывали, чтоб пустить на дно, добытой у противника взрывчаткой и обычные, торговые, и даже военные, бронированные, суда с ядовитой жидкостью.

Главная цель ихтиандров была проста – разъединить силы и острова наземников, которые теперь-то (Ага! Когда жаренный петух клюнул!) объединились «в нерушимый союз против общего врага!»

Тоже мне, водные римляне. И весёлое наземное «НАТО»...

Только одно тогда, в первые годы, выручало подводных обитателей – гигантские просторы Океана, который со временем всё разбавлял и окислял, отправляя уже безвредные осадки разложившихся ядов и блокаторов жабр в донные отложения.

А потом настал и их черёд – в плане науки у них было похуже, но зато когда численность достигла нужной величины, ихтиандры и повылазили на поверхность – в пуленепробиваемых скафандрах, и с отравленными стрелами. Пружинные арбалеты действовали жутко эффективно. А от ядов игло-

брюхих рыб нет противоядия – это вам не какие-то жалкие змеи!

Сухопутных отогнали от побережья к горам, а на мелких островах и вовсе под корень истребили. Заселить «зачищенные» территории уже никто не рискнул.

На следующем этапе сухопутные жители начали возводить мощные охранные стены-бастионы. А нападающие уже сами освоили производство взрывчатых веществ – на тех же отвоёванных, и пустующих островах. И теперь у них были и ружья, и бомбы. Бомбы они подкладывали под крепостные стены. Из ружей уничтожали их защитников.

Вот тогда-то и были впервые применены глубинные ядерные, а затем и водородные фугасы. Уничтожали они всё живое в радиусе до десяти миль. И опять-таки подводникам повезло – кончились запасы наземного урана, а реакторы, где вырабатывался оружейный плутоний, удалось взорвать с помощью диверсантов-смертников.

Теперь уже погибло всё, что жило на суше возле этих самых бывших реакторов. А заодно и море отвоевало часть континента, заполнив образовавшиеся глубокие кратеры.

Это навело подводников на новую мысль.

И вот – они стали взрывать побережье вдоль всех его кромок, а породу ссыпать туда, где глубины можно было сделать поменьше – чтобы можно было осваивать!

Что-то такое я уже где-то...

Выручила Мать. Напомнила, что это – в «Войне с сала-

мандрами» Карела Чапека. Не думаю, что местные подводники были глупее: Мать рассчитала, по средней глубине прибрежного шельфа, что площадь суши уменьшилась ровно на треть. Зато площадь мелководья составила теперь до двадцати процентов площади всей планеты!

Ого! Это же... почти столько, сколько суши у нас, на земле! И условия отличные!

Из-за малого наклона оси планеты смен времён года с сопутствующими штормами тут нет. Как нет и спутника – то есть, никаких приливов-отливов! И солнце в полной фазе: свет доходит до глубины в двести-триста метров – выращивай, чего хочешь! Хоть устриц, хоть водоросли, хоть планктон.

Более пятидесяти лет боевые действия проходили на всех фронтах. И передохнуть наземникам не давали. Подводники очень быстро плодились, и выставляли сто новых, молодых бойцов – против двух-трёх. Впрочем, скоро произошёл и технологический прорыв: уже учёные подводников разработали ядовитые газы нервно-паралитического действия. И очень стойкие.

Огромные заводы на отвоёванных островах наполнили воздух буквально тучами страшных отравляющих веществ. Они были одного веса с воздухом, и могли носиться ветрами хоть месяцами над всей поверхностью суши. Действовали только на «теплокровных и млекопитающих». А при контакте с водой просто выпадали в безвредный осадок. (Вот

теперь я понял, почему не осталось даже чаек...)

И вот, спустя двести семнадцать лет после начала конфликта, пало и последнее Убежище.

Нет, его фильтры справлялись с очисткой воздуха, подаваемого внутрь. Но Последний Оплот наземников взяли банальным штурмом – всё с теми же ядовитыми стрелами и ручными газовыми гранатами. (И опять-таки – я понял, почему всё там осталось практически целым.)

Пленных не брали: ну правильно, они же всё равно задохнутся под водой. А заселять снова сушу, где так тяжело даже носить свой вес, победители не собирались.

После этого людей, дышащих воздухом, на планете не осталось. Как и крупных животных. И птиц.

Правда, сам последний штурм Мать мне скорее домыслила – в памяти компьютеров сохранились отрывки оборонных приказов и кое-какие видеозаписи с камер наблюдения.

Легче мне от этого не стало.

– Готовь батискаф. Он у нас, если я правильно помню, бронированный.

– Ну, не совсем так. Он, конечно, титаново-кобальтовый, но рассчитан только на глубину в шесть миль. И то – при температуре не выше ста градусов. А термитные заряды, размещённые вплотную к его корпусу, могут запросто...

Об этом я не подумал. Нет, контакт врага с корпусом недопустим.

– А если – с силовым полем? На пару-то часов аккумуля-

торов на него хватит?

– Ну... тогда до трёх тысяч атмосфер. Но – предупреждаю сразу. Если водородную бомбу взорвут ближе, чем в ста метрах, батискафу каюк! Как, естественно, и тому, кто будет в нём сидеть.

Говорю же: умеет она при случае подбодрить, вселить оптимизм, обрадовать...

Но – заботится. Батискаф проверила, заправила и погрузила в челнок ещё на орбите.

Пришлось, чтобы не возиться с вездеходом, посадить челнок на скалу рядом с достаточно глубокой бухтой. Хм... Не иначе, как здесь взрывали – вон, и следы шурфов для закладки зарядов видны.

Спуск прошёл гладко. Манипуляторы челнока у меня мощные, как раз под десятитонный батискаф и рассчитаны. Сонары, сканнеры и УВЧ на батискафе тоже лучшие. Хоть пользоваться приходится только в пятый раз.

Защитное поле искрилось вокруг дурацким голубым ореолом – словно я внутри северного сияния... Ну и ладно. Подстраховаться – не значит выбросить деньги на ветер. А, может, спасти за счёт этого свою драгоценную шкуру.

Если бы некоторые мои коллеги лучше понимали этот нехитрый тезис, многие не носились бы сейчас в Пространстве в виде пылевато-молекулярных облаков, и не удобряли поверхности десятков планет. Ну а нам с Матерью – я уже

говорил! – денег на себя не жалко. Да и для кого нам их беречь?!..

Видимость под водой была отвратная – не ближе тридцати метров. Да и то, только на глубинах меньше чем в ста метрах от поверхности. Так что я не спускал глаз с экранов сканеров.

Странно. Или здесь так и должно быть?

– Мать! А где вся рыба? Или хотя бы планктон, который она жрёт?

– Рыбы нет. Причём – нигде. Я уже сканировала всё с орбиты. Никаких крупных водных созданий не обнаружила. Вернее – обнаружила, но это те самые ихтиандры.

– Что, пытаешься мне доказать, что они сожрали всю рыбу? А как же киты... э-э... тюлени, кальмары там всякие глубоководные?..

– Не перебивай, и узнаешь. – я заткнулся. И приготовился слушать очередную научную лекцию по ксенозоологии. На этот раз, впрочем, Мать ограничилась пятью минутами.

– Планктон здесь есть. Но в-основном, фито. Ну, то есть, растительный – споры одноклеточных, живущих в вечном плаваньи, и многоклеточных, то есть, растущих на скалах, водорослей. Значительно меньше зародышей морских звёзд, червей, губок, и прочих кораллов.

Зоопланктон в отобранных батискафом пробах не превышает двух процентов по массе от растительного... Китов, тюленей, акул и прочих крупных представителей морской фа-

уны я не нашла. С вероятностью более восьмидесяти девяти процентов их съели ещё сотни лет назад.

А вот с обычной рыбой сложнее. Конечно, нет сомнений, что часть погибла в результате войны. Но не вся же! Так что считаю, что рыба, кроме совсем уж глубоководной, была уничтожена позже, и уничтожена планомерно. И ты даже себе не представляешь, сколько усилий и ихтиандров для этого нужно! Вот и сейчас их, по моим, самым скромным, расчётам, не меньше девяносто пяти миллиардов.

– Сколько?! – я не поверил ушам. А Мать повторила – когда я реально чему-то удивляюсь, она всегда так делает. Да ещё говорит погромче и помедленней – словно с тупым полицейским разговаривает.

– И что... Неужели ты их считала по головам?!

– Ага, точно... А то мне делать больше нечего. Хотя, если говорить честно, на это ушло бы всего пару часов – наши сканнеры самые...

– Да, я помню! И догадался, что ты легко вычислила среднюю плотность, и помножила... И так далее. Скажи, вот *это* – то, что я думаю? – я ткнул в свои экраны.

– Оно самое. Они уже давно обнаружили твою посудину, и особей пятьдесят сопровождают её сзади. А что, ты думал, это акулы хотят поздороваться? – да, я и сам всё отлично видел. Но и правда, посчитал обтекаемые стремительные тени за акул. Оказывается, зря, – А ещё пятеро очень быстро удаляются в сторону моря – думаю, поплыли в поселение, за

бомбами.

– Чёрт! Да, я тоже думаю, что не праздничный пунш варить к прибытию дорогого гостя! Знаешь что? Поплыву-ка я за этими пятерыми!

– Храбро. Глупо, но храбро. Впрочем – вперёд! Я знаю отличный Храм на Рузанне-три. Потом закажу там молитву за твою...

– Хватит! Замолчи, несчастная! Я знаю, что делаю! А ты пока приготовь-ка на челноке ёмкость побольше, да набери в неё куба три местной воды!

Мать заткнулась, и занялась делом, хотя я знаю – у неё процессор не меньше чем миллионноядерный. Вот, соответственно, за столькими делами она и может одновременно «приглядывать». И – главное! – без потери качества «приглядывания».

На хвосте у шустрых подводников я и вплыл прямо в поселение.

Ух ты! Если это не домики, то я – чёртова медуза! Причём – Горгона...

Странные полусферические купола были разбросаны по дну в двадцати-тридцати шагах друг от друга. Диаметром они были с хорошую десятиместную палатку. Чем ближе к центру поселения, тем крупнее они становились, и чаще стояли. Пока мой «бронированный» батискаф в защитном поле проплывал близко с одним из них, Мать умудрилась набрать в контейнер материала, из которого они были слеплены.

И точно – слеплены!

Это она мне тут же сообщила. Материал – смесь какой-то полимерной смолы, застывающей только в воде, и извести – судя по всему, добытой из кораллов. И, как ни странно, с воздушными ячейками внутри – для теплоизоляции, что ли?..

Это здорово напоминало наш пенобетон.

В центре поселения в постройках явно воздух имелся и внутри. Он сочился тонкими струйками из входных отверстий, и заставил меня в очередной раз почесать в голове. Зачем *им* воздух?

Я быстро подвёл батискаф к самому крупному куполу, и въехал, если можно так сказать про плавание, прямо в стену. Осколки так и забурлили вокруг, и хлынули с потоками вовнутрь!

Точно, рабочее помещение типа кузницы. Но это – для Матери, позже она разберётся. Я же запустил внутрь манипуляторы, и отловил самого крупного, на мой взгляд, ихтиандра.

И – хотите верьте, хотите – нет, но он был в... скафандре! И ещё трое были в них, и явно в чём-то ему помогали. Ладно, съёмка ведётся автоматически, Мать, как всегда, проанализирует с помощью своей дедукции-аналитики, и мне доложит, что они тут делают криминально-воздушное! А пока уберусь-ка я отсюда от греха подальше...

Ну и сердитый тип мне попался! Похлеще давешней яще-

рицы! Если это – не начальник местного ранга, то мозг мне совсем отказал. Вернусь на Рузанну-три, обязательно сделаю ап-грейв.

Хотя нет. Лучше я *этому* сделаю ап-грейв. Вот доберусь только до челнока... А потом – и до «Лебеда!»

Я дал задний ход, аккуратно, но крепко удерживая изви- вающегося монстра, и очень плавно разогнался до тридцати узлов. Пленника я держал так, чтобы вода, пронесившаяся стремительной Ниагарой мимо батискафа, ему не повреди- ла: в тамбуре шлюза, открыв внешний люк. Погоня вскоре отстала. Хотя вначале было прикольно наблюдать, как копыя нападавших отлетали от моего защитного поля.

Подплыв к челноку, я первым делом заорал:
– Мать! Бочку! Скорее!

И хотя то, что она сляпала из металла, хранящегося в ма- стерских и на складе челнока, на это изделие походило ма- ло, наш пленник там отлично поместился. Правда, попытал- ся тут же оттуда удрать с помощью на редкость могучих рук. Мать эти попытки пресекла, прихлопнув ёмкость не менее мощной решёткой.

Она уже озаботилась с помощью дроида собрать наше по- годно-климатическое барахло.

На погрузку батискафа ушло полторы минуты. Я уже си- дел в тамбуре челнока.

Так что как только захлопнулись все люки, Мать старто- вала. Меня вжало в пол. Ого!.. Блинн... Да что там такое –

нас атакуют гигантские кальмары?! Давненько меня так не вжимало – словно на центрифуге в Академии Флота!

Уже на подходе к «Лебедю» Мать соблаговолила извиниться:

– Прости за столь тяжёлый старт. Мне не сразу удалось восстановить искусственную гравитацию челнока. Это всё чёртова вода из бака – замкнуло цепь энергоснабжения гравитаторов. Поэтому перегрузки не было возможности нейтрализовать.

– Ладно, переживу. – я и вправду могу довольно легко пережить кратковременно до десяти «Ж», и довольно долго – до пяти, – А как там наш... «язык»?

– Пленник в полном порядке. Скафандр снял самостоятельно. Ругается. И это хорошо. Я уже почти освоила его язык.

– Да-а-а?! У них есть и язык? Якорь мне в задницу, как говорил Рыжий Норвежец. Ты же, вроде, сказала, что звуки под водой неэффективны. И человек не смог бы с его гортанью...

– А я и не говорила, что это звуки. Он разговаривает буквами. Но – на языке жестов.

– Ах, вот значит как. А на дальние расстояния? То есть, вне пределов прямой видимости? Они что – перестукиваются по азбуке типа Морзе?

На этот вопрос Мать пока тоже ответа не знала.

Взгляд нашего подопечного теплотой и дружелюбием отнюдь не пылал.

Не могу его за это винить. Но если я хочу что-то выяснить об этой цивилизации – надо приступать к допросу. И не разводить особых церемоний: они же поубивали под корень всех сухопутных. Следовательно, и я их «любить и перевоспитывать» не обязан.

Вот я и приступил. Мать переводила – на экране, поставленном перед бочкой, смоделировала изображение другого ихтиандра, и двигала его руками, ртом, бровями и прочими частями тела.

– Как тебя зовут? – спросил я для начала. Хотя бы чтоб знать, как к нему обращаться. Не «рыба» же?! Ну, и не ихтиандр...

Жесты, которые он сложил в ответ, можно было и не переводить, хотя Мать всё равно сформулировала это изящней, чем я когда-либо смог бы:

– Он предлагает, чтобы ты имел сам с собой половые сношения в задний...

– Спасибо за художественный перевод. Я так и понял, что он вредный и злой. А если попробовать вколоть ему сыворотки? Ведь ты против, когда мы тратим зря электричество?

– Да, я вообще против пыток. Они абсолютно неэффективны, и отнимают много времени. А вот сыворотка ему вреда не причинит. – сверху спустились манипуляторы, отловили нашего друга на дне бочки, куда он по наивности по-

пытался скрыться, и ещё один манипулятор вкатил ему полный шприц того коктейля, который разработала Мать для нашего сердитого типчика, изучив его физиологию. Благо, на отбор проб крови и всего прочего ушло секунд двадцать, а блок аналитического оборудования у нас тоже лучший из того, что можно купить за деньги.

Через пару минут, когда эта штука подействовала на его нервные центры, он как-то сник. И, конечно, стал куда вежливей и сговорчивей. Назвался практически без колебаний:

– Чардоу Дерромити тысяча триста сорок девятый, категория «Ю-5».

– Что это значит – категория «Ю», да ещё – 5?

– Я квалифицированный кузнец, имеющий привилегию изготавливать инвентарь и оружие, без ограничений.

Ага! Стало быть, всякие наконечники для острог и гарпунов. (Вот только – для чего? Вернее – кого? Ведь ни рыбы, ни дельфинов, ни... Ладно, позже спрошу.) Ну и ещё чего, что в воде может эффективно убивать...

Вот теперь-то я понял, зачем им помещения с воздухом. Для тех работ, что надо проводить на воздухе. Странно. Ведь в их распоряжении все острова – вылезай в тех же скаффандрах, и работай на здоровье! Но почему же?..

– Это было бы крайне долго, и нерационально. Ведь все изготовленные вещи нужно потом развезти по всем потребителям-заказчикам, а по поверхности Океана мы не плаваем.

– Это ещё почему?

– Запрещает Святая Вера.

Ах, уже – вот так!.. Они успели создать и свою религию!

Похоже, стремятся окончательно отделаться от своего прошлого, от наземных корней. Ну и глупо.

Забывший о своих прошлых ошибках обречён повторять их...

Впрочем – мне наплевать.

– И много у вас тут, на дне, поселений вроде твоего? И где они?

– Много. Точную цифру не знает, наверное, никто. Но поселения мастеров располагаются примерно в пяти милях друг от друга.

– И в каждом таком поселении есть кузница?

– Нет, в других поселениях – другие мастерские: для мебели, взрывчатки, посуды...

– То есть, весь ваш народ живёт в таких поселениях?

– Ну, нет – в них живут только особо... – Мать замялась с переводом, – привелигированные свободные ремесленники и торговцы.

– А... где же тогда живут остальные?!

– Как – где? Да везде. По всему шельфу (он назвал какое-то другое понятие, которое Мать перевела, как «доступное жизненное пространство»), каждая семья владеет наделом примерно в три четверти квадратного километра.

– И... из кого же состоит обычно такая... семья?

– Ну, главой и основным Лидером любой семьи являет-

ся Отец. Он следит, чтобы (Мать поколебалась, затем всё же перевела термин – «осеменение») производилось вовремя, и не реже, чем раз в сезон (год!). Затем, он руководит работами по уходу за водорослями и моллюсками. И, конечно, отражает нападения соседних семей – а случается такое тоже почти каждый сезон.

– Подожди-ка... Чего-то я недопонял. Мать – уточни ещё раз: кто на них нападает?

– Нападают обычно соседние Отцы со своими половозрелыми детьми. Если удаётся – они выбивают под корень более слабую семью, и тогда старший сын получает захваченный надел в своё распоряжение, забирает свою жену и детей, и может стать теперь Лидером уже своей Семьи, и размножаться, чтоб передать детям свою кровь. Отец же возвращается к себе, и продолжает защиту своего надела, и набегии на соседей.

– А что, на этот... как его... надел своего старшего сына он уже не нападает?

– Вот уж нет! Ещё как нападает! Правда, Закон запрещает нападать в первый год – пока у того не подросли свои отпрыски. Но ведь Отцу нужно пристраивать и других наследников.

– И сколько же их бывает, таких... наследников?

– В каждом помёте – около двух тысяч. Половина – мальчики, остальное – девочки. Но звания Законных наследников добиваются не более двух-трёх сыновей из каждого по-

мёта. Самых сильных!

– Чёрт! Или я чего-то не догоняю, или здесь должно кишмя кишеть нашими друзьями... Мать, спроси, как они поддерживают стабильную численность, и что делают все эти... остальные отпрыски?

Мать честно попыталась мне помочь, но уже на третьей фразе объяснений я перестал ухватывать суть. Здесь существовала какая-то крайне сложная и запутанная взаимосвязь внутри клана, с одной стороны, ограничивающая число едоков, которое мог прокормить надел – путём постоянных стычек и битв убирающая лишние рты, и закалявшая выживших, и делавшая их смертельными врагами соседей, и даже... друг друга!

Словом, объясню, как понял.

«Стандартный» надел может прокормить около пятидесяти взрослых людей (тьфу ты – ихтиандров!).

Питаются они водорослями и моллюсками, которых выращивают все половозрелые члены семьи-общины, и...

Да, звучит жутко – мясом тел неудачников, погибших в схватках друг с другом. И соседями – когда сами нападают на них, или отбивают вражеское нападение.

Схватки же внутри Семьи проводятся систематически, вечером каждого дня – и ведутся по крайне сложным для меня боевым Кодексам. И – исключительно до смерти побеждённого.

Правда, система всё же предусматривала, что женщины

дерутся только с женщинами, а мужчины – с мужчинами. Так что в одной семье была только одна «Главная самка», которая имела право раз в год «открыться», и Отец – который эту отложенную в самом защищённом и «вентилируемом» месте дома-крепости, икру, оплодотворял.

После чего кладку поручали заботам младших отпрысков – они и следили за притоком свежей воды, и пропальывали, и делали всё то же, что, в принципе, делали и с водорослями и устричными плантациями. (Собственно, ничего нового тут нет – в земных океанах так же заботятся о своей кладке многие рыбы.)

А поскольку всё это добро может расти только на не слишком большой глубине – там, куда достигает солнечный свет – собственно обжитых территорий на «жизненно доступном пространстве» не так уж много. И драки за «лучшее место под солнцем» здесь случаются всё время. И отнюдь не являются пустой формальностью, или аналогом «рыцарских турниров».

Подумав, я пришёл к выводу, что всё это до боли напоминает старый добрый феодальный строй, с его Правом первой ночи, старшим сыном-наследником, фамильным Замок, воинственными подлыми соседями, и барщиной. И, конечно, поселения мастеров-кустарей. (зачатки городов?) Плохо только, что каннибализм здесь в порядке вещей.

Но, как говорится, со своим уставом, да в чужой монастырь... Вот именно.

Раз в их обществе принят такой уклад, значит – он оправдывает себя. Общество выживает. И даже ведётся искусственный отбор – на самого сильного. Ну, и на самую здоровую и плодовитую. Дряхлых и слабых здесь не бывает – их попросту побеждают и съедают.

Хм... Собственно, при тех крайне ограниченных ресурсах, которыми они обладают... Да и мяса взять больше негде – всех рыб и морских млекопитающих они истребили ещё пятьсот лет назад. Чтоб не покушались на *их* икру.

И вот ещё что: первооткрывателей Новой Зеландии всё на той же земле-матушке поразило то же самое – там очень даже мило ели друг друга. Точно так же, как на островах Кука аборигены ели друг друга, и съели и самого Кука. И численность племён практически не росла. И искусственный отбор на самого сильного и коварного был ничуть не изобретательней, чем здесь.

Поистине, человеческая мораль очень... гибкая штука. И здорово способна подделаться под рациональные условия для выживания вида. А разве у животных – не почти так же?

Говорю же – Мать у меня освоила все доступные материалы по ксеноистории и социологии. Поэтому в два счёта просветила меня в отношении «гуманизма» и «порядочности» людей, как носителей высших моральных ценностей.

Вот блин. С этой точки зрения мы выглядели как злобные и подлые хищники-каннибалы, прагматично подгоняющие нормы поведения и религию к своей примитивно-потреб-

тельской натуре.

«Подсиживание», интриги и клевету на коллег по работе тоже ведь можно рассматривать, как узаконенное убийство. Только не напрямую, а опосредованное, и замедленное...

Бедные клерки.

Мне пришлось три раза переспрашивать Мать, иначе я её мудрёную терминологию не смог бы в таком простом и доступном виде записать здесь, в чёртовом журнале. А теперь – порядок.

Можете читать, и наслаждаться, как всё получилось просто и доступно. Я и сам перечитал – мало ли. Может, чего существенного упустил. Вроде, нет. Почти как научный доклад.

Но в тот момент, пока наша сыворотка ещё действовала, я всё спрашивал и спрашивал – хотел выяснить и подробности жизни, и религиозные догматы, и историю. Особенно меня интересовало, конечно, истребление наземников.

Истребление было безжалостным. Убили всех, даже грудных детей. Ну, и, разумеется, съели.

И сушу навсегда... покинули!

Потому, что уже нашёлся некто ушлый (или – ленивый), который осознал, что можно манипулировать могучим врождённым инстинктом, побуждающим к умственной лени.

То есть, это – когда человек не стремится познать явления Природы и окружающего Мира, а просто верит, что всем

заправляет какой-то Высший Разум, построивший и поддерживающий Мировой Порядок.

И чтобы человеку жилось хорошо, нужно это всезнающее и грозное существо – умастить. Ну, там, приносить ему жертвы. Молиться на него. И, конечно – содержать на своём горбу целый штат профессионалов, которые-то уж смогут выпросить у Бога то, чего каждому просителю надо. То есть – священнослужителей Нового Храма.

И вот этот некто ушлый основал этот самый Новый Храм, и воткнул его филиалы в каждом поселении-мастерской, и провозгласил основные догматы-постулаты Новой Религии, как бы сближавшей и объединявшей всех подводников. И задающей основные принципы их общественных отношений.

Сама по себе мысль на первых порах, вроде, здравая...

Догматы позволяли избежать напрасных потерь при боевых действиях. Кроме того, они заложили те самые принципы искусственного отбора, которые применялись и по сей день. И, конечно, они узаконили как норму жизни выделение положенной доли всем священникам-служкам Новой Религии – церковную десятину. (Правда, справедливости ради, отметим, что здесь она была всё же – «Двадцатина!»)

В Новых догматах веры, (как, собственно и в любых, известных нам с Матерью по ксенокультурам) было помимо отвлечённо-философского, и сугубо прагматичное зерно.

Так, когда выяснилось, что при долгом нахождении солдат на суше у подводников возникают расстройства вестибу-

лярного аппарата, последовал запрет на сушу. Было запрещено не только воевать и жить там, но и просто – выходить. (правда, уже после окончательной победы...)

Когда практика показала, что без защитных костюмов нежная кожа быстро обгорает на воздухе и солнце, после чего происходит крайне болезненная линька – последовал запрет и на воздух. И, соответственно, построили и дома-пузыри, и изготовили костюмы для всех специалистов соответствующей квалификации.

А у специалистов этих здесь имелись огромные привилегии и права!

Выучившийся из подмастерья Мастер, а затем и Верховный Мастер, мог даже Вторую жену себе позволить (!). Правда – ему предстояло путём сложных процедур отсева вырастить и обучить себе квалифицированную замену. Думаете, это просто – «отсеивать» каждый год тысяча девятьсот девяносто девять недорослей?! Вон – наш присмиривший типчик чуть не плакал, когда рассказывал об этом.

– И где же все эти... отпрыски... живут?

Да вот как раз в таких поселениях-мастерских. И пищевые плантации обрабатывают только самые... тупые. (Чёрт – в который раз приходится признать в их традициях и укладе жизни определённую... логику. И рационализм.)

– А что, мастером может стать только твой сын?

– Да! – ух ты, во взгляде даже блестит что-то вроде гордости, – Я Верховный Мастер в сорок третьем поколении! И

мой старший сын – Хвала Пау! – будет готов взять всё в свои руки уже сезона через два!

– А что же после этого будет с тобой? Ты останешься жить в поселении?

– Вот ещё! Я, как человек, с честью исполнивший свой Долг перед сообществом, отправлюсь в Великую Бездну! На вечный отдых в «Куцах Эдема»!

Не совсем довольный переводом, я переспросил. И точно! Просто волосы дыбом становятся!

Эти бедняги считают за честь бессмысленно сгинуть в недрах глубоководных впадин и желобов, в вечной тьме и холоде! Правда, они-то не знают, что там всего плюс два градуса, и мрак – как у негра в ... (извините). А считают, что там – реально Райские Кущи.

Из принципа я задал несколько вопросов о том, как живётся в местном Раю. Мать смогла пополнить нашу коллекцию ксенофольклора парой-тройкой оригинальных легенд. Которые интересны только специалистам-историкам, и ей самой. И нисколько не интересуют ни вас ни меня.

Поэтому, *очень* кратко пересказываю то, что более-менее оригинально: «Легенда о создании людей и земли (Тьфу ты – воды!)».

«Вначале ничего не было! Но потом Пра-Отцу Пау стало скучно.

И вот, чтобы развеять скуку, решил он создать племя людей (Разумеется, во всём похожих на него! Прим. моё!), и

смотреть на них, как они будут жить, и что делать...

Но – нужно же где-то их поселить! И вот, за три дня Пау сотворил великую Бездну, и сделал так, чтоб она стала извергать потоки живительной воды. Вода очень скоро залила весь Мир.

Из водорослей и донного ила Пау сделал первого Человека.

И поселил его в Рай, в Бездне.

Но не мог человек плодиться – так как не было у него Женщины. Тогда Пау плюнул в воду, и заставил человека плюнуть тоже. И из этого плевка, и наземной (!) пыли слепил Пау человеку женщину. И вот человек стал плодиться, и заселил весь Рай, и Океан, и выбрался даже на сушу.

Тогда Пау сказал: – Вот, я дал им Рай, и нет у них ни забот, ни хлопот, только знают, что жрут, с... (ну, то, что рифмуется со словом «жрут»!), и плодятся! И так и не делают ничего из того, что должны делать все Люди, (в том смысле – что не почитают меня, мудрого и доброго, давшего им... и т.д.) а только развлекаются. (ну, в оригинале – другое слово, но *примерная* суть такая. Прим. снова – моё!)

Уничтожу же их, и сделаю... как-нибудь потом... Других – не таких ленивых и похотливых!

И высохла вся вода в Мире, и задохнулись все старые люди.

Но снова стало скучно Пау. И снова напустил он в бездну воду, и создал других людей – теперь из слюны и ракушек.

Но и этих людей постигла та же участь...

Третьих людей Пау сотворил из воздуха и глины. Эти сбегали из Рая, и стали жить там, откуда происходили их корни – на земле. И Пау было интересно наблюдать, как они грешат.

Но возгордились и эти люди, и захотели вернуться в Рай – чтобы вечно ничего не делать, и выгнать оттуда самого Пау.

Для этого они, возомнив себя Творцами, сами создали нового человека, и выпустили его в Океан. Но новый Человек не захотел жить вместе со старыми людьми. Он хотел сам жить в Раю.

И тогда позавидовали ему старые, наземные люди, и стали воевать со своими созданиями.

И увидев, что их истребляют, испугались новые люди, и воззвали к Пау: «– Помогите нам, Отец Отцов! Дай нам Оружие против злых наземников!»

И Пау услышал, и дал оружие. Но поставил условие: только самые достойные, всю жизнь работавшие для блага людей, имеют право войти в Рай! Да и то – только воспитав себе смену!

И стало так...»

Слушая перевод из уст Матери, я то смеялся, то плевался.

Вам-то легче, вы читаете это в сокращённом и вразумительном (Ну, в меру моих скромных возможностей!) пересказе... А мне каково было?

Ладно, когда Чардоу дошёл до того момента, как у них появился Первый Пророк (ну, который научил их, сирых и убогих, как жить-то!) я соскучился, и задал последний вопрос – кто у них в Правительстве, и где оно расположено.

Ответ потряс меня. Нет, реально потряс.

Правительства нет.

И он даже и не сразу понял, что мы с Матерью имеем в виду – сама идея общего руководства *всеми* Ихтиандрами, как Народом, просто не укладывалась в его голове!

Я выразил свою озадаченность традиционно. Вот повезло беднягам...

– Хватит чесать затылок! – сердито этак говорит Мать, – А то там будет плешь. Я знаю: ты думаешь, что им повезло. Могу тебя заверить – ничего подобного. Их общество самоорганизовано так, что любая центральная власть только мешала бы его стабильности. Хватит с них и служителей «нового Храма».

– Да нет, Мать – ерунда получается! Они же так... всю дорогу и будут прозябать в «Средневековье» – ведь нет никаких стимулов к прогрессу!

– Им от этого плохо?

– Ну... Наверное, нет. Здесь всё прямо по Дарвину: выживает сильнейший, подлейший и наглейший...

– Вот именно. А если ты о том, что в космос они не выйдут никогда – так это, как мне кажется, только на руку остальным разумным расам. Подумай сам: вот, прилетят такие на зем-

лю. И что они подумают первым делом? Точно – как бы заселить её всю – нашим братом! А ну-ка, повыбьем всех чёртовых сухопутных крыс!.. Со всеми вытекающими последствиями.

Я успел остановить руку на полдороге: ещё подумает, что у меня перхоть, или вши... Или действительно плешь себе прочешу.

Но Мать, конечно, права: нечего таким делать в космосе! Пусть загаживают свою планету, и плескаются на ней, как говорится, всласть! Угрозы *так* они ни для кого не представляют. Вроде бы.

– Как думаешь, долго ещё они будут на этом этапе... э-э... Цивилизованности?

– По моим расчётам – не менее ещё трёхсот лет. Затем начнётся медленный, а затем – и быстрый регресс, они утратят орудия и навыки его изготовления...

А лет примерно так через тысяч пятьдесят – просто превратятся в больших красивых и плотоядных... рыб!

– Что?! – я не поверил: думал она оговорилась. Ну, или опять прикалывается.

– Думаешь, я прикалываюсь? – вот зараза. Говорю же, живём вместе сорок лет. Чуть ли не мысли друг друга читаем – ни дать ни взять семейная пара. Нет, конечно, это всё-таки она читает мои. Ещё бы ей не читать – она видит мою энцефалограмму всегда. (Это наша подстраховочка с тех самых пор, когда меня пытались замучить пытками чёртовы «Ове-

ществители»). Я кивнул.

– Так вот нет. Всё вполне закономерно. Раз в обществе не налажена быстрая и эффективная связь, и нет торговли, не будет и центрального Правительства. И все местные феодалы так и будут влачить своё жалкое, бедное и жестокое существование, постепенно тупея. Скоро останутся только те навыки, что помогают сиюминутному выживанию. И – всё. Прогресса нет. А стабильное общество *всегда* сменяется регрессом... Ну, для тебя эта мысль в нове, но в работе социолога Мукаку Йори «К вопросу о предпосылках научно-технического регресса примитивных...»

Я зарычал. Мать поторопилась поправиться:

– Ну, или говоря об известных тебе прецедентах – так случилось с древними греками, парфянами, римлянами, Византией, и...

– Хватит, замолчи! Я понял, что ты имеешь в виду. И верю. Значит, говоришь, человечеству не угрожают?

– Нет.

– Вот! Это всё, что я хотел услышать!

Пока мы переругивались в полном соответствии с нашими традициями, сыворотка закончила своё действие. Слушавший нас ихтиандр начал проявлять признаки испуга, нетерпения и раздражения. Чтобы не выслушивать (а вернее – не пялиться!) на новые оскорбления, я слетал с его баком обратно на планету, и довольно невежливо вылил воду с нашим «другом» прямо в океан, с высоты пары метров, примерно

над его поселением.

Благодарностей я не дожидался. Вернее, я бы сильно удивился, если бы дождался...

Всё же я подстраховался (Чёрт! А вдруг – и правда – Рай есть?!..) и послал зонд в ближайший глубоководный жёлоб...

На груды ила и полуразложившиеся тела смотреть было не слишком приятно.

Вот вам и Кущи Эдема! Как и в любой религии: дурят нашего брата, ох, дурят!..

Уже на «Лебеде» я отвёл душу – высказал всё, что думаю про учёных-извергов, создавших этих чудовищ. Хотя...

Хотя, если опираться на христианскую мораль, получается – они получили по заслугам.

Особенно, если вспомнить методы и средства, которые применяли...

Да и не годится чужими руками жар загребать!

Так что мне было их не слишком жаль.

Жаль было потерянных денег. Потерянных нами.

Ведь в *таком* виде планету нашей Колониальной Администрации не продашь!

А если продашь – будешь крайний.

Потому что новой кровопролитной войны между колонистами-наземниками и туземцами-ихтиандрами *точно* не избежать! И постигнет аборигенов участь коренного населения Австралии, Тасмании, Америки... И т.д.

Я на себя такой грех брать не хочу.

Так что мы с Матерью посоветовались... И решили – в мемуарах про планету написать можно, а в официальных отчётах – нет. Даже из Бортового журнала мы решили её удалить.

Да и так тоже довольно опасно: вдруг какой-нибудь уже *нашей* сволочи придёт в голову, что можно и Земные Океаны осваивать более «рационально и эффективно»!

А *вы* готовы стать добровольцем?..

Часть 2.

Предисловие

Вы про меня ничего не знаете, если не прочли первую часть книги «Я подобрал это на свалке». Её написал для меня Мансуров Андрей, и не скажу, чтоб сильно приврал, но...

Я не совсем доволен стилем. И содержанием. Кое-что всё же туда не вошло. А кое-что я бы наоборот – опустил. Но стремление к описанию скандальных приключений, диких авантур, и перетряхиванию чужого грязного белья в погоне за дешёвой сенсационностью, присуще, похоже, даже самым консервативным и серьёзным писателям.

Поэтому теперь я сам взял в руки перо. Вернее – текстовой процессор.

Так что во второй части «крутого» секса, интимно-эротических сцен и душераздирающих страстей не ждите. Буду придерживаться фактов, а не делать упор на скандалах, стрельбе, экзотике, и прочих «горячих» темах. Создающих книге дешёвую сиюминутную популярность.

Нет, я буду, как обозначил это когда-то Джером-Джером в классических «Троих в лодке», придерживаться Истины. Пусть повествование покажется немного вялым, серым, банальным, но – пусть остаётся правдивым. До дрожи. Или зе-

воты. Или – смеха.

Так что читайте правду, господа! Она зачастую даст сто очков любой сказочке.

Искренне Ваш,

Мак.

6. Пролог – 2.

Вау!!!..

Только этим словом и можно описать то, что я увидел, вломившись через особо хорошо запертую дверь! А не зря, похоже, её заперали! И дело – не в помпезных интерьерах, фонтанчиках, павлинах, золоте, парче и бархате.

Гарем!

Ах, какие тут содержатся... Туземочки!

Чёрт его задери. Уж на что я – профессионал со стажем, но заморгал, и буквально прирос к месту: какие... восхитительные формы, изгибы тел, налитые... э-э... Ну, то, чему полагается быть налитым! И лица – очень даже... А какие взгляды!

Ещё бы: нечасто, наверное, к ним вламывается вот так, среди белого дня, да ещё нагишом, столь выдающийся (Говорю без всякой иронии и ложной скромности – я действительно в силу специфики работы скраппера – накачан и поджар!) мужчина!

Так что томные чувственные глаза в стиле газелей и коров, на меня, когда прошёл первый шок от снесённых с петель дверей, обратили все: от медно-бронзовых пухлых кушитонок, до пепельно-блондинистых мраморно-белых поджарых Северянок.

Ну, особо-то насладиться ощущениями примадонны на подиуме не удалось: с гиком, криком, и проклятьями за мной следом ввалилась толпа евнухов с мечами и луками! И если мечи не слишком меня беспокоили – один из них имелся и у меня в загорелой руке! – то вот с луками приходилось считаться!

Поэтому я грохнулся на пол, перекатился, и на четвереньках – не до форсу! – перебрался под защиту ближайшей колонны дьявольски похожего не то – на храм (Любви?!), не то – на выставку достижений местного Прикладного искусства, помещения!

Нет, не то, чтобы я отличался трусостью – пару раз я вступал в бой и с ротой неправильно проинформированных обо мне десантников, или – бандой механоидов, натравленных наглым конкурентом, и – ничего... Но вот убивать подданных того, кто предоставил мне гостеприимство, и даже не пытался коварно отравить, как это принято на Востоке, по моему – свинство. Придётся бежать.

Стрелы затюкали по колонне и полу. Пара копий ударила в мозаичное панно на стене прямо перед моим носом.

Тэ-экс, похоже, особо засиживаться во дворце дорогого

Хозяина не придётся! С другой стороны – сам виноват. Не надо было так пялиться на его любимых танцовщиц. Потому что результаты – сразу стали... э-э... налицо. Потому что так уж принято у местных Власть имущих: чтоб никто не пронёс камня за пазухой (шутка!), или – оружия (не шутка!) к ним в покои, всем приходится одежду – всю! – оставлять в Приёмной...

Ну и, естественно, кроме Повелителя никто не имеет права *так* реагировать на собственность Повелителя.

Под улюлюканье и ругательства я ломанулся в дальний конец гарема. Там имелось нечто, похожее на запасной выход. Точно. Дверь.

Её высадил уже ногой: плечо ещё ныло! Тут особо метко брошенное копье и выбило у меня из руки верный меч! Я выругался (про себя – приличия!) и потряс кулаком в бессильной ярости – а что уж сделаешь, когда меч отлетел на пять шагов! Ладно, хоть поранили не сильно. Потому что железный протез нельзя поранить.

А-а-а-А-А-А!!!

Чёрт его задери!

Куда это я провалился, наступив на прочный, с виду паркетный, пол?! И почему вокруг – темень, хоть глаз, как это изящно говорят, выколи? (ТЬфу-тьфу!)

И вот я еду вниз на пятой точке, обдирая кожу на ней о полированный металл!!!

У-у-у-У-Х-Х!!! П-х-х!..

Это я шмякнулся ногами во что-то мягкое! А жёлоб-то вокруг...

Просто превратился в вертикальный стакан! В котором я застрял с поднятыми кверху руками, словно последний крестин! Или – крыса, угодившая в крысоловку! Потому что ни вылезти наверх по скользким (маслом, они их, что ли, намазали?!) стенкам, ни проломить никак не удаётся! Вот когда пожалел, что не захватил хотя бы нож!

Проклятье! Слышу подозрительные звуки: кто-то подбегается к моей тюрьме, и при этом... Похихикивает?! Точно. А ещё – переговаривается шёпотом.

Но почему – женскими голосами?!

Чувствую, как открылся... Люк? Напротив моих, торчащих, как у барана на бойне, кверху, рук. Вот кто-то цепляет одну, а затем и вторую кисть прочным канатом – знают, что ли, что руки у меня искусственные, и верёвкой их не удержишь?! А откуда знают?!

Мать их туды!.. Несмотря на все мои рывки и ругательства, руки упаковали надёжней, чем в тюряге Протеуса-5.

Теперь – что?

Ух ты... Можно было догадаться.

Канат подтянули кверху, и теперь напротив люка – мои ноги. Можно не сомневаться – упакуют и их. Вопрос только во времени. Поэтому даже особо сопротивляться не стал.

И вот – меня тянут дальше вверх. Открывают какую-то дверцу, и вытаскивают из кишки-рукава: словно я какой кап-

лун в кухне... Ну и гады. Завязали повязкой глаза.

Чую, вот чую, хотя и ничего не вижу – как вокруг суетятся эти стройные, вожделенные, и чертовски возбуждающе пахнущие женские тела!

Вот меня, спелёнутого и помалкивающего, (Хотя рот пока не заткнули. А почему?..) перенесли в какую-то большую комнату...

Вот – положили на какой-то лежак.

Привязывают теперь к нему. А делают-то это... Профессионально. Похоже, не я тут первый «зафиксированный».

Да что же это за!..

Ах вот оно как.

По вожделеющим вздохам, сопению, и нежным касаниям тёплых и влажных губок, вначале в области шеи... Потом – груди. Живота... А вот – и за чресла взялись. И – не в шутку. И – не в одиночку! – понимаю.

Что сейчас меня...

Будут использовать.

Как призового кобеля. (Без ложной скромности: имеют все основания рассчитывать. Что их самые смелые ожидания окажутся оправданными!) Но что же – я-то?! Неужели – согласен на то, чтоб меня поимели, словно шлюху в борделе?! Да чтоб вас!..

А-а-а!!!

Помогите!..

С этим криком я и очнулся.

Ф-ф-у-у...

Мать убирает манипукляторы, трясшие меня словно грушу, и подносит стакан успокоительного. Традиционного.

Вот спасибо. Я так ей и сказал. И уж можете быть уверены – ром выпил до дна. Автодоктор помаргивает себе разноцветными лампочками – видать, не он принял решение разбудить меня, а как раз – Мать. Это она знает меня, пожалуй, лучше, чем даже я сам.

И энцефало-, и все прочие -граммы снимает. Спрашивает:

– Опять – эротические фантазии?

Думаю. Опускаю взгляд.

А-га, вот в чём дело: она, конечно, тоже обнаружила моё воспрявшее, и даже сквозь штаны, отлично видимое хозяйство... Ну вот как на неё обижаться?

– Да, Мать. Можно это свинство и так назвать. Сегодня побывал в Гареме. Падишаха Хуссайни-восьмого. На Войерде.

– И... Как?

– Спасибо ещё раз. Вовремя разбудила.

– Да нет: судя по результату – не вовремя. Будешь теперь весь день ходить и ко всему придирааться да ворчать. По причине – Ах! – неудовлетворённости...

– С чего бы это? Ну-ка, давай сюда Розамунду! – морда она у меня бессовестная. (Мать, в-смысле!) Вертит мной, как захочет. Вот и сейчас: я уверен, что это она спровоцирова-

ла у меня эти сны... И Розамунду давно подготовила! Знает, что поглощённый «отвлекающими мыслями» я не столь эффективно... Работаю.

А надувная кукла у меня – самая лучшая и «продвинутая», если можно про это допотопное хозяйство так сказать. Хранится в спецшкафу. Всегда – стерильна, и – готова. Мать заботится. Нет: без шуток – заботится. Даже лучше, чем когда-то – моя родная...

И к Розамунде, безмозглой (правильней всё же – безпроцессорной!) стройно-миниатюрной милашке, с наивно-детским лицом блондинки – не ревнует.

Не то, что с Ивой. (Если кто не знает – это моя «зазноба» из первой части. Воспоминания – У-ух!!! Меня каждый раз потряхивает. А что там с Госсекретарём, которому её в конце-концов продал в «сексуальное рабство» – не знаю. Давно ему не звонил. Впрочем, как и он мне...)

Вот и приходится довольствоваться эрзацами-сексозаменителями. Потому что настоящий андроид-женщина мне теперь ну никак не светит: уже обжигались!..

Но всё равно иногда... Как бы это выразиться... Скучаю. С другой стороны, женщины из плоти мне снятся исключительно редко. Вот и сейчас: чувю, не к добру этот сон. Теперь жди неприятностей.

Впрочем, скраппер – такая профессия, что неприятности – это её синоним...

7.Родина.

Корабль, конечно, первой заметила Мать.

Ещё бы ей его не заметить! Она же не спит. И все сканнеры и детекторы подключены к ней напрямую. А сканнеры и детекторы у нас – самые дорогие и чувствительные.

Мать – главный компьютер у меня на Корабле. Мы с ней – скрапперы. Ну, вернее, скраппер – я, а она на подхвате.

Занимаемся мы этим делом довольно давно... Лет этак побольше тридцати с чем-то.

Посетили с «мирными визитами» около сорока населённых планет, больше полутора тысяч ненаселенных, и уж не упомяну, сколько туманностей, галактик и чёрных облаков пробороздили!..

Сама профессия скраппера располагает к размышлениям и путешествиям: мы такие барахольщики Вселенной. И добыча наша – не только металлолом со старых Полигонов – для печей перерабатывающих вторсырьё заводов на астероидах. Или разбитые, наши и чужие, корабли – для Пентагона, Лэнгли, и Массачусетского Технологического.

Мы всегда: чего найдём интересного, полезного и ценного – как только вычислим, *чем* это может быть полезно людям, и *сколько* за это можно слупить, сразу тащим на планеты, колонизированные землянами. Ну, или уж напрямиком на

Землю. Там это добро можно обычно продать дороже всего! Нуворишам-коллекционерам. Всё тем же воякам. Ну, и учёным, разумеется – эти-то рады-радешеньки, что спецэкспедицию «пробивать», и гранты на неё выколачивать не надо...

Ведь старушка-Родина остаётся, если мне позволят так сказать, рассадником фундаментальной Науки, новейших технологий, и поставщицей лучших в изученной части космоса вооружений. И мозгов.

Ну вот, чтобы эти мозги не заскучали и не покрылись плесенью, мы, как неугомонные мурашки, и тащим со всех уголков дальнего Космоса разные Артефакты. Будь то куски и детали тех же Кораблей. Машины. (Если сохранились какие-нибудь, сильно отличные от наших, людских. Если же – похожи, то такие тащить смысла нет.) Или произведения неземного искусства. Или даже просто дефицитные, выработанные ещё в древности, полезные ископаемые... Пусть изучают. Используют. И заодно думают, как продвинуть нашу любимую Цивилизацию ещё дальше по пути Прогресса, и Человечество – выше по лестнице самосовершенствования!..

Чёрт, красиво изложил! Да я – прям Шекспир! Или Софокл? Э-э, неважно! На старости лет, глядишь, точно – мемуары напишу. Чуть переработав то, что пишу вот сейчас в бортовом Журнале. Или ещё какой-нибудь научно-философский трактат накорябаю. Назову как-нибудь покрасивей. И научнообразно. Типа: «Влияние новейших социально-куль-

товых артефактов и фразеологизмов цивилизации Альдебаран-зет 3/5671 на совершенствование структурных характеристик инструментальной стали, или как сделать железо прочнее с помощью амулетов и заклинаний».

А что? Мне док Натан (дослужившийся не без помощи наших находок до места Зав. Секцией, и звания профессора!) из Массачусетского Технологического так и сказал: «Ты (то есть, я!) продвинул наши разработки дальше, чем все чёртовы субсидии Конгресса!» Приятно.

Да и воякам я кое-что подбросил. Взять хотя бы универсальный поглотитель всех существующих излучений... Теперь все Линкоры Флота абсолютно невидимы!

Конечно, сделал я всё это, и многое другое, отнюдь не бесплатно.

Так что, как я уже говорил, у нас с Матерью на счетах девяти планет лежат весьма круглые суммы. И недвижимость, и акции кое-какие, приносят стабильный доход. И вилла есть на Вендисе-3, на самом берегу самого спокойного Моря самой «курортной» планеты... Можно бы успокоиться, и мирно почивать на лаврах.

Ага, вот и Матери тоже смешно. Она-то меня знает, как облупленного.

Так уж устроен наш брат скраппер – сюда «правильные» и последовательные люди, вроде бухгалтеров, или офис-менеджеров, не идут. А идут те, кто вечно чего-то ищет...

Куш?

Думаю, вряд ли. Ведь скольких я знаю, кроме нас с Матерью, удачливых (тьфу-тьфу!), и уже обеспеченных, но... Неуспокоившихся. Кто до самой смерти всё носился по Космосу, совался куда можно, и куда нельзя, искал, искал... Фанатизм? Хм-м... Скорее уж – мания...

Хотите – назовите это Зудом. Да, точно: вечный Зуд в ... Ну, где положено!

И, разумеется, иногда наша деятельность связана с известным (а зачастую – неизвестным!) риском. Сколько скрапперов и их кораблей носятся по Вселенной, взорванные и расплётённые на кусочки не крупней манной крупы тем, что они нашли! И притащили на корабль, не озаботившись как следует убедиться, что это дело – безопасно *всегда*. А не только, когда лежит себе там, где его нашли, и ждёт, и призывно-заманчиво искрится ксеноморфной привлекательностью...

Ох, что-то я разошёлся не на шутку! Видать, виновата вот эта самая, последняя, находка.

Вот и потянуло на философию, да «ретроспективу».

К делу.

Мы с Матерью себя любим и ценим, как я уже говорил. Оборудование – лучшее из всего, что можно купить за Деньги.

Этот корабль засёк, однако, самый банальный металлодетектор.

Хорошо, что мы уже гасили скорость, а то пришлось бы возвращаться на пару сотен миллионов миль. Да и так при-

шлось делать сложные манёвры, и облетать этого малыша со всех сторон, а то – мало ли... Стрельнёт чем!

Вон, мои противометеоритные пушки: никого не спрашивают, а сразу палят во всё, что по их мнению, «плохо летит». Ну и правильно – не бубнить же каждый раз:

– «Капитан! К кораблю приближается опасный объект! Прикажете уничтожить?»

Если бы они так делали, беднягу «Лебедя» – это наш с Матерью Корабль – ещё те же тридцать с лишним лет назад разнесло по всей Вселенной на кусочки не крупнее конфетти.

Так что сближались безопасным курсом, и потихоньку. Но никто в нас не выпалил, хотя на защитные экраны я пустил почти половину мощности третьего реактора. И вот мы зависли на параллельном курсе, в какой-то миле от «объекта».

Мать послала зонд, чтобы он дополнил нашу картину с наружных видеомониторов ещё и изображением со стороны носа, кормы, и другого бока кораблика.

Ничего себе картина. То есть, вполне мирная.

– Ну, – говорю, – Мать... Выкладывай.

Мать у меня вежливая, тактичная и – главное! – давно меня знает. Вот она и говорит:

– Ты, разумеется, уже и сам обо всём догадался. Крохотное водоизмещение и весь крайне примитивный наружный дизайн говорят о том, что это – спасательная капсула. Точный возраст назову, только когда отберу пробы. По косвен-

ным же признакам могу сообщить лишь, что этой капсуле не менее пятидесяти тысяч лет, и сделана она для существ, если и отличающихся от людей, то весьма незначительно.

Зная твои привычки, сразу скажу: санобработка тебе после её посещения предстоит усиленная.

Поскольку единственные организмы, которые могли там уцелеть, это крайне стойкие и живучие споры неизвестных мне бактерий и вирусов, специализирующиеся как раз на гуманоидах. К тому же наверняка мутировавшие, и очень агрессивные... Буду убивать их жёстким излучением.

Так и знай: вовнутрь не впущу, пока не буду полностью удовлетворена.

– Вот спасибо, – говорю, – Можешь же, когда захочешь, вселить оптимизм, и веру в светлое будущее в душу беспечного искателя сокровищ и ловца приключений на свою ... опу. Готовь челнок.

– Давно он готов. – и точно, я слышал, как ещё час назад, когда она только сказала об «объекте», её манипуляторы в трюме чего-то таскали и чем-то громыхали. Отлично. Ну, я же говорил – понимаем друг друга с полуслова... И иногда даже вообще без слов.

Челнок мой прошёл, как и корабль, огни и воды. Так что оружия на борту чуть ли не больше, чем, к примеру, на Линкоре Флота. Я же говорю: более мнительных, завистливых, и одержимых коллекционерской страстью к разным смертоносным железкам, парней, чем нормальные скрапперы, в

Космосе нет.

Подлетаю, причаливаю. Одеваю скафандр и экзоскелет, выплываю наружу.

Шлюз спасательной капсулы, само-собой, не действует. Хорошо, что я «посадил» челнок (Если можно так назвать закрепление магнитными захватами на скорлупке, которая в пять раз меньше моего, приземлявшегося на тысячах больших и малых небесных тел, агрегата!) прямо рядом со шлюзом. Мать озаботилась залезть манипуляторами, которых у неё наткано и внутри, и снаружи челнока, в распределительный щиток капсулы. Всё там обследовала. Подала питание на борт.

Однако ничего не случилось. Чёртовы механизмы совершенно заклинило. Ещё бы: за пятьдесят-то тысяч лет любая смазка превратится в камень, да и сервомоторы сгниют!

Пришлось применить всё тот же экзоскелет, и вскрыть наружный люк силой. После чего сразу выяснилось, что в нём, в экзоскелете то есть, я в крохотную шлюзовую камеру не пролезу.

Ах вы так со мной!.. Чего я мучаюсь, у меня же есть...

Мать установила вокруг отверстия шлюза герметичную палатку (Ну как – палатку. Здоровенная пластиковая ёмкость, формой похожая на эскимосское иглу, и диаметром метров пять.).

Чтобы, значит, уж наверняка не повредить тому, что внутри, при разгерметизации.

Открыв внутренний люк с помощью дроида, Мать любезно сообщила, что «воздуха, пригодного для дыхания» внутри нет. Да и вообще воздуха нет. Улетучился, стало быть, через сдохшие прокладки, и дырки от микрометеоритов.

Чего я, спрашивается, с этой палаткой мучился...

Приказал сложить её и убрать обратно.

– Давай, вдвигай туда чёртову камеру!

Осмотрев всё то, что передал монитор, я треснул себя по шлему скафандра перчаткой. (Блин! Каждый раз попадаюсь на это, когда хочу почесать в затылке!) Да, печально.

Собственно, именно это Мать и предсказывала. А теперь придётся лезть внутрь, чтобы, так сказать, воочию...

Десять гибернаторов, или капсул для гиперсна, сразу сказали мне о многом.

Во-первых, если кто и построил эту спасательную шлюпку, сделано это было до открытия ими гиперпривода. Просто жутко представить, сколько же этим беднягам приходилось спать – при досветовых-то скоростях! Вот это настойчивость! Ну, и смелость. Или – безрассудство. Это – как посмотреть: даже когда у нас эту технологию, как говорится, «вылизали», шансы проснуться... э-э... умственно полноценным, были примерно двадцать к одному. (Ну, в смысле, на девятнадцать, благополучно всё о прошлой жизни помнивших, приходился один... Временно потерянный для Общества, назовём это так!)

Как говаривали древние поэты – «Безумству храбрых по-

ём мы песню...». Всё хорошо. Но ключевое слово всё же – Безумству.

Впрочем, это моё личное мнение. Эти же для себя решили.

А во-вторых, эвакуация производилась в спешке. Спасённых – ну, вернее, пытавшихся спастись – на борту оказалось всего двое.

Мужчина был на вид крепок и силён. Чем-то он даже напоминал меня в молодости. Простые и несколько грубые черты лица. Коротко остриженные волосы. Майка камуфляжной расцветки, жетон с личными данными на цепочке на груди. Ни дать ни взять – матёрый морпех.

Но у него не было кистей рук. На обрубки были наложены жгуты и повязки.

Женщина же оказалась...

Очень красива. Это – если мягко говорить. Даже меня, уж понавидавшего всяких специально «клонированных» отборных, и подправленных усилиями пластхирургов, косметологов, и т.п. чертовски хорошо оплачиваемых спецов, женщин, предназначенных для Элиты, (Всяких Сенаторов, Падишахов, да финансовых межпланетных воротил!) поразила вид этой... Погибшей. Буквально – я не шучу! – волосы на голове зашевелились, когда присмотрелся к ней получше: наверное, так выглядели пресловутые олимпийские богини...

Запоминающееся лицо. Великолепная фигура.

Ничего не скажешь – гармоничная была пара... Словно прошедшие кастинг на племенных производителей здорового и красивого Потомства. Там, куда летели...

То, что оба были мертвы, не мешало мне восхищаться их физическим совершенством. Хотя иссохшая в вакууме кожа и обтягивала мумифицированные тела, почти как на древне-египетских мумиях, и лица казались болезненно бледными – от потери крови.

Я долго стоял молча. Не мог поверить глазам – они казались чертовски похожими на самых обычных... людей.

И вот они плавают в Космосе уже пятьдесят тысяч лет, а мы – то есть, Человечество – вышли в это универсальное связующее Разумные Существа Пространство всего пять-шесть сотен лет назад! И как же так получилось, что мы не встретились? Или...

Однако мы никогда не посылали в Глубокий Космос корабли с губернаторами – даже в тот бурный и дорогостоящий период, когда ещё не изобрели гиперпривода. А вот они – решились-таки. Может ли всё же быть так, что они наши...

– Мать. Отбери все нужные пробы, и в первую очередь проверь их ДНК.

Её манипуляторы вползли вовнутрь, и принялись аккуратно вскрывать прозрачные колпаки, и отбирать пробы. Я всё не мог оторвать взгляда от женщины. Даже в виде мумии она оставалась как-то уж слишком красива. Что-то было в ней...

Мистическое! Притягивающее взгляд и завораживающее. О такой жене можно только мечтать... Так. Стоп. Куда это меня потянуло: никакого клонирования! Скраппер – профессия для одиночек!

Обойдя саркофаг – Тьфу ты! Капсулу! – с другой стороны, я увидел и ещё кое-что.

Весь стол под женщиной был покрыт коркой засохшей крови. Похоже, вся эта кровь из несчастной вытекла через ужасную рану на боку, наспех перевязанную странными розовыми, похожими на псевдокожу, бинтами.

Осмотрев мужчину, я убедился, что и он ранен – на затылке большой пролом, и осколки черепа буквально торчат наружу.

– Мать! Ты уже наверняка всё проанализировала. Скажи, что здесь произошло?

– Их основной корабль погиб, скорее всего, от какого-то взрыва. И вряд ли это был метеорит – иначе спасшихся было бы больше, и их тела... не получили бы столь специфических повреждений. Вероятнее всего, по моим расчётам, – внутренняя авария, последствия которой мужчина как раз и пытался ликвидировать.

Воздух на основном корабле сохранился лишь в небольшой части отсеков. Иначе спасшихся – опять-таки было бы больше. Живучесть, и сила духа этих двоих просто поразительны.

Как с такими ранами им удалось добраться до капсулы,

и лечь в гибернаторы, я сказать затрудняюсь. Первым умер мужчина. Вернее, он уже был мёртв, когда попал в гибернатор. С такой раной выжить невозможно: сканнер показывает абсолютно летальные повреждения мозга. Сюда его явно перенесла женщина. Возможно, в состоянии аффекта она и не заметила, что он...

Прости.

Сама женщина погибла от потери крови. Похоже, автодоктор капсулы был повреждён, и ей пришлось перевязывать себя самой. Сделано это очень... непрофессионально. Анализ показывает, что умерли оба задолго до того, как вышел весь воздух. То есть, она практически не мучилась – умерла во сне.

– Что там... с анализом ДНК? – я смог заговорить только с третьей попытки. Воздух всё как-то не набирался в лёгкие. Опять, что ли, чёртов климатизатор барахлит? А, нет: работает нормально: все лампочки, вроде, горят.

– Придётся ждать ещё полчаса. Я сейчас дезинфицирую пробы, чтобы внести их на «Лебеда». И только потом смогу применить наш электронный...

– Да, я понял.

– Что мы будем делать с ними?

– Не знаю... Я ещё не решил. – я действительно не решил. Во-первых, мне всегда казалось кощунством сдавать в металлолом капсулы с телами, как, бывало, делал кое-кто из наших. Во-вторых, тревожить вечный сон этих двоих, столь

похожих на нас, мне вообще не хотелось. Это было бы как-то... непорядочно, что ли. Кошунство?

– Ты нашла бортовой журнал, или чёртов блок памяти бортового компьютера?

– Да.

– Извлеки его, вдруг там хоть что-то осталось.

– Поняла. Сделаю, как только освободятся манипуляторы челнока.

Мне всё равно пришлось ждать, пока не освободилась наша шлюзовая. Но находиться рядом с этими двоими оказалось всё же выше моих сил – сидя над шлюзом, а затем и встав, я оставался снаружи, глядя, как мой дроид устанавливает на место и заваривает внутренний, а затем и внешний люк спасательной капсулы.

Чувствовал я себя погано. Словно это действительно я сам там погиб. И вот смотрю на себя спустя неизмеримые тысячелетия...

Неужели эти двое, в самом расцвете зрелости и способностей, (по виду им казалось не больше сорока) полные сил и стремлений, должны были погибнуть вот так, не добравшись ни до дома, ни до места, куда летели... А куда они летели? И зачем?

Была ли у них хотя бы надежда на спасение?

Странное чувство. А, к дьяволу – всё равно объяснить не смогу! Раньше со мной при виде погибших астронавтов такого не случалось уж точно. А тут... Словно что-то древнее,

инстинкт, что ли, какой-то, там, глубоко внутри меня – почувствовал, что история не кончилась. И дальше дела пойдут только хуже.

Не говоря уже о том, что деньгами здесь не пахнет.

Когда я, наконец, прошёл весь утомительный облучательно-опрыскивательный карантин, устроенный Матерью в тамбуре челнока, а потом и «Лебеда», двинулся прямо в рубку.

Отсек с нашей научной аппаратурой (Ага – она у нас тоже самая дорогая. Но это не мешает ей периодически, в самый неподходящий момент, ломаться!) так и гудел. А уж лампочками разноцветными переливался – что твоя Рождественская ёлочка.

Я чувствовал голод, но всё равно пока есть не мог. Так и слонялся по рубке.

– Код определён. – говорит через какое-то время Мать, – И ты опять оказался прав. Они *могли* бы быть твоими родителями. Вернее – прародителями.

– То есть... Это тоже земляне?!

– Н-нет. Не совсем так. Кое-какие мои, как ты их называешь, аналитическо-дедуктивные программы, позволяют с вероятностью в девяносто шесть (Ого! Для Матери это – почти абсолютно достоверно!) процентов сказать, что вы с ними происходите от общего предка. И разделение путей земной цивилизации и вот этой, произошло никак не позже пятидесяти пяти – шестидесяти тысяч лет назад.

– Подожди-ка... получается, что если бы... капсула с более удачливыми спасшимися с того, как ты говоришь, взорвавшегося, Корабля, прилетела на Землю, и они выжили, то мы, люди, вот такими бы и получились – *настолько* похожими? И даже... э-э... могли бы скрещиваться с этими... пра-предками? Ну, если бы, конечно, встретились.

– Да, ты примерно правильно обрисовал ситуацию. Вы бы получились похожими. И могли бы. Скрещиваться.

Я молчал. Перед глазами всё стояло прекрасное лицо моей «праматери». Странное ощущение. Тягостное. А ещё я почему-то чувствовал себя в чём-то виноватым... Не знаю только, в чём.

– Так мы, говоришь, потомки каких-то общих?..

– С вероятностью девяносто шесть...

– Хорошо, я понял. – ситуация более-менее прояснялась.

Наверное, такое возможно.

Получается, все эти чёртовы историки и археологи-оппозиционеры, которые утверждали, что земля была заселена потомками древних звёздных переселенцев, правы?!

И вот я – тот придурок, который сможет это доказать... Фактами?

Почесав в затылке (теперь-то, конечно, ничто не мешало!), я прошёлся ещё раз по рубке. Хотя тут у меня не больно-то находишься: всё функционально, и свободного пространства примерно восемь квадратных метров. Думать теснота, однако, не мешает. Скорее, наоборот.

– Ладно. С общими предками понятно. Скажи теперь, что там с... памятью боржурнала?

– Ничего. Носитель информации практически разрушен. А дубликата, ведущегося для страховки на бумаге, как это принято у землян, я не обнаружила. Зато порадую тебя: есть голографическая запись в кристалле изумруда. Там, на капсуле, имелся видеомегнитофон.

– Заинтриговала. Воспроизвести сможешь?

– Смогу. Но придётся подождать. На этот раз около часа.

Странное устройство из оптико-механических деталей, которое Мать соорудила в нашей ремонтной мастерской в трюме, поразило меня своей... неаккуратностью, что ли. Обычно моя хозяйка не грешит безалаберностью, и старается если уж делать, то и чтобы работало исправно, и выглядело... э-э... эстетично.

Но работать эта штука работала.

Изображение поморгало синим, затем перешло в красный, и, наконец, Мать подобрала цвета, близкие к естественным. Первое, что больно резануло по сердцу – сплошная кровь!

В крови был весь мужчина, лежащий на полу ничком, кровью был покрыт комбинезон женщины. На полу, под женщиной, тоже уже натекла огромная, медленно расплзающаяся, почти чёрная лужа.

Женщина, стоя на коленях, что-то делала с рукой своего

напарника. Лицо её вдруг поднялось от так и не подававшего признаков жизни мужчины, и с выражением, которого не передать словами, обернулось к объективу.

– Аракс юу гиредде! Мразвейсэз! – голос был слышен плохо, а понять, что она говорила я смог и без Матери, которая перевела:

– Будьте вы прокляты! Мерзавцы!

После этого женщина, вытянув руку, что-то нажала возле объектива, и следующая картинка выглядела немного иначе.

Мужчина с уже перевязанными руками лежал на ложе гибернатора, колпак был откинут.

Возле головы несчастного торчала выдвинутая из стены штанга с каким-то громоздким оборудованием на конце, а женщина злобно смотрела мне в лицо, подойдя почти вплотную к объективу.

Она бросала отрывистые фразы, лицо сводила судорога – явно ненависти, которую, боюсь, и словами-то не выразить. Но она старалась сдержаться, и говорить чётко.

Вот только звук почему-то не записался.

Мать нарушила тишину:

– Читаю по губам: – «Теперь-то вы довольны, гнусные твари? «Благородная миссия» накрылась ...» – ... э-э... нецензурное слово, обозначающее женский половой орган. Смысл идиомы означает полный крах, – «Все мертвы! И те, кто дежурил, и те, кто спал – покойники! Я проклинаю тот день, когда...» – нарочито спокойный тон Матери так резко кон-

трастировал с тем, что видели мои глаза, что я застыл, покрывшись липким потом. Кулаки почему-то сами собой сжались. И к горлу подступил подозрительный комок.

Домыслить нетрудно.

Изображение дёрнулось, и исчезло. Затем снова проявилось и застыло: женщина стояла, подавшись к объективу, и сжав так, что побелели костяшки пальцев, оба маленьких кулачка. Волосы, местами слипшиеся от пота и крови, создавали странный ореол вокруг лица. Наверное, так могла выглядеть Горгона-Медуза... Если бы не слёзы в глазах.

Даже в гневе её лицо было божественно (Да, не побоюсь этого слова – именно оно передаёт мои ощущения! Аж мурашки по коже!) прекрасным. И это несмотря на то, что на нём одновременно были и злоба, и горе, и разочарование... И что-то ещё, чего никогда не понять тому, кто сам не испытывал горечи утраты близких.

Стоп-кадр длился, наверное, целую вечность, пока меня не прорвало:

– Выключи!

Мать убрала полупрозрачную голограмму.

Буркнув: – «Я – в душе!», я принялся прямо на ходу стягивать комбинезон.

Чувствовал я себя грязным, испачкавшимся... И – всё равно, в чём-то виноватым.

Словно это я послал их почти на верную гибель, снарядив корабль так, что они...

Эти несчастные потерпели неудачу.

Но они-то хоть к чему-то стремились. Боролись за какую-то... Идею. Высшую Цель. Миссию.

А... Я?..

Помывшись и поев, я заставил себя вернуться в рубку, и продолжить.

– Мать. Что твоему «аналитически-дедуктивному» блоку сказала вся конструкция их капсулы, и просмотренное изображение в целом?

– Всё это практически только подтвердило мои первоначальные выкладки.

Цивилизация почти аналогична нашей, на уровне лет на триста ниже теперешнего. Даже надписи на панелях приборов читаются и расшифровываются очень легко. Но вот сами приборы... Намного хуже наших. И крайне ненадёжны. Просто удивительно, как Корабль с таким... э-э... *отвратительным* оборудованием решились отправить в явно ответственный и длительный полёт.

Мы ещё помолчали. Я не мог сидеть, и снова нарезал круги вокруг пульта. Мать не мешала. Она у меня всё знает – особенно, когда меня лучше не трогать...

Наконец я прервал слишком уж затянувшуюся паузу:

– Мать! Зная тебя, я могу предположить, что ты уже проложила курс туда, где произошла эта... катастрофа. И вычислила вероятность нахождения останков их Корабля!

– Да, я это сделала, зная тебя, и зная, что ты знаешь, что я это знаю, и ты и это тоже знаешь.

Ненавижу её, когда она так говорит! Хотя нет, я её люблю. Просто... Иногда она конкретно бесит меня тем, что знает меня лучше, чем я сам! А уж выражается при этом...

Зараза бессовестная.

Хотя, с другой стороны – это и неплохо. Иначе как бы она выручала меня из всех тех, извините, задниц, и того д...ма, куда я регулярно вляпывался со своим длинным носом, и потакала моим капризам в поисках разного хлама, и приключений на ...!

Ну а манеру речи, думаю, она всё же переняла у предыдущего Хозяина. Кривой Пит был страшный циник и пройдоха. Впрочем, чего греха таить – я тоже постарался. Внёс свою лепту в её «воспитание»... Да и блок неформальной логики и юмора, вставленный техником Вассей, явно работает. Вот это я ему, гаду, в следующий раз припомню!

Так что проглотив свои непечатные высказывания, и криво усмехнувшись, я поостыл, и сказал только:

– Хорошо. Полетели, значит! – но всё же поинтересовался, – Ну и какова эта чёртова вероятность, что мы хоть что-то найдём?

– Собственно, вероятность не так уж плоха. Здесь дело в том, что раз их капсула пролетела по прямой, или почти по прямой, столь долго, и её не затянула гравитация никакой звезды, или чёрная дыра, и не уничтожили скопления пыли

и облака водорода, я считаю, что само место катастрофы мы найдём и быстро, и сравнительно легко.

Долетим где-то за неделю на восьми световых, и место я найду – с вероятностью более сорока семи процентов. Но вот осталось ли там хоть что-то от корабля, или его забрали спасатели, рассчитать пока не могу. Может, на месте...

– Да и ладно. Меня вполне устроят и сорок семь процентов. – я сел в кресло.

– Что будем делать со спасательной капсулой?

– Ничего. Пусть продолжает лететь, как летела. И они... Пусть остаются на борту.

Лучшей могилы и Памятника для них я придумать не могу. Да и останки тревожить не хочется.

– Поняла. Включаю маршевые двигатели.

Как я уже говорил, при сверхсветовой больше восьми у меня жутко болят зубы и искусственные суставы протезов рук. Летаем, стараясь не превышать. Поэтому как Мать сказала – так и получилось.

В расчётную точку прибыли ровно через неделю.

Ну, как объяснить... Дыра она дыра и есть – хоть планетарного масштаба, хоть в масштабах открытого космоса. Ничего заметного, примечательного, или выдающегося тут не наблюдалось. И если Мать правильно рассчитала расширение Вселенной, ничего здесь не было и пятьдесят тысяч лет назад.

За это время даже мельчайшие следы взрыва, если таковой имел место, полностью исчезли, и даже наши сверхчувствительные сканнеры и датчики почти ничего не углядели. Однако Мать, со свойственной ей методичностью порывшись в пространстве, нашла пару молекул до сих пор ионизированных микрочастиц чего-то вроде керосина...

Неужели это было их топливо?! Жуть!

– Солнышко моё, – говорю, – Зная меня, ты уже наверняка всё за меня подумало. (Слышу, как она булькнула через динамики трансляции.) Как считаешь – если остатки Корабля откинуло взрывом к какой-нибудь ближайшей солнечной системе, могли они там сохраниться, или... упали на светило?

– Вероятность падения на светило, разумеется, больше – около семидесяти трёх с половиной процентов... Но если в такой системе существовали бы массивные планеты-гиганты, вроде нашего Юпитера, то остатки Корабля действительно могли бы превратиться в вечный спутник такой планеты.

– И ты, лапочка этакая, «зная меня, и зная, что я знаю...»

– Точно. Я уже послала все четыре наших зонда к тем из солнечных систем, которые считаю наиболее перспективными для этого варианта.

– Умница ты у меня. Переработать не дашь. Поэтому я скоро разленюсь окончательно – и стану толстым... И глупым... Ладно, пока ждём возвращения зондов, я, пожалуй, посплю.

Так я и сделал. Но всё равно, пришлось завтракать, отрабатывать на тренажёрах, обедать, прорабатывать учебники и справочники по наукам и искусству, (должен же я иметь представление о том, сколько можно слупить за предметы, подходящие под эти категории, если найду их!) ужинать и снова спать ещё два дня. Наконец, все зонды вернулись на борт.

Вы не поверите! Нам действительно повезло!

Возле огромного, даже массивней Юпитера, газового гиганта, обнаруженного третьим зондом во вполне рядовой планетной системе, вращалось тело, оставившее очень характерный след в записях металлодетекторов зонда. Состояло оно практически только из металла, и снимки, сделанные оптическими камерами, хоть и с нескольких сотен километров, абсолютно однозначно доказывали, что это...

Корабль.

Моя особо чувствительная к таким дела задница почувствовала...

Даже Мать заявила, что «вероятность того, что челнок происходит с этого Корабля» никак не меньше девяноста трёх с чем-то там!..

Мы сразу вылетели. Впрочем, внимательно изучив материалы, полученные остальными зондами. Но там практически ничего лично меня не заинтересовало. Так, обычные планеты. Кислородной атмосферы – ни на одной... Жизни,

а, следовательно, и интересных артефактов поэтому и быть не могло.

Что же до полезных ископаемых, то я стараюсь ими теперь не заниматься. Слишком долго ждать, пока обогатители чего-то стоящего нарыют и накопят... Нет уж! Пусть роют, обогащают и ждут те, кто помоложе – у них терпение и время есть. Наверное.

Вот: видите, как меня избаловали Мать и материальный достаток. (Опять – тьфу-тьфу!) Мы уже пренебрегаем кропотливой будничной работой рядового скраппера. Подавай нам только сливки-пенки! И вообще чего поинтересней!.. А, ладно – если не потакать себе, любимому, чего же делать-то в предпенсионном возрасте?! Марки коллекционировать? Орхидеи выращивать?

Вот именно – тьфу!..

Корабль был повреждён ну очень сильно.

Похоже, версия Матери о внутреннем взрыве полностью подтвердилась. Рассматривая красивые и чёткие изображения на мониторах, я пошкреб подбородок (Чёрт. Пора опять мазаться кремом от волосяного покрова – вон, щетина вылезла!).

Отсутствовала та часть, где, вероятно, раньше были двигатели. То, что осталось, представляло собой как бы сегмент сигары, отрезанной примерно до половины очень тупыми и корявыми ножницами... Но, похоже, жилые отсеки и рубка

должны были находиться именно там, внутри.

Когда подлетел и сделал контрольный круг на челноке, округлая издали сигара превратилась в скопление угловатых и спрямлённых секций и панелей, лишь отдалённо напоминавших обтекаемую конструкцию. Ну и правильно: чего в космосе обтекать-то?..

Спереди всё ещё нелепо торчал как бы дурацкий зонтик из плоских металлических ёмкостей, вероятнее всего когда-то наполненных водой: это они так боролись с пылью и водородом по курсу. Н-да... Без комментариев.

Примерно в середине корпуса, ближе к тому, что напоминало днище, имелась ещё одна пробоина, и довольно крупная. Кое-где на корпусе виднелись и остатки мощных кронштейнов: словно снаружи к нему что-то немаленькое крепилось.

Плохо. Похоже, взрыв-то был не один...

Высадка происходила штатно: я причалил челнок возле одного из грузовых шлюзов. Мать поковыряла в щитках управления, подала напряжение... Всё равно, дроиду пришлось повозиться с внутренним люком, после того, как я убрал внешний, а Мать поставила нашу любимую палатку.

Но воздух, разумеется, испарился и отсюда.

Однако в отсеках и коридорах оказался почти порядок: обломков не валялось, и трупов, как я больше всего опасался, к счастью, тоже. Мать подтвердила мою догадку: выжившие после катастрофы смогли загерметизировать пробоины,

и кое-как приспособить уцелевшую часть Корабля для жизни.

Сам Корабль был не таким уж маленьким: длина даже уцелевшей части «полусигары» достигала более трёхсот метров, при диаметре около восьмидесяти. Так что обследовать его, похоже, придётся долго.

А для чего мне дроид? Вот я и пустил его, если можно так сказать, по правому борту. А сам двинулся по левому.

Сила тяжести здесь, конечно, отсутствовала.

Собственно, даже если бы Мать подала напряжение, ничего бы не изменилось: кто бы ни были хозяева этого Корабля, они ещё не изобрели искусственной гравитации. Ну, уж если быть честными – мы сами изобрели её только после открытия гиперпривода: чтобы не расплющиваться в лепёшки при чудовищных ускорениях в сорок и даже больше, любимых «Ж»...

Вот и цокал я теперь магнитными присосками – этакая двуногая лошадь на полтонны – само-собой, я был в экзоскелете.

Картина огромных залов, буквально нашпигованных губернаторами, меня не удивила. Хотя число их потрясло воображение – не менее трёх-четырёх тысяч. Размещались они как бы в ядре уцелевшей части корабля. Вероятно, строители считали, что так они в большей безопасности. От метеоритов и всего прочего. Словом, внешнего врага.

Это наводило на мысль, что Корабль летел к конкретной

цели, и вероятнее всего, должен был доставить колонистов на какую-то уже известную подходящую планету. Осталось только узнать, что это: вынужденное переселение с загаженной и перенаселённой планеты, или эти бедолаги – добровольцы-пионеры, вроде наших, земных.

Мать правильно сказала – примерно по тем же принципам строили большие корабли и мы. Так что и размеры коридоров и кают экипажа, и надписи на стенах, люках и приборах, да и вообще, всё – слишком уж напоминало наше. Земное.

Меня пробрало – волосы на затылке снова стали шевелиться. Так у меня бывает только перед реально большими неприятностями... Я удвоил внимание.

Но всё было мертво. Тишину нарушал только стук моего сердца, да чуть слышное пыхтение сервоприводов систем жизнеобеспечения. Ну, на цоканье магнитных подошв, скрипы ткани скафандра, жужжание сервомоторчиков и редкие щелчки счётчика радиации я привык внимания не обращать.

Прошёл – вернее, прокляцал – я запутанным лабиринтом коридоров, межуровневых люков, и вереницей служебных помещений. И как-то инстинктивно нашёл их Рубку.

Помещение вовсе не было большим. Скорее, тесным и чисто функциональным – ну точно как у меня.

Экраны, занимавшие все стены и часть пола и потолка, мертвенно черны. Почти всё покрывал тонкий слой тысяче-летней, и вездесущей, словно реликтовое излучение, пыли. Судя по её состоянию на полу и пультах, никого живого здесь

не бывало очень давно.

Однако, когда я подошёл к центральному пульту, (А я решил не сразу. Всё стоял у входа – думал. Правда, не помню о чём. О тщете всего сущего?..) в кресле дежурного пилота обнаружил скелет. То есть, реальный скелет, а не мумифицированные останки, как было в гибернаторах.

Вероятно, этот человек был одним из последних, кто остался в живых. И решил встретить свой конец на посту, «в ботинках альпиниста». Наверное, Капитан.

Во всяком случае, на последнюю вахту он одел Парадный Мундир. Белый цвет в рассеиваемой только моими прожекторами темноте, несколько не выгорел.

Китель, почти как у наших военных: строгий покрой, погоны, лампасы на брюках... Даже фуражка на черепе с остатками коротких волос.

Сидел он, глубоко погрузившись в удобное кресло. Одна рука бесцельно свешивалась до пола. Другая прижимала к груди – вернее, животу – какую-то книгу.

Я сразу понял, что здесь-то Корабельный Журнал вели. Значит, хоть что-то выясним об этих несчастных.

Я подобрался поудобней, зацепился коленом за ручку кресла. (Мать их!..)

Со всеми возможными предосторожностями вынул покрытую пылью сморщенную книгу из-под неестественно длинных фаланг пальцев. Косточка одного из пальцев всё равно рассыпалась в труху, и в гнетущей тишине мои усили-

тели передали в наушник чуть слышный хруст и шелест. Но в сознании они отдались, словно чудовищный взрыв...

Проклятые нервы.

Хотя – чего я так переживаю? Ну, возможные предки, ну все мертвы... Для них я, похоже, уже ничего сделать не смогу. А впрочем...

– Мать. Если я пролистаю этот... Журнал, сможешь отсканировать и перевести текст?

В наушнике, навсегда вживлённого в другое ухо немедленно прозвучал её нарочито нейтральный голос:

– Конечно. Только опусти правую камеру пониже.

Я так и сделал. Основная камера у меня на правом плече. И разрешение у неё такое, что читать обычную книгу можно хоть с двадцати шагов. Камера же на левом плече предназначена для кругового обзора – общей, так сказать, панорамы.

Поэтому когда Мать дистанционно вращает её туда-сюда, сервомоторчик забавно жужжит – словно трудолюбивая пчёлка. Впрочем, ведь это так и есть: Мать заботится о моей безопасности даже больше меня самого. В том числе и поэтому я так храбро и нагло везде прусь: знаю, что тылы надёжно прикрыты, и если что – меня предупредят!

Или – за меня даже постреляют.

Я стал медленно и осторожно листать и просматривать Журнал. Всё – с самого начала...

Первые несколько страниц занимали сложенные в несколько раз чертежи. Схемы устройства помещений. Раз-

мещение всех коммуникаций и механизмов Корабля. Таблицы для обслуживания двигателей, насосов, криогенных установок. Ссылки на справочные материалы по устранению типовых неисправностей – в пяти томах. У меня и у самого такие талмуды есть. Ну, где-то в ящике рубки. (Правда, их куда больше – «Лебедь-то у меня посложней этого... Допотопного чудовища. Но... Никогда не пользовался. А на что у меня Мать с дроидом?!)

Дальше шёл текст – отпечатанный мелким шрифтом. А затем – и рукописный. Я листал.

На это ушло около получаса. Рукописных страниц оказалось больше пятисот. Последняя была исписана крупными корявыми буквами, и обрывалась, как мне показалось, на полуслове, да ещё зачёркнутом... Впрочем, может я и не прав.

После того, как Мать подтвердила, что текст скопирован и уже даже переведён, я ещё более осторожно подсунул Журнал обратно под руку скелета...

Сувениров, как опять-таки делают многие из наших, я с *этого* Корабля братъ не стал.

Просто отдал честь Капитану, потоптался рядом с ним, вздохнул, и убрался восвояси, прихватив дроида и ощущение тоски и утраты.

Люки Мать заваривала сама.

Санитарно-карантинная обработка снова заняла не меньше четверти часа.

Войдя в свою рубку, я первым делом спросил:

– Рассчитала, где база этого Корабля?

– Конечно. Это было нетрудно. Во-первых, именно туда летел челнок. А во-вторых, пока с тобой мы занимались Журналом, с дроидом и навигатором мы занимались их звёздными картами и курсовым столом. (Точно. Я слышал, как он там, в углу, копошится и шелестит.) Дорога займёт две недели. Вылетать?

– Да. Немедленно. А ещё выведи на центральный монитор текст журнала...

Я почитаю.

Вот этим я и занимался почти три дня. Ел, спал, работал на тренажёрах, и читал.

А остальные дни полёта пришлось уже только думать...

Планету свою они называли Земля. (Чтоб мне провалиться – почти все встреченные в Космосе расы, что гуманоидов, что не-гуманоидов, в этом не оригинальны: у всех – «Земля»! Только у гидроидов-амфибий – «Вода»!)

Книг по истории их Цивилизации, да и вообще книг, Мать даже с помощью дроида не нашла. Только справочники да таблицы. Видать, всё библиотечное хранилось в кристаллах-флэшках. А сами электронно-кристаллические носители за шестьдесят-то тысяч лет, конечно, разрушились. Здесь и видеомэгнитофон почему-то отсутствовал... Возможно, конечно, что его просто выбросили в космос. Ну, это мне, с

моим извращённым чутьём, так показалось.

В Журнале же первые, печатные, страницы, были посвящены только описанию конструкции и техническим параметрам Корабля.

Корабль оказался просто ужасен. (Конечно, с точки зрения нашего уровня техники и технологий.)

Максимальное ускорение, которое не разрушило бы его, не превышало трёх «Ж».

Собирали его, разумеется, в открытом космосе, на орбите возле «Земли». На это ушло, если документы не преувеличивают, «девять витков вокруг центрального светила» – т.е., конечно, «Солнца».

И, разумеется, это был «спецпроект», рассчитанный на «проезд в один конец».

Плохо. Если Корабль не многоразовый, и строители, и проектировщики обычно халтурят: запас прочности и живучести минимален. Материалы похуже, и аппаратура попроще. Чтобы, значит, подешевле – всё равно же на один раз!..

Про саму конструкцию Корабля мне и Матери практически всё прояснили чертежи в начале Журнала, и всё тот же отпечатанный текст.

Ну, что сказать – он и на второй взгляд казался нелепым порождением технологий, ограниченных примитивнейшими двигателями на ракетной (!) тяге. Располагались все дюзы в кормовой части этого гигантского «карандаша» длиной в добрую милю.

Но всё же главнейшая часть, для которой всё и делалось, сердце, которое придавало смысл всему Проекту – сами гибризаторы, и их системы жизнеобеспечения – всегда казались мне дикостью. И при этом – ненадёжной до дрожи...

Это каким же надо быть храбрецом (или – идиотом!), чтобы согласиться заснуть на десятки лет в этой консервной банке!

А если что случится в пути? А если откажет техника? А если при разморозке в мозгу (как это часто и случалось с бедными подопытными собачками, обезьянками, а затем и людьми!) произойдут «необратимые изменения»?! Проще говоря – человек проснётся полным дебилом?..

Конечно, чего отрешиваться – кое-кому и у нас лет пятьсот назад такая технология казалась чудесной панацеей, позволившей бы заселить Человечеством всю Вселенную... И я даже знаю о нескольких проектах весьма схожих по конструкции транспортов.

К счастью, до изготовления их в металле дело так и не дошло. Посчитали слишком дорогим и долгим. А главное, всё же – слишком рискованным, удовольствием. Так что и по экономическим, и по этическим соображениям проект заморозили.

А уж с открытием гиперпривода об этой идее вспоминали лишь историки космонавтики и медицины.

Из Журнала я, как ни странно, так ничего и не вычитал о причинах, вынудивших отчаянные три тысячи шестьсот де-

вятнадцать человек пуститься в долгое, судя по расчётам, не менее чем восьмидесятилетнее, странствие к соседней Солнечной системе. Зато узнал, как проходил сам полёт.

Стартовала «Надежда Человечества» (Вот именно: эта бездарная железяка – их Корабль – так гордо и называлась!) в каком-то там году по местному летоисчислению, которого придерживались на борту и в дальнейшем. Мне же Мать, для простоты и ясности, пометила первый день и год старта нулевыми, и в дальнейшем я так и отсчитывал даты – со дня старта.

Весь полёт был рассчитан на постоянное ускорение чуть больше двух «Ж». Иначе, с меньшим ускорением, или с инерциальной фазой в середине, лет ушло бы не восемьдесят, а триста... А на большее ускорение не был рассчитан корпус: усилить – значит утяжелить. То есть, больше и горючего. А горючее с окислителем и так занимало восемьдесят пять процентов общей массы корабля.

В первые несколько лет никаких особых приключений у дежурной смены офицеров, техников и инженеров не случилось. Все записи сводились к коротким и ясным:

– «8-00 по корабельному времени. Вахту принял. Подпись. Курс – ... Происшествий нет. Приборы и механизмы работают нормально. 16-00. Вахту сдал. Подпись.»

Согласен, не слишком-то информативно.

Основные поломки, случавшиеся примерно раз в год, касались систем жизнеобеспечения губернаторов: то трубо-

провод криожидкости лопнет, то насос откажет. Иногда случались замыкания и отказы компьютеров. Экипаж с ремонтом и заменой справлялся легко. Хотя то, что аппаратура, для которой изготовитель гарантировал «безаварийную работу в течении ста (!) лет», столь ненадёжна, и требует постоянного надзора и ухода, не могло их не напрягать.

Ещё бы: ведь сам бодрствующий экипаж периодически тоже ложился на два года в гибернаторы, после сдачи годичной смены!

К счастью, недоумком при пробуждениях стал лишь один человек. И, разумеется, так уж совпало, что им оказался старейший и опытнейший Главный инженер-механик...

Скандалов, революций, и прочего безобразия, связанного с психологическим стрессом, как это любят описывать писатели-фантасты, не наблюдалось.

Однако примерно (нет, не примерно – а точно!) на пятьдесят первом году и сорок девятом дне полёта, когда дежурила Первая смена, начались проблемы с подачей топлива в маршевые двигатели. И буквально с каждым днём перебои и вынужденные остановки их происходили всё чаще. Дело, как посчитали вначале инженеры и техники, было в том, что подключили пятый из восьми огромных топливных резервуаров. Переключение на другие оставшиеся баки, впрочем, не помогло.

А поскольку Корабль в это время уже производил расчётное торможение, возникла угроза проскочить мимо цели, ес-

ли не удастся наладить работу маршевых двигателей в штатном режиме.

– «12-45. Снова вышел из строя инжектор третьего Маршевого.15-35. Замена инжектора и чистка фильтра закончены. И.О. Главного инженера Перит Голоуст (Не знаю, что на самом деле означали их фамилии и имена. Просто привожу так, как они звучат в интерпретации Матери.) настоял на том, чтобы была указана причина поломки: некачественное и засорённое топливо. Так же он уверен, что вызвано это плохой очисткой топлива ещё на Земле. (...)

– 17-30. Переключились на седьмой резервуар. 22-55. Снова вышли из строя инжекторы второго и седьмого маршевых. Поставили модифицированные фильтры. 00-00. Вахту сдал. Корабль летит на семи двигателях из десяти. Ускорение – 2,4 «Ж». Пытаемся компенсировать потерю хода из-за сложной поломки третьего двигателя и производящегося в настоящее время ремонта второго и седьмого. Форсаж остальных маршевых – плюс сорок процентов. Вахту сдал...

– 06-25. Разорвало корпус топливного насоса номер шесть. Топливом залит до половины отсек Д-28. Откачали к 09-15. Замена насоса невозможна, так как не осталось корпусов на складе, и изготовить эту огромную отливку не из чего. Проложили трубопроводы к двигателю номер шесть от насоса номер пять с помощью тройника...»

Далее почти семьдесят из девяноста трёх страниц посвящены массе технических неполадок, констатации нехватки

запасных деталей для замены повреждённых, и описанию спешной подгонки и доводки для работы двигателей и насосов целой кучи подручных деталей и материалов. Инженеры и техники, конечно, старались, и проявляли чудеса изобретательности и самоотверженности, но...

Бедняги.

Сволочи Проектировщики! И Строители! И поставщики материалов и механизмов! Вот вам и «экономия полётного веса!...»

А число аварий и окончательно вышедших из строя механизмов всё росло. Дальше – хуже. Выяснилось, что топливо в оставшихся резервуарах не засорено, а просто разложилось. Или, проще говоря – испортилось из-за длительного хранения в условиях вакуума.

И предсказать заранее, что такое произойдёт, учёные «земли» не смогли. А для меня получилось – что они такие же тупые и самоуверенные твари, как проектировщики и строители...

Теперь экипаж понимал, что все они практически обречены.

Читать тексты отправленных домой радиogramм было обидно и больно: не надеясь на ответ, они старались предупредить «своих» о топливе, о ненадёжных насосах, о наиболее нужных запчастях, об отвратительных материалах и инструментах...

Чтобы, значит, те, кто рискнут попытаться полететь куда-нибудь ещё после них, не попали в такую же ж...!

Однако, ощущая свою ответственность за тысячи вверенных им жизней, они не собирались сдаваться: дежурная смена разбудила остальные две, и вместе они занялись фильтрованием топлива через осмо-мембраны, и много чем ещё, пытаясь за считанные оставшиеся дни найти решение проблемы, на которую дома были затрачены усилия пяти Университетов и тридцать восемь лет.

Читая об этом, я обливался потом, сжимал стальные кулаки, и медленно сатанел.

Приведу суть.

Пятьдесят первый год, сто девяносто третий день. Взорвался перегревшийся насос второго двигателя. Почти сразу – восьмого. Разгерметизация пяти отсеков. Погиб техник Лазар Нухот – он был без скафандра. Ремонт заставил отключить двигатели, и потерять без хода пять дней. После ещё двух дней работы двигателей в форсированном режиме в «плюс шестьдесят процентов», взорвалась тяговая дюза четвёртого маршевого: не выдержала теплоизоляция. Ещё два дня на латание дыр. Но заменить дюзу было нечем – так что нагрузка на остальные девять снова возросла...

Ещё через пятьдесят дней топливо, фильтровавшееся из полного в уже опустевший, но ещё не сброшенный резервуар, через всё те же мембраны, дало протечку. Это они её так назвали.

Я же почти видел в воображении, как могучая струя хлещет под диким напором из разорванного по шву трубопровода толщиной в мою ногу. Проникая из-за авральных трёх «Ж» во все кормовые отсеки, и заливая системы жизнеобеспечения, энергоснабжения и пожаротушения, и разъедая скафандры и тела тех несчастных, которые кинулись перекрывать вентили, спасать остальных, и всё равно – ничего не смогли сделать...

И хотя Капитан почти сразу отключил тягу, это не спасло чёртову «Надежду Человечества».

Разъело прокладки трубопроводов и ёмкостей с окислителем.

Детонация топлива, как вылившегося, так и остававшегося в баках, расположенных, к счастью, в корме, была такой, что ускорение по акселерометру достигало пяти всё тех же «Ж».

Ну и что, что для «безопасности» вся ходовая часть была отделена от жилой зоны обширным «пустым» пространством вакуума, и соединялась с ней только тоненькой коммуникационной трубой и ажурными фермами-кронштейнами?!..

То, что получилось в результате катастрофы, показывает и предусмотрительность, и одновременно глупость тех, кто проектировал Корабль.

Взрыв разнёс по Вселенной всё машинное отделение. Дюзы – сердце двигательной установки – оказались потеряны

безвозвратно.

Оторвало, вместе с креплениями и шлюзами, и унесло в Пространство оба орбитальных Модуля – то есть, челноки-транспорты, которые должны были спускать всех разбуженных Колонистов на Планету, когда закончился бы полёт.

А снаружи Модули крепились, чтобы «не занимать места внутри», и «служить дополнительной защитой от метеоритной угрозы». Ну не дурь ли?! А повреди *действительно* метеориты эти модули – на чём вы, кретины, собирались садиться на планету?! На «карандаше» длиной в милю?!

Девять десятых массы корабля пропали. Ядро: жилые отсеки с колонистами в гибернаторах, запасами кислорода, воды, и пищи для вахты, остались почти неповреждёнными – да, расчёты оправдались. Жилая зона «Надежды» со «сверхценной» начинкой из спящих колонистов, и всё оборудование криокамер, и жилые отсеки экипажа уцелели, выдержав пиковые перегрузки.

Но что толку с того, что всё это уцелело?!

Ведь эти выжившие, и кое-как залатавшие пробоины, несчастные инженеры, техники и офицеры не могли даже попросить о помощи! То есть, они-то послали запрос, и он пошёл на «землю», когда починили основную антенну... Но он шёл бы туда более двадцати лет.

И ответ, возможно, и пришёл бы – ещё лет эдак через тридцать-тридцать пять.

Ведь корабль, вернее, уже только его носовая часть – всё

ещё продолжала довольно быстро лететь. И её курса и скорости уже ничто не смогло бы изменить: в распоряжении экипажа остались только двигатели ориентации.

А всё, что они могли дать – ноль целых три десятых недо-ступного теперь, как снег в пустынях Ньюсахары, «Ж». Но всё равно – они-то, эти движки, работали до самого конца.

Да и неизвестно ещё – дошло бы их послание до Родины? Или рассеялось затухающей вереницей таких беспомощных в бесконечном равнодушном Пространстве электромагнитных волн...

Что и говорить – перспектива не из радужных.

Конечно, они всё равно не сдались. Снимаю шляпу перед их, пусть бессмысленным, но – мужеством. Да и чего я так разозлился... Злиться надо на идиотов, сформулировавших тупое Техническое Задание на проектирование и ключевые решения при строительстве чёртовой посудины. На дебилов учёных-инженеров-строителей-поставщиков. И – главное! – тех бессовестных Политиков, манипуляторов судьбами, кто послал «добровольцев» в этот практически самоубийственный полёт!

На остальных одиннадцати страницах Журнала были некоторые Протоколы Общих Собраний выживших членов экипажа. Судя по всему, эти Протоколы стали занимать, из-за неизбежной говорильни, такой большой объём, что Капитан приказал вести их отдельно. Но раз мы с Матерью не нашли их, значит он же посчитал нужным и приказать уничто-

жить все эти Протоколы.

Что там было, какие интриги и драмы разыгрывались между уцелевшими тридцатью шестью офицерами и рядовыми, какие мерзости и возвышенные слова о долге, чести и предательстве говорились – теперь никогда не узнать. Журнал же лишь скупо сообщал о фактах:

– «Пятьдесят второй год. Шестьдесят первый день. 08-00. Вахту принял... 08-30. Обнаружили ещё двух покончивших с собой: капрал Перс Хиддиг и рядовая первого класса Кармен Сьок. Тела отстрелены в 14-00, после гражданской панихиды (...) 14-50. Обнаружена утечка воздуха в сорок девятой секции палубы С. Обнаружить место течи и устранить её не удалось. (...) Секция перекрыта и запечатана. Давление в жилой зоне – ноль восемь нормы. Хайам Лятнес и Больва Туука с носовым кровотечением направлены в медотсек. 16-00. Вахту сдал.»

Так они и отступали, постепенно сдавая пространство своего крохотного Мирка чертовому неумолимому Космосу, надеясь, бунтуя, грызаясь между собой, вновь примиряясь для Высшей Цели – собственного, и всё ещё спящих Колонистов, *выживания*, и отчаянно веря, что, быть может, когда-нибудь... И что бороться надо до конца.

Беда пришла, откуда не ждали. И очень быстро. Всего через каких-то семьдесят семь дней.

Довольно обидно, когда люди на борту уже продержались

девятнадцать с лишним тысяч этих самых дней. Хотя... Прости меня, Господи – может оно и к лучшему.

Меньше бессмысленных мучений – и моральных, и физических!

Маленький (всего-то с горошину!) случайный метеорит сделал метровую дыру во внешней обшивке, и пролетел чуть дальше. Причём именно туда, где находились спасательные капсулы в своих шлюзовых тоннелях.

Взрыв запасов горючего первой капсулы разнёс ещё полтрюма, вспоров, словно консервный нож, по ...реново проваренным сварным швам дно «Надежды».

Так что никто не удивился самопроизвольному старту капсулы номер пять – всем было не до этого. Работ по заделыванию пробоин и спасению тех, кого ещё можно было спасти, хватило надолго.

Лишь потом, из прослушанной радиозаписи выяснилось, что на чудом уцелевшей пятой капсуле стартовала рядовая Норма Фаличчин, захватив погибшего при взрыве мужа, боцмана майора Фредрака Фаличчин. Пилотировать капсулу она умела. Да и любой член экипажа умел: узких специалистов среди команды не было.

Норма, использовав все резервы аккумуляторов шлюпки, обращалась по радио не к выжившим на Корабле (она считала себя последним живым человеком экспедиции!), а к далёким теперь ублюдкам из Правительства, пославшим почти четыре тысячи беспомощных «заложников железного гро-

ба» на верную смерть...

Текст послания в журнале, по словам Матери, был просто пересказан. Да и то – с большими купюрами. Цензура? Стыд?

Почему педантичный обычно Капитан удалил точные слова рядовой? Какие секреты и откровения там были?..

Но и в её сохранившихся словах не было любви – ни к Родине, ни к этим Большим Боссам.

Муж же её до последнего старался заделать трещину в трубопроводе основного кислородного резервуара «Надежды Человечества», отморозив обе руки... Прервать его усилия смог только новый взрыв – тогда-то он и получил осколок в затылок.

Даже попрощаться с этой женщиной оставшиеся на Корабле не смогли – с корпуса снова сорвало основную антенну. Да и других повреждений хватало.

Струя ледяной жидкости, а затем уже только газа из повреждённого кислородного резервуара, иссякнув, оставила жизни выжившим при этой, второй, аварии, девяти членам Экипажа лишь на сто дней: в двух маленьких ёмкостях, служивших для двигателей ориентации, сохранился «технический окислитель» – всё тот же кислород. Из всего пространства корабля теперь «жилыми» оставались первые пятьдесят метров – сохранившийся герметичным нос с рубкой.

После этого Капитан был вынужден официально признать бесполезными попытки спасти замороженных колонистов.

Им, даже если бы всех и разбудили, просто нечем было бы дышать.

Последние четыре страницы оказались завещаниями и прощальными письмами тех, кто решил не мучить свой дух напрасной надеждой, и тело – предстоящими неизбежными страданиями от удушья. Запасов цианида в аптечке хватило всем.

Это именно Капитан приказал девятерым выжившим писать прямо в бортовом Журнале. Он чувствовал, что к тому времени, как их смогут найти – свои ли, чужие – начинка Компьютеров выйдет из строя, и разрушится вся их память. Бумага – надёжней.

Я считаю непорядочным и недопустимым передавать то личное, интимное, о чём писали в свою последнюю минуту эти люди. Это касается лишь их, и их родных, оставшихся там, на далёкой Родине.

Поэтому приведу только часть того, что записал в конце сам Капитан.

– «Обращаюсь к тем, кто найдёт этот журнал. Не знаю, кто вы – наши далёкие Потомки, люди, похожие на нас, или чужеродные существа. Я хочу только, чтобы вы знали: мы честно и до конца выполняли свою работу. Свой Долг. И нет нашей вины в том, что бессмысленно погибнет почти четыре тысячи человек, причём погибнет, не просыпаясь... Мы, оставшиеся в живых, взяли на себя грех убить их, не приводя в сознание. Надеюсь, их души окажутся в раю – как му-

чеников, погибших по чужой вине.

Но нельзя всю вину за их смерть возлагать только на нас, экипаж.

Нет, часть ответственности лежит и на тех, кто, не выяснив до конца всех свойств нового топлива, послал нас всех в неизвестность – почти на верную гибель!

Другая часть вины лежит на нашем Правительстве. Да, теперь я не боюсь сказать: корабль был отвратительно подготовлен, и ужасно спроектирован и построен! На нём и его оборудовании преступно сэкономили! Оба спускаемых модуля (вычеркнуто). (...) Политика компании-подрядчика... (вычеркнуто)

Ничуть не лучше и «идейные» установки концепции Правительства: колонизации других миров «любой ценой», чтобы только «опередить возможных конкурентов-гуманоидов», не только сомнительна и рискованна! Она *преступна!* (..)

Ну и наконец, в нашей трагедии виновата и роковая случайность... Метеорит. (...)

Мы превысили расчётные показатели нашей техники, и она не выдержала. Техника – не люди. Ею не движет Долг и Идея. Идея движет нами, людьми. Это люди могут «превысить расчётные показатели», если так называть обычный подвиг... И для меня честь – сообщить вам, неизвестным спасателям, что экипаж боролся до самого конца. Боролся изо всех человеческих сил, несмотря ни на какие жертвы и по-

тери.

Выражаю всем, кто был со мной, свою глубочайшую благодарность и искреннее восхищение. Пусть то, что случилось с нами, послужит уроком всем разумным существам.

Ведь покорение Вселенной – не то, что, например, «открытие полюсов» и прочих белых пятен родной планеты. И «спасательная партия» не придёт, если передать СОС.

Здесь, в космосе, командир несёт ответственность не за кучку наёмных проводников-эскимосов, фанатиков-единомышленников, и близких друзей-полярников, или спутников. Но за – тысячи доверивших ему свои жизни самых обычных людей, которые не могут нам, специалистам, помочь в полёте *ничем...*

И ещё хочу высказать своё личное мнение: колонизация Вселенной ТАКИМ способом – бред и самое настоящее *вредительство!* Нельзя покорять пространство *во сне!*

Ещё раз хочу попрощаться с матерью. Хотя она, наверное, давно... (зачёркнуто).

Люди! Не суйтесь в Дальний Космос, пока не освоите сверхсветовую скорость! И стройте корабли как можно более надёжными и прочными! И не экономьте на этом! (...)

Родина же, которая требует от своих сынов *перманентного, ежеминутного подвига* – просто... (зачёркнуто)».

Вот уж домыслить последнее слово труда не представляло!

И я был полностью согласен с этим мужественным Челом.

веком с большой буквы.

Теперь мне, как порядочному гражданину своей цивилизации, пожалуй, придётся-таки опубликовать... или хотя бы донести до всё того же Натана и вояки Джонса, все материалы, которые я так неожиданно получил. Да и в Правительственных кругах у меня определённые связи имеются... Хотя бы всё тот же г-н Госсекретарь. Бывший.

Но всё во мне так и клокотало... Так что моему спарринг-партнёру, этому несчастному робо-ли, изрядно досталось, пока мы летели туда, куда надо. Хотя физические нагрузки не могли помешать мне думать, думать... Да стискивать челюсти. Так, что зубы скрипели. И кулаки. Хорошо, хоть между моими стальными пальцами ничего не попало в такие моменты.

Материалы о «Надежде» я до своих учёных и военных клиентов, конечно, доведу.

От того, что они пошлют экспедицию и к кораблю, и к челноку, мой маленький бизнес не пострадает: я могу порыться в любом другом уголке бесконечного Пространства, не скованный сном или бюджетом... А вот чёртово Человечество предупредить надо.

Хотя бы о *последствиях* безмозглого стремления к достижению Цели *любой ценой*.

Вот такие, и многие другие мысли и посещали меня по дороге к предполагаемому месту этой самой жестокой «Родины». Боссы, мать их... Так хотелось взглянуть в их подлые

глаза!

Или, если они дадут мне хоть малейший повод, разнести их с...ный Дом Правительства к чертям собачим! О-о! Вот уж я бы им!..

Чтобы не подавали людям – да и вообще – разумным существам! – Вселенной ОТВРАТИТЕЛЬНЕЙШИХ примеров!

Взглянуть в глаза не удалось.

Да вы уже, наверное, и сами обо всё догадались.

Раз никакой спасательной экспедиции, забравшей бы тела с погибшего Корабля и челнока, не прилетело – значит, неоткуда было лететь. И некому.

Даже спустя шестьдесят тысяч лет голая и кое-где ещё заледенелая поверхность планеты говорила о том, что очень много ядерных фугасов поднимают в атмосферу ну очень много пыли... А это неизменно ведёт к ну очень продолжительной ядерной зиме, в свою очередь вызывающей внеплановый Ледниковый период. Ну очень продолжительный. Вызывающий в свою очередь глобальное вымирание. И растительного, и животного Мира.

Ни следа не то, что разумной – а и вообще никакой деятельности нигде не обнаруживалось. Правда, уровень радиации уже спал до нормы.

Ещё бы. За шестьдесят-то тысяч лет.

Из живого мы благодаря зондам нашли только бактерии

да вирусы – под ледяным панцирем Океанов. Да и тех – в виде спор.

Сканнеры Матери, конечно, нашли и полости подземных Бункеров, и погребённые под многометровыми сугробами и земляными наносами руины городов.

Мне было до того тошно спускаться туда, что Мать повела челнок с дроидом сама, и они раскопали и пробурили скважину к более-менее целому и большому Убежищу.

Дроид, аккуратно объезжая сохранившиеся замёрзшие мумии, скалящиеся жёлто-зелёными зубами черепов, лежащие около шкафов и столов с компьютерами и прочим оборудованием, за пять дней добыл и отснял на месте массу документации. Мать её прочла. Суть сообщила и мне.

Ей нетрудно было вычислить, что случилось то, что случилось, через тридцать три года после старта «Надежды Человечества». А всего кроме неё, стартовало ещё три экспедиции на таких же, или чуть улучшенных, кораблях. Так, методично, через каждые десять лет, по мере строительства других Кораблей, их и отправляли бы...

И вовсе не к уже разведанным и годным для колонизации планетам, как я по наивности думал вначале.

А наугад!

Наудачу!!!

Ну, вернее, не совсем, конечно, наудачу.

Их техника позволяла выяснить, есть ли у светила, куда полетит Корабль, планеты.

И – всё!

Они даже не могли определить, есть ли на этих планетах атмосфера! И подойдёт ли эта атмосфера людям! Они, как показали секретные архивы, были готовы основывать колонии даже на таких безатмосферных небесных телах, как, например, наши Луна или Марс!

Хотя *как* они собирались это делать – не представляю! Ведь запасов кислорода на кораблях для всех колонистов было – лишь на несколько лет.

Может, надеялись добыть его на месте?!

Интересно, откуда?!..

Дикая логика! Недоступная человеческому пониманию!

Во всяком случае, моему-то точно.

Потому что Мать очень быстро вправила мне мозги по поводу «Человечества» и «понимания».

Второй из запущенных Кораблей предполагалось направить в сторону Солнца.

Нашего Солнца. Именно в то место, где оно было шестьдесят тысяч лет назад.

Да собственно, оно и сейчас почти там же. (По космическим, конечно, меркам!)

Мать рассчитала, что если бы полётное ускорение достигало трёх «Ж», лет этак тысяч за двадцать эта махина могла бы долететь... Конечно, если бы не тормозила, а только разгонялась, и летела по инерции на максимуме достигнутого – под ноль девяносто девять световой.

Но – как же?!..

Как им удалось проспать тридцать с лишним тысяч лет?! И как они смогли потом затормозиться?!.. Разморозиться?! И где тогда остатки корабля и всего остального?..

Неужели мы – и правда: потомки этих придурков?! Я всё спрашивал Мать, словно она всесильна, и знает всё.

На мои вопросы она всё ссылалась на вероятность... да возможность... В долях процента.

Вот я и спрашиваю всех вас, читателей этих чёртовых меуаров: нравится вам быть потомками таких околпаченных хвастливо-патриотичной пропагандой, ослов?! Которых посылали сытые и обеспеченные всеми возможными земными благами Бюрократы, истово пропагандировавшие облапошенным лохам «воздержанность и терпение во имя Долга Перед Человечеством», и «готовность на Подвиги во имя Отчизны?!»

И вот, печальный, но такой логический итог: те, кто послали своих граждан на почти верную смерть, сами даже не смогли сберечь собственную планету и Цивилизацию! Хотя никто, кроме них же самих, не заставлял воевать между собой!

Это насколько же надо не любить самих себя?! И – главное! – тех, кто доверил вам, отожравшимся лицемерам, протирающим морщинисто-жирными задами казённо-тёплые кресла, ублюдкам, краснобайствующим гнидам, свои жизни и судьбы?!

Несчастные «избиратели»! Кого вы посадили себе на шею?!

А главный вопрос, который меня всё время мучает – а мы-то... Чем лучше?

Смогли ли тридцать тысяч лет дикости и первобытнообщинного строя, до которого скатились выжившие каким-то чудом пра-предки, хоть чему-то нас научить?..

Вот эту-то мысль я и попробую вскоре, вернувшись, «продать», вместе с координатами всего этого космического свинства, доку Натану и вояке Джонсу. Да и ксеносоциологам и историкам-антропологам из Нью-Йоркского Университета Внеземной Истории.

Как считаете, они её оценят?

Ничего – если не оценят, я знаю подходящее Издательство, где за мои кровные мне напечатают и не такое...

Пусть даже в виде фантастики – *это* дойдёт до людей. Пусть знают. Думают.

И Выбирают. И Избирают...

Разве не мозг и «свобода выбора» отличают нас от безмолвно терпящих *всё* баранов?..

8. Черви и мокрицы.

Выглядели они довольно глупо.

Толстенные белые трубы-колонны, выроставшие прямо из

земли, и завершающиеся чем-то вроде метёлки из белёсых – не то волос, не то – щупалец-псевдоподий. Вернее, росли они не совсем, конечно, из земли – а из чёрного скального пола пещеры. Они торчали кверху, словно обрубки странных деревьев, на четыре-пять, а кое-где и на пять-шесть метров. До потолка, утыканного сталактитами из почти такого же по цвету молочно-белого, чуть с желтизной, известняка, не доходила, правда, ни одна труба.

На ощупь обрубки казались мягкими и скользкими. И были полупрозрачными.

Когда я подносил прожектор поближе, становилось видно, что они и правда, почти прозрачны, и внутри есть что-то, ну очень похожее на желе. А ещё полно каких-то тонких прожилок, по которым что-то бело-голубое течёт.

Вообще-то, больше всего это разветвлено-текущее хозяйство напоминало корневую систему дерева, проложенную сквозь молочно-матовое оргстекло.

Осторожно, а затем и не очень, я попинал ногой ближайший мягкий «ствол». Он, упруго прогибаясь, отозвался дрожью по всей своей высоте, метёлка наверху закачалась, и... Больше ничего не произошло.

Я хмыкнул.

– Мать! Ты это и имела в виду, когда сказала, что «наблюдаются признаки сложной органической жизни, и весьма активной деятельности»?

– Не совсем. Просто ты своим грозным видом распугал

всех тех, кто, как мне кажется, обслуживает эти... э-э... существа. Пока, кстати, не могу определить, что это такое: растения, черви, или что-то вроде наших земных губок... Отбери-ка пробу.

Мне это предложение не слишком понравилось. Я буквально чувствовал кожей на затылке, как за мной наблюдают. Что тени и зловещие скрежещущее-скребущие звуки в глубине пещеры, и в норах, усеивающих нижнюю часть стен, имеют отношение к крупным насекомоподобным тварям. Которые, действительно, заметив свет моих фонарей, поспешили скрыться в спасительную темноту. Впрочем, может этих, явно кусачих, созданий напугал звук сервомоторов: они у меня в экзоскелете мощные, и ревут как динозавры в брачный период. Что должно быть особенно хорошо слышно здесь, под гулками сводами.

Так что я не горел особым желанием повредить каким бы то ни было образом предметы не то поклонения, не то обслуживания неизвестных членистоногих. Однажды на Им-пале-4 мне уже приходилось спасаться бегством из почти таких же пещер... Хорошо хоть, не встречался нам пока хитиновый панцирь, способный устоять против лазеров, плазменных пушек, и пулемётов с бронебойными, или фугасными пулями.

Да и зря убивать я не люблю. Даже насекомых.

Хотя во всех любимых детьми шутерах-стрелялках именно они, да несчастные гоблины – главные враги и «какашки».

И за попадание в них дают очки и бонусы...

В жизни всё не совсем так. Стараюсь, особенно сейчас, набравшись опыта, и повидав, как говорится, виды, пока не нападут сами – никого не трогать. Наша, скрапперов, основная задача тихо и по возможности мирно позаимствовать на планете чего поценней, и так же тихо и незаметно свалить к такой-то матери... По возможности же – не нарушая Законы. И чтоб уж точно не было претензий со стороны Колониальной Администрации, или – полиции.

Тем не менее, работа есть работа. Чтоб что-то позаимствовать, нужно вначале убедиться, что оно безопасно, и действительно представляет интерес. Так что пришлось достать из набедренного кармана контейнер, и отскоблить ножом немного слизи со «ствола» метровой толщины. А затем и вырезать круговым движением конусообразный кусок мягкой субстанции «оргстекла» вместе с наружной, оказавшейся довольно плотной, как бы кожей.

Снова ничего не произошло.

Я спрятал контейнер на место, и отошёл к стене, где «заросли» столбчатых стволов казались пореже.

Прикинул точку наилучшего обзора. Влез на камень у самой стены, и достал молоток и штырь. Вбил с двух ударов. Закрепил камеру. Передвинулся на десять метров. Установил вторую камеру...

Короче, я обошёл по периметру всю немаленькую пещеру, и натыкал двенадцать камер и микрофонов. Расставил и

остальные приборы – всё, как говорила Мать. Она у меня девушка основательная, и любит материал, поданный на блюдечке.

Пролезть в экзоскелете в узкий лаз, ведущий, судя по всему, во вторую пещеру, и дальше, в целую их систему, о которой любезно доложила моя напарница, изучив данные сканнеров, оказалось абсолютно невозможно. Поэтому я посмотрел на планшете, как этот, не то природный, не то – искусственный комплекс узких коридоров и полостей разнообразных формы и размеров, извивается, и уходит ниже, образуя сложную трёхмерную паутину-лабиринт у меня на экране, щёлкнул климатизатором, чтобы высушить пот со лба, и чертыхнулся – для вящего успокоения своей «тонкой» нервной системы.

После чего «смело» вернулся на челнок.

Санобработку Мать проводила усиленную. И скафандра, и ножа, и контейнера – снаружи.

Внутренность же его и начинку будет изучать блок нашей чертовски дорогой аналитической аппаратуры в лабораторно-медицинском отсеке. После чего, как обычно, сам и сожжёт все эти пробы в пламени плазменной горелки – «для вящей безопасности».

Мать, как вы, наверное, помните, центральный компьютер у меня на корабле.

Мы с ней скрапперы. Не постесняюсь уже и её причислить к этой весёлой и опасной профессии. Она столько раз выру-

чала как советом, так и действием, что и не упомяну. Вероятней всего, только благодаря её заботам я и жив до сих пор, и продолжаю рыскать по Вселенной, словно гончая, и совать свой любопытный нос везде, где его могут прищемить... А иногда – и прищемляют.

Да, собственно, и все остальные скрапперы занимаются тем же: пытаются обогатиться за счёт собираемых, или даже с боем взятых артефактов, полезных ископаемых, и даже остатков Чужих кораблей и аппаратов... Продать всё это можно и бравым армейским ребятам, и учёным разных Университетов. И, разумеется, дороже всего – коллекционерам-маньякам, помешанным на ксеносувенирах. А иногда и ксеноморфных супер-зверушках... Если можно этих жутких монстров, злобных засранцев, и капризных тварей так называть.

Пусть даже наши избалованные материальным достатком собиратели эксклюзива не изучают ксенофауну на предмет освоения новых технологий и выявления привычек-поводок, зато любят похвастать перед другими заклятыми «друзьями-толстосумами»: «Вот, мол, смотри: этот панцирь жука-корсара с планеты Рассадник Монстров-8 в системе Малый Лебедь – 6/4296. А это – предмет культа туземцев Нути, с планеты Ворс-2... А эта пташка – с Дзеты-11 Малого Лебеда... Питается, кстати... местными обезьянами! А с Большого Лебеда-3 у меня морушки – у-ух вы, лапочки мои плотоядненькие!»

Пусть непонятно, зато престижно: у учёных нет, а у меня – хе-хе!..

Пока я мылся и ел, Мать отслеживала происходящее в пещере, и присматривала за приборами, проводящими анализы. Да, это приходится делать: наши дорогие и капризные паршивцы, как видят что-то неизвестное, так и норовят испортиться, и только верещат:

– «Нарушен оптимальный режим работы!», «Реагент Цедвенадцать закончился!», «Необходим ремонт, и перезагрузка программного обеспечения!»

Вот именно – тьфу!

Челнок я на этой планете посадил как раз у самой крупной пещеры. А всего таких странных пещер с «активной деятельностью» имелась пара десятков – по всей поверхности суши, ближе к экваториальным областям. (Любители тепла там, что ли, живут?)

Мать ещё на орбите, изучив снимки со сканнеров, сказала, что в удалённых от поверхности полостях происходит нечто весьма любопытное. Видно вполне сознательно-целестремлённое передвижение живых существ. А поскольку сканнеры не различают, что это за существа, мне пришлось протаскать свою драгоценную задницу, нагруженную целой кучей всякого оборудования, около мили по извилистому ходу – чуть ли не на полукилометровую глубину. И всё это в пещере расставить и развесить.

А самое главное – всё это нам, на самом-то деле, и не нуж-

но. Уже и так ясно, что на поверхности планеты гуманоидов нет, а уж про недра пещеры с такой концентрацией метана, сероводорода, аммиака и прочих жутко вонючих газов и выделений, что обнаружил наш газоанализатор, и говорить не приходится – тут, как говорится, сдохла бы и самая живучая скотина...

Значит, нечего рассчитывать на артефакты, назначение которых будет понятно (Или – не понятно. Такие, конечно, тоже продаются... Но куда дешевле.) и интересно всё тем же любимым клиентам.

Однако Мать настояла, чтобы я разместил всё, что положено, там, внизу. Да ещё и сделал это лично, а не с помощью дроида. Дроид у меня – учёный. Нет, не в том смысле, что помешан на Науке, а в том – что научен горьким опытом. Однажды по его вине нам чуть не сгрызли челнок огромные стаи мраморных муравьёв, которые погнались за ним. А ещё бы им не погнаться, когда он уволок одно из их яиц, посчитав за «изделие туземцев»!

Так что теперь, после перепрограммирования, дроид бежит только от одного вида любых тварей, хоть отдалённо напоминающих насекомых. Причём – неважно, каких размеров. Главное – чтобы лапок было не меньше шести.

А здесь как раз такие и водились.

Мать пригласила меня, как она изящно выражается, «ознакомиться».

Теперь, после того, как исчез источник яркого света, они

наружу повылазили.

Ну один в один – мокрицы. Только здоровенные. Размером с хорошую собаку. И что-то активно делают с белыми столбами. Мать прокомментировала:

– Вероятней всего, это симбиотическое сообщество насекомых, и простейших – из подвида вроде земных гидр, или губок. Губки с помощью внутренних микроорганизмов перерабатывают субстрат, сероводород и метан из атмосферы, и что-то ещё, что в них постоянно засыпают и закладывают. Перерабатывают в пищу для мокриц. Вон – видишь, некоторые существа слизывают капли жидкости, выделяемые столбами, а другие загружают некую органическую массу через боковые щели – внутрь столбов.

Действительно, всё было отлично видно – теперь, когда Мать могла всё замедлить, и приблизить так, что мокрицы занимали весь трёхметровый экран, а тонюсенькие щели в боках «столбов» стали размером с Гранд-Каньон.

Камеры у нас отличные. Как и остальная аппаратура: всё самое дорогое и «продвинутое». Ещё бы: предупреждён – значит вооружён! А уж оружия на каждом скрапперском корабле – о-хо-хо! Хватило бы на маленькую войну с парой планетных систем.

Вот и «любовался» я теперь, как полуметровые мокрицы деловито обсасывают концы тонких как бы щупалец, повылазивших из колонн на уровне моего колена, и отсвечивающих шариками жидкости там, где её ещё не слизнули. Стран-

но. Когда я был рядом – ничего такого не видел. Может – эти колонны втянули свои «отростки» из-за яркого освещения? Или – по чьему-то сигналу?..

Состав жидкости Мать определила с помощью масс-спектрометра и хроматографа. Какая-то сложная смесь белков, полисахаридов, и кучи ферментов. Мне это ничего не говорило.

– С вероятностью восемьдесят восемь процентов, кроме еды для мокриц эти живые реакторы вырабатывают что-то ещё... Оно глубоко внутри, и отсюда я не могу определить состав и назначение. – я про себя позлорадствовал: ну надо же! Оказывается, кое-чего здесь недопонимаю не один я...

– Не удалось дистанционно определить, что приносят в подлапных мешочках, и загружают в узкие щели в стволах некоторые мокрицы. Выяснить, что это, представляется крайне важным, поэтому...

Конечно, я напрасно так ехидно ухмылялся.

Мать потребовала образец. А я, в соответствии с традициями, отказался.

Делать мне больше нечего – вот только лезть снова в чёртову дыру лишь для того, чтобы моя напарница постигла тонкости местного биоценоза:

– Я что – чёртов ксенозоолог?! Когда же это я переквалифицировался?

– Да с тех самых пор, как мы начали заниматься нашей теперешней профессией. – нагло так отвечает моя хозяй-

ка на довольно сердитый вопрос, – Ты же первый поднимаешь крик, когда выявляются упущенные нами возможности, и обнаруживается недополученная прибыль. А такое, если вспомнишь, уже бывало.

Блин. Точно – бывало. Вот, например, лет пятнадцать назад, когда мы ещё не были так хорошо оснащены, и не раскидывались временем на подробные исследования, мы посчитали хроско всего лишь никому не нужным... э-э... Побочным продуктом. Вроде, как гуано у птиц. Даром что его исторгали из себя огромные медузы, которые там плавали прямо в желеобразной аммиачно-водородно-первичной-и-какой-то-там-ещё атмосфере...

А вот экспедиция доктора Натана из Массачусетского Технологического, побывавшая на Зороастре-3/6901 после нас, и с нашей наводки, вычислила, как с помощью этого «отхода жизнедеятельности» сделать смазочные вещества практически вечными, и не боящимися даже прямого огня. И вот они взяли патенты, и куют деньгу, а мы...

Впрочем, мы не так уж и прогадали – после этого продаём им координаты открытых нами «перспективных» планет куда как дороже.

Да и вообще – грех жаловаться: мы обеспечены. Деньги вложены и в недвижимость, и в разные проекты, и просто лежат себе в банках. Девяти планет. А мы всё летаем... Ловим Госпожу Удачу за хвост. А скорее, как я сейчас, ближе к пенсии, понимаю – развлекаемся.

Ну, поскольку мы не последний кусок хлеба с солью (тьфу-тьфу!) доедаем, время и возможности у нас теперь есть. Так что Мать не мешает мне ковыряться в разных руинах в поисках артефактов, а я не мешаю (а вернее – помогаю) ей, когда она изучает местную флору-фауну. Всё равно потом мы продадим собранную информацию в Университет Ксенозооморфологии. Ну, или в Ксеноленд, как теперь изящно называют зоопарк.

Это – если для себя ничего не нароем. А нароем – так и это продадим!

Странную субстанцию, которая так заинтересовала Мать, приносили только из глубины – из боковых нор пещеры. Поэтому подумав, мы послали-таки дроида, опять его перепрограммировав. (Ну, вернее, просто временно заблокировав его блок самосохранения.)

И вот, сидя в безопасности у экранов, я не без удовольствия наблюдал, как наш бравый вояка на гусеничном ходу въехал в зону действия камер, схватил манипуляторами одну из мокриц, и, по команде Матери, перевернул вверх ногами. Тряс он её весьма активно – как терьер крысу.

Нужная нам труха высыпалась на скальный пол. Дроид отпустил бешено перебиравшую десятью лапками тварюгу, и собрал труху в контейнер. Затем подъехал к ближайшему стволу, и глубоко запустил манипулятор с другим контейнером вовнутрь – сквозь одну из оставшихся открытой боковых щелей. (Ну правильно: с тепловизором дроиду не

нужны, как, скажем, мне, прожектора.) Я увидел, как он выпущенным телескопическим кронштейном достал до самого дна. После чего мирно втянул его и манипулятор, и уехал себе восвояси.

– Мать, – говорю, – Что-то всё уж слишком гладко прошло. Мне это не нравится.

– Согласна. – отвечает моя умница, – То, что его не преследуют, нетипично. А то, что не пытаются уничтожить, вообще ни в какие рамки не лезет. Групповые сообщества вроде пчёл или муравьёв, при нападении на одного из членов семьи, или попытку стащить тот же мёд, улавливают выделяемые особями, отвечающими за охрану, феромоны, бросают все дела, и кидаются на защиту. Вернее – на полное уничтожение врага-агрессора...

Так что есть два наиболее вероятных ответа, почему сейчас этого не произошло. Но они оба тебе не понравятся.

Вот это мило! Когда она в прошлый раз так сказала, нам с любимым дроидом пришлось, бросив всю исследовательскую аппаратуру, *очень* спешно уносить ноги с чертовски перспективной планеты. Но – успели. И поэтому живы и функционируем. А аппаратуру купили даже получше. Так что я подобрался, и даже в кресло у пульта сел и пристегнулся – мало ли...

– Ну, – говорю, – теперь выкладывай!

– Да, очень смешно. – говорит она, – Я оценила твою реакцию, как адекватную на моё косвенное предупреждение.

Но пока нам ничто не угрожает непосредственно.

– Уже хорошо, – говорю, отстёгиваясь, – Ладно, пошутили и хватит. Рассказывай, что за два чёртовых ответа.

– Первый подразумевает отсутствие естественных врагов у этих мокриц, и, соответственно, они утратили рефлекс оборонительных действий.

– Что же здесь такого плохого?

– Да то, что обычно такое происходит с теми организмами, которые или – очень ядовиты, или – являются доминирующими хищниками, которых заведомо все боятся. Ну, как, например, шершни. Или – яркие тропические лягушки. Значит, мокриц-то уж точно на челнок брать не стоит. – я молчал, переваривая. Она же, убедившись, что возражений не последует, продолжала:

– Ну а второй вариант ещё «круче»: вся эта экологическая система управляется извне.

И что мокрицы, что «трубы», – только винтики, не обладающие излишними для своей специфической работы рефлексами и мышлением. И всё вместе – является своеобразной биофабрикой, вроде тех, что мы встречали на Эмбусе-1. – да, там действительно были настолько сложные симбиозы и экологически-этологические взаимосвязи, что я, так и не разобравшись до конца, всё это продал доктору (не в смысле – врачу, а в смысле – светилу от Науки!) Элизабетт Фонтан*a* из Университета Джона Гопкинса: она была в восторге... Хотя денег заплатила мало: пользуется, зараза, своей неотразимой

красотой! От которой в восторге уже я. Впрочем, я тоже не в накладе. После того, как мы продали в «рабство» Иву, я...
Одинок.

Потому что, при всём уважении, с Розамундой не поговоришь по душам. И не подерёшься, как бывало... Нет, свою работу она, конечно, исполняет, если про *это* можно так сказать, добросовестно, но... Вот именно: *не то* это!

Но вернёмся, как говорится, к нашим баранам. Вернее – мокрицам.

– Ты это серьёзно?!

– Уж серьёзней некуда. Я эти чёртовы управляющие сигналы ловлю каждые три часа. Они идут на частоте ультракоротких волн, и покрывают всю поверхность планеты. А приёмные антенны биофабрик, если я правильно вычислила, находятся прямо над каждой пещерой. И передают сигналы по кабелю вниз, на глубину около полукилометра. Там, как я понимаю, и находится командный центр каждой колонии-симбионта.

– А почему же ты раньше молчала об этом?!

– Хотела сделать тебе маленький сюрприз.

– Ну... Считай – сделала!.. А если серьёзно – почему молчала?

– Хотела убедиться наверняка. А главное – сигналы расшифровала: для нас опасности нападения нет. Нас не обнаружили, и всё так и работает в штатном режиме. Похоже, управляет всем тоже компьютер. Вроде... меня, только го-

раздо примитивней. Поэтому на посторонние функции, вроде обнаружения всяких скрапперов с их корабликами и дроидами, не запрограммированный. (А зря: это избавило бы и его, и его хозяев от проблем, которые ты наверняка захочешь им доставить.) Словом, тут простейшая автосистема, регулирующая производство автоматически.

– Ладно, на этот раз ты прощена – я уже не сержусь. Но что же это такое они там такое производят, жутко сложное и биологическое? И что за проблемы, которые я захочу им?..

– Ещё не знаю. Процесс анализа не завершён. И испытать компоненты не на ком. (Ещё бы! Я ей сразу сказал, что никаких мушек дрозофил, или белых мышей на «Лебеде» не потерплю!)

Но уж озадачила она меня, так озадачила!

Значит, тут есть некто, заставляющий винтики крутиться, и зверушек-рабов что-то полезное и ценное для себя добывать, или вырабатывать!

Чёрт. А можно подумать – я сильно удивлён? Ха! Разве я сам, и многие наши – не поступают так же, когда находят, скажем, планету с ураном? Или другими редкоземельными?

Сидят себе в безопасности на орбите, а автоматические железные кроты-обогащители роют, обогащают, загаживают местную природу, и прочее «экологическое состояние» безобразными отвалами. Иногда даже при активном, (но, конечно, абсолютно неадекватном) противодействии со стороны местных примитивных аборигенов. (К планетам с не-при-

митивными средствами обороны скрапперы не суются. Себе дороже обойдётся!)

При этом все такие горе-добытчики ссылаются на то, что глуповатые туземцы их машины всё равно примут за «божий промысел, насланный в наказание за какие-то-там-грехи», и через тысячу-другую лет напрочь обо всём забудут. Да, как ни стыдно признаться, пару раз, в начале карьеры, я и сам... А вот теперь – никогда! Даже все эти обогатители-конвертеры перепродал, и обхожусь одним дроидом.

Так что я, пофыркав, остыл. И сказал, услышав зуммер:

– Ну, что там с анализами?

– Белые трубчатые организмы – это черви. Почти такие, как те, что у нас, на земле, растут на дне океанов. В пещерах для них влаги достаточно. Да, немного великоваты, но их явно вывели искусственно. (Так же, впрочем, как и мокриц.) Делают эти черви, как я и говорила, две вещи: кормят мокриц, и производят... Довольно странный продукт.

Назовём его пока – «Икс».

Субстанция же, которую им таскают из глубин пещеры – довольно сложная поликомпонентная биосмесь из белков, углеводов, липидов и аминокислот, напоминающая составом навоз и торф в смеси с... э-э... (чтобы тебе понятней было) – земным мумиё. Получить такую странную субстанцию можно только искусственным путём: кое-что здесь *явно* продукт жизнедеятельности.

– Ты что, хочешь сказать, что внизу – *ещё* какие-то «жи-

вые реакторы»?

– Да, именно так.

– И что они из себя представляют?

– По моим расчётам, они очень... напоминают людей.

А основа субстанции – подсушенные и ферментированные грибочками... Хм-м... Отходы их жизнедеятельности. Продукты диссимиляции. Фека...

– Чёрт! Могла бы проще сказать – д...мо!

– Ну... Если это примитивное слово больше тебя устраивает... – чувствую, надулась.

– Ладно, Мать, извини. Погорячился. – мы помолчали, – А почему ты думаешь, что это... э-э... то есть – этот продукт переработки... Получен из организмов вроде людей?

– Потому что в меня, если вспомнишь, заложены данные всех ксено-, зоо- и геологических справочников, и учебников, когда-либо издававшихся в освоенном человеком пространстве. И дедуктивно-аналитические программы у меня самые лучшие.

Она права. Я сам и скупаю все эти новейшие программы и чипы-флэшки с книгами. Зато иногда (когда она не слишком выпендривается своими мозгами и знаниями!) я даже горжусь ей: сколько раз она утирала нос другим скрапперам и их бортовым Компьютерам! А однажды даже самого дока Натана с его Университетской «Умницей» уделала!

На обдумывание ситуации у меня ушло полторы секунды. На почёсывание затылка – три.

– Так что – получается, на нижних уровнях содержатся в рабстве... Люди, которых чем-то обильно кормят... Они еду переваривают... Вырабатывают отходы... А затем кто-то обрабатывает их... э-э... помёт, и, сдобрив этими... как их... грибами и торфом, скармливает белым червям?

– В точку! Видишь – ты весь в Мамочку. Стоит немножко напрячь головку – и ты...

– Ну-ка, замолчи! – «Мамочка»... Блинн. Вот построил ей блок юмора на свою голову. Думал, и ей не повредит, и мне будет... занятно. Какое, к чертям, занятно – просто издевается иногда! Причём – постоянно.

– Есть ли шансы, что эти... люди-переработчики... когда-то населяли поверхность планеты?

– Вероятность этого более восьмидесяти девяти с половиной процентов.

– И как давно их... К-хм-м!... загнали под землю, и превратили в «механизмы для переработки»? (А она права! Я чувствую настоятельную необходимость «вмешаться» в работу биофабрик, а особенно сильно – хочу найти этих... Посылателей сигналов. Чтоб задать им пару вопросов, и, возможно – создать пару проблем!)

– Не более полутора тысяч лет. И не надо пинать хорошую мебель... А почему, собственно, ты так завёлся? Вы же, Homo Сапиенсы, используете коров, овец, свиней, кур, да и десятки других видов! И многих чуть ли не насильно (а иногда – и насильно! Как не вспомнить гусей, в которых буквально

заталкивают корм, чтоб увеличилась печень для «фуа-гра»!), откармливаете и пасёте. И их... «отходами жизнедеятельности» поля удобряете. А вспомни те же дрожжи – они тоже живые, между прочим! А при выпечке хлеба – умирают! И их трупики потом «аппетитно» похрустывают у вас на зубах.

А лён? А натуральный хлопок? А сахарные тростник и свёкла, и подсолнечное масло?

Всё это вы едите, выдавливаете, косите, стрижёте, ткёте – для одежды или канатов. И согласия у этих организмов не спрашиваете! И селекцию проводите – на самых шерстистых, беконных, масличных и сахаристых, и...

– Замолчи сейчас же! Иначе я возьму в ангаре лом, и выворочу к чертям собачьим твой чёртов блок юмора прямо сейчас!

Отработав три часа на тренажёрах, и с робо-ли, я вымылся и пообедал.

Пораскинув мозгами (ну, или тем, что мы с Матерью так называем), я пришёл к выводу, что она вовсе не шутила. Не больно-то человек спрашивал у созданий, которых действительно и ест, косит, и стрижёт, и...

Хотят ли они так жить. Согласен, оправдание, что, типа, они глупее нас, или вообще – безмозглые растения, не слишком убеждает. Мало ли во Вселенной существ, поумней уже нас. Так что – теперь разрешить им эксплуатировать людей так, как мы – своих «братьев меньших»?!

Звучит чертовски цинично. Но по факту получается именно так. Хотя бы в силу традиций.

И то, что местных людей даже не едят, а только используют для выработки... хм... продуктов диссимиляции – больно било лишь по моему чувству собственного достоинства. (Вот парадокс – да? На меня и так и так не угодишь!..)

В этом плане то, что мы используем не только навоз, но и мясо, и молоко, и яйца, и шкуры, и даже рога-копыта от коров, вовсе не было аргументом в пользу эффективности человеческого мышления.

Хотя, согласен: будь коровы, и остальные куры-овцы-кролики, да и прочие «мясные» звери-птицы поумней – и наша позиция выглядела бы и мерзко, и как-то...

По-людоедски.

Однако это не значит, что я сейчас же запишусь в вегетарианцы. Нет уж!

Ведь всё те же учёные доказали, что кишечник человека совсем не напоминает, скажем, коровий, занимающий полтора кубических фута, и имеющий четыре специализированных отдела. Да и протяжённость их кишок – в десятки метров! (Поэтому им и нужны столь громадные «животы»!) А мы не предназначены для «переработки» травы! Зубы, желудок, кишки и всё остальное у нас – как у типичных хищников.

А что самое главное – я считаю, что только благодаря этому мы и стали теми, кем стали! Потому что поглощение, пе-

режёвывание и переваривание в гигантском четырехкамерном желудке (как не вспомнить повymiравших динозавров: вот уж монстры для переработки сена! И – больше не для чего их крохотные мозгочки не годились!) пищи не занимает *всё* наше время. Оставляя таким образом возможность для саморазвития. Хотя бы в плане изготовления всё тех же, до боли знакомых из учебников истории, и навязших в зубах как аргументы социологов-историков-археологов, *орудий*...

Да и разве львы не умней газелей?

Разумеется, мясо – очень эффективный энергоноситель. Газели едят траву восемь часов в сутки. А львы газелей – раз в пару дней. И переваривают где-то с пару часов...

А затем – вожделенное безделье. Во время которого и можно, собственно, *мыслить*!

Ну и мы, люди, тоже мясо любим. Шашлыки там всякие, барбекю... Икра чёрная, икра красная. Куриные окорочка. И прочее такое. Да и вообще: приятно чувствовать *себя* верхушкой пищевой цепи. Существом, не занятым всё время едой и её перевариванием...

Но философия – философией, а реально, похоже, надо спасать загнанное в подземелья местное Человечество. И начинать, конечно, надо с головы. Узнать, для начала, кто это такой смелый и наглый – построил тут, понимаешь, трёхступенчатую экоферму, и снимает сливки!

– Мать, – я старался говорить потактичней. Потому что дополнительный блок собственного достоинства ей не нужен

– она и так у меня гордая. – Ты, наверное дуешься за мои... э-э... проявления невежливости?

– Да, я сержусь. – отвечает моя хозяйка. И, выдержав точно рассчитанную паузу, продолжает, – Но я знаю, что ты это не со зла. Тебе обидно за «братьев по разуму». Поэтому я принимаю твои ещё не высказанные извинения, и готова к дальнейшему сотрудничеству.

Ну как с ней бороться?! Да и надо ли?

А, ладно, куда деваться: почти сорок лет бороздим вместе чёртов Космос – привыкли друг к другу. Думаю, почище, чем в иных семьях. Особенно в таких, где супруга в режиме он-лайн снимает энцефалограмму мужа.

– Ага, – говорю, – значит всё в порядке. Так что там с этим... Источником управляющих сигналов? Где он базируется, и каким оружием может располагать?

– Базируется он на Корабле, размером с Авианосец нашего Флота. Оружием обладает, похоже, соответствующим. Но изучение его нашими зондами показало, что дизайн и внешние устройства, которыми он оборудован – примитивные. То есть – такие, какими были у нас более двухсот лет назад. То есть, все эти пушки, торпеды и лазеры – устаревших типов, и нашему «Лебедю» вреда причинить не должны. Особенно со включённым на форсаж защитным Полем.

– И далеко отсюда этот Корабль? – я рассматривал снимки, сделанные зондами. Штуковина размером с четыре футбольных стадиона, конечно, внушала мне невольное уваже-

ние.

Но слова Матери о его устаревшем оружии были прямо как бальзам на душу. Вот уж «крутыми» новинками мы с ней при закупке вооружений не пренебрегаем! А вообще-то скрапперы – самый мирный народ. Если их не злить, конечно.

– Корабль вращается на геостационарной орбите, в сорока трёх тысячах миль от поверхности. Нас, и наши зонды он, с вероятностью девяносто восемь процентов, до сих пор не заметил. (А ещё бы ему заметить: я не поскупился, и теперь и челнок, и «Лебедь», и зонды упакованы в то волшебное покрытие, которое отражает или поглощает все мыслимые виды излучений – хоть какая-то польза от чёртовых «Странников»!)

– Отлично. Полетели прямо к нему. Но так, чтобы – не слишком близко. И ещё: я вовсе не хочу, чтобы ты палила в него изо всех стволов, пока я не разберусь, что там и как.

– Ха-ха-ха. – это она у меня теперь так изображает смех, – Что-то не припомню, чтобы *Я* во что-то палила, пока *Ты* мне не приказывал! Разве что от этого зависела твоя *жизнь*...

Ну, в принципе, да. Она где-то права... А точнее – везде.

Ладно, подлетели, зависли.

Я подвёл челнок к грузовому люку, и зафиксировал магнитостопорами на корпусе чужого корабля. Мать влезла манипуляторами, которые снаружи нашей десантной скорлупы

ки, в их распределительный щиток, поковырялась. Внешний люк открылся.

Я в скафандре (надо ли говорить, что – высшей защиты!) и экзоскелете вплыл внутрь. Люк закрылся. Теперь я сам залез в щиток тамбура, и вручную (Не надо думать, что я разбираюсь в электрике-механике хуже Матери. Я просто ленюсь.) за пару минут вскрыл внутренний люк.

Во всеоружии я протиснулся в коридор. Экзоскелет, конечно, громоздкая штука, но зато позволяет тащить на себе такие восхитительные игрушки, как большую плазменную пушку, излучатель антимагии, излучатель УВЧ (это – только для плоти!), пушку с обычными снарядами с обеднённым ураном, и классический шестиствольный пулемёт Гатлинга. Вот уж этот агрегат почти не изменился со времён Гражданской войны Севера и Юга. А особенно мне нравится, как он гудит при работе...

Но выпалить пока ни во что не удалось – меня никто не встретил.

Да что же это такое – неужели опять попался Корабль-Призрак?! Перемерли они тут всё, что ли? Или перебили друг друга со скуки? Ничего, узнаем. Шансы есть – вон, воздух же сохранился.

Силы тяжести почти не было, так что я не то полетел, не то поплыл вперёд, по коридору к центру Корабля. Магнитными подошвами, чтоб не цокать, пока решил не пользоваться. Мать вращала во все (особенно, заднюю) стороны камеры у

меня на плече, но помалкивала – старалась не отвлекать зря.

Скоро коридор пересёкся с более широким и высоким. После этого лететь стало просторней, но теперь по бокам шли, вроде, каюты экипажа.

Одну из таких дверей, с табличкой и ручкой, я на всякий случай приоткрыл.

Никого. Ни живых, ни мёртвых. Но зато...

Мебель, которую я увидел внутри, была рассчитана уж точно не под человеческий зад!

Да и сама каюта оказалась огромной – метров десять на восемь. В глубине виднелась ещё дверь – наверное, в спальню. Залетать внутрь я не стал, а посоветовавшись с Матерью, двинулся дальше – туда, где по нашим прикидкам должна была быть Рубка.

Вдруг Мать говорит:

– Впереди слева движение. Сейчас встретишь чужого.

Точно – немного не доходя до рубки я и встретил первого живого инопланетянина.

Ох и здоровенная же это оказалась зверюга – ростом под три метра! А поскольку она оказалась как бы завёрнута в некое подобие не то туники, не то хламиды, да ещё перетянутой сверху ремнями с кучей торчащих из разнокалиберных карманов железяк, (наверное, набор инструментов) я не сразу оценил строение её тела.

Впрочем, включив термолокатор, я сделал одежду почти невидимой.

Эта штуковина сильно смахивала на самого обычного... Динозавра.

Две огромных, мощных лапы поддерживали бочкообразное тело, сужавшееся к обеим концам. На заднем имелся хвост с гребнем, на переднем – небольшая голова. Ну как небольшая – это она для тела массой в добрых четверть тонны казалась маловата, а так – больше моей раза в два. И ротик щерился «любезной» улыбкой белоснежных острейших зубов. Ну, если этот монстр травоядный, то я – морская звезда.

Проявив завидную способность к оценке ситуации, эта недоделанная курица пустилась от меня наутёк. Она смешно загребала задними лапами – каждая с четырьмя мощными когтистыми пальцами! – воздух, и обивку коридора, растопырив и нелепо размахивая крошечными передними, но далеко оторваться не могла: я включил ракетную тягу на спине экзоскелета.

Впрочем, нагонять-то её я как раз не спешил. Пусть приведёт туда, где, как она считает, окажется в безопасности. Или хотя бы под чьей-то защитой.

И точно – вот так, на хвосте у верещащей «крошки» я и влетел в рубку.

Догадаться, что это – рубка, оказалось нетрудно: огромные экраны показывали сплошное звёздное пространство, а самый крупный в центре – планету с живыми фабриками.

Здесь же находилась и дежурная вахта: три чудища ещё

покрупнее, одетых в униформу. У них имелись даже погоны со знаками отличия – правда, располагались они почему-то на груди и спине. Хотя это я обнаружил уже потом. А пока мне пришлось закрыться щитком на левой руке – иначе мог бы, чего доброго, ослепнуть на пару секунд от яркой двойной вспышки из стволов пары здоровенных бластеров.

Ах вы вот как со мной, вполне мирно постучавшимся, и заглянувшим в гости...

Выпаленный в меня световой заряд заставил лицевой щиток моего скафандра мгновенно покрыться адаптивным тёмным светофильтром. Конечно, скафандру и скелету их пукалки навредить не могли. Я коротко ругнулся – надо же, нервный стал: рукой загораживаюсь... После чего всех четверых монстров треснул из УВЧ-пушки, или, проще говоря – станнера.

Хорошо, что всё оружие у меня управляется мысленными приказами – это куда быстрее любых пальцев. Особенно слабых и медлительных – вот как у моих горе-противников.

Если бы не почти невесомость, они бы точно здорово ушиблись об пол!

Надеясь, что мы с Матерью не переусердствовали, определяя интенсивность оглушающего удара, я достал сверхпрочный упаковочный материал (да просто – скотч!), и от души примотал их передние, сравнительно миниатюрные, конечности, к задним.

Пасти тоже скрутил – благо, они напоминали собачьи. Ну,

чтобы сдуру не пытались перегрызть свои путы, (а то останутся без зубов – скотч-то армирован карбоволоком!) и заодно не орали...

После этого я прошёлся по всему кораблю, руководимый Матерью. Она сканировала снаружи, и говорила, где остальные члены чёртова экипажа.

Всего оглушить, скрутить и перетащить в Рубку пришлось ещё двадцать восемь бройлеров-переростков. Именно их и напоминали те из тварей, кто спал, и оказался на момент захвата без одежды. У них на теле кое-где даже были *перья!*..

Разложил я их в два ряда – один напротив другого. В первом лежали те, что, на мой взгляд, были поменьше, и как-то... поженственней, что ли. Таких набралось девятнадцать.

Остальных, кто казался поздоровей, и челюсти имел по-массивней, я, естественно, причислил к мужской половине. Первичных половых признаков не обнаружил. Впрочем, чего я ждал – у петухов тоже ведь нет... Хм!..

Самцов насчитал четырнадцать.

В своём экзоскелете я выглядел весьма грозно, особенно с дулами пушек, излучателей, и пулемётов, торчащими из всех возможных мест. Поэтому, когда все эти ребята очнулись, и заворочались, и загалдели что-то из-под повязок, мне было достаточно подняться на ноги, и сделать энергичный шаг вперёд, чтобы все заткнулись, и замерли.

Убедившись, что внимание аудитории привлечено, я подошёл к ближайшей самке, и наклонился над ней. Она не

придумала ничего лучше, как выдать что-то вроде «Ва-ау-у-у-ах!...» и мешком осесть на пол. Так, потеряла сознание, зараза впечатлительная.

Ну и ладно, мне это не помешает.

Подняв её за связанные конечности, я продемонстрировал её со всех сторон мужчинам. На полу стоял уже прочно, включив магнитные подошвы. Возможно, для курят-самцов оказалось сюрпризом, когда Мать, уже, разумеется, всё рассчитавшая про их язык, перевела грозным басом через динамики экзоскелета то, что я сказал:

– Пусть тот, кто является командиром этого корабля кивнёт. Иначе я... причину вред этой женщине.

С полминуты положение моё было незавидным. А вдруг бы мне и вправду пришлось «причинить вред?» А я не люблю издеваться над самками. Пусть даже динозавро-кур.

Наконец тот, у кого звёзд на переднем погоне было больше всех, решил покивать, и задушено (ну, так с обмотанной пастью не больно-то поговоришь!) покудахтать. Понял, наверное, что я неспроста смотрю прямо на него.

Положив – ни нежно, ни грубо (Ещё бы – невесомость же почти!) – самку на пол перед ним, я достал свой армейский вибротесак, больше напоминающий здоровенное мачете, и, действительно, обычно используемый для расчистки джунглей. И срезал скотч с морды храбреца по должности.

А как же иначе?

Именно он в ответе за их поганые жизни...

– Теперь ответь на мои вопросы, и я оставлю вас в живых. Но если ответы будут... ложью, я убью всех без малейшего сожаления. – я специально говорил нарочито небрежно, зная, что нужный оттенок в гортанном и квакающем языке Мать подделает сама при переводе.

– Спрашивай, чужеземец. А что ты называешь... ложью?

Вот тебе и здарсьте! Быстро посоветовавшись с Матерью через внутреннюю связь, я уяснил, что, похоже, эта цивилизация не может сознательно врать. Во всяком случае *их* энцефалограмма, которую она может снимать хоть с километра прямо из челнока, или вблизи – через приборы моего скелета, что-то такое и показывала... Мать не смогла подобрать даже эквивалент слова «ложь», и применила собственноразобретенное слово.

Что же, у них нет *Политики*?! И Политиков?

Плохо. С такими и воевать стыдно – однако надо помнить, что это именно их предки запихнули местное человечество в катакомбы, и «пасут» и «доят»...

– Ложью я называю информацию, которая не соответствует реальным фактам. Причём для меня не имеет значения, происходит ли такое искажение сознательно, или оно... результат самообмана. И у меня есть возможность определить и тот и иной варианты ложных ответов. Так что советую подумать, прежде чем отвечать.

Вытащив из щитка на предплечьи несколько электродов, я подсоединил их присоски к шее, груди, и ладоням трёхпа-

лых рук командира – наш с Матерью вариант Детектора Лжи. Нужен он сейчас Матери так же, как рыбкам самовар, но психологический эффект, несомненно, оказывает. Да и подстраховочка не помешает: как бы ни выглядела разумная раса, чисто рефлекторной реакции собственного организма, вроде потоотделения, повышения темпа работы сердца, и т.п., она проконтролировать не может.

Убедившись, что все лежат и помалкивают, я задал первый вопрос:

– Почему на таком большом корабле вас так мало?

– Это просто. Все остальные уже умерли.

– Отчего же они... умерли, и... сколько вас было вначале?

– Скончались они почти все от старости. Трое – от болезней. А было нас двести семь человек. – при слове «человек» меня аж перекосило, но я постарался сдержаться, и не рычать, скаля зубы. Я и так продемонстрировал свою силу и серьёзность намерений, незачем запугивать зря. Я всё-таки не зверь какой... Ну, во всяком случае, если меня не дразнить.

И кормить вовремя.

– И как давно... ваш корабль находится здесь, в этой системе и на этой орбите?

– Сто сорок девять оборотов этой планеты вокруг местного светила. – я – вернее, Мать – прикинула: почти двести земных лет! Ого! Вот это долголетие!

– Разве вас не должны были сменить?

– Должны были. Ещё сто сорок оборотов назад. Но...

– Продолжай.

– Но нам прислали приказ: что бы ни случилось, никуда отсюда не улетать, и оставаться на постоянной орбите.

– Почему пришёл такой приказ?

– Мы не знаем. Разъяснений не поступило. Да и сам Приказ... оборвался на середине. И больше с нашей Родиной (Меня опять передёрнуло! Про «Родину» воспоминания оставались ещё слишком свежи!) связи не было! Они не отвечали ни на одно послание... Мы подозреваем, что что-то случилось и с остальными людьми, и кораблями Флота.

– Почему же вы не полетели туда, чтобы проверить это?!

– Мы не можем нарушать Приказы Командования, что бы в них не говорилось.

Чёрт. Мать на мой вопрос подтвердила – он действительно думал то, что говорил.

Тогда вообще – кошмар. Нам попались чёртовы служаки-буквоеды. С такими не договоришься...

Впрочем – посмотрим.

– Сколько... световых лет до вашей «Родины»?

Вижу, командир замялся. Сверкнули зубы из-под чуть приподнятой губы. Я просто посмотрел на беспомощную самку, которая всё ещё изображала обморок – это Мать мне сказала, что её энцефалограмма уже соответствует полному сознанию, и эта зараза с любопытством прислушивается – я и сам видел, как её ушная раковина чуть трепещет...

Наклонившись к этой части её лица, я прошептал, правда,

так, чтобы и командиру было слышно:

– Я знаю – ты очнулась. Но можешь ещё полежать с закрытыми глазами, пока я жду ответа. Надеюсь, твой друг не захочет, чтобы я сделал тебе больно...

Командир сильно разозлился – это тоже сказала Мать, уже вполне уверенно классифицирующая его электрические импульсы.

Но он был умён – ответил-таки:

– Три оборота вокруг местного светила.

Ага. Значит около четырёх стандартных земных. Недалеко. Почему же они...

– Мать. Что там с их двигателями? Могут они летать на сверхсвете?

– Нет. И искусственной гравитации тоже ещё не изобрели.

– Ладно, понятно. Пришли-ка дроида – разобраться с их звёздными картами, и всем, что касается навигации. Я хочу знать, за сколько *мы* сможем туда добраться.

Появление дроида в рубке особого впечатления не произвело.

Ещё бы: он у меня всего полутора метров ростом. Это я в экзоскелете в высоту метра три с лишком. Да и в ширину – два...

Пока Мать с помощью манипуляторов и видеокамер нашего верного помощника разбиралась с картами и рабочим столом рубки, я продолжал допрос:

– ...значит, говоришь, используют как средство для

«неземных наслаждений»?

– Да. Причём оно доступно всем... низшим членам нашего Общества – всем подклассам и кастам. Наше Правительство – самое демократичное, и заботится о нуждах, и удовольствии Народа.

Он ещё пораспинался об их Утопически Прекрасной Жизни, где каждый выполняет строго определённую роль, и счастлив ею... И, разумеется, проводит досуг и прочий отдых, предаваясь «райским наслаждениям и нирване»... (Где это мы уже встречались с проводимым *так* «досугом»? Ага – на планете, куда подбросили Овеществителей!)

Мне уже всё было понятно – нигде так не хвалят свою «свободную и счастливую райскую» жизнь, как в... Стране-концлагере. Напоминающей банальный муравейник. Где у всех – расписанные навечно Роли. Рабочих. Фермеров. Нянечек.

И, конечно, трутней-управителей.

А тут – ещё и все мурашки-рабы одурманены до состояния полной прострации и покорности. А так как полупьяное население меньше живёт, и производительность труда куда хуже, конечно, нужно больше рабов. А их опять надо чем-то одурманивать...

Замкнутый круг. Конечно, им нужны были ещё колонии.

– Ну-ка, расскажи ещё раз, поподробней, про все ваши подклассы и касты... Про обязанности я понял, теперь – о том, где и как кто живёт, и какими привилегиями и правами

пользуется.

Сложная иерархия их общественного строя и уклад жизни всё ещё никак не входили мне в мозг. Ничего, Мать, когда разберётся, просветит меня. Но то, что у них кое-что было, как у древних индусов, а кое-что – как в армии, я понял сразу. Да и жили их низшие и средние классы – в бараках. Ну, или казармах: прямо древне-римские легионеры, со спартанской простотой быта. И супружескими обязанностями, расписанными по часам. Чтоб, значит, производить больше рабов. Послушных и дисциплинированных благодаря воспитанию в казематах лагерей-детсадов. Потому что образование (школьное) для низших каст не предусматривалось. Да оно и правильно: меньше знаешь – меньше задумываешься, и, соответственно, меньше... Ерепенишься.

Вот и хорошо. Мне их привычка к дисциплине и строгой иерархии пригодится.

Я уже понял: эти – простые исполнители. И отвечают лишь за регулярную поставку на транспортных ракетах драгоценного продукта, вырабатываемого здесь червями-переростками. А всего таких планет, где по пещерам расселено эксплуатируемое население – две. Первая – «Родина», где такой уклад и «фермы» за тысячелетия и сложился. А вторая – вот эта. (Потому что только она из всех найденных в десятке систем, до которых они успели добраться, более-менее подходила для них по условиям для колонизации.)

Уже приятно. Меньше возни будет, когда начнём «осво-

бождать» своих от «Ига».

Даже без разъяснений Матери я дотумкал, какую роль играет в их Обществе «Продукт Икс», как назвала его моя хозяйка, или «Струх», как называли ящерокуры.

Это сильнейший наркотик, который снимает чувство усталости и раздражения у огромной, бесправной, и работающей на износ низшей касты этих тварей. Даёт ощущение комфорта, успокоенности и «неземного» блаженства. Он же резко снижает умственные способности, инициативу, и вообще – угнетает всё, что связано с так называемой высшей нервной деятельностью. Повышает же – только половое влечение и аппетит.

А поскольку при его регулярном применении вырабатывается непреодолимая зависимость, эти бедняги на всё готовы – на любую работу, только чтобы получить вожаделенную дозу. Ведь на струх их подсаживают прямо с рождения – как только вылупятся.

Даже не знаю, что сказать: такого цинизма и подлости я даже у лютых тиранов-диктаторов не наблюдал. А с другой стороны – прагматизма...

Ведь при таком порядке не нужны ни тюрьмы, ни палачи. Малейшая провинность – и ты без дозы. И через пять-шесть дней, если так решат Судьи, умираешь в страшных муках. В назидание остальным рабам.

И самое интересное – верхушка Юменжей (это так по их варианту называется «Человечество») не потребляет струх.

Даже более того: замеченные в потреблении – деклассируются. Со всеми вытекающими последствиями.

Видать, за несколько-то тысяч лет сообразили, что иначе – выродятся. И «вести Народ» к «светлому Будущему» будет некому.

Ладно. Мне их собственные проблемы до лампочки. Мне людей спасать надо.

– Хватит. – я остановил лекцию о том, как мне не хотелось бы жить, – Слушай теперь внимательно. Вся огневая мощь *вашей* Империи не может сравниться с силой одного моего корабля. Сейчас я собираюсь отправиться на вашу Родину, и освободить тех *людей*, кто живёт там. Вы должны за (Мать! Сколько?) – ага, за восемнадцать оборотов планеты вокруг своей оси – да, ДНЕЙ, – чёрт вас побери! – вытащить из ка-такомб на поверхность ВСЕХ местных людей, и обеспечить их нормальное – ну, такое же, как всегда! – питание. А ещё построить им укрытия от солнца. И холода.

Всё понятно?

– Ваши указания вполне понятны. Но хочу вам напомнить, неизвестный агрессор, что мы вовсе не обязаны выполнять ваши...

– ЧТО?!?! А, да, я же не объяснил. Объясняю. – я вздохнул пару раз, чтобы успокоиться. – Я сейчас уйду к себе на корабль. И полечу на вашу чёртову планету. С собой я возьму пять самок – в качестве заложниц. Если к моему прибытию не будет сделано то, что я приказал, эти пять самок ме-

е-едленно погибнут в страшных мучениях. А остальные... хм... юменжи, вместе с вашим ничтожным корабликом – будут уничтожены ещё через два-три дня, сразу, как только я найду, куда вы попытаетесь от меня скрыться!

Ну а чтобы доказать, что я в состоянии это сделать, я через (Мать, сколько займёт?) два часа разнесу на атомы малый спутник этой планеты. Надеюсь, для вас это явится аргументом. И станет понятно, что уж ваш кораблик разнести – для меня пара пустяков!

Электрические импульсы командира показали, что он... впечатлён.

А ещё бы ему не впечатлиться – особенно, когда я, зацепив пять визжащих и извивающихся «девочек» тросом, продетым сквозь связанные руки-ноги, потащил их, совершенно не вникая в суть проклятий и ругательств, по проходу в шлюз.

Самок инопланетян я не слишком-то люблю. Особенно таких, как, скажем, маленькие «дразнилки». Зато их беспомощный вид здорово стимулирует достаточно разумных самцов действовать в нужном *мне* ключе.

Мать не подкачала – «Лебедь» уже был присоединён через гибкий рукав прямо к выходному отверстию, и мы вшестером – всемером, если считать дроида – вытерпели очередную санобработку. Юменжихи перенесли её стойко – видать, не хотели показать, насколько сильно напуганы. Дуры. Мать мне ваши энцефалограммы преподнесла, как на блюдечке...

На корабле у меня поддерживается обычно ноль девять стандартного «Ж». Так что я со скрытым злорадством наблюдаю, как все эти «грациозные и женственные» туши распластались беспомощными кучами на полу шлюза, и уже только перепугано моргали. Надо же – видать, совсем отвыкли от гравитации. Как бы не задохнулись – как бывает с китами, когда их выкинет штормом на сушу.

– Мать, определи-ка, при какой гравитации они не сдохнут... но и лягаться сильно не смогут.

Мать скинула силу тяжести до ноль трёх «Ж». Теперь мои пленницы снова могли дышать, визжать и ругаться. Уж не сомневайтесь: так они и делали. Особенно старалась одна... Как я понял, самка командира. Вот от неё я и узнал всё – и про моих родителей, и про прародителей, и про мои яйца. Нет, в смысле, не про те, что обычно имеются в виду, а про те, что я отложил, или только собираюсь. И выслушал «сердечные» пожелания себе, любимому, и своему потомству на будущее.

Ну, я же, мать её туды, джентльмен – даже не попинал её.

Наконец Мать продезинфицировала нас всех до нужной степени. Легко подхватив этих кобылиц, я на закорках пронёс их «связку» в подготовленное помещение. Они, убедившись в своём бессилии, теперь выли и причитали – может думали, что я их съем? Тьфу. Я едал, конечно, тварюг и по-противней... Но это – на любителя. Вон: Гурман Пеття постоянно балуется изобретением экзотических блюд из ино-

планетян, что поглупее. Но я не кулинар. Да и эти – только заложницы. О! Кстати – мне же надо их чем-то кормить...

Упихав сильно (такого бедлама у меня давненько – вернее – никогда! – не было!) шумящих женщин в трюм, развязав и заперев, я вернулся на их корабль. За трюм я не боялся: там ни лапками, ни даже лапищами ничего не сломаешь.

Прилетев в рубку, я развязал командира, и мужика (Тьфу ты! Ящера!) поздоровее, и велел им притащить к шлюзу еды для своих благоверных на три недели. Вода-то у меня была.

Спорить они не стали, всё сделали. Я всё забрал, и отчалил.

Вероятно, зрелище взорванной и разлетевшейся на мельчайшие кусочки тридцатикилометровой местной Луны произвело должное впечатление. Да и мне уж больно нужно было хоть что-то взорвать – для снятия, так сказать, нервного напряжения.

Во всяком случае, в их шифровке, которую мы с Матерью перехватили через час, говорилось и об этом. Вскрыть же их почти примитивный шифр – не проблема для моей умницы, расшифровывающей уже не то пяти-, не то шестисотый язык рас, даже чуждых нам практически во всех отношениях.

Так что в том, что мы произвели должное впечатление, мы не сомневались.

А то, что остронаправленный радиолуч идёт туда же, куда направлялись и мы, лишний раз показало, что ящеры тоже... весьма разумны.

Конечно, если убеждены в силе наших аргументов.

Хотя никакого смысла в этой радиограмме я не видел – она опоздает на четыре года!

По моей просьбе Мать ещё подбавила «газку».

«Лебедь» сотрясался. Я, зажавшись, и нажавшись протекторов, (вредная штука, что бы там не уверяли чёртовы медики: у меня от них вечно сыпь в паху – словно подцепил Бриппер-17 на Лузанне-2!) терпел зуд и резь в зубах и вибрацию в суставах протезов рук. На самок пятнадцать световых, вроде, никак не сказались – ещё бы, у них-то в трюме мы гравитацию так и держали в ноль три «жэ»!

Так что долетели даже меньше, чем за пять дней.

Вот чёрт!.. По-другому не скажешь.

Кто-то порезвился тут до меня.

Нет, планета осталась на месте. И даже летела по орбите почти цельным куском...

Но то, что сюда добрались, и «сняли нервное напряжение», или !выразили справедливое негодование» люди, куда более возбудимые, и менее терпеливые, чем я, понятно было и ежу. И никакой «Флот» бедным юменжам не помог...

Собственно, места, куда пришлись заряды антиматерии, уже затянуло свежей лавой. В этих огромных искусственных озёрах-океанах она и плескалась, иногда, под влиянием приливов от спутника вскрывая огромные огненно-парящие трещины, и занимая до половины поверхности суши.

Ну как – суши: океаны из воды, что не успели рассеяться по космосу, почти все плавали в атмосфере, до сих пор в сильно испарённом виде. Я пошкреб подбородок, слушая доклад Матери.

Плохо. В живых не осталось ни одного юменжа. А уж людей... Похоже всё же, их-то забрали отсюда всех. Температура внизу, у почвы, достигала почти девяноста Цельсия. Облачный покров из испарённых океанов оказался настолько мощным, что только на пределе даже наших сканнеров удалось видеть то, что там, внизу, творилось.

Ни дать – ни взять, Дантов Ад!

Я не придумал ничего лучше, чем притащить к экранам своих пленниц.

Не забыв для профилактики снова связать их в кучу.

Эти чёртовы курицы мне вначале не поверили!

Думали, я им показываю смонтированное кино, а не их любимую планету!

Вот уж наплевать мне было на их мнение и ругань: убедившись, что Мать отсняла достаточно материала, я затолкал всех обратно в трюм, заодно выучив несколько новых изящных юменжевских ругательств. После чего озаботился сбором материальных свидетельств и доказательств – на случай, если самцы окажутся ещё недоверчивей.

Тут мне повезло: Мать послала два наших зонда, и они прибуксировали раздолбанную спасательную капсулу с трупами пяти солдат.

В бортовом журнале нашлась кое-какая информация и о нападавших, и о том, что юменжей расколошматили только после их отказа отдать людей добровольно.

А вот откуда родом «мстители-спасители», я так и не узнал. А жаль – видать, неплохие ребята. Думаю, мы нашли бы общий язык.

На этот раз летел, пожалев свои зубы.

В процессе кормёжки я за эти дни прослушал все стадии женской неадекватности: от – «Ты – грязная и злобная скотина, разрушившая весь-наш-такой-прекрасный-Мир!», до – «Господи! Ведь все умерли! Что же нам теперь делать?!». Изо всех сил я сдерживался все десять дней, только чтобы не наорать на этих дурёх, и не отшлёпать. Впрочем, у них и без меня хватало проблем для обдумывания, а у меня – тем для разговоров с Матерью.

Десант роботов моих горе-колонистов трудился вовсю. Разбивали новые плантации пшеницы, риса и сорго (Ну, вернее, их местных аналогов.) – в дополнение к уже имеющимся, и которые я было принял за «естественные поля». Сажали саженцы яблонь, груш, вишни и всего того, что потребляют вегетарианцы. Сами же юменжи оказались абсолютно – ну, совсем, как «заложницы» – беспомощны против силы тяжести.

Чёрт! Как это они так распустились?! И как собираются лететь Домой? Надо сказать – пусть начинают тренироваться.

Да, теперь, поостыв, а особенно, увидев, во что превратилась их «Родина», я уже не жаждал крови, а собирался их... Просто отпустить.

Слишком, видать, повлияло зрелище «гуманоидной» «мести» за порабощённых братьев. Кстати – по здравом размышлении я уже передумал встречаться с этими «братьями-млекопитающими». Столь «радикальные» решения и по мнению Матери свидетельствуют о неустойчивости психики и взрывном характере. Такое свойственно горячим, и ещё плохо соображающим в социологии и истории, молодым агрессивным расам.

Конечно, бараки, которых понастроили чёртовы строительные механизмы, оказались грубы и сляпаны кое-как, но пока неплохо и это. Разумеется, так было всего в пяти лагерях, на которые хватило роботов. Там же, где пришлось всё делать только мокрицам, эвакуация и строительство только начались. Мать мне всё подробно описала. Я решил немного подождать.

А куда мне спешить?

Высадил я женщин обратно на корабль. Мать записала на носитель, подходящий к их аппаратуре, и передала записи того, что творится уже сто сорок девять «витков» у них на Родине. А в ангар их мастодонта-корабля я впихнул то, что осталось от спасательной капсулы, и доверил честь погребения последних «павших в неравной битве» доблестных воинов самим юменжам.

Материалы бортового журнала, само-собой, Мать мне скопировала.

После чего я стал просто ждать.

Реакция мужчин оказалась... хм... Скажем так: куда разумней, чем у самок.

На третий день после просмотра материалов и погребения тел, командир сам попросился ко мне.

Ладно, я даже согласился сбавить «Ж» снова до ноль трёх.

Мать воспроизвела из нашего запасного ремонтно-подручного материала нечто, отдалённо похожее на их кресло, но всё равно ящеру было на нём не слишком удобно в скафандре. Ладно, хоть не лежал раскорячившись на полу – я знал, что так он чувствовал бы себя...

Унижаемым.

– Мы убеждены, что запись, переданная нам – подлинная. И одного из членов погибшего экипажа мои коллеги опознали... Хочу... – он мялся. А без подключённых датчиков Матери было трудней наблюдать его эмоции. Хоть и не намного, – Э-э-э... поблагодарить за прояснение ситуации с нашей планетой.

Я помалкивал себе, и ждал, что же решили уцелевшие последние юменжи – как насчёт себя, так и насчёт людей. Видать, трое бессонных суток сказались: ящер (это я определил и без подсказки Матери!) был очень опечален.

Будь это парой недель раньше – я бы только позлопыхал. А сейчас...

Почему-то было жаль этих курицыных сынов. Может, не все они такие закорюченные мерзавцы, как их Правительство?..

– Ещё хочу спросить – по поручению всего нашего экипажа: что вы, неизвестный агрессор, собираетесь делать с нами?

Я вздохнул. (про себя, конечно.)

– Агрессор... Зови меня Мак. Для простоты. А как твоё имя?

– Я... э-э... Меня зовут Криндах-Долфар-Тацелтон восьмой из Рода Хропастос.

– Хорошо. Если ты не против, я для краткости буду звать тебя Крин. – он равнодушно кивнул. Я понял, что ему плевать, как я буду звать его – хоть, как говорится, горшком: он обеспокоен судьбой своих братьев, теперь последних на свете юменжей.

– Отвечаю на твой вопрос, Крин: *ничего* я не собираюсь с вами делать. Всё уже сделано до меня... двести лет назад. Впрочем, не обольщайтесь: это мог бы сделать и я, если бы там всё было так же, как и здесь, и я не смог бы убедить ваше чёртово Правительство сделать по-моему... э-э... мирными способами. Мы, так называемые гуманоиды-млекопитающие, очень... не любим, когда превращают в рабов наших соплеменников.

– Да, это я уже понял... Могу в наше оправдание сказать только одно: мы не считали своих... гуманоидов – разумны-

ми. Ну, они... С нашей точки зрения... вели себя как обычные стадные животные. Ещё раз приношу наши извинения. Теперь нам понятней мысль о том, что каждая раса имеет право на самостоятельное развитие. В том стиле и духе, которые ей нравятся.

Он замолчал и отвернулся. Бедняга. Он явно пребывал в таком же шоке, как и я – когда Мать «пошутила» насчёт наших коров, свиней и овец.

Да, мне-то, например, точно было бы в новинку, если бы к нам на землю прилетели, скажем, ослы – бороться за права их земных «собратьев».

Однако эти бедняги достаточно наказаны. Пусть я даже не знаю, кем, им-то от этого не легче. Я нарушил затянувшуюся паузу:

– Извинения приняты. От лица... земных гуманоидов я обещаю: каких-либо репрессий, или враждебных действий с моей стороны, и со стороны нашего Руководства против вас предприниматься не будет.

Конечно, если вы не надумаете снова производить свой страх.

А сейчас, после того, как будут выведены на поверхность, и обеспечены кровом и питанием все местные гуманоиды, вы сможете улететь... Куда захотите.

– Спасибо. Мы и сами понимаем, что чем быстрее это произойдёт, тем лучше... Вряд ли другие гуманоиды из вашего племени будут рады нашему присутствию здесь. Но вот ле-

теть нам... Разве только Домой.

– Да, наверное. Кстати, хотел спросить: почему вы не пытались основать свою колонию здесь, в смысле, на планете?

– Мы... Не было такого приказа.

– А если бы был?

– О! Это было бы всё равно очень трудно! Для нас там слишком холодно.

– Что?! *Холодно*?! – я забыл, что не мог прочувствовать, что там творилось у них на корабле – я же был в скафандре. На мой вопрос Мать сразу ответила: по Цельсию – плюс сорок семь. Ого! Пожалуй, действительно, местная среднесуточная температура в плюс двенадцать им не совсем по зубам. Ну, точнее – по зубкам...

– Да, очень холодно. Мы смогли бы жить, только выходя из помещений в очень тёплой одежде. А у нас... такой нет. Да и сшить подходящую было бы трудно. И не из чего. А жить в скафандрах нереально.

Глядя на огромные четырёхпалые ноги, трёхпалые лапки, и всё остальное, я не мог не согласиться: быть модельером у таких созданий – не слишком благодарная работёнка. Хм. Ну тогда, наверное – действительно, домой. И пусть сейчас у них и жарковато, но...

– По моим расчётам через сотню-другую... оборотов вокруг солнца... На вашей планете установится приемлемая температура. И часть воды океаны вернётся в свои впадины. Вот только вулканическая деятельность... Хм-м. Ещё пару

тысячелетий точно будет повышенной.

У вас хоть сохранились самки, способные к откладыванию яиц? – это я спросил уже не официальным, а нормальным тоном.

– К счастью, да. И раз Правительства нет, никто теперь не сможет нам запретить продолжать наш род и во время экспедиций... Пусть в первые годы хотя бы прямо на корабле. Собственно, мы и так повынимали из зародышевых камер, и вырастили всех запасённых эмбрионов: сейчас живы только они... То есть – мы.

– Что ж. Чем раньше начнёте это самое... Размножение, тем, наверное, лучше. Возможно, вы сможете снова со временем заселить свою Родину. От себя хочу пожелать вам всяческих успехов и... мудрости. Поскольку из вас, экипажа, никто струх не принимал, мне кажется, вам лучше всего избавиться от всех его запасов, которые вы ещё не успели отослать, и строить своё будущее общество без... э-э... касто-во-классовой системы.

– То есть... *Как это?!*

Вот дьявол! Они что, действительно не знают других Общественных формаций?! А, ну да – откуда им все эти «исторические» прецеденты, и социологические особенности *других* рас знать?..

А ничего. Мы можем это исправить.

– Мать! Ты как-то проговорила, что у тебя есть всё, что касается...

– Есть. Я так и знала, что рано или поздно вся эта чёртова политика-социология выйдет мне боком. И справочники-учебники давно хотела выкинуть, но... Я же у тебя умница и лапочка. Люблю порядок, и укомплектованность библиотеки.

Что, распечатать?

– Нет. Зачем им тонна бумаги? Запиши на кристалл – так же, как видео об их планете. И передай в полное владение этим бедным куроидам... Ты же сможешь всё им перевести на их язык и преобразовать в их шрифт?

– Конечно. Без проблем. – она зажужжала аппаратом записи.

Вот и славно. Пусть поиграются в эту блестящую игрушку – Демократию...

– Кстати... Заодно сделай для них учебник английского языка – наверняка им ещё придётся столкнуться... Пусть говорят, как нормальные люди!

– Сделаю. Нам тоже сделаю – вдруг твой друг док Мюррей из Бостонского Этнографического захочет говорить, как нормальные юменжи.

О! Она права. С лингвистов тоже можно поживиться!

Капитан, который во время нашего диалога сидел, невежливо разинув рот, всё же взял себя в руки и захлопнул его, когда я сказал:

– Сейчас по моей нижайшей просьбе моя Госпожа занесёт на кристалл сведения обо всех формах правления у всех

известных нам рас – как гуманоидов, так и... не совсем. Надеемся, что ознакомившись, вы сумеете выбрать тот Общественный Строй, который вам больше всего понравится. Ну, или придумаете что-то своё. Ведь какое Правительство посадить себе на шею – решать только вам.

Пока раскрытый рот снова долго пытался закрыться, а потом шевелился в попытках что-то сказать, я с интересом наблюдал.

Если так можно сказать про серо-зелёную шкуру, мой собеседник... покраснел.

Нет, положительно мне повезло, что я не разделался с ними сгоряча так, как хотел. И уж тем более так, как те, кто разнёс их пресловутую Родину.

Похоже, эти чёртовы ящеры всё же... Имеют совесть. И чувство юмора.

И скоро станут вполне нормальными партнёрами среди рас и народов известного мне населённого Пространства Вселенной.

Но я уже, скорее всего, до этого не доживу. Ладно – повезло им, что я такой терпеливый. И добрый. Ну, и спасибо Матери.

Это она приучила меня сначала думать, а потом – стрелять!..

Мы с Матерью совсем сломали голову – что с ними делать. Зрелище было самое неприглядное.

Эти раздутые бледно-голубые «едоки-переработчики» с трясущимся, словно студень, телом – никакие не люди, а жалкие пародии! Они и сейчас с трудом шевелились, и несколько оживлялись только когда мокрицы начинали разносить еду. Чёрт! Придётся хотя бы мокриц на время им оставить – перемерут же с голоду, пока не научатся хоть что-то делать!

Дьявольщина! Проклятье! Вот заботку я приискал себе на задницу! Но ведь не я же буду их учить, как добывать себе пропитание собственными ручками-тростинками, и не ползать, а ходить по земле ножками-кочерёжками?!..

Снова пораскинув этим самым моим так называемым, по словам Матери, мозгом, и Материнским процессором, мы решили, что это как раз тот случай, когда придётся вызвать Высокую Комиссию из Комитета ООН по Природным Катаклизмам, Стихийным Бедствиям, Чрезвычайным Ситуациям и т.п. Плюс ещё медицинскую помощь от Красного Креста – в связи с глобальной гуманитарной катастрофой всепланетарного масштаба. И, конечно, представителей Комитета по Правам Разумных Рас.

Уж эти подсуеются. Ещё бы! Не каждый день (вернее – век!) случается найти подобных людям почти во всём, (Ну, кроме, разве что, склонности к обжорству и безделью! Ха-ха. Это – шутка.) Братьев по Разуму!

Плевать, что разум их пока как у младенцев (ну, или, коров): его-то быстро вправят куда надо! И «Права...» объяс-

нят. И, самое главное – закрепят Планету за ними навечно.

Иначе за что получают деньги все эти миссионеры-учителя-психологи-социологи-врачи-бухгалтера и т.п. дармоеды при этом чёртовом ООН-е!..

И когда это закончится, и местные бедолаги будут «приобщены» к Вершинам Цивилизованности, я не сомневаюсь – их даже Федеральные Налоги Содружества заставят платить.

Правда, посылать СОС мы с Матерью не торопились: надо же дать юменжам всё закончить, и убраться со своим кораблём от греха подальше! Хотя бы – за пределы действия локаторов *нашего* Флота...

Мы встречались с капитаном ещё два раза – каждый раз он приходил сам. В первый – чтобы я (ну, вернее, Мать) прояснил кое-какие тонкости и демократии, и тирании, и ещё чего из политическо-общественной бодяги. Во второй – чтобы доложить о полном завершении эвакуации.

Прощались мы почти тепло.

Только когда он удалился к себе, я поднял щиток светофильтра. Не скажу, чтоб это мне мешало. Нет – вначале я не хотел, чтобы они видели искры, которые метали мои глаза. А потом – стыд, который я всё равно испытывал. Хотя бы перед юменжевскими «Ноями и Праматерями» – за несдержанность и самый натуральный геноцид со стороны, пусть других – но «гуманоидов».

И вот хвост их корабля растаял на экранах моих сканне-

ров. А потом – и радаров.

Началась рутина.

СОС первыми услышали, разумеется, линкоры Флота. И прибыли через каких-то тридцать три дня.

Ну, бюрократы, естественно, не так торопились: первые корабли из административно-спасательно-миссионерской партии ООН-а были на месте только месяца через два.

Меня больше всего интересовал Генеральный Инспектор по Колониям.

Выяснилось, что у нас есть и общие знакомые в Самых Верхах. (Оказывается, мой друг Госсекретарь всё же *не совсем* удалился от дел!) И вы даже не поверите, сколь многие из Власть Препедрержащих живо интересуются сувенирами с дальних Миров...

Ну – я же не скупердяй какой-то. Я сразу понял, что жена чиновника просто жить не сможет без ожерелья из драгоценных шаури! Их неземная красота уж точно утрёт нос всем её так называемым заклятым подругам... Как и настоящая шуба из шкур Изумрудных Чурнаков.

Благодаря этому, а так же стандартным весомым аргументам в виде эквивалента Денежных Знаков, всего через каких-нибудь три месяца (*редчайший* случай для бюрократической машины, да?!) я был, на правах первооткрывателя, полным и абсолютным владельцем звёздного участка с такими-то и такими-то координатами... Ну, само-собой орга-

низационный взнос, уже вполне официальный, тоже сожрал неплохую часть моей наличности. Зато все бумажки были оформлены как положено! На девятьсот девяносто девять лет. Прямо как в старые добрые времена золотой лихорадки на Аляске!

А что?! Предоставив в их распоряжение целую новую планету с великолепным климатом, и ещё не разграбленными недрами, я, по-идее, имел право на такое даже и без взятки!

Правда, тогда пришлось бы ждать года четыре, и лично обегать все Высокие Инстанции. На Земле. А я по разным причинам не слишком-то горю желанием зарисовывать свою, даже изменённую пластикой, физиономию, там. Да и на прочих планетах с людьми, где «работал» до переквалификации в скрапперы. Без ложной скромности скажу: именно благодаря мне конструкторские бюро специализированных заводов вынуждены были разработать новые модели сейфов. С *особыми* гарантиями...

Вот и пришлось поступиться некоторой частью наших активов.

Зато теперь в *мой* Заповедник не имел официального права залетать ни один корабль. Ну, в смысле, из Официального Флота кораблей нашего Звёздного Содружества. А даже наоборот: весь этот самый Флот обязан защищать *мои* Частные Владения от посягательств со стороны других рас – не Членов Союза.

Скрапперы-то, возможно, будут пытаться выяснить, что

же такого я там захотел застолбить... Не думаю, правда, что, как юменжи на своём корабле, так и их раздолбанная планетка, хоть на кончик пальца кого-то заинтересуют.

Если же заинтересуют – я сказал юменжам, чтобы называли всем снувшимся *моё* имя. Определённой репутацией я среди нашего брата пользуюсь: если кто-то не драпанёт отсюда сразу, как ошпаренный, и поджав хвост – пусть пеняет на себя!

Найду, не поленюсь!

Хотя, конечно, не все кровожадные байки про меня, бытующие в сообществе скрапперов – правда.

Впрочем, как и не все – неправда!

Но в одном-то уверены все: если я что-то обещал – сделаю!

Времени на всякие Протоколы, Акты, и разъяснения ушло почти четыре месяца. Я ругался. Маялся. В сотый раз давал показания для всех этих Комиссий – и Протоколов и Актов... Но терпел – чего не сделаешь для своего брата, млекопитающего гуманоида.

Да и для куроидов постараться не грех...

Но наконец весь этот рутинно-бюрократический кошмар остался позади, и Комиссия от Правительства Содружества Разумных Рас сочла себя удовлетворённой.

Содружество пополнилось «равноправным» членом, а я отправился, наконец, на все четыре стороны.

Свободный Поиск! Ур-р-а-а! «Лебедь» заправлен под завязку. Все Официальные документы оформлены, и хранятся в Гос. Архивах, а нотариально заверенные мои экземпляры – у меня на борту! И – в Нотариальных конторах девяти планет.

И вот – впереди только Космос!..

Я прямо-таки гордился, какой я образцовый Гражданин.

И вот, когда я уже почти успокоился, и предвкушал радость от предстоящего безделья, как обычно закинув ноги на центральный пульт рубки, Мать вдруг решила кое-что выяснить:

– Ну, может теперь, когда мы одни, и никто не мешает, ты просветишь меня, почему это ты решил называть меня при этих несчастных юменжах – «Госпожой»?

Надо же! Моя ласточка хоть *что-то* во мне ещё не понимает!

– Господи, Мать! Это же так просто! Во-первых, я хотел, чтобы они знали – нас на корабле много, и я – только подчинённый. Ну, а во-вторых... Чтобы не слишком уж увлекались этой опасной игрушкой – Демократией.

В критических ситуациях – вот, как у них сейчас! – власть всё равно, я считаю, должна быть в руках *сильного* человека. Готового на жертвы и жёсткие решения ради блага своих людей. Готового принять груз Ответственности.

Этот... парень... Мне понравился. Он сможет возродить их чёртову птицеферму.

– Ты что, забыл, что я снимаю *твою* чёртову энцефалограмму?! Ну-ка, договаривай!

Вот ведь зараза! Любит она у меня комплименты! Ладно – пусть слушает. Заслужила.

– Да, солнышко моё – это было ещё... Как бы... Выражение моей Благодарности. Что удержала меня, и не дала совершить... Роковую ошибку. А то бы меня совесть замучила.

– Чего-чего?!

– Совесть, говорю. Можешь ржать, сколько твоей душеньке угодно, но фрагменты чего-то такого у меня остались. И теперь-то я понимаю, что никакие они не варвары, и гнусные твари. А просто доили своих коров, ели своих свиней, и стригли своих баранов...

Но – заявляю сразу: *меня* вегетарианцем тебе не сделать!

9.Пустотники.

Чёртова аварийная сирена заставила меня подпрыгнуть буквально до потолка!

Я и так сплю не слишком хорошо, (Чего бы там не утверждала Мать, ворчащая, что обычно мой храп разносится до машинного, и чтоб разбудить меня нужно или трясти так, что она иногда опасается, что отвалится голова. Или уж сразу – поливать ведром холодной воды.) а тут так и подскочил: только что лбом о подволок не треснулся!

– Советую оставаться на месте. – слышу нарочито спокойный голос моей «лапочки», – Сейчас будут такие ускорения, что гравитаторы могут не справиться полностью.

И точно!

Вот уж заложила так заложила!.. Меня буквально вдавило в койку!

Да что же это...

– Это – крайне подозрительные существа. Похоже, имеющие самые серьёзные намерения в отношении тебя. И «Лебедя». – она у меня не то, что «будто мысли читает» – а и правда – мысли читает. Поскольку, как уже упоминал, всегда снимает энцефало-, кардио-, и все прочие «граммы». Ну, плюс, конечно, знает меня. Как облупленного.

– И... что же... это... за... намерения? – я с трудом выдыхал: «частично компенсированное» ускорение действительно достигало десяти любимых «Ж», и дышать стало тяжело. Однако я хорошо тренирован, да и противоперегрузочный матрас не для красоты положен на пружины койки.

– Выражаясь любимыми тобой «простыми словами» – сожрать нас!

Ух ты!.. Сколько летаем, (почитай, лет сорок!) и сожрать меня, дроида, и челнок на тех планетах, на которые случилось опускаться, действительно, пытались много, ох, много раз. Но вот чтобы прямо так – в Пространстве... Нет, такого ещё не бывало.

– И... что же... это... за твари?!

– Советовала бы тебе беречь дыхание. А что это за твари, пока точно сказать не могу. Нужно выслать зонды, просканировать, отобрать пробу... Но только я лучше сделаю всё это позже. Если удастся оторваться и уйти от погони. – мысли у меня понеслись буквально галопом! Мать применила словечко «если»!..

– А... (Пф-Пф...) Удастся?..

– С вероятностью семьдесят три процента. Наше маршевые двигатели на форсаже всё же разгоняют нас быстрее, чем непонятные мне процессы, отвечающие за приведение «этих тварей» в движение.

Вот это номер! Мать встретила создания, которые явно земной науке ещё не известны. Ну, это – если судить по тем её намёкам, что ей непонятно, как они, собственно, движутся. Мило. Вернее – страшно. Но уже – не так, как вначале. Потому что всё-таки – семьдесят три процента...

Меня стало бросать и колбасить. (Вот хорошо, что койка привинчена к палубе!) Похоже, моя хозяйка пытается оторваться за счёт манёвров!

Ну, тут стало, конечно, не до разговоров – когда попытался разжать рот, чтоб спросить, долго ли нам ещё мучиться, от толчков и вибрации так прикусил язык, что всякое желание чего-то там спрашивать пропало! Однако Мать не подкачала:

– Не менее получаса. Так что лежи себе и мечтай о чём хочешь. Можешь, например, вспомнить, за каким ... ты при-

казал мне забраться в чёртово протопланетное облако... Ну, или подумать, как в чёртовом вакууме могут жить, и за счёт чего – двигаться, состоящие из того же вакуума (ну, это я так определила, что – из вакуума!) черви длиной с пару сотен миль.

Блинн. Раз уж Мать так выражается, значит, действительно сердится на меня, балбеса непредсказуемого. С другой стороны, везде, где только можно нарыть чего интересного в плане Добычи, мы уже побывали. Говорю же: мы – скрапперы со стажем. Обшарили не один десяток туманностей, и почти две тысячи планетных систем. Правда, на обитаемые планеты теперь стараемся не соваться. Себе дороже выходит (Как не вспомнить две мои отгрызанные почти по плечо руки, которые теперь заменены протезами – самыми продвинутыми и дорогими, конечно... Но в плане ностальгии по старым рукам я иногда ещё комплекую.)

Ну, с другой стороны, в таком крайне сомнительном образований, как протооблако, ловить обычно нечего. Это знают и учёные, и другие скрапперы... И вот я, остроумный такой парень с неортодоксальным мышлением, решил как раз попробовать. Пошарить тут.

Нет, правда: а вдруг?! Никто не нашёл, а я – Я! – буду первым! Разрушу, так сказать, стереотип.

Похоже, точно – разрушил. Выбраться бы теперь из этой передраги живым... Хотя надежда, конечно, есть – целых семьдесят три процента! Да и «Лебедь» сработан на славу.

Он – ещё из того поколения техники, когда на каркасе не экономили! Должен выдержать!

– Советую покрепче ухватиться за боковины койки. – слышу бодрый такой голос Матери, – Сейчас я собираюсь попробовать манёвр под названием «брошенный камушек». Это я со всей возможной скоростью хочу подлететь к хромосфере местного солнца, и «срикошетировать» об неё. То есть мы, воспользовавшись нашей инерцией, выскочим наружу. Монстры же по моим расчётам должны завязнуть в поле тяготения светила, как мухи на липучке. И грохнуться вниз: на поверхность.

– От... лич... но... – я уже цедил по слогам. Потому что навалилось куда хуже!..

Ну и ускорение! Мать явно выжимает из реакторов сто соток процентов, на которые оба ходовых рассчитаны как раз в форсажном режиме. Наверняка и третий, вспомогательный, подключила... Но эти мысли, и запах перегретой изоляции, промелькнули уже где-то на краешке сознания: во круг завертелась каюта, мир померк, и моё сознание провалилось куда-то в манную кашу с разноцветными искорками блёсток-вспышек...

– Хватит отлёживаться. Я знаю, что ты уже очухался.

– Слушай, а ты становишься... Хамкой! – я ворчал, даже не открывая потяжелевших и распухших век. Остальное тело тоже... Ощущалось с трудом. Словно перепил Бен-

ни-зальца на Каннопусе-4...

– Ага – точно очнулся. Извини. Это я высказалась в том стиле, в каком обычно выражаешься ты. Ну, заодно и проверила, что ты действительно пришёл в себя.

Нет, она у меня точно – нахалка. Как бы выворотить ей блок неформальной логики и юмора, который я сам же и приказал вставить технику Вассе? Впрочем, ладно: так даже занятней. Можно точно определить, что «юмор и высказывания в моём стиле» – вовсе не то, что мне хотелось бы слышать, очнувшись с дикой головной болью...

– Открой же, наконец, глаза. Или помочь манипуляторами? – чую лёгкое раздражение в её голосе. С чего бы это?

А, вон в чём дело: пара таблеток и один манипулятор со стаканом уже у койки.

Со скрипом и стонами я кое-как сел. Трясущимися пальцами взял таблетки.

– Что это?

– Это – чтоб не болело. И не тряслось.

Зар-раза. Точно: издевается. И мысли читает.

Но таблетки я выпил.

Оно и верно: перестало и болеть и трястись. Ф-фу...

Я оттаял, и даже почувствовал лёгкие – да, совсем лёгкие! – уколы совести. Заботится всё-таки. Исправляет последствия моих, как она их мягко называет, «необдуманных действий». Спасибо ей. И за все предыдущие разы. Если б не она – точно присоединился бы к сотням менее удачливых

и предусмотрительных (ну, или летающих с *не* предусмотрительными – то есть, дешёвыми, от недобросовестных производителей! – главными Computерами!) скрапперов, навсегда затерявшихся в пучинах необозримого неизведанного Космоса.

– Мать, спасибо.

– Не за что.

Уже посмеиваясь про себя, проковылял я кое-как в рубку. Сел в кресло. Говорю:

– Ну, давай.

– Ну, смотри.

Выводит моя хозяйка на центральный экран странную картинку.

Странную в том смысле, что ничего, на первый взгляд, необычного на ней нет. Да и на второй тоже. Или это мне после таблеток так плохо соображается?

– Нет, это вовсе не «пространство как пространство», как ты мог бы подумать. Вот взгляни сюда. – на экране появился курсор, и чего-то там обвёл. Не знаю, как для Матери, но для меня там точно ничего не обрисовалось. – Теперь – посмотри в ультрафиолете. И в инфрадиапазоне. И в рентгеновском. И в... – она перебрала все известные земной науке излучения, которые мы как раз и используем в сканнерах, да в радарах дальнего обнаружения.

Ну и ничего не изменилось.

– Ничего нет, да? А должно было быть. Вот тут и тут –

были туманности. А вот здесь – спиральки галактик. А раз сейчас их не видно – значит, что-то их загородило!

Ну так вот: поэтому я и забеспокоилась. Не бывает так, чтоб обычный вакуум смог чего-то «затенить». Или загородить. Что-то видно всегда. Хотя бы в виде ионно-нейтринного облака. Но я же у тебя «умница и лапочка». Сразу догадалась, что появилось там нечто, которое загоразивает все эти расплывчатые следы материи, или излучений в космосе. Вот взгляни: компьютерное моделирование того, что могло бы вызвать такую картинку. Воспроизвожу запись.

Срань Господня!

Других слов мне в голову тогда и не пришло!

Потому что вид армады (если про живых тварей можно так сказать!) двухсотмильных червей, занимающей полэкрана, и весьма агрессивно устремляющихся к «Лебедю» с разинутыми пастьми, кого хочешь приведёт в... Удивление. Сильное.

– Слушай... Чем же таким я *этим* успел насолить?!

– Ха! Кранахи и перрисы точно смогли бы ответить, чем...

А про этих – не знаю, поскольку в первый раз вижу. Могу только догадаться.

– Ну, и?..

– Ты слишком красив по их мнению. – я зарычал, оглядываясь в поисках чего потяжелей. Когда взгляд остановился на табурете, Мать невинным тоном говорит, – Извини. Не так сформулировала. Это не ты красив (Несмотря на всё моё

к тебе глубочайшее уважение!), а «Лебедь».

– И чего бы им надо – при таких-то габаритах! – от нашей скорлупки?

– Скорее всего, сожрать его со всеми потрохами, как чертовски вкусно пахнущую приманку.

– ?!..

– Ну да. Тот инверсионно-мезонный след, что оставляют двигатели, почему-то очень сильно их возбуждает. В смысле – их обоняние. Вернее, то чувство, что по аналогии с понятными тебе земными примерами, *как бы* заменяет им обоняние.

– Да, вот: хорошо, что напонила. Расскажи-ка теперь по-дробней, что же это были за твари?

– Почему – были? Возможно, ты удивишься (Даже – уверена, что удивишься!) но они живы-живёхоньки! Вон: резвятся!

Действительно, на картинке, которую она теперь вывела на центральный экран, наблюдалось... Нечто невероятное! Непостижимое уму! Дикое.

На поверхности небольшого оранжевого солнца возникли то и дело крошечные чёрные точки, разрастающиеся затем в приличные дыры, и как бы колодцы... Да что там! Казалось, что передо мной – сыр, и я наблюдаю за тем, как стая чертовски шустрых и весёлых мышек выгрызает из него самые вкусные кусочки!.. Представив себе, в каком масштабе всё это существует, (учитывая обычный размер светила!)

я сглотнул.

– Ага. Они сильно подросли. Но длиннее, чем в триста миль не становятся: плодятся. Похоже, простым делением – наподобии амёб. Или – гидр.

Я дёрнул уголком рта. Засопел. Потом остыл. Блинн, всё правильно: она же приводит примеры, понятные *мне*.

– Ну и сколько их там сейчас?

– Примерно триста миллионов миллиардов. Точнее не скажу: пока светило не будет доедено, они будут увеличивать своё число. В геометрической прогрессии.

Мне в её фразе только одна вещь не понравилась:

– Что значит – пока светило не будет доедено?

– А то и значит. Я первый раз встречаю организмы, способные столь эффективно превращать обычную (Впрочем – согласна с твоим кивком: гелий и водород всё-таки – не совсем обычная...) материю – в вакуум.

– Чёрт. А я – не в первый.

– Ну-ка, теперь об этом поподробней, пожалуйста.

– Ага. Минутку. – я переворошил «сусеки» и «амбары» того, что называю памятью, и выудил-таки то, что когда-то ещё ребёнком читал, – Один древний писатель, Кинг, кажется, придумал таких тварей, что пожирали пространство и даже само время... Вернее – прошедшее, то есть – минувшее, пространство и время. Назвал он их – Лангольеры.

– А-а, поняла, о чём ты. Минутку. – я знаю, что она успела за сотую долю секунды и книгу прочесть, и даже фильмы,

снятые по ней, посмотреть, – Аналогия уместна. Действительно, кроме внешнего вида всё передано верно. Поглощают всё. Усваивают без остатка. (Ну, ты бы назвал это – отсутствием продуктов дефекации.) Методов борьбы...

Не существует.

– Мать! Ты – что?! Уж не хочешь ли ты сказать, что вот сейчас они чёртово солнце доедят... И снова за нами погонятся?!

– Ну да. Я именно это и имела в виду.

– А-а-а!!! Помогите! Я этого не вынесу! Я ещё так молод! Я хочу пожить ещё!!! А тут – никакой надежды!!! – и, сбавив тон, спрашиваю, – И – что?

Мы так и будем летать из конца в конец Вселенной, пока горячее на «Лебеде», и Солнца в пространстве не кончатся?

– Ну, зачем же так пессимистично. Нет, летать придётся только до того момента, пока изоляцию второго реактора не пробьёт окончательно. А это – не больше двух таких ускорений, как мы делали.

– Ну здорово. – с меня уже потёк пот. Даже с носа капнул, зара-за. Потому что Мать, конечно, та ещё шутница, но *таким* не шутит и не прикалывается, – И... Что нам делать?

– Как – что? Лететь к чему-то такому, что сможет их затянуть так, чтоб и – не выбрались, и – жрать *там* было нечего!

– И... Что это такое? – на жаргонизмы в её лексиконе я уже внимания не обращал. Похоже, моя хозяйка и сама... Расстроена и удивлена.

– Как – что?! Чёрная дыра, разумеется.

– Мать. Ты так не шути. Чёрная дыра – единственная хрень, к которой *все* разумные существа относятся серьёзно. И никогда ближе, чем на десять парсеков не приблизятся – гонись за ними хоть сам Вельзевул!

– Так то – разумные.

– В-смысле?..

– А, я не сказала. Пardon. Так вот: черви не разумны в привычном тебе смысле. Они, если мне позволительно так выразиться, космические паразиты. Навроде земных гельминтов. – заметив, что моя рука потянулась как обычно почесать затылок, она поправилась, – Словом, глистов.

– То есть... Пообщаться, и, скажем, вымолить, или выторговать себе жизнь я не смогу?

– Абсолютно исключено. Они примерно в тысячу триста раз глупее даже дразнилок. Ты... Дразнилок помнишь?

Ещё бы мне их забыть. Будь они неладны. Самовлюблённые придурки в перьях.

А тут... Мило. Абсолютно новый вид космических паразитов, никому доселе не известных. Жрущих *любую* материю. И надо же такому случиться, что открыл их именно я. Не хотелось бы, чтоб моим именем их и назвали. Особенно – посмертно...

А ещё я сильно боялся, как бы не притащить эту заразу на своём мезонно-инверсионном следе – к людям. Потому что рано или поздно мне придётся туда, к колониям землян,

вернуться. Хотя бы для того, чтоб заправиться топливом для реакторов.

Вот уж не привлекает слава Герострата... Или того же Мирандона. Или десятков других идиотов, ставших причиной гибели десятка цветущих планет, или цивилизаций.

– Значит, говоришь, мозга у них нет?

– Почти. Того, что есть из центральной нервной системы, едва хватает, чтоб подавать сигналы соседям-родственникам. Типа: «Сюда!», «Еда!», и «Сейчас размножусь!».

– Странно. Но... Как же они общаются? Вакуум же! И они же... Пустотелье?

– Они, как мне кажется, телепаты. Во всяком случае, передачи сигналов ни в одном из диапазонов я не засекала. А они – явно общаются. Друг другу не мешают. Зовут. И не дерутся за лакомый кусок, как случается даже у львов.

– Мило. Мы – первооткрыватели самых страшных монстров Вселенной. Легко закусывающих целыми Солнцами. Да ещё и телепатов. Знаешь, твоя идея насчёт чёрной дыры уже не кажется мне глупой. (Там же нет, насколько помню, ни материи, ни излучения!) Но...

Как бы нам их туда заманить?

– Вот уж – не проблема. Нужно только дождаться, пока от солнца ничего не останется, и снова... Погонять по космосу. Вот только...

– Да-да?

– Боюсь, двумя антеннами и четырьмя видеокамерами,

как при «нырке» в хромосферу, не отделаемся.

Солнце доели через всего сутки. Число Пустотников, как я предложил их назвать, к этому времени исчислялось чем-то таким невероятно огромным... С двадцатью одним нулём. Мне это число ни в жизнь не выговорить.

Зато гнала нас по космосу вся эта армада, словно свора гончих – зайца. Небось, не много они «вкусно пахнущих» в своём протооблаке до сих пор видали. Если вообще – видали...

Ну, мы не подкачали: Мать даже специально заглушки, делающие наш след неопределимым для детекторов и сканнеров других скрапперов, всё норовящих проследить наши «рыбные места», отключила.

Чёрную дыру выбрали «понадёжней» – самую большую в ближайших окрестностях. А то – мало ли... Теперь зуб на зуб у меня не попадал даже во время обеда – потому что все шпангоуты и стрингеры «Лебеда» скрипели и тряслись так, словно он – осенняя яблоня, а мы с Матерью – садоводы, пытающиеся собрать урожай...

Э-э, ладно: пускай. Лишь бы нас самих не «собрали».

Однако на подлёте к самой дыре я поневоле зачесал в разных местах. В том числе и горячо любимом затылке. (Мать всё врёт: никакой плешки у меня там нет!)

– Скажи-ка, ласточка моя... Мы сами-то... Сможем из этой штуки, – я как раз обзирал устрашающе грозную Ды-

ру, не столько видимую, сколько – воссозданную Матерью в виде компьютерной модели, – выскочить? Не хочется, конечно, быть переваренным в вакуум. Но, с другой стороны, не хочется и зависнуть где-то в недрах на пару веков...

– А-а, не парься, – этак легкомысленно заявляет моя умница, – Если ты о парадоксе Эйнштейна/Муроямы, так уже доказано, что никакого особенного искривления-замедления времени в околосветном пространстве нет. Оно – только внутри дыры.

– А... Что там есть?

– Да ничего особенного. Искажения кое-какие. Ну, может быть, несколько изменятся пропорции твоего тела, или «Лебедь» слегка сплющится... Или тебе может что-то этакое, необычное, *пригрезиться*... Фигня. Ничего такого, что повлияло бы на нормальное функционирование – что тебя, что механизмов корабля. Да и моих процессоров.

– Вот это мило, – говорю, – *Пригрезиться*? И ты только сейчас об этом говоришь?

– Я, конечно, могла бы предупредить и раньше. Но не думаю, что это повлияло бы на твоё и моё решение. Другого реально могущего бы сработать способа отделаться от гельминтов у нас всё равно нет. Тут-то – токсины и слабительное не примешь!

Да, пожалуй. Блинн...

Вот и пришлось снова залезть – теперь уже в капитанское противоперегрузочное кресло, пристегнуться со всех

возможных сторон, да отдаться. На волю Матери и «Лебедя».

– Готов?

Я что-то неразборчивое промычал: не больно-то поговоришь с загубником подачи кислорода во рту.

– Ну, я начинаю!

Чувствую – точно. Начинает. «Лебедь» опять затрясло, и меня вдавило в кресло.

Лететь, собственно, недалеко, (ну, по нашим меркам!) да и дыра... Вся – как на ладони. А красивая, зар-раза... Переливается. Если можно так сказать про пучины «неизведанного» космоса, деформируемые жуткими по силе полями, и градиентами напряжений.

Оглядываюсь (Правильней всё же сказать – кошусь. Потому что опять уж как-то слишком сильно меня вжало: не шевельнуться!) на боковой монитор.

Точно: вся чёртова свора отожравшихся ублюдков, вожде-деющих, словно стая волков на кровь оленя, или акула – на раненного тюленя, (Вот: уже стихами думаю!) на мой «инверсионный» след, ломится прямо за мной. (Интересно, что они при этом ощущают?! Азарт погони? Голод? Злость на убегающую «еду»?..) И никого не останавливает перспектива навечно зависнуть в «петле времени». Впрочем, если верить Матери, эта гипотеза подтверждена лишь для *внутренностей* Дыры... Но удержит ли *это* в самой Дыре этих уро-дов?!

Впрочем, раньше надо было об этом думать!

Слышу голос Матери:

– Точно. Раньше надо было думать и спрашивать. Но сказать могу: удержит их там так называемая «система ниппель». То есть – туда – дуй, а оттуда – ...! Или, выражаясь, как говорит техник Васся, культурно, ничего не возвращается. А мы, если ты ещё не понял, вовсе не собираемся туда, прямо вот так, очертя голову, лететь. Я проложила курс таким образом, чтоб «Лебедь» прошёл по градиентам тяготения, лишь на пять процентов ниже, чем мы можем развить движками в противодействии «затягиванию» и «замедлению времени». Так мы сможем удержаться в *почти* нормальном пространстве. И времени.

За одно только не поручусь.

За то, что твои *ощущения* при этом манёвре окажутся не... искажены.

А вот это она вовремя сказала!

Потому что ощущения тут же оказались... Искажены!

Да ещё как!!!..

Вначале поразил нарастающий гул в ушах. Словно я взлетаю на самолёте – обычном самолёте с крыльями и реактивно-плазменными движками. Потом этот гул как-то... Упорядочился, что ли – и вот я уже слышу монументально-торжественный, словно настоящий церковный, орган! Да ещё и играющий какую-то не то – фугу, не то – рапсодию! Солид-

но. Серьёзно. Словно у какой-нибудь знаменитости на поминках... (Тьфу-тьфу!)

Сказать, что я удивился – значит, ничего не сказать! Но дальше пошло ещё интересней.

Вижу я, как меняются цвета пространства – на центральном экране. Из чёрного оно становится фиолетовым, затем – синим, зеленовато-жёлтым, красным... И – снова всё уходит в черноту. Но чернота эта – какая-то чужая. Другая. Нет, правда – совершенно *другая*. Не знаю, как верно передать эти дикие сверхощущения: чернота – словно с «противоположного» конца спектра «чернот»! И, готов поспорить на три зубочистки против ручного персидского ковра XX века, что ни один из нас, людей, *такой* черноты ещё не видел.

Потому что она – населена.

Боже! (Прости, что помянул всеу!)

Каких только монстров и уродцев здесь нет!

И традиционные, если можно так сказать, черти с рогами и копытами. (И воняет от них – если мне так позволительно выразиться! – обычной псиной! И, почему-то – лосьоном для бритья!) Кентавры с лирами в руках, наяды с хвостами русалок, (А от этих – ну вот наносит рыбой, и всё тут!) сфинкс со своей дурацкой Книгой в зубах. Бабочки немислимых расцветок, порхающие буквально тучами, так, что сквозь их мельтешение вдаль почти не видно, и кузнечики размером с Линкор: запросто закусывающие кентаврами и китами. Летящие слоны. И ещё кто-то, ужасно напоминающий обыч-

ных динозавров, только с восемью лапами и шестью парами крыльев!.. Кто-то злобный и зубастый, словом!

Дальше к горизонту, завёрнутому в немыслимую спираль, монстров становилось ещё больше, правда, разглядеть, что они из себя представляют, уже было трудно. А в то, что удавалось-таки разглядеть, трудно было уже поверить: настолько оно выглядело дико и чужеродно! Какие-то мутанты! Уроды! Скажем, вот: половина тела – от утки, а половина – от змеи! Нет, не верхняя и нижняя – а правая и левая!

Аффигеть, как говорит моя внебрачная пятилетняя дочь! (Шутка. Эта дочь – Стервозы Энн, а я её только мельком видел. Зато уж наслушался про то, какая она умненькая и способненькая!.. Словом, вся – в мамочку!) Но теперь более-менее ясно, откуда воображение землян черпало все эти образы! И потом воплощало во всяких картинах, или иконах, типа «Искушений святого Антония», или «Страшного суда»!

Вот только...

Как всё это спроецировалось и передалось отсюда – туда, на обитаемые планеты, если по версии Матери и учёных, из Дыры ничего вырваться не может?!

Телепатия? Эмпатия? Или – ещё какая «патия»?! Или...

Или – кто-то всё же из *чужих* побывал, а затем поделился? С землянами?

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, всё поглотило нестерпимое сияние – будто включили светильник в миллиард свечей, и экран вспух чудовищным пузырём: как

если бы его поверхность стала жидкой, и кто-то от души наподдал с той стороны!

Всё взорвалось каскадом разноцветных искорок и радужных пузырей!

И я понял, что попал.

Потому что вдруг само моё зрение как-то сместилось... И теперь я смотрел на мир как бы сквозь рот! Это стало ясно, когда я попробовал зевнуть – весь звук куда-то пропал, и мне подумалось, что это оттого, что скакнуло давление! – а зубы перекрыли всё поле зрения! Чёрт! (А правый-то нижний клык хорошо бы подчистить: на нём – явно зубной камень!) Рот я поторопился снова открыть. Но лучше видно не стало, потому что теперь глаза погрузились, и поплыли сквозь нечто серо-красное, (Мозг, что ли?!) и вылезли со стороны затылка. Тут пришлось голову убрать с подголовника: иначе, как давешний Вий, не смог бы открыть веки со ставшими почему-то длиннющими, ресницами!

Собственно, смотреть на подголовник было неинтересно, и я приказал глазам вернуться на положенные места – спереди черепа.

Вернуться-то они вернулись... (На этот раз продирались сквозь мозг с ощущением дикой щекотки!) Но почему-то разместились теперь в ноздрях!

Э-э, плевать: главное – видно. А видно-то уже без всякого экрана: так, словно я сам, без корабля и скафандра, лечу куда-то прямо сквозь пространство, и у меня нехилая скорость

и масса... И вот теперь я влетаю как бы в... Парк? Лес? Не знаю, как назвать, но знаю (откуда-то!), что вот эти толстые и высокие хреновины, с трепещущими словно на ветру не то – бутылками, не то – паровыми котлами от паровозов, (а может – и с тем и другим!) – деревья с листьями. А вот эти, похожие на древние мониторы, штуковины – их цветы.

А вот эта дрянь, что извивается, норovia оплести мои, неизвестно как оказавшиеся непристёгнутыми, ноги – трава. И похоже, питается она кровью. Потому что уж больно рьяно норовит воткнуть иглоподобные кончики серповидных отростков-стеблей мне в голые (почему-то!) икры и бёдра! Да и вообще – из одежды на мне только бисеринки пота!

Я заорал, (Вернее, это я так подумал, что заорал, а как там было на самом деле, не знаю!) и всё вокруг пришло в движение: трава отдёргнулась, словно её ошпарили, и лес мгновенно втянулся вглубь поверхности!

И я остался на голом и лысом (если так про него можно сказать!) астероиде, где ничего – ну вот – ничегошеньки! – не имелось интересного или необычного.

Странно. Я... Проснулся, что ли? И снова – в обычном Пространстве? И здесь кроме меня – никого?

А, нет: вон, из-за дальней кромки – снова налетают. Чёртовы сторожевые корабли чёртова Квимби Лысого! (Их легко узнать, потому что если уж про что и можно сказать, что оно щетинится дулами разных пушек/излучателей/ракетных установок, так это – про корабли Квимби Лысого...)

А мне даже встретить их нечем!

А зачем мне их встречать? Я же могу...

Распавшись в жидкую форму, (каким-то образом я знал, был уверен, что теперь и это, да и вообще – много чего ещё! – могу!) я ртутью просочился в мельчайшие трещинки и кратеры, и стремительно потёк к центру каменного осколка. Откуда я взял, что теперь могу существовать и в виде жидкости, сам в тот момент не понял, но твёрдо знал: могу, и всё тут!

Корабли, правда, тоже так смогли. И мне пришлось превратиться в воду, которую я стал подогревать, ускоряя свои молекулы напряжением воли, до тех пор, пока она не вскипела! И тут я как следует нажал «своими» парами на скалы вокруг себя, и астероид взорвался к такой-то матери! (Нет, не моей матери, и не главного компьютера у меня на «Лебеде», а просто – в общекосмослэнгловском смысле...)

Снова сменились... Декорации? Я что – в театре?! Потому что вон – впереди рядами размещены словно бы кресла. Ага – амфитеатр, ложи... А в них... И вокруг...

Да, точно: вокруг – дикие коты. Странно. Я же вроде – не мышь? Или – мышь?

Ну так ... же вам!

Я поднапряг волю, и превратился в Пламя. Ф-фу!.. Ф-фу на вас!.. Вот это сполохи!

Ишь, как драпанули! А как красиво пламя объяло весь зал! Море огня! Фейерверк взрывающихся кресел! Хо-хо!..

Вдруг всё пламя пропало – осело, словно снег на промёрз-

шую землю. И точно: вокруг – зима! Всё белым-бело! Но что это у меня на голове? Корона?!

Теперь я – Король?! Пришлось снять, посмотреть и вернуть её на место – настоящее золото, туды её!.. Но предаваться чванству некогда, потому что знаю где-то подсознательно: кто-то объявил мне войну, и сейчас – решающая битва: вокруг трубят трубы, бьют барабаны, и скачут кони, (?!) орут люди (мои?!) в равных и грязных матерчатых доспехах, и размахивают копьями и мечами...

А спереди наступают другие – чёрные, волосатые, (на людей уже похожи куда меньше!), они нападают на «моих», и льются реки крови.

И мне приходится управлять как-то всем этим безобразием! Я что – Король Артур, что ли?! Потому что стою спиной к крепости, уж больно напоминающей древний Тауэр?

Гады! Моих становится всё меньше и меньше – чёрный ликующий вал захлёстывает, словно прибой! Ну, погодите, сволочи, сейчас я вас всех!..

Усилием воли я отшвырнул этот вал. А потом ещё как заорал!!! Слышно меня, наверное, было и в Антарктиде: все враги улетели, словно соринки, разнёсанные торнадо – по всем закоулкам и медвежьим углам моей (Это я тоже – знаю и чувствую!) Империи!

Ну вот и нет тех, кого я посчитал за врагов!

Ага, похоже, я – молодец. Потому что «мои» стали радоваться, и кричать мне «Ур-ра!», «Смерть зутам!», «Слава

Повелителю!»), и «Иди, делай нам теперь наследника!»).

Какого наследника?! Да и – с кем мне его «делать»?!

Но... Я чувствую, знаю, и то, что что-то важное ещё не доделал. Я должен... Кого-то предупредить! Но – о чём? И кого?! И... Что мне для этого надо сделать?

Но почему вдруг пропали из-за спины каменные стены?!

И что это теперь оттуда, сзади, наезжает?! Неотвратимо, заслоня полнеба!

Ого! Да это же дорожный каток! Да какой здоровущий! Размером с... Солнце!

А ноги почему-то завязли, как у мухи на липучке...

И вот меня «утюжит и плющит»! Дьявол! И – опять воняет! Горелой изоляцией!

Слой, в который меня «раскатало», явно не превышает в толщину одной молекулы... И всё равно: это – я! Чувствую и руки, и ноги, и мозг, (он-то точно: работает!) но знаю каким-то шестым чувством, что собираться снова в нечто объёмное – пока не надо. Потому что *так* я могу выдержать те ускорения и нагрузки, что даёт сейчас мой кораблик, пытаюсь доставить меня туда, где я должен... Предупредить! А в «объёмном» варианте – я туда *никогда* не попаду!

Однако вот почему-то уверенности, что сейчас ускорение мне придают «Лебедь» и Мать, у меня не было...

Так меня и несло: словно я – плот, да ещё гибкий такой, словно лист бумаги, и меня перетаскивает через пороги, и швыряет и кувыркает по водопадам и стремнинам.

Ощущения – дикие! Жаль, я не писатель. Или – поэт. Чтоб *такое* описать – нужно обладать даром как раз – чёртова поэта!

Но куда это я при... Плыл? И вокруг чего сейчас облегаю, словно подарочный целлофан – вокруг коробки с подарком? Словно плантация бропарей...

А, нет – это – просто спутник Ювинты-2, где я однажды рыл курчатовий и стронций, пока сидел на мели: без денег и заказов.

Тут какая-то сволочь стала по мне ходить ногами. С трудом открываю глаза. (Ага! Они у меня сейчас как у легендарного Аргуса – их миллионы! И рассеяны – по всему мне!) Вот оно как: это какая-то скотина в экзоскелете ходит по моей «поверхности», проминая тело так, что отдаёт в затылке! (Хотя – откуда у меня *так* – затылок?!)

Хочется, разумеется, пострелять в этого скота, или хотя бы припугнуть как следует, чтоб удрал, словно болонка от зомби-мутанта, но...

Почему-то ощущаю, что – лучше не надо!

И точно: изогнувшись и обернув гада в своё тело, как в кокон, обнаруживаю, что это – я и есть! Только...

Мне здесь не больше сорока!

Дьявол задери! Геморрой мне в ухо! (тьфу-тьфу!)

А ведь точно! Вот ОНО! Примерно тогда мне и привиделся наяву этот кошмар, который я помню до сих пор: я стою на чём-то мягком, а оно оборачивается вокруг меня, словно

фантик вокруг конфеты, и глядит, глядит... Словно в самую Душу! И меня (тогдашнего!) не оставляет смутное ощущение, что это – я и есть!

И вот – это и правда: я и есть.

Вернулся, стало быть, к себе, любимому, спустя каких-то двадцать-тридцать лет... Да ещё в каком виде!

Слышу свой перепугано-настороженный (Уж я-то – знаю!) но бодрящийся, голос:

– Кто здесь?!..

– Не пугайся. Это я. Ну, то есть – ты. Словом, это Мак здесь. Э-э, короче: это – ты сам, но из далёкого Будущего.

– А... Ну, привет, Мак. И для чего ты... Здесь?!

– Предупредить тебя, сидящего на мели балбеса. Чтоб ты на планету Фассетх-6, ну, ту, с супервулканом в виде розы – не совался. Чего бы тебе не посулили за артефакт, что там находится. А сейчас... – пространство забурлило, и меня снова стало колбасить, – Прощай! – чувствую, что общение (А, может, оно тоже – происходило на телепатическом уровне? Потому что будучи раскатанным слоем в одну молекулу – рот точно не сформируешь!) прерывается, и вот я вновь удаляюсь от себя! Со скоростью, в сотни и тысячи раз выше скорости света.

А ведь верно: чтоб пропутешествовать к себе, любимому, на тридцать пять лет назад, с такой именно скоростью и надо было нестись: чтоб вернуться к тому моменту, который для *нормальных* людей, живущих *линейно*, навсегда унёсся в пу-

чины пространства и времени, как это изящно формулирует Мать – «на крыльях Вечности»...

Тут меня снова стало мять и выворачивать: словно мне опять придают объём!..

Блинн. Больно-то как... Впрочем – никак. Непривычно просто.

Очнулся на кресле.

Еле успел перегнуться через его край: а то бы точно комбез испачкал... А так – Мать сейчас вытрет манипуляторами отвратительно пахнущую лужу. И запах сгоревшей изоляции из рубки удалит форсажем чёртовых вентиляторов климатизатора.

О-ох...

Что же *это* было?! Как я смог... Пропутешествовать к себе именно в *тогда*, когда это оказалось абсолютно необходимо? И ведь знал, что нужен именно я – я как раз тогда считал себя настолько «крутым» и «опытным», что ничьему больше предупреждению и не внял бы...

Кроме своего.

Одно помню отлично: я тогда внял-таки «потустороннему» посланию от «самого себя» и... Не полетел на Фассетх-6. А Сара-Дайана полетела, хоть я и пытался и её... Но она... Жадная очень была. И – с большим гонором. Советов не признавала.

Ну вот и нету Сары-Дайаны.

А я – вот он.

Пусть меня и стошнило, (Чёртовы яйца с беконом, которые ел на завтрак! Так и думал, что одно – с тухлинкой!..) зато – жив! И – предупреждён. Ну, там, в далёком прошлом...

Теперь только принять традиционное «лекарство», да записать весь этот увиденный, или «пригретенный» бред в Бортовой журнал, пока ещё свежо в том, что осталось от памяти, это странное приключение...

– Посмотреть хочешь?

– Ну тыть!

Мать включила компьютерное моделирование. И вот они, полюбуйтесь! Наши любимые черви-гельминты! Конечно, как она и предупреждала, пропорции несколько искажены, и в ширину они теперь кажутся почти такими же, как и в длину! Этакие нелепо-бестелесные шароиды! И по мере того, как армада стучащих друг о друга и извивающихся пузырей исчезает в воронкообразном жерле, те, что летят впереди, становятся всё меньше... И как бы – прозрачней. Как это происходит? Ведь они в обычном состоянии не...

– Видимы. Да, верно. Но это же – компьютерная картинка. Я её *такой* делаю специально. Чтоб *тебе* было понятней.

Вот всегда она так. Разговаривает, словно с двухлетним недоумком.

Обидно.

Впрочем – нет. Вру я всё. Никогда она меня не унижает. Просто старается всё объяснить *доходчиво*. Во всяком слу-

чае, она именно так всегда оправдывается, когда я, как вот сейчас, начинаю рычать и кусаться...

Ладно. Я не сердился.

И пускай это было приключение, скорее, духа, чем тела, уж можете быть уверены: запомнил я его даже получше, чем даже все остальные...

Не часто удаётся совершить путешествие к самому себе, да дать *толковый* совет.

А ещё мне было приятно, что от Пустотников мы на этот раз отделались капитально. И Хомо Сапиенс-ам, да и всем прочим формам жизни, эта жутко (Ну, может, где-то и по нашей вине...) размножившаяся дрянь теперь не угрожает.

Но всё равно придётся все материалы передать доку Натану: чтобы все наши знали, как бороться, если встретят (вот уж – ТЬФУ-ТЬФУ!!!) нечто подобное в необозримом и непознанном Космосе...

А сам я – правда-правда! Вот чтоб мне провалиться! – в протопланетное облако больше – ни ногой!

Всё равно, когда мы доковыляли до ремонтных доков, замена обеих ходовых, и одного вспомогательного реактора на более «выносливые», и, само-собой, более дорогие, влетела мне в ту ещё копейчку! И ремонт занял целых (!) две недели!

Но я был рад. Мне для «Лебеда», или Матери – ничего не жалко!

Спасают ведь мою драгоценную задницу!

От приключений.

А что куда важней – и от самого себя...

Когда собираюсь, или выкину что-нибудь особо рискованное.

Или – глупое.

(Самому-то себе – могу признаться! Что иногда... А точнее сказать – всегда!)

Э-э, ладно! Нереально всё это: насчёт того, что я когда-нибудь, как ворчит моя Хозяйка, начну «Думать головой, а не другим местом!», или «Не стану соваться в пекло!».

Потому что тогда это был бы – не я!

10. Мои друзья камни.

– Нет, посмотри внимательней.

Ну, я посмотрел. Подумаешь – неолитические каменные круги. Таких и на земле полным-полно: вон, взять хотя бы тот же Стоунхендж. А то, что колец-кругов много, говорит лишь о том, что терпение – добродетель ослов. И если верить расхожей теории о том, как с помощью труда из обезьяны получился человек разумный, из этих самых ослов уже давно должен был появиться сверхгений...

– Не вижу ничего интересного. В-смысле, что можно продать. Подумаешь – «круги друидов»!.. Ты мне лучше скажи – где люди! Чтобы нам опять не решать «проблему туземцев».

– Да вот в том-то и дело. Нет здесь людей. Вообще нико-

го разумного двуногого прямоходящего. А на круги я тебе предлагала взглянуть внимательней потому, что они как раз и являются причиной того, что людей нет.

– ?!..

– Это – Врата. То есть, настоящие Врата – вот точно такие, как их любят показывать в фильмах, и которые до сих пор так и не созданы лучшими умами человечества. И которые открывают Порталы к неведомым Измерениям и Мирам... – не люблю, когда она начинает вот так, высокопарно и научно-образно выражаться. Значит, сейчас последует какая-нибудь гадость. Для меня. И точно!

– ...поэтому тебе лично придётся войти туда, в поле их действия, и описать для потомков и тех же учёных светил, свои непосредственные ощущения в момент переноса.

– Мать! Это, разумеется, шутка?! Ты что, хочешь от меня навсегда отделаться?! Да ещё таким дурацким способом? Ведь если даже на секунду предположить, что эта дрянь до сих пор работает, то я окажусь... Вероятней всего, конечно, там, куда «отчалили» все местные гуманоиды. И – что ещё более вероятно – в миллионах световых лет отсюда!

Ну и как я потом вернусь обратно? Вдруг Врата – одно-сторонние?

– Что значит – «вдруг»? – говорит эта умница и лапочка. А когда замечает, что я потянулся за монтировкой, поправляется, – Ха-ха. Извини. Невинная шутка в «твоём» стиле! Купился!

– Чёрт! Ещё как купился...

А как же не купиться: Мать – главный Компьютер у меня на «Лебеде», и всё, что она говорит серьёзно, можно даже не проверять – имею тысячу прецедентов её правоты. Но после того как техник Вася вставил ей (по моей же, балбеса такого, просьбе!) блок юмора и неформальной логики, от её юморения в «швейковско-казарменном» и «казённо-циничном» стиле просто спасу нет! (Нет, это она – точно от предыдущего хозяина почерпнула! Кривой Пит был редкостной скотиной и циником. Впрочем, кто из скрапперов – не циник? Вот именно. Работа такая. Никак тут не сохранить «идеалов», «идей гуманизма», и уж тем более – «розовых очков»!)

После каждого рейса всё собираюсь отобрать у неё игрушку, но каждый раз так радуюсь, что остался жив, и так бурно... э-э... отмечаю, что обычно забываю об этом деле, или машу на него рукой. Ничего: в этот раз – точно уделаю её!..

Работка у нас с ней... как бы это помягче... весёлая.

Во всяком случае, скучать не пришлось ни в одном из рейсов. А было их... Если Мать не врёт – больше восьмидесяти. И в каждом мы посещаем с «мирными» визитами миров десять-двадцать. Ну, в исключительных случаях – под тридцать. Больше не успеваем. Потому что быстро можно «осмотреть» лишь тот Мир, где у солнца нет планет вообще. (Бывает и такое.)

Да и когда есть – обычно сразу видно: стоит ли задерживаться на их подробный осмотр. В большинстве систем и ми-

ров кислородных планет просто нет. А в тех, где есть, они по большей части не заселены: ещё, или – уже. (Вот как раз на таких мы шарим досконально! Ну как же: «артефакты туземцев»! «Предметы местного искусства, и культового поклонения»!).

Ну а если заселены – мы сейчас стараемся не соваться.

Во-первых, чтоб Лицензию не отобрали.

За незаконный (Ну, в смысле – *нашим* законникам неважно: отобраны ли предметы силой, обменом, или хитростью, которую они почему-то именуют «мошенничеством»!) отъём этих самых предметов. Особенно – культура.

А во-вторых – непорядочно отбирать у примитивных во всех отношениях бедолаг то, что я потом продам. Всё равно, что отбирать у детишек леденцы... И не стрелять же мне в них, как делают Линден и Хромой Джо, если сами не отдают... А торгуют с ними пусть Уполномоченные Агенты Спецкомитета при лиге Содружества... В-смысле, потом, когда я продам им координаты таких миров.

Мы с Матерью – скрапперы. То есть, порхаем, как пчёлки, от одного неоткрытого официальными инстанциями Содружества Мира к другому. И высасываем (если найдём, конечно!) сладкий нектар! (Чёрт, во как поэтично описал!..)

А на самом деле ничего поэтичного в работе скраппера нет.

Мы – просто барахольщики Вселенной. Летаем там, где ещё не ступала нога официальных представителей нашей

Цивилизации, или по помойкам: то гильз стреляных соберём на старых Полигонах, то кусков раздолбанных кораблей. А этого добра хватает во всех уголках космоса. Ну вот любят разумные создания выходить в это универсальное связующее Пространство, и терпеть там разные катастрофы...

А ещё мы привозим в земные ксено-, зоо- и прочие Парки разных неведомых зверушек. Но чаще продаём таких любителям-коллекционерам. Эти готовы платить большие деньги – лишь бы утереть нос таким же как они, пресытившимся тем, что можно достать за деньги, миллионерам: «Смотри – это Рефарс с Малого Арциона-3. Жрёт, капризная зараза, только молодых крокодильчиков... Да и то – лишь самочек... А уж слюна какая едкая – пришлось на пол бронелисты из кевлита положить!»

Сам я чего только не привозил из рейсов. И металлолом для перерабатывающих вторсырьё заводов на астероидах. И зверушек. И «абсолютную спутницу жизни». И уран – даже в виде неиспользованных боеголовок.

А уж про изделия туземцев, и всякие «предметы прикладного искусства» и говорить смысла нет: полный каталог у Матери в памяти. Поэтому у нас с ней (ну, вернее, всё же, у меня) на счетах в банках девяти планет лежат немаленькие суммы, да и шикарная вилла есть на «курортной» планете. Живи, казалось бы, радуйся.

Ага, как бы не так. Скраппер, (Если он скраппер, конечно!) как я уже десять раз говорил, и не поленюсь ещё повто-

речь, не умирает в своей постели.

Обычно его останки (или хотя бы несколько молекул) привозит к кладбищу порта приписки, или просто – ближайшей людской Колонии, пустой Корабль. А *все* бортовые компьютеры так запрограммированы – привозить своих «бывших» хозяев в порт «последнего упокоения». И это я могу понять: не справился с ситуацией сам – пусть справляются учёные. Или уж – отомстят за тебя вояки...

Хотя гораздо, гораздо чаще, получается так, что корабль и его Хозяин просто исчезает. Где-то в Пространстве. И, только если *очень* повезёт, эти самые несколько молекул потом находит какая-нибудь специализированная экспедиция в Дальний Космос. Ну, или разведчик – фрегат Флота.

Чёрт, вот теперь получилось – слишком мрачно! Нет, писатель из меня аховый. Буду надиктовывать мемуары, и затем снова найму профессионала для «литературной обработки». А уж материал – за мной! И, должен вам сказать, наберётся книги на три... дцать!

Словом, подувшись ещё немного, и хмыкнув, я Мать простил.

А как её не простить: в этих путешествиях и авантюрах только она и спасала мою задницу в таких ситуациях, когда, казалось, полный копец мне и настал... Сшивала (с помощью автодоктора, конечно) меня буквально по кусочкам после особо бурной встречи с мраморными муравьями, или рассерженными туземцами. Лечила от смертельного отрав-

ления – после встречи с не столь рассерженными, но коварными... Стреляла из «артиллерии» нашего кораблика вместо меня в тех врагов, с которыми мы-таки вступали в открытый бой... (Вы не смотрите, что «Лебедь» у меня всего семьсот восемьдесят тонн водоизмещения: вооружения у нас на борту побольше, чем у иного Линкора того же Флота!)

Смею утверждать, что за сорок лет совместных приключений сблизилась мы так, как ни с одной даже женщиной сблизиться нельзя – и не обвиняйте меня в антропоморфизме! Я точно знаю: Мать – лучший человек, чем большинство чиновников-бюрократов в портах и Колониальной Администрации!

Поэтому погрузился я в заботливо приготовленный ею челнок, да и вылетел к самому большому каменному кольцу.

Вблизи ничем оно не отличалось от картины, что видел и с орбиты.

Правда, камни, (то бишь, сарсены) что понатыканы по кругу – ох и здоровушие. Тонн этак по сто пятьдесят – двести... (Мать просветила – триста!) Ага – мне тоже пришла в голову мысль, уже пять тысячелетий не дающая покоя археологам: как они, доисторически-примитивные люди, в большинстве случаев ещё даже не открывшие колеса, а уж тем более – электричества, такие ворочали? Автокраном, что ли? А у кого кран упёрли?..

Основания монолитов тонули в зелёной травке. Помню,

обратил ещё внимание на весёленькие жёлтые цветочки, словно окружавшие эти самые основания – словно кто специально насадил... Мох такой пушистенький с теневой стороны... Ну прямо сельская идиллия. Коров бы ещё сюда – пасться.

Дроид со своими выдвижными свёрлами зажужжал, высверливая образец. Но почему-то сразу остановился. Мать, которая указывала, естественно, где и сколько высверлить (она у нас главная по геологии, метеорологии, и всей прочей -логии), вдруг говорит:

– А знаешь, я, оказывается, почти не пошутила. – и молчит.

Вот зараза! Умеет же заинтриговать, когда хочет... Пришлось унизиться и попросить:

– Хватит издеваться! Рассказывай, что там.

– А там – огромное по напряжённости поле... неизвестной мне природы. И такое – есть у каждого стоящего в кругу камня.

– Ну... И что?!

– А то, что аналогичные поля я наблюдала только у... Живых существ! Это – так называемая «аура». То есть, то, что указывает на высшую нервную деятельность.

Паршивка велеречивая! Или это я непозволительно отупел от ежедневного бегания по коридорам, и работы на тренажёрах, и с робо-ли?..

– Ты что, хочешь сказать, что чёртовы камни – разумны?!

– Похоже, да. И они точно чувствуют боль: когда дроид стал сверлить, показатели напряжённости поля сверлимой особи прямо зашкалило! А поля всех окружающих тоже изменялись: вероятно, они... Сочувствовали!

– Знаешь что, Мать... Твой неназойливый юмор сидит у меня уже в печёнках. Короче: давай другой вариант. Разумные камни – чушь собачья!

– Другого варианта быть не может. Подожди, я выведу изображение тебе на планшет.

Откидываю я из бедра эту здоровенную штуку, и Мать даёт туда объёмную голограмму.

Хм-м-м... Даже не знаю, что сказать. Разве что традиционное – «вот чёрт»!..

Действительно, «аура» вокруг каждого камня наблюдается. А тут ещё Мать параллельно вывела и мою, и кнопсов, и ринтрахов... Ну да – поле, как у живых существ.

Но как же?!..

Что они едят?! Как размножаются? Двигаются? Они же до половины закопаны в землю! Или они... Внутри – *не* камни?!

Придирчиво изучил я рентгенограмму, и данные УВЧ и МСВ. Нет: по всей толще – камни!

Откуда тогда «аура»?

– Мать! Ты уже наверняка обо всём подумала за меня. Как мне... наладить Контакт?

– Ну... постучи в ближайший камень чем-нибудь, и по-здоровайся!

– Мать! Ты опять?!..

– Даже и не думаю! Нет, правда: постучи. Ответ должен прийти тебе прямо в мозг – я вычислила, что они, как и Пустотники, или Странники, должны быть телепатами. Потому что движущихся частей тела у них нет, а без этого звук не воспроизвести. Да и услышать они ничего не могут – без сенсоров, или каких-нибудь мембран.

Так что с вероятностью в восемьдесят девять процентов они общаются мысленными импульсами... если общаются вообще.

Любит она потчевать меня своей «вероятностью» в процентах. И выставять меня полным бараном. С другой стороны...

Общение-то налаживать как-то надо!

Так что, чувствуя себя последним идиотом, я подошёл к самому большому столбу, (скорее – настоящей скале!) и постучал в него рукояткой ручного лазера. Вслух сказал, а затем и подумал «погромче» (Надеюсь, вы понимаете, как это – «подумать погромче». Потому что я – не очень...):

– Привет, камень! Как дела?

Пришлось повторить ещё на десятке известных языков то же самое, пока не ощутил... нечто странное. И не где-нибудь – а как раз в мозгу, будь оно всё неладно! Вот уж *ощущения!*..

– Здравствуй, углеродный. Дела неплохо. Как твои?

Что за... А-а-а! Вот в чём дело. Они же – кремнийорганические. А я – правильно, углеродный. А здорово, что они

транслируют прямо в мозг: нет словесной путаницы, а сразу идут *понятия*: можно быть уверенным в точности – без сложностей с аудиопереводом. Отлично. Даже Материнский транслятор так не умеет!

– Мать!!! Контакт налажен. А... тебе – слышно?

– Нет. Но я заценила твою попытку «купить» меня. Считай – один-один.

– Да нет же, балда ты жестяная! Говорю же – действительно отвечают! Вот, только что со мной поздоровались, обозвали углеродистой мордой, и спросили как дела!

– Ну... В принципе, ты такой и есть. Вот и пообщайся. Ты же хотел выяснить, что тут и как.

Хм-м... Разумно. Не ей же нужны деньги. Или – артефакты, которые мы сможем...

– Как мне называть тебя... э-э... местный житель?

– Называй меня Гурорпул. Это имя мне дал Отец при отделинии.

Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! У него есть *Отец*!!! Представляю, что это за монстрище, если сам Гугорпул на пять метров торчит из земли, и не обхватывается даже в экзоскелете! Но как же...

– Приветствую тебя ещё раз, уважаемый Гурорпул. Извини, что мы немного... э-э... посверлили бок твоего... э-э... собрата – мы не знали, что вы живые. Меня можешь называть Скраппер.

– Здравствуй, Скраппер. Ничего, бок он зарастит лет за...

двести. – или у меня что-то с мозгом, или мы не пришли к консенсусу насчёт времён и сроков. Ну и ладно. Спрошу-ка я...

– Скажи, Гурорпул – а где такие же лю... – тьфу ты! – углеродные, как я? Они же раньше жили на этой... Хм... планете?

– Они захотели уйти в другой мир. Да, они раньше здесь тоже жили.

– Что, сами захотели?

– Да, сами. – блин. Не больно-то он разговорчив. Но отвечает последовательно.

– И каким же способом они ушли? И – куда?

– Ушли они через Врата. (Вот свинство – а Мать-то думала, что шутит! Или уже не думала... Во всяком случае, теперь-то она точно так не думает – в смысле, что шутила!), – Ушли в другой Мир.

А он не больно-то вдаётся в подробности, мой Гурорпул. Видать, рыльце в пушку...

– А как они ушли? У них были какие-то... устройства, приборы... Орудия... Ну – средства, которые позволяют ходить между мирами?

– Нет. А уйти им помогли мы. Построили Врата, и активировали их. А своих устройств для такого перемещения у них не было никаких. Орудия же – только для охоты.

– То есть... Вот *это самое* – и есть Врата? – я обвёл руками здоровущий мегалит.

– Да, *это* и есть Врата.

Хм-м... Озадачил он меня. Вот уж не думал, несмотря на прецеденты из земной истории, что пещерные охотники (Ну а у кого ещё нет машин и приборов, а только оружие?! И – главное! – кому ещё придёт в голову строить мегалитические комплексы? Не клеркам же с офис-девочками?!) могут и правда – перетаскивать такие глыбы... А если?.. Впрочем – он же сказал, что это, вроде как *они* построили.

– А *как* вы построили Врата?

– Мы показали углеродистым, где и какие ямы нужно вырыть. И когда они это сделали, мы перелетели из Колонии – сюда. Встали. Сориентировались. И они нас снова закопали.

Вот так. А я-то дурак, ржал как конь, когда читал фольклор аборигенов острова Пасхи. О том, как у них изваяния по десять метров в высоту *сами* шли к намеченному месту установки...

– Значит, вы можете летать? По воздуху? А... По космосу?

– Да. Можем. И по воздуху, и по космосу.

Наверное, мой мозг выдал такой вопль, что Гурорпул даже переспросил:

– Мои ответы вызывают у тебя, Скраппер, боль, расстройство, негативные эмоции?

– Нет... Нет. Только – *сильное* удивление. (Чёрт! Никогда ещё мне не удавалось *это* чувство выразить столь культурными словами!) Пришлось взять паузу, чтоб отдышаться.

– И много вас таких, улетевших из... э-э... Дома в космос?

– Да, много. Девятьсот тридцать четыре тысячи пятьсот восемнадцать.

Ничего не скажешь – дотошный, зараза. Почтище Матери. Тоже, что ли, компьютер? Нет, вряд ли. Компьютеры не чувствуют боли при сверлении. Кстати – о Матери. Перескажу-ка я ей... Глядишь, что-нибудь путное и подскажет. Хотя я уже и сам кое о чём догадался. (Ну, не совсем же дурак – сорок лет практики чему хочешь научат!)

– Извини, Гурорпул... Мне надо посоветоваться с моей... Госпожой.

Пока я пересказывал содержание нашей беседы, Гурорпул тактично молчал. Чего не скажешь о Матери: всё-то ей было интересно. В-основном про его физиологию. Но меня занимало несколько другое.

– Скажи, Гурорпул, сколько планет с... пригодной для дыхания таких существ как я, то есть – углеродных, атмосферой вы... оснастили Вратами?

– Тысячу триста одиннадцать.

– А... других, с непригодной?

– Четыре тысячи восемьдесят пять.

– И... все Врата действуют и сейчас?

– Нет. Действуют только пятьдесят восемь Врат.

– А что с остальными?

– Они уже не работают. И никогда больше не будут.

– Почему? – я уже предвидел ответ.

– Умерли составляющие их Братья. – надо же. Они – смертны. С другой стороны, раз кто-то когда-то родился, то вполне логично предположить, что рано или поздно он и умрёт.

– А... От чего умирают твои Братья? И сколько вы можете прожить?

– Братья умирают от старости, или от недостатка пищи. А прожить мы можем около миллиарда с четвертью ваших лет. (Конечно – он же телепат! Всё про нашу цивилизацию схватывает на лету!) Конечно, при условии регулярного полноценного питания.

– А чем же вы питаетесь? И где берёте... э-э... пищу?

– В твоём лексиконе нет соответствующего понятия. Но пища для нас – это продукты переработки излучений. Тебе же известны излучения радия, урана, полония? А мы перерабатываем излучения некоторых элементов в... Повторяю: у тебя в сознании нет такого понятия.

На молодых планетах питания для нас обычно сколько угодно. Но когда планета стареет, и остывает, пища тоже постепенно исчезает: перерождается в те же уран, радий, свинец, и прочие недоступные нам продукты полураспада и распада.

Вот блин! Значит, и правда – Природа не терпит пустоты! Молодая планета заселяется такими... Братьями. А затем, когда они умирают от старости и недостатка еды, им на смену приходят другие – пусть не столь долго живущие,

но – могущие воспроизводиться сами, из «возобновляемых местных ресурсов» – воды, углерода и солнечной энергии, организмы...

Хм. Углеродистые. Или – другие?..

– И вот вы селитесь на молодых планетах, и просто... живёте там? Поодиночке? Уже не летая?

– Обычно – да. Но – редко поодиночке. Мы предпочитаем жить в Колониях – чтобы общаться. И для совместной работы. При рождении мы обладаем немного большей подвижностью, и возможностями. У нас огромный запас внутренней энергии. Врата там, на родине, могут переправить нас, в принципе, в любое место Вселенной. А на новом месте каждый устраивается на понравившейся планете, и, если место пригодно, предлагает другим присоединиться.

Так что гораздо чаще мы вылетаем и поселяемся на уже разведанных планетах с нужной нам пищей – Колониями, как я уже сказал. Обычно мы размещаемся там в зависимости от предпочтений и характера – кому где нравится. Но можем и объединяться для совместной работы, и, например, строить и свои Врата – вот как здесь.

– То есть... Значит, раньше здесь имелась нужная вам пища?

– Да. Но сейчас она закончилась.

– А-а... э-э... не опасна ли для нас, углеродистых, ваша пища?

– Опасна. Если она есть на планете в больших количе-

ствах, такие как ты не развиваются.

Вот оно в чём дело! То есть, пока чёртовы странные излучения не «выдохнутся», органические создания и не возникнут. Но вот здесь так совпало, что их временные линии пересеклись.

– А Врата? Вы всё ещё в состоянии заставить их работать?

– Да. Но – на очень непродолжительное время. И – на маленькую суммарную массу.

– Почему? – я уже и на это предвидел ответ.

– Слишком много сил и энергии ушло на переброску всех углеродистых.

– А какого... То есть – что же *здесь* их не устраивало?! – я надивиться не мог на девственно прекрасную природу, чистейшую атмосферу, кристальные реки и озёра. Температура – почти как дома, в смысле, на земле. Благодать! Неужели *это* может не нравиться?!

– Их не устраивал чрезвычайно высокий для них радиационный фон. Дело в том, – я уже понял. Очередной ядерный катаклизм. Недаром же ещё Мать сказала, что этот самый фон подозрительно повышен... – что углеродистые взорвали несколько устройств, которые хоть и не истребили всех их сразу, но истребили бы со временем, – ну, не мог я удержаться. И снова треснул рукой по гермошлему у затылка! – ... и тогда семьсот восемьдесят три выживших попросили у нас помощи. И мы отправили их туда, где радиации не было.

– А... как же они выжили – эти семьсот с чем-то?..

– Они провели в подземном бункере более трёх лет. Затем у них закончилась их пища, и они обратились к нам.

– А откуда они знали, что вы можете... перенести их?

– У них на... Хм... Начальном этапе развития Цивилизации существовал определённый Культ. Культ почитания нас. Их избранные жрецы могли общаться с нами. Так, как сейчас ты. – Ну здорово. Говорю же – друиды чёртовы... А ещё меня поражало, что Гурорпул выражался почти как Мать: вот бы дать им пообщаться, и посмотреть, как быстро они «достанут» друг друга занудством и «правильностью»! – Вот они и решили возродить... Почитание нас. И уговорили переселить их.

– И как давно эти люди «переселились» отсюда?

– Пять тысяч восемьсот семьдесят три их года.

– Ты имеешь в виду – обороты планеты вокруг *местного* солнца?

– Да. – а не больно-то мой собеседник разговорчив и инициативен. Не спросишь – не скажет. Где же любопытство, присущее всему живому? Почему он сам ни о чём не спрашивает меня?!

– Я считаю нетактичным спрашивать тебя о чём-либо. И ты правильно подумал – то, что мне было интересно, я из твоей памяти и так извлёк. Извини – но так получилось само. Автоматически. Так что теперь мы с Братями знаем всё о твоих приключениях, и посещённых тобой мирах. Да и о других людях.

И нам, к нашей большой радости, будет чем заняться на досуге: обсуждать особенности жизни и развития всех этих цивилизаций. Так что я выражаю благодарность от лица всех нас. Ты поможешь скрасить наше существование как минимум лет на восемьсот.

Ах вот оно как. Ну и правильно – *что* я могу дать взамен за нужную мне информацию – каменному столбу? Стеклянных бус? Зеркальца? Консервированный ананас?

Пусть себе сплетничают: вреда от этого ни мне, ни кому другому – не будет. А может, и наоборот. Да и приятно: вон, какой я «крутой» – на восемьсот лет подбросил «материала»...

Он по-своему прав – пусть «прошерстил» мои мозги и без моего разрешения. Я не в претензии. Чем же ещё заниматься каменным истуканам в свободные миллиард с четвертью лет их уже «оседлой» жизни, как не разговорами?! Так что мы, получается... Провели взаимовыгодный обмен. Но!

– Мать! Сколько по-нашему – пять тысяч восемьсот семьдесят три оборота планеты вокруг?..

– Девятнадцать тысяч сто двадцать два стандартных земных года.

Так. Ещё кое-что...

– Гурорпул. Раз уж ты побывал в моей голове, наверняка понял всё относительно нашей системы координат в привязке к Пространству.

– Да.

– Можешь дать координаты планеты, на которую вы отправили переселенцев-углеродистых? Или – вывести это место мне на планшет?

– Конечно. Открой его.

Я так и сделал. Засветилась голубая голограмма – эта система. Вот пошёл пунктир трассы переброса... А вот и место назначения... Вот чёрт.

Земля – как ни поверни.

Нет, ну это – просто свинство какое-то космическое!

А есть хоть кто-то из «углеродистых», кто отправился бы «начинать новую жизнь» *не* на землю?! Или это – и есть (вернее – были!) потомки тех самых, с «Надежды человечества?!.. Но почему же...

– А что там сейчас с тамошними местными... Ну, земными, Братьями?

– Они, к сожалению, не вынесли переброски – она отняла все их жизненные силы. Все мертвы. – ага, понятно. Значит, опасных для «углеродистых» излучений уже не было.

Хорошо.

Для углеродистых.

Впрочем, сколько волка ни корми... Или – свято место пусто не бывает: через каких-то девятнадцать тысяч лет они снова – и бомбу, и реакторы...

И тогда уж этих самых излучений вокруг – море разливанное!

– Гурорпул, извини за бестактный вопрос: когда вы уми-

раете, вы...

– Мы превращаемся в простые камни. Без энергии. Без памяти. Без жизни. – он легко читал в моём мозгу то, что я даже не успевал оформить в законченную мысль, и отвечал сразу.

– Понял. Мне очень жаль... твоих умерших Братьев. – мне и правда, было жаль их. Всё-таки тоже – живые существа. И ни с кем никогда, вроде, не воевали... Уж между собой-то – точно.

– Ничего. Рано или поздно мы все умрём. – а Гурорпул-то... Философ. Ну, или реалист.

– Да уж... А там, у тебя на родине... Ваш Отец ещё жив? Он... функционирует?

– Да. И он ещё производит Братьев.

Обалдеть. Нет, действительно – обалдеть!

Не придумав вот так, сходу, о чём ещё можно спросить или поговорить, я попрощался, приветливо (ну, в меру моих возможностей!) похлопал по шершавому боку, и вернулся на челнок.

Мать, когда я пересказал ей всё, имела наглость не поверить.

Да и поверив, долго ворчала. Лишь когда в указанных Гурорпулом координатах обнаружили остатки того, что могло бы быть Бункером, признала, что, похоже, камень не врал. (Она у меня до сих пор считает, что все, кроме неё, врать могут запросто. И по любому поводу. А вот она, настоящая

лапочка и умница – только «невинно» шутит...)

В Бункер я не полез. Да и что я там мог найти целого и интересного спустя почти двадцать тысяч лет? Вот именно – пыли и крыс я и на других планетах навидался.

Но всё равно – мы добросовестно просветили всё нашим лучшим сканнером. Подивились на обрушившиеся тоннели и комнаты. Почмокали на упущенные возможности...

И я лёг спать.

– Ты сумасшедший.

– В твоих устах это звучит как комплимент.

– Это и есть комплимент. – ну ещё бы. В процессе нашей «научной» полемики какими только словами мы друг друга не... Так что она ещё очень вежлива. А я потом всё равно извиняюсь за ненормативную лексику – это же мою задницу она, многострадальная лапочка, пытается оградить и защитить.

– То есть, я так понимаю, вначале ты чуть ли не силой совала мою голову в чёртовы Врата, а сейчас с пеной у рта пытаешься вразумить меня от этого самого сования?!

– Вразумить можно того, у кого есть мозг в черепной коробке. (Ну, а я что вам говорил?!) А тебя я просто предупреждаю: вероятность...

– Хватит, Мать! Замолчи! Я... Гурорпулу с компанией доверяю.

– Ладно, делай как знаешь. Я устала отговаривать, а затем

расхлёбывать последствия твоих дурацких выходов. Подставь ногу – вживлю тебе маячок.

А вот это – дело. Даже если ей потом придётся рыскать по всей Вселенной, чтобы заполучить мою драгоценную персону обратно на «Лебедь», с маячком на это уйдёт не больше... Пары лет. Ничего, терпимо. Столько я продержусь на любой кислородной планете. Не совсем же я беспомощный сосунок. Особенно в скафандре высшей защиты. И заправленном экзоскелете.

Маячок у нас – уж больно здоровый, гад... Даром, что самый дорогой и мощный.

Было больно. Ничего – когда мне отъели руки чёртовы мраморные муравьи, было больней. Но – выжил. Опять-таки не без усилий Матери и автодоктора.

Выспался я отлично. И отправился на вторую встречу с Гурорпулом.

– Скажи, уважаемый Гурорпул, вот ты упомянул, что пищи сейчас здесь нет... А не подойдёт ли вам что-нибудь из того, что есть у меня на корабле? Том, что на орбите?

– Подойдёт. Если его немного переработать. И мы согласны принять это как ответную любезность с твоей стороны за услугу, которую мы тебе окажем. – Вот зараза! Ну невозможно реально торговаться с парнем, который запросто читает твои мысли!

Но «врождённая» порядочность не позволит ни мне, ни им нарушить заключённое соглашение. Скраппер должен

быть честным и тонким дипломатом. Обходительным и вежливым. Каким был, скажем, Чингиз-хан.

А если без шуточек – слово своё надо держать. Особенно с теми, кто, вот как сейчас, может читать мысли почище, чем любой детектор лжи. Вот тогда-то самоосознание своей порядочности и помогает. Да и пусть я «старомодный моралист» – мне и самому так... спокойней.

Вот так половина нашего Стронция-264, переделанного в Рубидий-314-прим а затем – в Палладий 458 (Всё верно. Мы про его существование и не подозревали...) в соответствии с указаниям Гурорпула, перекочевала к сорока Братьям, а я отправился в ознакомительный круиз на отдалёнейшую кислородную планету. Само-собой – недавно повоевавшую...

Я сам же её и выбрал. После некоторого раздумья. От экзоскелета решил отказаться – не хотел там пугать... Если кто-то выжил. (Скафандр, впрочем, я всё же не снял: мало ли какого оружия не применят против меня, мирного скраппера, местные опять же выжившие «углеродистые»... Если у них там всё в порядке, и «Общество Постапокалипсиса» развивается так же, как и везде.)

Честно пытаюсь выполнить заказ Матери, старался я запомнить «непередаваемые ощущения» при Переносе. Прислушивался к телу. К Пространству.

Только всё напрасно.

Вот стою я в центре мегалита. Настороженный до дрожи.

И вот я снова стою в центре мегалита, но небо – зеленоватое, солнце – голубое, и трава какая-то фиолетовая, и больше, честно говоря, напоминает сбесившиеся лианы – заплела все столбы...

А Братья... Братья чуть более приземистые. Или просто – глубже закопаны? Или – сами «вросли» от времени?

Словом, не почувствовал я *ничего* при пресловутом Переносе. Да и ... с ним.

Подхожу к огромному столбу, лежащему прямо передо мной. Ставлю на него контейнер с привезённым Палладием. Чувствую себя традиционно: идиотом, разговаривающим с Природой, словно я – Торо какой. Ну, или восторженный поэт:

– Здравствуй, Брат. Здравствуйте, Братья... Привет вам от Гурорпула и Братьев. А вот это – вам. – похлопываю по контейнеру с оставшейся половиной Палладия.

– Здравствуй, Скраппер Мак. Спасибо за Привет. И Палладий. И мы уже всё знаем о вашем Договоре. Так что – выходи, и «разведывай» всё, что хочешь. Но помни – у тебя только местные сутки.

– Спасибо. А... как зовут тебя?

– Бромнодупп.

– Спасибо, Бромнодупп. Давай-ка я положу каждому из вас на макушку по пригоршне «еды», да начну разведку.

Разведку я начал с того, что буркнув «извини, Брат», взо-

брался на лежащий монолит, а с него перелез, хватаясь за лианы (тут цветочки оказались розовыми), и снова извинившись, на несколько сильнее других наклонённого Брата. А уже с его вершины – оглядел окрестности.

Ну что сказать. Кое-какие закономерности прослеживаются отчётливо. Располагается «наше» мегалитическое кольцо на холме, господствуя над окружающей равниной. Вокруг – ни жилья, ни полей, ни вообще хоть каких-то признаков того, что планету населяют (пардон – населяли!) «углеродистые».

Чёрт, опять, похоже, сильно опоздал! А, нет – вон попрыгал кто-то вроде серого кролика! И в небе парят... как бы птички: не иначе – охотятся на этих, с серой шерстью. Но где же *люди*?

Включил я ракетные движки скафандра, да поднялся в небо повыше... Ага – есть!

Вон, в миле от кольца видны развалины довольно большого здания. На жильё не похоже. Впрочем, догадаться не сложно: или музей, или культовое строение – для почитания Братьев, и (или) Врат... А вероятней всё же – для взимания платы с туристов.

Пришлось обследовать подробно.

Крышу здорового Здания явно снесло: не то взрывом, не то – страшным ураганом. А я не больно-то верю в столь разрушительные природные ураганы на планетах, где открыли ядерную энергию... А здесь – точно открыли. Счётчик

нагло щёлкает прямо в ухо. И шкала датчика светится в оранжевой зоне – всё ещё опасно. Верно они сказали: лучше – не больше суток... Хорошо, что я в скафандре.

Ладно, приступил к изучению.

Точно – музей. Ну, люди же умные: как только становятся «цивилизованными», сразу предают осмеянию «почитателей древнего культа», и предпочитают не общаться телепатически. А то – слишком уж отдаёт мистикой и ересью... А это – против монотеизма, который обычно свойственен «технологически подковавшемуся» Обществу.

Да, и здесь явно пришли к нему. В архиве нашёл полуогнившие книги. И брошюры на пластике. Обломки компакт-дисков, и чего-то вроде флэшек. Кое-где в герметичных витринах даже сохранились фотографии. (Ну, это я так думаю, что это были фотографии – изображения-то повыгорели до тонкого намёка на полустёртые линии на белом фоне.) А в залах – скульптуры. И осевшие на пол потрескавшиеся остовы с торчащими в разные стороны деталями, да рыхлая коричневая труха, на месте железно-пластиковых экспонатов-машин.

Да, опоздал я – не получилось как у Уэллса в «Машине времени» с его музеем...

Камеры на моём плече всё зафиксировали, а малый процессор скафандра добросовестно перевёл, что смог. Ладно, Мать потом доработает, чего он недопонял.

Корабли из стали. Самолёты. Автомобили, поезда, метро.

Компьютеры. Дома из железобетона и кирпича. Всё – как везде...

Узнал я и главное: война случилась всего шестьдесят пять лет назад. И если и выжил кто – лучше бы ему всё ещё отсиживаться в Бункерах. Если не хочет, конечно, наплодить мутантов.

Поскольку сканеры, просвечивающие недра до тридцати миль, у меня стационарно размещены на «Лебеде», с зондированием оказалось туго. Пришлось лететь дальше на юг, и осматривать всё только через оптический усилитель. Визуально. А я уже забыл, когда так делал последний раз – вот до чего Мать меня избаловала! Чуть вход в Убежище не проглядел.

А заметил его только потому, что возле него утоптали настоящую площадку с расходящимися как бы лучами – ноги людей способны протереть ложбину и в бетоне. Особенно, если ходят по какой-либо местности долго. (Поэтому умные градостроители вначале ждут: когда по какому-нибудь новому парку, или площадке люди походят достаточно долго, и только потом делают асфальтовые дорожки: по протоптанным тропинкам!)

В рёве и пламени я спустился с небес – аки демон всепоглощающего огня. Ну, или где-то близко к этому образу. От излишней скромности я никогда не страдал, а уж движки гудят и пышут – будь здоров! Ну, где делегация встречающих?

Честно говоря, я бы очень удивился, если бы действитель-

но меня кто-то встречал. Обычно Бункеры, да ещё шестьдесят пять лет спустя Катастрофы, пусты: все успевают повысить... Вон – и бронированная дверь в полметра толщиной – открыта настежь: заходи кто хошь, бери, что хошь...

Захожу, конечно... Хочу взять, конечно.

Темно. А на что мне налобный фонарь и подсветка камер?

Включил всё, спускаюсь по тёмному узкому коридору, снимаю... Три поворота и полкилометра лестниц и переходов ничего не изменили: видать, надёжно «закопанное» Убежище... Заскучать не успел: пришёл-таки и на центральную площадку.

В три стороны расходятся уже не такие низкие коридоры. Видать, тут жили и ходили. Но почему же не ходят сейчас – я же видел следы?.. Ладно, может радиация. Может – ещё что.

Зашёл я в короткий коридор прямо перед собой, прошёл вдоль нескольких дверей. Заперты. Ну и ладно: интересно будет – высажу. Открываю большую и толстую крышку люка в самом торце. По-идее, если кто и жил тут когда-то – то именно здесь.

О-о-о!.. Надо же! Здесь они и живут!

Дикость зрелища поразила меня: в семи-восьми шагах передо мной выстроились, словно на конкурс «Мисс пещерная красotka», около десяти женщин. И все – голые!

На меня они смотрели... более чем призывно, и некоторые даже делали движения... ну такие... Вы понимаете – мужчине не устоять!..

Разумеется, и я не удержался – двинулся к ним!
А дальше была только чернота.

Это я уже потом, очнувшись, понял – попался, как мальчишка. На теле.

Да оно и понятно: Розамунда не заменяет «равноценно» эмоций и ощущений, что были с Ивой... Да и вообще – женщиной. У неё только одно достоинство: молчит, как рыба! Вот и купился.

Судя по затёкшей шее и боли в затылке, треснули меня сзади хорошо. Спасибо шлему – спас от чего пострашней!

Вот я балбес! Самоуверенный. Ну куда, куда я полез – без разведки, без сканирования, без термодатчиков... Привык, что всё за меня готовит и осматривает Мать: точно, избаловался. Ну вот и влип. По-полной. Потому что попытки пошевелить что руками, что ногами, ни к чему не привели: связали меня капитально.

Лежу себе, моргаю. (Хорошо хоть, светофильтр закрыт – не видно, что уже очухался.)

Слушаю. Стараюсь даже не дёргаться, а изображать обморок: потому что где-то рядом идёт обсуждение. Явно – моей участи.

Голоса мужские. Злобные. Язык... жёсткий и конкретный. Много согласных, и буквы «р». Я даже без Матери и транслятора знаю, что такое свойственно воинственным расам. Ну, или в данном случае – племенам.

Потому что когда я разлепил заплывшие глазки, и стал рассматривать всё через оптоусилитель, иначе этих дикарей и называть-то – язык не повернётся. Косматые. Оборванные. Но – в остатках чего-то, напоминающего одежду. Значит, ещё не сгнила. А шкуры снимать, наверное, не с кого: шерстистые животные повымерли от радиации. Ну, может, мыши сохранились, как обычно бывает – но с них не больно-то шкуры поснимаешь...

Роста люди казались небольшого: не выше пяти – пяти с половиной футов. Но зато отличались плотным телосложением: коренастые и мускулистые, словно настоящие пещерные охотники. Да, эти, пожалуй, выживут в новых условиях. Особенно с таким изошрённым коварством.

Одетые (Блин. Они мне *теперь* нравились куда меньше!) примерно так же женщины что-то делали в дальнем углу пещеры – назвать Бункер помещением или «комнатой» у меня как-то язык не поворачивался. Но так – даже верней. Потому что заботливые хозяйюшки, только что изображавшие приманку, методично готовили... Котёл и овощи. Не иначе, как меня будут «потрошить» и... всё остальное, что следует делать с толстой и аппетитной индюшкой после этого. Ну разве я – не беспечный обалдуй?!

Спрашиваю внутренний процессор через ларингофон:

– Внимание, скафандр. Ну, что там наш транслятор?

Справился с языком?

– Да, хозяин. Воспроизводить?

– Начинай.

– ... не похож. Те приходили пешком! А этот – прилетел. Может, с Аллобарга? (транслятор «любезно» поясняет: «Аллобарг – согласно местным картам, континент в трёх тысячах километров к юго-западу»). А то мне не всё равно сейчас, вместо кого меня съедят...

И – точно! Собираются! Да ещё как споро! И прагматично.

– Какая разница, откуда он. Плохо только, что пила затупилась. Да и материал странный. Ну, если пилить вот так, – этот сволочь не поленился, и подошёл ко мне. Чтобы показать! – то, я думаю, прорежем. Ноги нам на сегодня хватит.

– А может... Вначале используем его генетический материал? А то – как бы нам не выродиться! Сам знаешь: женщин осталось всего сорок восемь.

– Можно бы, конечно... Но как сделать это так, чтобы гад не вырвался?

– Ну, вскрыем вот здесь. – теперь другой сволочь подошёл, и наглядно показал, как «выпилить» ткань скафандра вокруг моих... э-э... самых любимых частей тела, – Тогда он останется связанным, ну а чтобы заработало вот тут, придётся уж дамам постараться...

Оба довольно мерзко покудахтали – очевидно, это обозначало смех.

Нет, стать «племенным осеменителем» и «улучшателем местного генофонда» я совсем не собирался... Значит, на-

до что-то делать. И делать срочно – я через аудиоусилители услышал, как забулькало в котле. И самая противная на вид старушка добавила туда ворох какой-то зелени – петрушки, что ли? Теперь бы туда ещё лучка и картошечки... А вот меня – фиг вам!

Скафандр у меня полужёсткий. Бронированный. Изолирующий от всех видов излучений. Распилить его они, конечно, не смогут. (Даже если пила с алмазными коронками!) Но тумачков мне надают со злости наверняка. Так что пора сваливать.

Однако это оказалось посложней, чем я себе представлял. Дисковую пилу, лазер, планшет, пулемёт и большинство наружного оружия поснимали. Хм-м...

А они – не дураки.

Однако у меня есть ещё станнер в протезе левой руки. Приятно иметь оружие, которое так сказать, всегда при себе... Встроено.

Включил его на десять процентов, и провёл широким лучом по всей пещере.

Все попадали на пол – как яйца из-под несушек на птицефабрике...

А вот вылезти из скафандра и вправду оказалось тяжело. Хорошо, что выход у него – со спины. Так что и связанные руки вынул из рукавов легко, и замок расстегнул. Но ноги пришлось распутывать снаружи: упаковали на совесть, чтоб им провалиться с их добросовестностью... Видать, сталки-

вались со строптивой «дичью»!

Освободившись, забрался я обратно в скафандр. И не потому, что в нём всё же безопасней, а уж больно жутко воняло в этом сарае... Хорошо хоть, детей держали отдельно: никто не вопил, не мешал, и не добавлял ароматов того, чего обычно груднички вносят в быт троглодитов. Но мне и пота с прогорклым жиром и плесенью хватало.

Любимые железки пришлось собирать по всей пещере: их растащили для «ознакомления», и отдавать добровольно явно не собирались. Да даже и когда очухаются через пару часов – вряд ли я такого «жеста доброй воли» от них дождусь.

Снарядившись и упаковавшись, двинулся я назад: благо, из «Главной родовой пещеры» меня никуда не переносили, и дорогу нашёл легко.

Сюрприз! У входного люка дежурила охрана: пять здоровенных лбов с дубинками.

Ну, раз те, в пещере, своё получили, почему я должен быть несправедлив и к этим?

Выбравшись наружу, и захлопнув дверь люка, я поймал себя на том, что улыбаюсь, как дурак. Солнышко, ветерок, птички. Рядом ручеёк бежит. Впрочем, мне через скафандр всю эту прелесть доносят только усилители и сенсоры. Но всё равно – приятно. Словно вернулся домой.

Хоть ничего и не добыл, зато пережил очередное, как их называет Мать, «незабываемое Приключение»... Хорошо хоть, жив остался. Паршивцы коварные.

Мужественно поборов почти непреодолимое желание заварить плазменным резаком дверь Бункера к такой-то матери, я прогулочным шагом направился к Вратам. Думал я, что эти самые Приключения закончились, и «самой отдалённой» планеты Вселенной с меня хватит. Ан – нет.

Из-за лесочка в полукилометре выскочили, заулюлюкали, и припустились со всех ног ко мне, судя по всему, конкуренты-враги только что покинутых мной дикарей. (Впрочем – почему – дикарей? Они ещё помнят кое-что из технического наследия, и даже пила у них есть. Хоть и тупая.) И что мне теперь делать?

Если просто улететь – эти гады дотумкают, что раз я вышел из Бункера, там уже никто не в состоянии сопротивляться. Иначе бы я не вышел. Так что залезут внутрь, и съедят моих знакомцев за милую душу. А они мне ничего настолько плохого не сделали. (Не успели. Но это уж – не их вина.)

С другой стороны – если положить станнером этих, уже «мои», когда очухаются, возьмут их голыми руками... А я и этого не хочу. Как мне не хватает сейчас Матери! Пусть ворчит, брюзжит, указывает, тычет меня носом... Но всегда придумывает, как сделать так, чтобы и волки – сыты. И овцы. Ну, чего им положено.

Словом, ломанулся я, изображая не то больную, не то – раненную перепёлку, уводящую лису от гнезда, в сторону, противоположную той, где ждёт меня разлюбезный Бромнодупп, и ещё старался бежать не слишком быстро. Чтобы ду-

мали, гады такие, что смогут обессилить и загнать меня...

Ну, загнать меня тяжело. Потому что и работа с робо-ли, и беготня по два часа по коридорам «Лебедя» при увеличенном специально на это время до двух «Ж» градиентом – это вам не шуточки. Всё стараюсь делать на совесть: скраппер, не поддерживающий спортивную форму, долго не... Вот именно.

Так что, отбежав километров на семь, я решил, что улюлюканье не слишком услаждает мой слух, и что хорошенького – помаленьку. И просто улетел. А чтобы не знали, куда я направляюсь, пришлось взмыть вертикально почти до хромосферы. А затем мягко «плюхнуться» прямо в центр Врат. Не ждали? А вот он и я.

– Привет, Бромнодууп! Привет, Братья. Я... нагулялся.

И вот можете мне поверить, хоть никто из них ни слова не сказал, но я чувствовал, что они довольны. Ну как же: семьсот плюс ещё на пару лет им будет что обсуждать.

А главное – я же (Не похоже на меня, да?) никого не убил!

Да что там не убил – даже не отлупил от души! А очень хотелось...

Чтобы не шалили.

Мать, узнав о «подвигах и приключениях», покудахтала:

– Ах, как неосмотрительно! Ужасно! Ну как ты мог – без разведки и сканирования! Вот я бы сразу засекала засаду!.. – не удержалась, и чтобы как всегда не подкусить, – Что, опять

купился на голых женщин?

Блинн... Зараза ревнивая. И ехидная. До сих пор припоминает мне Иву.

Так что я прошёл необходимую процедуру мытья в трёх растворах – обеззараживания, дегазацию и проч., раз уж «вылуплялся наружу», перетерпел жутко болезненные уколы. И скафандр тоже Мать обработала от души. (Всё равно он воняет, паршивец этакий!..)

Осталось только поесть, выспаться да попрощаться с Гурорпулом – он тоже явно получил удовольствие от моей «прогулки» – и Братьями. Все они (Я и это тоже чуял!) от души поржали над моими «приключениями на дальних рубежах». Да и ладно. Я не в претензии.

Вот только стыдно немного. Или – много...

И уж только потом вылетели мы к месту жительства Отца. Ох, до чего приятно ощущать себя... В «Лебеде»!

Добрались сравнительно быстро – за каких-нибудь два месяца.

Дорога запомнилась мне тем, что Мать постоянно высказывала опасения, что нам придётся занимать длиннющую очередь: наверняка среди разумных существ имеется огромный спрос на столь универсальные средства мгновенных путешествий по галактике. Так что дел у Отца должно быть навалом: его дети наверняка нарасхват. Интересно, как с *ним* расплачиваются?

Вот такие, и многие схожие темы для разговоров у нас в

этом рейсе преобладали.

Ничего, правда, похожего на ажиотаж возле указанной планеты мы не нашли.

Отец, как объяснил Гурорпул, «проживал» в жерле единственного действующего вулкана. Прямо на дне кипящего лавой котла. А все остальные жерла он, как он позже признался, сам и заткнул. То есть, заделал.

Ну и правильно – нечего столь уникальные ресурсы планеты зря разбазаривать.

Общаться с ним оказалось одно удовольствие. Я, наученный опытом, сразу предложил ему массу материала для обдумывания и личного удовольствия – всё, что он сможет извлечь из моей, и даже Матери, памяти, полезного для себя. Он, практически не колеблясь, согласился на мои условия. (Молодец – сразу видно: самостоятельный мужчина!)

– Я, – говорит, – не вижу причин, по которым мы не можем обмениваться взаимопользующей информацией. (Это – его собственные слова! Я – ну, вернее, всё же, Мать! – их записала и на плёнке, и на бумаге, чтобы потом разные Контролёры, Чиновники колониальной Администрации, да всякие Инспектора не тыкали мне в нос тем, что я «мошенническим путём» вытряс из «наивного туземца» координаты мест будущего «наглого разграбления»...)

И вот Отец остался с материалом для «обдумывания и обсуждения» (не знаю, правда, с кем – может, с ещё нерожденными детьми?!) на добрых пятьсот лет. (мозги-то у него

явно поопытней и поэффе́ктивней, чем у детишек) А мы – с длиннющим списком координат примерно двух тысяч девятиста планет, куда Врата заносили и углеродистых, и не очень... Причём – недавно. (Ну, сравнительно недавно: разброс в пятьдесят – сто тысяч лет нас с Матерью не смущает.)

Так что работы нам с ней должно хватить лет этак... На сто. Осталось прожить их.

Правда, подумав, и расчесав многострадальный затылок почти до дыр, я велел Матери спрятать эти данные в самый дальний угол её памяти, и никогда мне их не показывать.

Потому что – неспортивно. Работа скраппера не должна вестись «по спискам».

Мы – не домохозяйки в гипермаркете. Мы – свободные художники. Которые сами выбирают свой путь. (Ну, или – почти сами... Поскольку мне этот вариант после незабвенных «яиц» заказан – чтоб не найти себе на ...адницу ещё парочку. Или уж – сразу тыщу...)

Так что, если не считать приятного общения с Братьями, и большой шишки на затылке, ничем я и за этот рейс не разжился. Ну, правда, во Вратах бесплатно (почти) покатался...

Готов поспорить, *такого* никому из наших ещё не удавалось.

Но и это – неспортивно. Прямо свинство какое-то: мгновенно переноситься туда, куда положено лететь месяцев пять... И скучно там бродить – одному-то. Даже поругаться не с кем.

Так что – без «Лебедея», челнока, экзоскелета, и, главное – Матери! – я теперь никуда! Наигрался. В том числе и в самостоятельность, и в экстрим.

Настоящее скрапперство – нудная и кропотливая *работа*.

А не лёгкие и беззаботные прогулочки, занимающие сотни тысячные доли секунды.

Вот и будем просто...

Работать.

11. Шаровой Мир.

Он так и выглядел.

Огромный шар, размером с планетоид – диаметром миль в сорок.

Когда мы с Матерью его нашли, я всё никак не мог поверить, что это возможно – построить искусственное небесное тело таких размеров. Вначале даже думал, что внутри – астероид, вокруг которого просто нарастили оболочку, превратив в правильный экономичный шарик.

Мать сказала, что это плохая гипотеза, и ей виднее: она же – Главный Компьютер!

Да я и сам теперь видел на трёх основных экранах: и металлодетектор, который, собственно, шар и нашёл, и сканеры указывали ясно: внутри почти одно железо. А сканерам своим я обычно доверяю. Они обошлись недёшево, да

и энергию жрут, как карнорептор – мясо, но стоят каждого заплаченного цента: проникают, как уже говорил, даже в сплошные скальные массивы до тридцати миль...

Камеры же наружного наблюдения показывали гладкий шар, тускло отсвечивающий когда-то полированными металлическими боками.

Нашли мы эту роскошь лишь на третий месяц полёта.

Поскольку маршруты нашего «свободного поиска» теперь выбирает Мать, я только похихикивал, да пофыркивал, пока мы, словно пчёлки на аэродроме – заросли клевера, тщетно искали «сладостный нектар» артефактов в безбрежных просторах Космоса...

Но когда в шестнадцатой солнечной системе запищал зуммер, я сразу понял: наконец-то! Хотя *что-то* случилось! И как в воду глядел... Вот уж случилось, так случилось.

Но, как говорят в дешёвых мелодрамах, не будем забегать. (Кстати, до сих пор не пойму, что конкретно имеется в виду: то ли – пространство перед собой, то ли – далёкое Будущее?!)

Мы с Матерью скрапперы.

Если кто не знает, поясню: космические барахольщики.

Это именно мы обшариваем старые полигоны в поисках стрелянных гильз, разбитых кораблей, и кусков металлолома. Это мы лезем на все населённые и уже ненаселённые планеты в поисках сувениров туземцев, и экзотических зверушек. Это мы обрыскиваем Дальний Космос в поисках...

Да хоть чего-нибудь, что потом можно продать клиентам – будь то металлургические заводы, военные, учёные, зоопарки, или маньяки-коллекционеры, падкие на ксеносувениры.

Карьера наша (Ну, вернее, моя. Мать-то ещё до меня успела налетаться с предыдущим хозяином «Лебеда») началась ещё лет сорок назад.

Когда мне срочно понадобилось убрать свою физиномию с населённых людьми и наводнённых полицией планет-колоний.

Ну, теперь-то я бы мог и вернуться, и расчудесно зажить – за давностью-то лет всё списано. Да и счета в банках девяти планет позволили бы к хлебу с маслом добавить ломтей колбасы, и ещё кое-какие излишества...

Ага – чёрта с два! Вон и Мать говорит, что у всех скрапиров шило в ...!

Согласен. А у меня – похоже, даже два! Не могу я «угомониться» и «расслабиться»...

Как сядешь, бывало, в своей вилле на Капри-2, как начнёшь там каждый день в бассейне прохладиться, да яства всякие кушать да редкие вина пить... И так тошно становится. Мотаешься из угла в угол, ищешь неизвестно чего или кого. Ну – дурак дураком... Потерявший смысл жизни, или чего там ещё говорят про такое состояние. А как подумаешь, что благодаря успехам чёртовой медицины мне ещё лет семьдесят как минимум так мотыляться – так!.. Словом – скучно! Чертовски.

Думаю, Свободный Поиск хуже любого наркотика. Раз вкусивший – не бросит до смерти. И умрёт уж точно – не в постели.

Да и ладно. Вечно не будет жить никто. А вот жить весело!..

Так, что-то я опять разболтался. Видать, становлюсь старым и сентиментальным. Так, глядишь, точно – за мемуары засяду. Старые бортовые журналы повытаскиваю из тайников. Домыслию, приукрашу...

ТЬфу! Как-нибудь потом. А сейчас – работа ждёт.

Когда Мать вывела «Лебедя» на стационарную орбиту вокруг чуда ксенотехнологии, я только успел подумать: «Не слишком ли мы близко?» – как нас здорово потрянуло.

Вытирая со стола разлитый борщ, я буркнул:

– Неплохие у них противометеоритные пушки!

– А, ерунда! – беспечно этак отзывается моя Хозяйка, – У нас и пяти процентов мощности экрана не ушло!

– А что там – сама пушка? Ты уже её?..

– Нет, конечно. Вдруг мы там ничего для себя не найдём?

Надо же этим бедолагам как-то дальше жить? Так что я теперь просто глушу все электронные сигналы в оружейной башне. Что в ручном, что в авторежиме эта штука теперь не выстрелит.

– Приятно слышать. А с чего бы это такая трогательная забота о незнакомых агрессорах?

– Они – не агрессоры. Они приняли нас за опасный асте-

роид. И правильно приняли – мы же не предупредили их о своих «мирных намерениях» по радио! Значит, их автоматика и действовала соответственно! А то, что это автоматика – я уже расшифровала.

– А почему тогда не... заглушила её работу сразу?

– Во-первых, хотела убедиться. Во-вторых – проверить мощность. А в-третьих – помешать тебе кушать позавчерашний борщ. Если ты, конечно, неставишь целью основательно прочистить кишечник, и преждевременно прикончить запас туалетной бумаги...

– Чёрт! А просто сказать, что он прокис – трудно было?!

– Нет. Но не так интересно. Забыл, что ли? Тебе скучно!

А так – хоть какое-то разнообразие. После шестнадцати пустьшек.

Вот блин. Нет, это – точно последний раз! Вернусь – заставлю чёртова техника Вассю вынуть у неё блок юмора и неформальной логики! И за каким...м я заставил его всобачить?! Впрочем, не буду зарекаться – это у меня просто приписка такая... Примета. Скрапперы все – жутко мнительные и суеверные ребята. (Хуже нас в этом плане – только спортсмены!) Так что шут с ним – пусть себе стоит чёртов блок...

Да и с другой стороны – она права: диарея мне сейчас без надобности.

Потому что кто полезет искать на... приключений в «волшебную шкатулку»?

Правильно – я. А Мать останется на корабле, и будет по-

давать умные советы, и страховать мой тыл всеми уже *нашими* средствами нападения.

Справедливое разделение труда.

Не ей же нужны деньги.

Челнок я посадил лично. Закрепил магнитными захватами.

Одел скафандр повышенной защиты и экзоскелет. А как же! Без этой огромной штуки невозможно взять с собой все те замечательные гаджеты, которыми скраппер при необходимости может разнести полпланеты. И защититься хоть от ядерного взрыва (Правда, маленького!)

– Мать! Где резать?

– Прямо где стоишь! Это – люк стандартного шлюза. Надеюсь, так ущерб нашим друзьям будет минимальным.

Я человек гуманный. (В-смысле, всегда вначале смотрю, во что стреляю!)

Поэтому чтобы не навредить, если и правда, кто-то внутри ещё живёт, установил палатку. Чтобы, значит, воздух изнутри не улетал в вакуум. (Ну, собственно, установили-то её Мать и дроид, я только распоряжался и пыхтел в предвкушении...)

Плазменный резак позволил довольно быстро проделать дыру метра в два во внешней обшивке люка. А потом – и во внутренней. Зашипело. Ух ты! Действительно – внутри шлюзовой оказался воздух. А крышка-то – ничего себе. Тол-

стая. Многослойная.

Пока я лез вовнутрь и рассматривал уже люк, ведущий в шар, Мать довольным тоном (Словно это её личная заслуга!) сообщила:

– Состав воздуха приемлем для дыхания. Кислорода двадцать один и два, азота – семьдесят, аргона... – ну и всё прочее. А на закуску добавила, – Много болезнетворных бактерий и вирусов.

– Ну здорово, – меня передёрнуло. Значит, на обратном пути опять предстоят «процедуры» – иначе подцеплю и притащу на челнок какую-нибудь внеземную заразу. Превращусь потом в жуткого монстра...

Нет, это, конечно, легенды и выдумки сценаристов ужастиков, но... Я сам видел, что стало с Рэппером-младшим, когда он пренебрёг санобработкой.

Не могу обвинять его напарников в том, что они вместе со «Звездой мечты» сожгли его, запустив на местное голубое солнце! Да и никто не обвинил бы, хоть одним глазом взглянув на видеозаписи...

Когда спустился внутрь шлюза, обнаружил искусственную гравитацию, примерно в ноль пять «Ж». Ну и дела. Значит, всё внутри ещё работает. Может, и лампы светят?

Ладно, вот он, люк.

– Мать, – говорю, – запусти-ка в палатку чёртова азота – чтобы выровнять давление.

Слышу, загудело – значит, она уже подвела к вентилям

манипуляторы с баллонами.

Теперь воздуха изнутри почти не вышло. Значит, напор рассчитали верно.

И вот я уже захожу внутрь планетоида, аккуратно вынув, и прислонив к стене (а вдруг придётся заделывать дыру обратно очень быстро?!) «выпиленный» кусочек.

А неплохо, чёрт его задери.

В таких огромных коридорах даже мне в трёхметровом скелете просторно.

Коридора увидал сразу четыре. И их аварийные крышки были открыты. Видать, всё же не сработала автоматика для предотвращения разгерметизации. Ну, или, как уже сказал, Мать точно подобрала давление.

Я долго пялился, пытаюсь решить, в каком направлении двинуться. Мать помалкивала: она знает, что мне лучше не мешать и не советовать, если явных «приоритетных» целей не видит. Ладно, я – вон туда!

Свет внутри действительно имелся. Хоть и весьма дохленький. Шёл он из плафонов на потолке. И спектр совпадал с моим. Даже не пришлось включать тепло– или инфравизоры. Я поправил наплечные камеры:

– Мать! Тебе видно?

– Отлично видно. Не забывай про промежуточные усилители.

Ну, при обследовании как пещер, так и любых других сильно запутанных и больших объектов, где есть экраниру-

ющие материалы, типа скал (в пещерах и катакомбах), или металлических стен, (В чужих Кораблях. Этот – как любезно подсказала Мать – наш пятьдесят первый.) я всегда ими пользуюсь. Как и маркерами для разметки стен – чтобы не заблудиться. Всё по сказке «Гензель и Гретель»... Только краску моего маркера не смоешь и кислотой!

По бокам коридора, который я выбрал, располагались двери лабораторий.

То, что это лаборатории, я понял, вскрыв несколько.

Такой тьмы трубочек, колбочек, мензурок, и прочих пипеток-штативов-микроскопов-центрифуг и прочей наукообразной хрени я давненько не видал... Я добросовестно отснял и просканировал всё для Матери – потом она сделает выводы и расскажет.

Продвинулся я по коридору уже шагов на сто, когда, наконец, обнаружил лестницу на следующий уровень.

Сила тяжести на корабле была направлена так, что наружная оболочка служила полом. Ну, или дном. Поэтому двигаясь к центру шара, я как бы поднимался вверх. Оригинально, конечно – но это их проблемы. То ли дело у меня на «Лебеде»...

Ступеньки оказались практически под мою ступню. Ну, может, чуть пошире и повыше.

Значит, гуманоиды. Чуть крупнее человека.

Будем искать.

Однако в первый день поиски так и не увенчались успехом. То есть, живых я (к счастью) не нашёл. Как я тогда считал – отлично! Значит всё, что я заберу – принадлежит мне, по праву первооткрывателя! А нашёл я из артефактов много чего интересного...

Во-первых, конечно, компьютеры. Мы с Матерью всегда стараемся выпотрошить то, что сохранилось в памяти этих равнодушных фиксаторов проводившихся работ. Вот несколько блоков памяти я и выломал: Мать может залезть в любое «электронное чудо».

Нашёл я и предметы материальной культуры. На некоторых стенах висели картины, фотографии, и рисунки. Видать, тосковали они по Родине своей. Где бы она там не находилась.

Ну... красивые места. Почти как на матушке-земле. Небо только зеленоватое.

На рабочих столах и полках кое-где лежали и стояли книги – к концу первого похода набралось у меня в рюкзаке не меньше двадцати. И не все были о науке.

А ещё нашёл я... комикс! Самый настоящий, красочный, с дурацкими сериалами и супергероями. Надо же... Значит, на корабле были и дети.

Захватил и кое-какие приборы – микроскоп, масс-спектрометр и что-то ещё химическое.

Обошёл я не меньше трёх этажей-уровней, и не меньше тысячи комнат. Ну, это мне так казалось. Мать же сказала,

что их было всего двести девяносто три.

Поскольку ноги несмотря на ноль пять «Ж» гудели, и спать уже хотелось, я вернулся по следам маркера в свою палатку, и прошёл в шлюз челнока. Санобработку терпел больше четверти часа. Обработала Мать и все находки. Ну, теперь самое приятное: разбирать их! Я, как всегда, был счастлив – словно мальчишка, нарвавший груш в чужом саду...

И которому это сошло с рук.

– Ладно, доброе утро, я знаю, что ты уже не спишь. – ещё бы ей не знать! Она дистанционно всегда следит за моим давлением, пульсом, и ритмами мозга... Ну и правильно – кто же ещё обо мне, бедном старом скраппере, позаботится? А то – вдруг подцепил чего заразного?!

– Привет, Мать, – отзываюсь, спуская ноги на пол. На «Лебеде» я обычно поддерживаю ноль девять «Ж», так что сплю в обычной койке, и уже порядком продавил все пружины, противоперегрузочный матрас, и чёртовы массажёры, – Ну, чем порадуешь?

– Данные компьютеров расшифровала. Ничего интересного. Обычные генетико-биологические исследования. В двух лабораториях видел мощные ставни? Ну так это иллюминаторы для пропуска излучений местного голубого гиганта. Они, то есть, учёные планетоида, изучали мутации, наследственность, и т.п.

Мушки у них почти как дрозофилы. Насекомые покруп-

ней тоже похожи на наших. Мыши и крысы, правда, мельче. Обезьяны и свинки куда волосатей... И противней... И давно все перешли в своих клетках. От голода. То есть, перед смертью их прекратили кормить, поить, и работать с ними. Думаю, это уже о чём-то говорит.

– Говорит-то говорит... А почему мы снаружи этих «иллюминаторов» не видели?

– Это просто. Они открываются дистанционно, и защищены мощными стальными заслонками. Снаружи не откроешь. Так что теперь понятно, почему лаборатории – на первом же уровне. Хотя и на втором и на третьем – изучали всё то же. Но воздействовали другими смертоносными факторами.

– Хрен с ним, чего они там изучали. Ты мне скажи, они действительно выглядели так, как на своих картинках, или это – приукрашенное самомнение?

– Похоже, нет. Они и правда напоминали древне-греческих богов. Я нашла в одном из компьютеров фотографии семьи одного из учёных. И женщины и мужчины очень пропорционально, и гармонично сложены. Правильные черты лиц. Я бы назвала их красивыми – по земным меркам.

– И где они сейчас?

– Затрудняюсь с точным ответом. Ты обошёл не больше тысячной доли одного процента всей площади. Но предположение высказать могу: сканнеры показывают наличие внутри большой полости. И внутреннего «солнца». Вот на поверхности полости, вероятней всего, и живут все те, кто уцелел.

– ?!

– Обычное дело для специализированных кораблей таких габаритов, и столь населённых. Раз есть разделение по обязанностям и правам, есть и трения. Так что – Гражданская Война.

– Это ты из компьютеров выудила?

– Не только. Помогли и материалы видеозаписи. Наши камеры – лучшие, что можно купить за деньги. Вот они всё и зафиксировали. Я нашла завещание, написанное прямо на стене. Показать?

Ну а кто бы на моём месте отказался?

Действительно, прямо на стене имелась надпись маркером, почти как моим, только сильно выгоревшим от времени – и как это я, балда такая, протопал мимо, просто скользнув по ней взглядом? А, вот в чём дело. Устал. Это было уже перед уходом на ужин – в двести восемьдесят третьей каюте. Хорошо хоть, вторая камера, которой дистанционно управляет Мать, всё зафиксировала в лучшем виде. Мать переводит:

– «Завещаю всё моё имущество, оставшееся на (как звучит название планеты, не расшифровала. Смысл же, как всегда – «Земля».) своей дочери, Лолляре Страйволь.

Нашедшим эту запись: в (год этот был примерно две тысячи семьсот земных лет назад) на корабле началось восстание. Экипаж убил почти всех учёных, и собирался лететь, наконец, домой. Но нам удалось повредить двигатели, и сделать

прыжок невозможным. Так что не могу сказать, чем кончится восстание, и выживет ли хоть кто-нибудь.

Но домой наш корабль точно не попадёт.

И это *правильно*: выведенные здесь боевые культуры бактерий наверняка уничтожили бы (зачёркнуто) всю жизнь на (это – другая планета. Вероятней всего – противников). Пусть же этот жест (зачёркнуто). Мы решили, что с таким оружием нельзя возвращаться. Пусть это будет на нашей совести, но люди не должны (зачёркнуто, но прочесть можно – так поступать с другими людьми, даже если они – враги!).

Прощайте, мне пора идти – если найдут эту запись, её уничтожат, а меня, как учёного, всё равно убьют. Так что пусть хотя бы правда о нашем выборе станет известна тем, кто прилетит на помощь.

Коромбир Страйволь.»

Вот, обмозговывая эту записку, я и отправился умываться и завтракать.

Поскольку никто, похоже, на помощь так и не прилетел, домыслить судьбу обеих враждующих планет было нетрудно. Похоже, Матери нужно найти-таки их координаты. Вдруг что-то для нас найдётся и там...

Отработка на тренажёрах и с робо-ли занимает у меня обычно всё утро – часа два.

Скраппер (если хочет, конечно, пожить подольше!) должен обладать отменной реакцией и крепкими мышцами. Мне в этом плане чуть легче: руки у меня искусственные,

ещё с тех ностальгически далёких и наивных времён, когда... Не важно.

До обеда, в рубке, Мать всё мне показала и подробно рассказала.

Секретная, стало быть, Станция. Имеющая только одну цель – создать бациллу для убийства всех врагов. Да и служить, в крайнем случае, резервом для сохранения жителей этой самой воюющей планеты – если враги успеют раньше, и уже в своих лабораториях создадут чего покруче!..

А враги-то, судя по всему, с чем-то таким уже сталкивались. Значит, нужно было что-то ну *жутко* смертоносное, и неубиваемое обычными средствами.

Какая молодец у меня Хозяйка – она сразу всё это вычислила. Но, зная наши возможности и средства против микро-врагов, не возражала, что я лезу в самое пекло. Я ей так и сказал.

– А, ничего-ничего, надо же тебе порезвиться на свободе! А то засиделся в «Лебеде» – небось, клаустрофобия замучила! А как мой мальчик чувствует себя теперь? Хочет ещё погремушечек, книжечек с картинками и машинок? Ползет внутрь?

– Полезу! – нет, она у меня дождётся... Знал бы точно, где этот чёртов блок – сам бы вывернул! Плевать на суеверия!

Я запомнил из объяснений, где находится лифт. Сразу к нему и протопал. Чего это я должен таскаться пешком по

двум тысячам пятистам уровням, которые вычленил сканер, когда меня могут довести прямо до места?! В смысле, до вожделенной внутренней полости?

Однако ничего с первой попытки не вышло.

Нет, лифт, для машинки, которой не пользовались почти три тысячи лет, шёл очень быстро и плавно, и проехал весь путь минут за двадцать. Но вот двери на верхнем этаже почему-то не открывались. А поскольку оставлять промежуточные усилители во время поездки было проблематично, я остался и без связи, и без выхода.

Впрочем, сориентировался быстро. Вернул лифт на пару уровней назад. Дверь и открылась.

Вернулся, уже пешком, на две лестницы вниз. Тащить на спине все эти баллоны и остальное барахло было нетрудно – при ноль пяти-то «Ж»...

Сюрприз!

Выходная площадка завалена чем-то вроде баррикады. (ну, в моём-то экзоскелете я развалил её легко) А люк какие-то хорошие люди заварили. Причём с той стороны.

Подумаешь, испугали...

Занялся люком после разных нужных процедур с чёртовыми баллонами, палаткой и кварцевыми лампами. Нужно быть «простерилизованным». А то вдруг они и правда там живут.

Плазменный резак прорезал сталь легко.

Но вырезанный кусок я, зайдя, приварил на место. Чтоб те

гады, что здесь живут, не проникли... А то и исследовать-то будет некого. Вот чуяла моя... (ну, то есть, особо чувствительные детекторы тела!) – что нужно.

Внутри было светло. Даже слишком. Пришлось скомандовать светофильтрам.

Ну что? «Откроем для себя широчайшие возможности Новых Миров»? – как пишут в дешёвых Проспектах для Пionеров-колонистов?

Странно. Обычно меня ничем не проймёшь – ни монстрами, ни роботами, ни даже мраморными муравьями... А тут – волновался.

Наконец развернулся я и осмотрелся уже капитально.

Матерь божья! Плутония! (Читал я когда-то и такую книгу!)

Отлично видно загибающийся кверху горизонт в лёгкой дымке, заменяющей здесь небо. Солнце! Совсем как наше, земное! Вот только застыло навеки в зените. А при взгляде на расстилающуюся везде (даже над головой, что несколько... непривычно!) поверхность, просто дух захватывает!

До чего дико смотрятся прямо над макушкой все эти дубравы, луга, мирно пасущиеся (!) стада, колосющиеся нивы, и... Замки.

Да, не смейтесь – здесь высились над плоскими равнинами чёрные громады монументальных замков.

И настолько больших, что легко обнаруживались и без

оптоусилителей. Чуть позже, когда первый приступ удивления прошёл, обнаружил и деревеньки – они были разбросаны хаотично на первый взгляд, но как-то кучковались вокруг имений феодалов.

А что? Я не тупее Матери. И тоже почитал книги по истории, социологии и сравнительной антропологии... Ну, или хотя бы по диагонали просмотрел.

Так что в том, что здесь царит старый добрый феодальный строй, я уже не сомневался.

Замков было видно шесть. При каждом – семь-десять селений. И никаких других признаков жилья.

Значит, всё правильно – каждый Большой Босс захватил и обустроил свой сектор шара. И площадь подвластных земель, и число вассалов примерно равные у каждого.

О! Какие богатые возможности для междуусобиц, интриг, сговоров и союзов: за, и против... Наверняка – что-то мне подсказывает! – руководят этим большим (вернее – маленьким) бардаком потомки экипажа, то есть – офицеров, а папшут-сеют потомки остального населения Секретного Корабля.

Значит, меня, как представителя неизвестных пока Сил, будут склонять к союзу. А в принципе, если бы я захотел, очень даже легко мог бы и всё тут завоевать... И стать реально – Королём. Или даже Императором.

Только надо ли мне оно? Ведь это – не Свободный Поиск, где каждый раз – что-то, пусть смертельно опасное, ядови-

тое, кусачее – но *новое*.

Нет уж. Это – скучное болото, где спать надо со взведённым пистолетом. И не под подушкой. А – в руке. Иначе станешь жертвой заговора своих же приближённых.

Так что подумав ещё раз, я приваренный кусок люка ещё и самовспенивающейся изоляцией заделал по кромке. Чтобы уж ни одна зараза ни отсюда, ни сюда не выбралась и не забралась. Вовсе мне ни к чему, если такой диверсант сможет там, внизу, что-то нарушить, и испортить царящую здесь «гармонию» и «равновесие». Так же ни к чему впускать сюда, возможно, сохранившиеся внизу бактерии.

Теперь я поднялся на крышу бункера, из лаза которого вышел. Так...

Такие же бункеры торчат через каждые полкилометра. И все, наверное, завалены и заварены. Но – не засыпаны. Странно. Может, мало земли? Или они – просто «табу»?

Видимость была отличной – а, собственно, почему бы и нет? До противоположной стены сфероида оказалось не больше двадцати пяти миль. И везде – равнина. Ни гор, ни рек. А, нет – вон: три озера... И немаленьких.

Интересно, а бывают ли тут дожди? Скорее всего, да. Иначе как бы поливались все эти луга-поля-леса. Но уж в том, что экология здесь отличная, я не сомневался. Иначе нашёл бы только кладбище. А тут...

Живы-живёхоньки. Вон – бегут.

Действительно: со стороны деревеньки, расположенной от

меня всего в паре миль, бежала толпа народу. Усилители в ушах передавали странный сигнал – звук, как от рожка. Догадаться, что это, смог с одного раза.

Потому что ворота ближайшего замка открылись, и оттуда железным потоком понеслась лавина всадников в доспехах и на конях.

Ну, выбор за мной: пока они преодолеют пять миль от замка, можно вполне тихо и мирно свалить обратно в лифт, и заварить за собой всё, что положено.

Да, только где вы видели скраппера, который бы... Вот именно. Как там Мать выразилась – клаустрофобия замучила? Заскучал?

Значит, повеселимся!

Я уже видел косы, палки и вилы в руках приблизившихся на милю смердов-вассалов. Пожалуй, они придут на место раньше, чем тяжёлая кавалерия. Звуки бессмысленного рёва, когда все криками и возгласами подбадривают друг друга, чтобы преодолеть страх, или приобрести «боевой дух» усилители передавали отлично – я хмыкнул.

Ну, пусть детишки порезвятся.

Я спустился вниз, и прислонился спиной к люку. Какое-никакое, а прикрытие тыла. Дерзайте, несчастные!

И вот они набежали. И стали «дерзать».

Пока в меня тыкали вилами, кололи, рубили и колотили, я рассматривал человечков.

Да по-другому и язык не повернулся бы их назвать. Прямо

хоббиты какие-то.

Роста в каждом было не больше четырёх футов. Смуглые до черноты, одеты в какие-то жалкие обноски... Видать, держат их тут местные синьоры в чёрном теле. Но от гомо сапиенс они не отличались ничем. И меня они почему-то совершенно не боялись. А, может, они больше боялись своего Сюзерена – а ну как он велел подданным убивать всех незваных агрессоров и врагов, как бы они не выглядели?

Подросла бравая дружина. Передний всадник, в шлеме со старым добрым плюмажем, что-то свирепо проорал. Толпа утихла, и бросилась врассыпную. Впрочем, отбежав недалеко.

Все явно хотели пронаблюдать за шоу.

Ну и я не подвёл.

Эти вояки были чуть покрупнее. Я бы сказал – попородистей: футов пяти. Этакие миниатюрные качки. Нападали свирепо, ломали об меня копыя всерьёз. Они ж не виноваты, что материал скафандра повышенной защиты прочнее молибденистой стали...

Когда парочка особо ретивых послезала с коней, и стала рубить меня «в капусту» мечами, мой транслятор справился, наконец, с языковым барьером. (Ну, аналитический блок у него, конечно, куда слабей Материнского – ни в какое сравнение не идёт. Вот и копался целых пять минут!) Теперь мне переводили все самоподбадривающие (В свой адрес!) и оскорбительные (эти уж касались меня, «монстра по-

ганого»!) наглые выкрики. Не слишком-то информативно.

Зато эмоционально.

Ладно, надоело. С другой стороны, не бить же мне этих придурков, чтобы уgomонились?

А, чего я мучаюсь, у меня же есть... Командую процессору скелета:

– Мне – заглушки. Включить звуковой генератор на двенадцать процентов. Частота – семнадцать килогерц. На десять секунд.

Похоже, с частотой угадал. Во всяком случае, все, кто стоял поближе, с воплями попадали, а те, что подальше – разбежались с гримасами на лице, и открытыми ртами... Пусть радуются, что я добрый: сорок процентов убивают на таком расстоянии даже китов. (Да, случилось: воевал и с ними на очередной «земле-океане»!)

С минуту царила, как принято изящно выражаться в романах, всеобщая паника.

Я двинулся вперёд, и сцапал предводителя. (А то убежит ещё!)

Поднял его до уровня глаз. Скомандовал:

– Транслятор! Переводи! Звук – на трёх процентах мощности.

– Я пришёл к вам с миром. Почему вы напали на меня?

Был бы я социолог, или историк... на худой конец – психолог, наверное, было бы интересно наблюдать за мимикой и эмоциями человечков в доспехах. Конечно, если бы я пред-

варительно озаботился снять с них хотя бы шлемы. Ну а так на месте лица – ведро и ведро. Только в глубине кто-то моргает и мычит.

Ничего, я не гордый. Да ещё терпеливый какой. Я повторил вопрос, уже поставив несчастного на ноги. А то вдру такое обращение унижает его в глазах подчинённых.

– Мы... э-э... Да, напали. Мы должны... убивать проклятых лазутчиков Голубого Властелина!

– А с какого это... э-э... Почему вы считаете меня – лазутчиком? Раньше вы уже видали... Такого как я?

– Нет. *Такого* ещё не видали. Видели разных – в том числе и похожих тоже. Потому что враг не дремлет! Он придумывает всё новых и новых монстров! И натравливает их на нас постоянно! Правда... Ни один из них до сих пор не разговаривал.

– А почему он насылает монстров, вместо того, чтобы не напасть со своей дружиной – вот так, как вы?

– Ха! – предводитель явно очухался, и даже встал в позу, картинно подбоченившись, – У него на это людей уже не хватит! Мы выбили его вассалов и солдат, а те, кто выжили, прячутся в замке! Так что он теперь очень ограничен в силах. Вот и пытается огрызаться не людьми, а монстрами! Но на этот раз мы не поддадимся! Его замку конец! Мы не позволим ему вернуться!

– Куда вернуться?

– Как – куда?! Обратно на свои земли! Когда его крестья-

не пытаются засеять их снова, мы регулярно вытаптываем и сжигаем всё, что там вырастает! Рано или поздно они все там вымрут с голода, и Голубой Замок будет наш!

Чёрт! Вот только «продвинутого» Средневековья мне и не хватало! Осталось только и правда – вступить с кем-нибудь в «вечный и нерушимый союз», или «сочетаться династическим браком!»

И точно, как в воду глядел:

– А ты, о странное существо... Разве не он тебя создал? И ты не служишь ему?

– Нет, чёрт возьми! (Блин. Это переводить не надо!) Нет. Меня никто не создал. Я никому не служу. Я вообще пришёл в ваш Мир из... другого Мира.

Ох, вам бы послушать, как все они сразу загудели – ну прямо потревоженный осинник!

Транслятор помолчал, потом его мозг ухватил суть: «местное население уверено, что их Мир – единственный мир во Вселенной. То, что ты сказал, является кощунством, святотатством и...» Я не стал дожидаться продолжения. Уточнил:

– Вы неправильно поняли! Не из другого Мира, а из другого *Времени* этого Мира! Я – Посланник Древнего Бога! Первого Бога вашего Народа! (Так – лучше?) – а чего мне терять? Уж врать – так по-крупному!

Гул поутих.

Теперь процессор транслятора смилостивился: «Да, эта

трактовка не вызывает такого возмущения, и вполне приемлема для их морали и Религии!»

– Могу ли я рассчитывать на ваше мирное отношение и гостеприимство? – а вот этот вопрос вызвал у них лёгкое, а затем и сильное замешательство. Потом предводитель утихомирил всех, и высказал обобщённое мнение:

– Мы можем лишь обещать, что не будем пока стараться убить тебя! Но твою судьбу должен решить Священный Конклав и наш Барон! А ты... действительно – Посланник Бога?

Хм. А на что я рассчитывал? Вот никогда ещё никто не верил мне на слово, что могу реально разворотить полпланеты! И от имени «Бога», и от себя лично!

Но если ничего большого и ценного не портить, вполне можно продемонстрировать этим наивным и милым людям...

Я выбрал маленький отдельный кусочек – буквально огрызок – леса в полумиле, и буркнул:

– Смотрите туда! – указав «могучей дланью».

Теплогенератор на десяти процентах за пару секунд превратил всю эту чудесную зелень в пепелище. Дым поднялся мощной чёрной шапкой. Уж теперь-то можно быть уверенным: моё прибытие заценили в ближайшем замке. Да и в остальных почухаются – не заметить такой сигнал может только слепой.

Ну, или очень занятый работой. Или – похмельем.

Эффект впечатлил даже меня: все крестьяне повалились

на колени, воздев руки к небу. Бравая дружина тоже стала молиться. Чёрт. Как сказала бы Мать, «Здесь всё ещё действует вера в чудеса. Религия, вероятней всего, напоминает Христианство. То есть поясняю для тебя – монотеизм! И Бог обычно выражает свой гнев, что-нибудь сжигая!..»

– О могущественный... э-э... Посланник! Прости, не знаем твоего имени... Прости и за сомнения в твоей сущности! Просто мы... до сих пор... не видели в материальном воплощении ни Посланников, ни самого Бога! – ха! Ещё бы они видели... Впрочем – у меня дома тоже его в последний раз видели аж три тысячи лет назад. Да и то, в привычном человеческом обличи. Но верить это не мешает.

– Прощаю! – а здорово приятно, оказывается, ощущать себя предметом, ну, если не поклонения, то хотя бы почитания... – Можете звать меня... Гавриил!

– А для чего же тебя... послали? – его голос предательски дрогнул. Видать, и здесь есть сказка о втором Пришествии. Воспользуюсь – больше в голову ничего путного не лезет.

– Я... (э-э...) Контролёр. Послан проверить ваши... Деяния. Оценить вашу Веру! Взвесить груз грехов. Посмотреть, не отошли ли вы от Древних Заветов. И решить, что делать с вами.

Некоторое время стояла мёртвая (Ну, почти мёртвая. Все только переглядывались. Потом стали и шушукаться) тишина. Я прямо ощущал, как меня всё больше и больше боятся. Плохо. Наверняка постараются убить как-нибудь испод-

тишка!

Переборщил, что ли?

Наконец начальник латников решил, что всё же он тут за всё в ответе. Говорит:

– О, могущественный Гавриил! Мы... Готовы показать тебе всё. Не почтишь ли пока своим присутствием скромную обитель нашего мудрого барона люРайцига? Если позволишь, я отправлю людей вперёд, чтобы подготовить тебе достойную встречу? – показалось мне, или он замялся перед словом «достойную»? Уже началось?! Не страшно.

Я же не собираюсь снимать скафандр, даже если предложат яств и напитков на пиру в мою честь! И не потому, что боюсь ядов. А вот нечего им видеть моё настоящее лицо – пусть зрят чёрный шар.

Так и опознать не смогут, если когда-нибудь подадут на меня в Системный суд за «мошенничество в особо крупных»... Или «обман слаборазвитых цивилизаций».

Прибытие моё в замок (А он и вправду был огромен! Словно строили его не для мелочи пузатой, а для людей ростом футов под семь...) действительно прошло с помпой. Не зря же я дал всадникам-гонцам полчаса форы, неторопливо двигаясь туда пешком. Шумный эскорт крестьян оказался вежливо, но неумолимо оттеснён всадниками-«почётным эскортом» ещё перед рвом с водой (!), и ворота за моей спиной закрылись.

Блин. (Из культурных слов только это более-менее подходит. Разве что ещё – «Твою мать»!)

Здесь торчали на стенах и выраженные, как для карнавала, герольды, по сигналу продудевшие в дудки с флажочками что-то торжественное, и море обслуги – вот ведь дармоеды наглые, они скалились из каждого окна, или проёма. И кормится весь этот «стафф» (Персонал!) наверняка тем, что выращивают бедолаги, оставшиеся там, за рвом.

Не люблю холуёв. Особенно – крикливо разряженных.

И, само-собой, здесь имелся прямо цветник придворных: в ещё более ярких, и жутко помпезных и неудобных нарядах: с неизменными рюшечками, жабо, кринолинами и лосинами для мужиков. Тьфу!

Как они в таких ходят?! Впрочем, лица некоторых дам были весьма... миловидны. И все они, в смысле, дамы – словно под копирку, были затянуты в корсеты, что делало их почти стандартно стройными и статными. На что спорим, им жутко тяжело дышать, и они, чуть что – хлопаются в обморок?..

Ну, и конечно, что они, что их бравые кавалеры, пялились на меня во все глаза. И никакого дружелюбия или симпатий (не говоря уже о почтении) во взглядах заметно не было. Да ладно, я и не претендую на звание «Мистер Вселенная».

Я прошёл вперёд, и встал перед балконом.

Оттуда на меня, сдерживая эмоции так, что желваки ходили на скулах, взирал почтенный старец, окружённый самыми расфуфыренными и чванливыми придурками. Вот он

поднял руку, и все заткнулись. Хм. А хорошая дисциплина.

– Высокочтимый Гавриил! Мы рады приветствовать тебя в нашем Замке! Твоё прибытие – великая честь для нас, скромных слугителей... – в принципе, кто хоть раз смотрел трансляцию встреч лидеров Государств, или планет, легко сможет продолжить эту пафосную речь вплоть до самого, глубоко прочувствованного, но абсолютно противоположного тому, что думают друг о друге такие Главы на самом деле, конца. Включая аплодисменты в нужных местах.

К счастью, всё это уложилось в разумные пределы времени.

– Благодарю за радушный приём. – отозвался я на десяти процентах: так, чтобы во всех закоулках уж точно услышали. – Я согласен погостить у вас некоторое время, и почтить своим присутствием торжественный Пир в мою честь. Ведите!

Если кто читал хоть самый примитивный роман в стиле фэнтези, без труда нарисует себе и всё окружающее: и огромный и высоченный пиршественный зал с готическими сводами, и повыгоревшие и потёртые гобелены со сценами «благородных» развлечений или «исторических» сцен, галерею под потолком с музыкантами и певчими, и грубо-массивные длинные столы, и лавки. Даже без скатертей, и подстилок-ковриков.

Стол действительно ломился от красочных и явно вкус-

ных блюд. И каждому приближённому (И его жене, конечно!) регулярно подносили и подливали все те шустрые ребята, что здесь заменяли официантов и сомелье.

Под ликующе-помпезный хор (явно из какой-то старинной оперы!), распеваемый акапелло (впрочем, в последующих славословиях появились и музыкальные инструменты), я позволил усадить себя во главе всего этого безобразия, сообщив, что в силу своей Сущности не ем и не пью. Типа, моё «духовное воплощение» не знает мирских потребностей. Но их – ни в чём не ограничиваю: мне будет приятно, если они будут есть, пить, и поднимать тосты в честь меня... И гостеприимного Хозяина. После чего «милостиво» велел барону люРайцигу занять почётное место справа от себя, а его жене – весьма худой и явно желчной, судя по цвету лица, особе – слева.

Не похоже, что она была в восторге от соседства. Я, впрочем, тоже.

Особенно после того, как транслятор усилил то, что она нашёптывала своей фрейлене-приживалке. Я, конечно, не красавец, особенно в скафандре. Но – всё же вовсе не мерзкий монстр. А чуткий и ранимый мирный скраппер. И мне не нравится, когда меня называют «шарлатаном», «уродом», и «наглой тварью».

В-общем, с моего благословения, все ели, пили. Вначале, конечно, сдержанно и смущённо. Но потом, примерно после пятого тоста, всё понеслось, как я понял, по накатанной до-

рожке.

Поскольку делать мне ничего не надо было, разве что делать вид, что слушаю высокопарные тосты в мою честь, я посвятил своё внимание изучению именно того, что говорилось слугами, вельможами и фрейлинами шёпотом. (Из-за этого иногда не сразу реагировал на эти самые тосты и обращения – поэтому на всякий случай довольно часто кивал.) Но зато узнал много нового и интересного про быт и обычаи населения замка.

Всё-таки остронаправленный микрофон, фильтры, и программы для расшифровки у нас самые дорогие. Даже, как уже говорил, в скафандре. Знание – всегда сила. Логический блок дополнял то, что я не расслышал:

– ... самый старый меч! И он мне предлагает всего три барана за этот надёжнейший...

– ... нет, миледи, у него наверняка нет никакого... э-э... Ну, признаков пола... Я? Я думаю, он мужчина, но проверять на вашем месте я бы не...

– ... святой Конклав почти наверняка признает его самозванцем! А броня у него – куда там нашей! И как нам тогда с ним?..

– ... вот и я думаю: раз он – во плоти, то должен быть так же смертен, как и все. Но, возможно, срок жизни...

– ... нет-нет, мессир виконт! Прошу вас – больше ни кусочка, иначе... Вы же не хотите, чтобы ночью мы просто спали, объевшись?.. А я ещё вовсе не так стара, чтобы...

– ... пусть это и пахнет святотатством, но я бы ни за что не поверил, что Посланник будет выглядеть как простой рыцарь в доспехе! И если б не его неуязвимость, и Небесный Огонь...

Мой вывод: если бы я хотел действительно серьёзно и вдумчиво изучить средние века – по местным сплетням и традициям это было бы и занятней и верней той скучно-застывшей картины, что веками прозябала в стандартном учебнике. Да тут не один фильм можно было бы снять! Документальный. И целый сериал – художественный. Многосезонный. Причём – без идиотского и наивного «сценария»!

И я уже почти решил, что делать. Я продам их мирок с потрохами социологам-историкам! Пусть и правда – снимают уникальные подлинные документальные фильмы для школьной программы! А как наиграются, или захотят денег – пусть продадут «права» и киношникам!

Наконец полночь, меня почтеннейшее спросили, не пожелал бы всемогущий и бессмертный Посланник отдохнуть в персональных (самых шикарных, естественно) спальнях апартаментах.

Ну, я милостиво сообразовал принять любезное... И всё такое прочее.

Апартаменты и вправду, оказались вполне приличными. Я нагло развалился на шикарной кровати под балдахином (она жалобно заскрипела, но нас с экзоскелетом выдержи-

ла), хоть ноги и не совсем поместились. После чего возжелал остаться один.

Уж мне нашлось о чём подумать, и что прослушать повторно... Я велел включить запись, и стал изучать особо заинтересовавшие меня куски бесед. И то, что процессор записал, но я ещё не прослушал. Жаль, что нельзя записывать и мысли – оборудование для снятия энцефалограмм осталось на «Лебеде».

Но и так неплохо – особенно для одного дня наблюдений. Хотя, как сказали бы учёные – нет чистоты эксперимента.

Да и откуда бы ей взяться? Не жучков же мне запускать сюда? А так – согласен. Моё вторжение – провокация, и шок для местных. Вот волнение, вызванное таким стрессом, меня и интересовало больше всего. А в спокойной обстановке тут всё пусть изучают социологи. Тут для них *more* материала.

Потому что мне-то тут, в тухлом закутке распрей и застоя, ловить нечего. Все предметы местного «террариума» никто не признает за инопланетные: скажут (И не без оснований, возможно!), что я просто разграбил средневековый Отдел какого-то Музея.

Значит, надо закругляться, да спускаться снова вниз – к замороженному техно-наследию. Там есть хоть какие-то шансы.

Внезапно, словно повернули выключатель, наступила темнота. Выглянув в окно, я понял, что примерно так и произошло. Местное солнце гасло, проходя все оттенки от оран-

жевого до тёмно-бардового. Логично – должен же быть и здесь цикл день-ночь. И, наверное, ночью тут конденсируется и выпадает в виде лёгкого дождичка вся влага, что испаряется днём, поливая луга-леса. Я прилёг обратно.

Спать мне не хотелось, и я стал думать.

Скрипа двери я не слышал, но с фактами не поспоришь: вот она стоит.

Пятифутовая фигуристая красотка, на которой я не без удовольствия задерживал взгляд там, на пиру. Она тогда говорила мало, и сама всё поглядывала... Вот до чего допоглядывалась.

Да, она уж точно вызвала во мне, несмотря на разницу в росте, *определённые* эмоции и порывы!..

Словно почуяв мои мысли, (а я верю, что каждая женщина в этой области – телепат, почище Пустотников, и чётко ловит мысли окружающих её существ мужского пола, которые её хотят... Просто – хотят!) она подошла почти вплотную. Постояла. Вот зараза – в её взгляде было всё. Ну, или это я так понял в силу природной извращённости. Хотя для неё я – экзотика. Да и престижно.

Не каждой Женщине выпадет шанс попытаться совратить Посланника Бога...

Процесс раздевания я пронаблюдал с большим интересом. Жаль, не было музыки...

Чё-ё-ёрт... (Удивительно – но плавочки-стринги оказа-

лись вовсе не «средневековыми»!) Действительно, шикарное тело! А как действует, хоть я и выше её на добрых полтора фута! Реально сексапильная коза! Или это я так соскучился по этому делу?!

Но что-то меня удерживало от того, чтобы начать и самому вылезать из брони.

Может, этот голос?..

Он нарастал и креп, и вот уже бьёт прямо в уши:

– Тревога! Внимание! Тревога! Попытка несанкционированной разгерметизации! Попытка... – я проснулся. А молодец у меня скафандр!

Ого! А они – весьма коварные и злобные ребята! Собственно, как я и ожидал.

Троих, пытавшихся отсоединить шланги подачи гидравлической жидкости к сервоцилиндрам двигательного аппарата, я просто отшвырнул на другой конец комнаты. Да так, что они упали вместе с замызганным гобеленом.

Остальных, пытавшихся разнообразными железяками поддеть шлем в месте крепления к корпусу, я постряхивал, уже встав. Их я немного попинал ногами – не сильно, а так, чтобы вразумить. Пара-тройка сломанных рёбер не в счёт.

Свору попов в дурацких рясах и клобуках, и со злобными бледными лицами, явно руководивших операцией, я выбросил в окно, не посмотрев, что пятый (условно!) этаж. (Если этой братии станет меньше – всё легче крестьянам!)

После чего был несколько удивлён тем, что в «мои» по-

кой вбежал сам хозяин замка. Вот уж не ждал его. Или инициатор глупой провокации – не он?.. А руководство чёртова Конклава?

Неважно. Я пресёк попытки хозяина что-то объяснить, или извиниться, царственным жестом. Затем встал в позу оскорблённого достоинства и сообщил:

– Мне нанесено серьёзное оскорбление. Действуем.

Конечно, я мог бы сравнять этот замок с землёй, и убить всех, кто здесь живёт. Однако это ниже моего достоинства. Да и не в моих правилах перекладывать вину отдельных глупых, – тут я недвусмысленно посмотрел на всё ещё лежавших на полу и указав дланью на окно, – представителей высокого Конклава, и благородного Дворянства, на всех обитателей Замка!

Поэтому я просто... Удаляюсь. Ухожу к вашим врагам: возможно, *они* сумеют по достоинству оценить оказанную им милость! И выгоду от такого Покровителя! Прощайте!

Удалился я вполне тихо и мирно. Всего-навсего разворотив наружную стену наногенератором. Он неплохо превращает камень в пыль и труху. А уж свистит!..

А что: круглая дыра футов в пятнадцать получилась весьма внушительная. Особенно, если учесть, что толщина стены была футов восемь.

Ну и куда, как вы думаете, я полетел?

Правильно – к несчастному затерроризированному пар-

ню, поля которого бессовестно вытаптывали и выжигали.

Опустившись к нему во двор в вихрях пыли и струях пламени, я мог рассчитывать на определённое внимание к себе, великому и ужасному... Ещё бы – рёв от форсированных движков, если не работают глушилки, разносится миль на двадцать! А видно реактивную струю в темноте – за все пятьдесят.

Ага, эти сразу поняли, в чём суть. Вон – попадали, выбежав, на колени, стали возносить молитвы. Я прислушался – хорошо! Просят пощадить, и не разрушать, не губить...

Хм. А что – я, вроде, начинаю входить во вкус. Мне уже нравятся почтение, преклонение и уважение. (Вот уж от Матери не дождёшься!)

Но тут на шум выбежал и Хозяин – мужчина лет пятидесяти пяти, с худым и измождённым лицом. Видать, заботы одолели. Он, правда, на колени не упал. Зато спросил:

– Кто ты, странный пришелец? И зачем ты здесь?

– Я – Гавриил. Я Посланник Бога, из вашего прошлого. И сейчас я прилетел к вам, чтобы изучить, и судить. Кто вёл праведную жизнь, и кто достоин Царствия Небесного. А кто – Тьмы Нирганны.

Это я из придворных сплетен нахватался основ местных верований, и знал, что, в принципе, они как раз и ждут чего-то такого – типа Пришествия, и Правосудия Свыше. А мне эта легенда-суеверие очень даже подходит, чтобы изучить их получше, да и отвалить себе с богом...

– Я должен навести порядок в вашем Мире. И сегодня за-
ночью здесь. – в восторг (странно, да?), конечно, никто не
пришёл, но возразить тоже – не посмел!

А кто бы посмел?!

От торжественного банкета я, естественно, отказался.
Сыт, как говорится, по горло. Да и уверен я был, что с про-
дуктами у них туго...

Просто не мог себе представить, что настолько туго.

Пшеница росла и на крепостной стене: между двумя пара-
петами кто-то умный догадался насыпать слой земли, и да-
же насыпали её на крышах, и сделали ограду типа каменных
бордюров – чтоб земля не съезжала. Я, когда подлетал, оце-
нил масштаб сельхозработ. И нужды.

Народа здесь, само-собой, оказалось существенно мень-
ше, чем у люРайцига, да и выглядели они... Позачуханней,
что ли. Но эти – смотрели на меня с надеждой, а не с подо-
зрением и злобой.

Меня... Стала мучить совесть.

Сволочь она всё-таки. Иногда эта назойливая дрянь за-
ставляла меня уходить с пустыми руками, оставив чертовски
перспективные вещи во владении туземцев... Вот поэтому я
и не люблю населённые Миры. Убивать и грабить жителей
таких – это для совсем уж беспринципных мерзавцев. Вроде
Кривого Пита, или Линден. А я...

Зачем я обещаю им справедливый суд, если собираюсь от-
сюда просто свалить?

Впрочем... Может, удастся что-нибудь этакое, нормализующее ситуацию, придумать? Как-то помочь? Для чего мне, в конце-концов, самый социологически подкованный в обозримом космосе, компьютер?! С миллионноядерным процессором.

Я высказал пожелание удалиться на отдых. Меня провели в большую и совершенно пустую – если не считать постели – комнату. И вот я лёг, и стал думать. Потом позвал:

– Мать! Я знаю, ты давно здесь. Посоветуй, что делать?

– Это зависит от того, чего ты хочешь добиться. – приятно услышать до боли родной и знакомый чуть ворчливый голос. Я понял, что улыбаюсь, как дурак. Но мысль не потерял:

– Я хотел бы свалить отсюда к ... матери, но... Перед этим я хотел бы как-то восстановить статус кво. Недавно тут были примерно равные силы. Бессмысленных жертв и сильно несчастных, вроде, не было. А сейчас, когда вот этот парень в загоне, даже и не знаю, как вернуть всё обратно. Ну, чтоб все остались и живы, и... утихомирены.

– Поняла. Мне кажется, эту проблему можно решить вполне традиционно – *ограниченной* демонстрацией силы, и выставлением устного ультиматума. Например, если ты разрушишь в каждом замке по крылу, и пригрозишь докончить начатое, если они до истечения, скажем, пятидесяти, или сколько-тебе-там-будет-угодно лет, вылезут за разграничительную черту, то ты их, таких-сяких непослушных!.. Отшлёпаешь.

Теперь о методах. Я могу синтезировать несмываемую краску.

Или можем установить силовой барьер. И разместить его генераторы по всем границам – понадобится всего двенадцать штук. Как тебе идеи?

– М-м... Неплохие. И, вроде, можно обойтись простыми средствами... Вот только генераторы устанавливать не надо. Это ж сколько кабеля надо тянуть! Думаю, краски будет достаточно. А потом, я же всё равно продам этот Мир учёным-социологам. За пятьдесят-то лет они додумаются, как предотвратить тут войны?

– Очень смешно. Они и на земле-то не додумались... Ладно, шучу. Начинаю изготавливать краску. Можешь текст ультиматума продумать сам.

Ну, продумать-то я продумал... Но всё равно заставил её кое-что подкорректировать.

К тому времени, как таймер снова зажёл местное «солнце», я уже был готов к работе.

Перво-наперво мы обошли все подвалы и секретные лаборатории, где местный замковладелец действительно изготавливал монстриков и чудовищ.

А что, оказалось занятно посмотреть на всех этих мини-гидр, циклопов, драконов (правда, с единственной головой), грифонов (если я правильно помню название *так* выглядящих тварей), и омерзительных гигантских крыс...

Где он взял генный материал и автоклавы, я догадывался, но недоумевал: почему остальные ничего такого не имеют? Или имеют, но забыли, как пользоваться? Или – табу? И на такие крайние средства можно идти лишь тому, кто вот так, как сейчас – в упадке?

Хозяин – барон люДоввер – просветил: действительно, *такое* в подвалах есть у каждого. Но религия запрещает производство монстров под угрозой отлучения. Ну а он, плюнув на отлучение, пошёл на это, чтобы хоть как-то защитить своих пашущих-сеющих. Правда, пока всё оказалось без толку.

А как бы оно было с толком, если самая крупная его тварь не достигала и двадцати футов в длину!

Конечно, с такими можно справиться и копьями-зубочистками! Вот уж где раздолье для «подвигов»! И сочинитель хвастливо-хвалебных баллад.

А для получения и выращивания полноценных крупных монстров не хватало пищи и времени.

Я остался доволен отснятым материалом. Но производить дальнейшие опыты запретил.

В архиве я сам пролистал кое-какие «рукописи» из самых древних. И были они – вот провалиться мне! – на полимерной плёнке! Поэтому и сохранились. Мать прямо урчала от удовольствия, расшифровывая. А то я её не знаю: девушка она сугубо прагматичная, но сравнительную историю обожает. Я даже иногда подумываю, (когда она «особо удачно» шутит) закончив карьеру, передать её в Нью-Йоркский Уни-

верситет Ксеноистории.

Да, она тоже на такие угрозы только посмеивается. Знает, что я не настолько жесток.

Материала, само-собой, пришлось пролистать – будь здоров! Но самым интересным мне показался первый. То есть, самый ранний. Записи там касались ещё бунта:

18.09.3098г. Сегодня основные силы восставших атаковали нас с трёх сторон, и через четыре часа кровопролитного боя захватили Рубку. Отступаем на палубы «Джи-35» и «И-1». Потери – до 140 человек. Похоже, улететь не удастся уже никому. Двигательный отсек полностью разрушен, все шлюпки отстрелены. Хорошо хоть, аккумуляторную и реакторы как бы по взаимному соглашению пока не трогаем – словно понимаем, что только благодаря генераторам и Котлу мы всё ещё живы. (...) Раненных нечем даже перевязать – все мед. средства остались в заражённой Зоне. (...)

27.09. Сегодня нас выбили с палубы Джи-35. Со мной осталось не более ста офицеров. Если трюмная команда победит... (зачёркнуто) Мы должны пойти на переговоры. Незараженные женщины ни с нашей, ни с их стороны, не участвуют в Конфликте: даже восставшие понимают, что они-то никакого отношения к чёртовым бациллам не имеют. И пока они заперты за шлюзами Внутренней Оранжевой, им ни мы, с нашими разборками, ни страшные болезни, хочется верить, не угрожают. (...)

02.10. (запись другим почерком. Прим. Моё.) Сегодня,

после Полевого Суда, мы, «Комитет за Справедливость», единогласно проголосовали за расстрел оставшихся офицеров «Прометея». Их вина доказана, Протоколы допросов прилагаются к Постановлению. Приговор приведён в исполнение, тела спущены в конвертер.

13.10. Из Протокола 204 заседания Комитета.

Председательствующий Паттерсен:

– Сегодня на повестке дня стоят три основных вопроса: ремонт двигателей, обеззараживание заражённой территории, и выборы нового Капитана. (...) Предлагаю свою кандидатуру. (Шум, выкрики, через две минуты слово берёт суперкарго Мурконин):

– Не много ли вы на себя берёте, боцман? То, что вы можете отлично стрелять, ещё не делает вас умнее! Я уже не говорю, что в эпидемиологии вы – полный ноль! А вот я – кое-что нужное помню! (...) ...и, главное – теперь, когда офицеров нет, я – старший по званию! И уж если кому и налаживать наше проживание здесь – так это мне, Коменданту! (Шум, крики, выстрелы, Мурконин ранен.) (...)

Вот этот, и аналогичные моменты «Протоколов», и беспорядочных и бессистемных, в общем-то, записей, показались мне характерными. И, чтобы не томить вас подробным воспроизведением склок и разборок среди захвативших корабль рабочих и техников средней и низшей категории, коротко о сути:

После расстрела всех учёных и офицеров не осталось ни-

кого, кто реально знал бы, как бороться с угрозой заражения. Выборы нового Капитана закончились ещё одним кровопролитным конфликтом, с применением оставшегося ручного оружия. Когда кончились боеприпасы, сражающиеся перешли на ножи. Затем изготовили и копья, и луки...

Затем, когда их стало уже настолько мало, что возникли опасения вообще вымереть, заключили Перемирие. Созвали Малый Совет. (на «Большой» уже не потянули)

Шестеро выживших Техников Второй категории договорились о разделе сфер влияния.

Сочинили, сильно напрягши то, что называли мозгами, «Кодекс невмешательства».

Наконец, разобрали своих женщин, (оставшихся «ничейных» честно поделили) собрали все материалы и запасы, остававшиеся в незараженной части корабля. И герметично запечатались во внутренней Оранжеее.

После этого у каждого, возглавившего свою Группу, начались отдельные Летописи: в соответствии с собственной дурью. Но, судя по результатам, наладить, пусть примитивную, но довольно стабильную жизнь, помог именно старый добрый феодализм.

И я так думаю, главную роль тут сыграл страшный дефицит мужчин: поэтому они и стали «баронами», «виконтами», «графьями», и прочими дармоедами, традиционно сидящими на шее работающих женщин. Не слишком честно... Зато – все выжили. И к «демократии» больше не возвращались.

Хе-хе. (Хотя это – моё личное мнение о «социальных процессах», приведших к тому, что получилось. А антропологи-социологи-хреновы-историки пусть думают, что хотят!)

Мой вывод об изменении их роста Мать подтвердила: действительно, раньше все люди тут были куда крупнее... и умнее. Тут подействовал фактор ограниченного пространства.

Ну как на маленьких островах – случайно попавшие туда крупные звери начинают стремительно мельчать, «чтобы приспособиться к ограниченному объёму местных пищевых и пространственных ресурсов». (Это Мать задвинула столь умную фразу. У меня на такое терпения не хватило бы.)

Ещё много чего мы вычитали. Но это было уже не столь интересно.

Я оказался прав. Здесь заключались то династические браки, то «нерушимые союзы» «на вечные времена», то происходили вероломные убийства из-за угла, отравления, заговоры, смена династий, и всё то замечательно нескучное действо, так шикарно описанное Шекспиром, Дюма и Дрюоном...

При Катастрофе погибло до девяноста процентов людей. Причём мужчин – так и вообще – до девяноста девяти. И я понял – все они давно рассыпались в труху там, на служебно-лабораторных ярусах.

Всё, что мне было нужно, я узнал. Поэтому в умеренно тёплых выражениях поблагодарив за оказанное гостеприим-

ство, полетел к ближайшим соседям. (Ха-ха! Я – ужас, летящий на крыльях Ночи! Я – пучок волос, забивший ваш унитаз! Я... Ну и так далее: «Чёрный плащ» – вообще мой самый любимый мультик из старых.)

В обличительной речи, которую мы с Матерью подготовили, красочно расписывалось о грехах, нарушении заветов Предков и канонов Религии, и Высшем суде...

Все в третьем замке внимали, стоя на коленях.

После речи я озвучил и Ультиматум. На двенадцати процентах мощности – чтоб уж запомнили! А для того, чтобы уж поверили – сейчас, за мной не заржавеет!

Чтобы потом не возвращаться, нежирую часть замка я развалил сразу. (Ну, я же «гуманист» – предварительно термомонокатором выгнал оттуда всех работников!) Для вящего эффекта применил и пушки, и плазму – чтоб уж полыхало, так полыхало!

Грохот стоял невероятный: наверняка в любом уголке (Ха-ха! Вот уж посмотрел бы на «уголок» – в шаровом пространстве!) этого Мира было слышно.

Хоть я и не спросил имени владельцев всех остальных замков, пока «работал» у них, совесть меня не сильно доставала. А уж о том, чтобы разрушить что-то «от души», меня дополнительно просить не надо.

За пять часов я управился со всеми пятью замками, (включая и «гостеприимного» люРюйцига) не тронув толь-

ко того, кто обещал уничтожить уже понаделанных монстров... И успел, действительно, уничтожить. Теперь в его дворе срочно коптили и солили кучу «окорочков» и т.п.

Затем я полетел к «своей» шахте.

И вижу, что только зря потратил время, заваривая люк и герметизируя швы: Мать всё повскрывала обратно. В проделанное отверстие она уже высунула огромную тарелку антенны, накрыв всё это дело пластиковым герметичным фонарём. А кабель по шахте провёз дроид, предварительно прорезав дыру в дне лифта.

Теперь дроид же привёз и огромные ёмкости с краской.

Ярко-рыжий цвет не вызвал у меня восторга. Но видно его наверняка будет отлично. Мать обещала, что почва не пострадает.

Добрых четыре часа я, пользуясь указаниями Матери, летал по границам секторов, и по линиями на вспомогательном псевдоэкране скелета распылял чёртову краску. Ни экзоскелет, ни примитивный краскопульт хоть и не были приспособлены, но не подвели. Закончил засветло. Потом солнце погасло, и я убедился, что все линии великолепно фосфоресцируют в темноте – похлеще любых гнилушек.

Спать я улёгся тут же, возле антенны, смело отдавшись под защиту дроида.

Наконец-то выспался! Дурное настроение как рукой сняло. Даже зарядку сделал.

Теперь я совершил, так сказать, контрольный облёт замков, оказавшихся точно в центрах своих секторов. Заодно убедился, что хилый дождичек нашим линиям никак не повредил. (Вот бы я удивился!) Убрать *нашу* краску можно только бульдозером.

Сверху пейзаж смотрелся изумительно.

Да и с земли не хуже – всё плавно загибалось, и нависало со всех сторон волшебным туманным куполом.

Красивый Мир. Но – как и везде. Жестокий. Подлый. Несправедливый.

Всё по Дарвину.

Ладно, на какое-то время, надеюсь, угомонятся...

Собственно, особо делать мне с ними ничего уже было не нужно.

Все и так падали ниц, только завидев моё приближение. Хорошо. Уважают.

Поэтому я только спрашивал громовым голосом, хорошо ли видно границы, которые им запрещено пересекать не менее пятидесяти лет, и обещал решить судьбу как праведников, так и грешников, позже. Правда, не уточнял, когда именно.

Конечно, я понимал, что испортил нашим историкам-социологам пресловутую «чистоту эксперимента», но был уверен, (это Мать рассчитала) что через каких-то двести двадцать лет в предания обо мне никто верить не будет. Ну а столько-то наши потерпят... Вон – тмудов изучают четыре

века. И феринхов – три. (Правда – толку с этого... Ну, это уж – моё мнение.)

Радовало и то, что везде уже вовсю велись восстановительно-строительные работы, а мой старый знакомый выгнал в поля пахать и сеять всех. Даже зачуханных вельмож.

Всем баронам я сообщил, что удаляюсь доложить... А затем, в ожидании Высших Указаний – буду наблюдать.

Уж не сомневайтесь – камер наблюдения понатыкать и замаскировать я и правда – не поленился. Батарей их трансляторов должно хватить года на три. А дальше – пусть социологи-историки думают, как подзарядить. Кабель для ретрансляции сигналов я оставил на месте в шахте. Записывающий блок разместил у выходного шлюза – пусть себе пишет. Не пропадать же материалу.

После этого сделать мне оставалось немного.

Полазил я по всем две тысячи пятистам (Шучу, конечно! Но по некоторым побродил, почти как на прогулке.) уровням корабля. Понатаскал себе горы книг и блоков памяти от компьютеров. Мать всё тщательно дезактивировала и обеззаразила. Вот удивительно: там, наверху, никто, вроде, ничем таким не болеет, а вот если бы они жили *здесь*...

О-о! Последствия болезней, действительно, ужаснули даже такого заматерелого циника, как я. Вероятно, это и было одной из причин, вынудивших замуровать все эти помещения. Или то, что и правда – никто уже не знал, как обеззаразить всё это *гарантированно*...

(Кстати – не думайте, что я свинья! Я тоже, перед тем, как забраться вовнутрь шарика, провёл полную свою дезинфекцию – чтоб уж точно никого ничем притащенным *снаружи* не заразить! Даром что ли, пёр на себе чёртовы баллоны с химикатами, палатку, и излучатели! И из скафандра не вылезал ещё и поэтому! А в конце выходной люк мы с дроидом снова тщательно заварили и загерметизировали.)

Потом мне повезло. Ну, вернее, это Мать вычислила, куда мне зайти, чтобы мне «повезло».

Огромную галерею с предметами искусства я очищать полностью не стал – иначе мне бы это припомнили наши крючкотворы-бюрократы из Колониальной Администрации. Отбирать что-либо, подпадающее под категорию «Культурное Наследие» у гуманоидов категорически запрещено. Штрафуют. И лишают лицензии. А торговать с «местным населением» в таких условиях я ну никак не мог. Но не волнуйтесь – я всё сделал по уму.

Фиг они докажут, что здесь что-то стояло, лежало, или висело. (Свидетелей же нет!)

К блоку двигателей, складам оборудования и прочим служебным помещениям я даже не совался. Рубку Мать нашла, но она оказалась как раз на противоположной стороне сфероида. Я поленился снова возиться с палаткой и всем прочим. Да и что нового я мог там найти?

Копии почти всех материалов корабля до «Эры Средневековья» имелись, вероятно, в каждом баронском архи-

ве. (Очевидно, их копировали «в назидание потомкам».) Во всяком случае, в том, который я изучил подробно, они были.

Здесь эту Хронику пересказывать смысла нет – обычная история о людской лени, глупости, верности «долгу перед Человечеством», и стремлению к власти... Словом, см. всё ту же Историю. Только уже не средних средних, а «поздних» средних веков.

Или правильной говорить – зрелых?..

Будете смеяться – через два года мне присвоили звание ещё одного «Почётного члена-корреспондента Университета Сорбонны» за какие-то там невероятно важные в области социологических и исторических... И даже премию дали. Мать посмеивалась. И обзывалась – «двукратным членом!..»

Но я-то знаю: она тоже гордится тем, что мы реально вносим вклад в «дело изучения закономерностей развития – как антропоморфных Общественных Формаций, так и...»

Ага, согласен – смешно... Но – и приятно.

Вы можете спросить, для чего я рассказал эту, довольно банальную и ничем не примечательную историю – без чудесных находок и злобных инопланетян? Сам удивляюсь. Но всё же...

Почему-то постоянно возвращаюсь мыслями к этой... приснившейся мне фигуристкой красавице. Чёрт! Вот уж произвела впечатление: ни об одной нормальной (ну, нашей,

а не карикатурно миниатюрной) женщине столько не думал!
Может, вернуться, и?..

Только одно останавливает. Мать будет отвратительной свекровью...

12.Враги.

Они первыми начали стрелять.

Я ещё даже ничего плохого им сделать не успел.

Удар был такой, что на камбузе попадала вся посуда. Честно говоря, и я оказался там же – на полу.

– Ого! – говорю.

– ... твою мать! – говорит Мать.

Впрочем, нет – вспоминая на ясную голову, приходится признать, что было как раз наоборот: это Мать сказала «Ого!». Она у меня девушка культурная, и космослэнг не применяет...

– Что там с нашими чёртовыми защитными экранами?!
За что мы отвалили такие деньги?!

– Расслабься. – говорит моё солнышко, – Всё с ними в порядке. Целы. И если б не они, от нас бы мокрое место осталось. Энергии излучения хватило бы, чтоб испепелить приличный астероид. Не знаю, что этим ребятам не понравилось, но шваркнули они в нас прилично.

– А... что там с третьим реактором?

– Всё в порядке. Уже остыл до нормы. Экраны справи-

лись, и даже запас мощности оставался. Процентом тридцать. Мы будем присылать «Адекватный Ответ»?

– Она ещё спрашивает!.. Конечно, будем! – я наконец поднялся на ноги, – Но вначале хотелось бы... Ну-ка, покажи, что там за придурки ищут себе на ...опу неприятностей?

Пока Мать маневрировала, чтобы мы очутились в наименее уязвимой позиции, я добежал до рубки. Вгляделся в экраны.

Хм... Без космослэнга точно не обойтись.

– Вышли-ка *все* наши зонды. Пусть просканируют эту консервную банку.

Чужой корабль теперь висел от нас всего в ста милях – все пять зондов долетели за считанные секунды.

Траекторию полёта Мать проложила так, чтобы осмотреть врага со всех сторон. Картинка пошла.

Ну и древность нам попалась... Но – кусачая!

Чужой корабль попробовал пострелять и по зондам. (Ха-ха!)

Не на таких напал – защита у телезондов не хуже, чем на «Лебеде», а уж маневренность!.. Зато мы узнали, где прячутся противометеоритные пушки.

Я придирчиво рассматривал изображение на трёх центральных экранах.

– Это – то, что я думаю?

– Похоже, да, – отвечает Мать, – Нет никаких принятых в Содружестве опознавательных знаков. Сканирование что с

зондов, что с Центральной консоли, показывает со стопроцентной вероятностью: разумных живых существ на белковой основе внутри нет. Только бактерии и вирусы. То есть это – очередной наш Корабль-Призрак. Боевой берсерк. Построенный очень давно.

И – покинутый. Ну, или с самого начала задуманный, как автомат. Для действий против Флота противника. Или, что вероятней, его планет.

– Да, я тоже догадался, что все эти чёртовы батареи должны палить во что-то солидное... Ну а почему сейчас не палят? И вообще: если уж взялся атаковать – так будь последователен!

– Это ты тонко намекаешь, что если бы мы, кровожадные и беспощадные, взялись за дело, то не уgomонились бы, пока у врагов из систем охлаждения не потекла огнедышащая лава?

– Ну... Да, типа того. Ладно. Я уже сам догадался, что у них проблемы с энергией. А блокировка их электроники – уже твоя забота. Поэтому хватит трепаться. Полетели.

Ближайшую дохленькую автономную протевометеоритную пукалку, попытавшуюся нас «сбить», Мать легко заткнула, дистанционно заглушив и её самоуправляющийся процессор.

Остальные, находившиеся в «мёртвой зоне», опасности не представляли, но смело палить хотели, вертя стволами во все стороны, и пытаясь «вычислить» нас, так как Мать вклю-

чила наш чертовски много энергии жрущий, но жутко эффективный, видео- и радарный блокиратор, чаще называемый «шапкой-невидимкой». Так что усилия пушек мы просто проигнорировали, с разгону плюхнувшись на корпус Чужого. За сорок лет в нас стреляли и не из такого...

Размеры Корабля, конечно, потрясали. Бы. Если бы я не видал и побольше. Так что его миля длины и четверть – ширины, всего лишь сказали мне о том, что территорию предстоит обследовать огромную.

– Мать, – говорю, – раз уж мы сели прямо на «Лебеде», будь добра проделать дырку, и установи палатку. Вдруг там остался воздух, и он им нужен для функционирования.

Мать говорит:

– Скажите пожалуйста, какие мы стали гуманные и заботливые... По отношению к тем, кто в нас стреляет. Небось, жуков-корсаров расколошматил в хлам без «герметизации» их несчастной посуды. Да и триммерсов не пожалел.

– Ну ты и вспомнила – двадцатые годы... Да и я тогда был помоложе. Наивный. Впечатлительный. И поэтому – очень вспыльчивый...

Мать на это только фыркнула.

Снаружи загремело. «Лебедь» затрясся: моё солнышко начало сверление корпуса. Порядок. Значит, у меня будет вся нужная защита. Уж в этом плане на Мать можно положиться.

Мать, если вам ещё не надоело это читать – центральный

компьютер у меня на корабле. Мы с ней скрапперы. Не постесняюсь и её причислить к этой весёлой и опасной профессии. Столько раз выручала как советом, так и действием, что и не упомню. Вероятней всего, только благодаря её заботам я и жив до сих пор, и продолжаю рыскать по Вселенной, словно гончая, и совать свой любопытный нос во все дозволенные, а куда чаще – недозволенные дыры.

Да, собственно, и все остальные скрапперы занимаются тем же: пытаются обогатиться за счёт собираемых, или даже с боем взятых артефактов, полезных ископаемых, и (!) остатков Чужих кораблей и аппаратов... Продать всё это можно и на перерабатывающие заводы на астероидах, и бравым Армейским ребятам, и учёным разных Университетов.

А дороже всего, разумеется – коллекционерам-маньякам. Буквально помешанным на инопланетных сувенирах. А иногда – и на ксеноморфных суперзверушках... Если так можно этих мерзких, и обычно жутко агрессивно-кусачих тварей, назвать.

Пусть чёртовых коллекционеров и не интересует освоение новых технологий, или, там, выявление привычек-повадок, зато все любят похвастать перед другими заклятыми «друзьями-толстосумами» – «Вот, смотри, мол: это предмет культового поклонения племени Пипи с планеты «Зелёная Тоска-3» Ф-2/3409 в Малом Магеллановом облаке. А это – кивсяк-людоед с «Червивой Дыры» на Эпсилоне Большого Тукана-5... Плюётся ядовитой слюной на пятьдесят метров. Э-

эй, отойди-ка скорее подальше на всякий случай: вот так как раз он смотрел на бедолагу Сэма Питерса! Упокой Господь его душу...

Пусть непонятно, жутко, и опасно, (пока живо) зато престижно: у учёных нет, а у меня – хе-хе! – вот оно!

Ага! Живёт и вдохновляет... На «тёплые и дружественные» отношения с конкурентами. Хо-хо... А вот это – их самочки. И я приёмчики кое-какие... Сексуальные... Хи-хи...»

Так что чужой, да ещё «пустой» (ну, то есть такой, на котором нет никого живого, кто мог бы через Суд оспорить наши «противоправные действия по расхищению чужой собственности») звездолёт мы рассматриваем, заранее облизываясь. Словно два гурмана перед парной осетриной под майонезом.

Дыра у Матери получилась приличная – как раз пролезть в экзоскелете. (Вот бы я удивился, если б случилось по-другому!)

Не волнуйтесь: скафандр повышенной защиты я тоже нацепить не забыл. Эту штуку не то, что лазером – из боевой плазменной пушки не пробьёшь.

Странно, но я оказался прав. Внутри оказались и воздух, и тепло. Термометр показал плюс шесть Цельсия и относительную влажность пятнадцать процентов. А что – приятный, мягкий микроклимат. Белковые тоже могли бы выживать. Если б остались.

А вот с освещением оказалось туговато – видать, сэкономили. Так что пришлось втащить переноску. И включить все прожектора – и скафандра, и скелета.

И вот, сверкая, словно дурацкая сверхумопомрачитель-но-бесценная диадема «Мисс Вселенной», я взломал пару переборок, и двинулся по длиннющему коридору туда, где, как сообщила Мать, находился Командный Центр. Рубка, стало быть.

Нет, конечно, не всё шло гладко и мило...

Корабль сопротивлялся.

Не успел я пройти пары сотен шагов – понабежали ремонтные роботы с лазерами и резаками, и на полном серьёзе попытались меня (меня!) задержать.

Ага – мне тоже смешно. Словно мальчишки с рогатками – против танка.

Я их даже расстреливать не стал: поотбирал резаки и лазеры, и пошёл себе дальше.

Роботы остались позади, сбившись в кучу (наверное, инстинктивно), и что-то друг другу оживлённо транслируя – это Мать мне сообщила, что они могут ещё и переговариваться.

Перед самой Рубкой толпились... Не иначе – кухонные комбайны. У некоторых рядом с ножами и миксерами были наспех приделаны к клешням всё те же лазеры.

Что за бред. Не думает же их Главный Процессор в самом

деле, что меня могут *такие* остановить. Но где-то я подобное уже...

Мать с готовностью привела соответствующий исторический прецедент: подсказала, что так поступал Адольф Гитлер (какой-то древний царь), когда его Империю захватили почти всю: посылал на бой сопливых мальчишек тринадцати лет, и стариков-инвалидов.

Словом, в рубку я ворвался, пылая чувствами справедливого негодования, и презрения одновременно. Мать сразу указала, «кто» тут «Главный Умник».

Хм. Тот ещё чемодан. С добрый дом.

А интересно, есть ли у него аудио– и видеосенсоры, и наружные динамики?

Оказалось, есть. Во всяком случае, когда я убрал светофильтры, чтобы приспособиться к тусклому дежурному освещению, он удивил меня (Вернее – Мать. Она с ходу перевела):

– Простите, Хозяин! Мы не знали, что это – вы. Ваш корабль не отвечал на стандартные запросы, и не высылал кодов доступа. – Ага! Значит, точно есть и телекамеры – он меня видит.

Обращение звучало вполне по земному. Голос только был мужской. А вот у моей – приятный (Ворчливый – только иногда. Да и то, чаще – по моей же вине. Если упорол чего...) женский. Видать, вычислила она этого умника мгновенно: почти собрат, всё-таки.

Я отреагировал спокойно. Всё-таки Мозг «извинился»:

– Прощаю. За эти годы коды доступа изменились. Кроме того, изменились и Хозяева. А пока сообщи свои текущие приоритетные задачи, и срок несения вахты.

– Первая и основная задача: не пропускать к планете ни одно вражеское судно. Вторая задача: оказывать всяческое содействие и огневую поддержку боевым кораблям нашего Флота в любых действиях. Третья задача: поддерживать своё существование. Вахту несую тысячу триста семьдесят стандартных лет. – неплохо для автомата. Что же у него за реактор?

– Мать! – говорю, – Проведи меня к двигателям и энергоустановке, и покажи, что там и как.

Местному Мозгу я приказал пока до особых распоряжений продолжать делать всё то, что делал до сих пор.

– Вот. Это их основной реактор. – Мать как всегда показывала мне всё голограммами на моём планшете.

Планшет я таскаю в набедренном кармане – он складной, лёгкий, но уж больно здоровенный. С добрую тарелку. Зато – очень удобный, и показывает объёмно и чётко.

– Топлива тут осталось... Лет на двести. Двигатели примитивные до ужаса. Ионно-плазменные. Так что максимальная скорость – до ноль девяти световой. Похоже, инверторов, гравитаторов и сверхсвета они так и не изобрели. Зато – полно «продвинутого» оружия. Тут тебе и плазма, и лазеры, и микроволновое излучение. Плюс ещё старые добрые пуш-

ки со снарядами с динамитом. А гильзы – почти как те, что мы подбирали на Мишени.

Я фыркнул – иронию в её тоне не заметил бы только пьяный пингвин. Вот говорил я технику Вассе – не нужен ей блок юмора и неформальной логики. А так – ну просто издевается над незнакомыми, пусть вредными и глупыми, (раз позволили себя уничтожить) но – людьми.

– Ладно, Мать. Не ходи вокруг да около. Ты же уже наверняка залезла в Память Центрального, и всё там раскопала. Рассказывай.

– Не буду! Он оказался очень милым, этот Мозг... Та-акой Джентльмен... И вежливый. Сам всё показал, и даже руку и сердце предложил! А особенно просил – ничего тебе, бессознательному грубияну, не говорить! – эх её понесло. Видать, и вправду, Мозг корабля понравился ей.

– Ладно, я даже разрешаю тебе перетащить этого старого шалуна к нам на «Лебедь», и выйти за него замуж. Лично буду шафером... А сейчас хватит валять дурака – стресс был не настолько силён, чтобы лечить его *твоим* юмором.

– Да, я знаю. – говорит эта лапочка (А ещё бы ей не знать! Она же снимает мою энцефалограмму!), но раз *ты* сегодня не шутишь, кто-то же должен это делать!

Хорошо-хорошо, слушай...

Здоровенная не то сигара, не то сигарная коробка с громоздкими надстройками, называлась «Непобедимый».

Она и вправду, имела богатый арсенал, и неплохую защиту.

А защищаться тут нашлось от кого. История банальна до тошноты: люди начали колонизировать планеты своей Системы, и, разумеется, передрались за ресурсы и сферы влияния. И, конечно, деньги.

Материнская планета, как более оснащённая и «продвинутая», расколошматила обе Колонии в пух и прах. Но и те успели расквитаться: супермины-роботы устроили ядерную зиму, а бомбы с ЭМИ-генераторами посжигали всю электронную аппаратуру на поверхности, и даже в «секретных и неуязвимых» бункерах, которые так любят копать и оборудовать все двуногие прямоходящие млекопитающие. Так что не то, что компьютеров – а и работающих тостеров не осталось.

К концу активных боевых действий в Колониях жизнь исчезла полностью, а на материнской планете – «Земле», конечно! – зарылась под поверхность на пару миль, и вряд ли могла рассчитывать выбраться наружу раньше, чем через пару сотен лет.

Чёрт. Не упомяну, сколько уж раз мы с Матерью такое выдывали... (Мать тут же этак ехидно сообщает – сорок один!)
Одного не пойму: на ... нужны на всех этих «Землях» Институты и Университеты Социологии, Антропологии и сравнительной Истории, если они *ни шиша*, и – *никогда не помогают* – ну вот никому?!

Может, лучше сразу перевести их персонал в урановые рудники, и все настроенные талмуды и диссертации сдать в макулатуру, (Строжайше запретив работникам макулатурно-приёмных пунктов читать то, что в них было! Во избежание!..) а весь немаленький Бюджет передать на разработку новых типов зонтиков?

– А что там с планетой? – вариантов тут не было, поскольку наш древний «воин» кружил вокруг единственной кислородной.

– Прекрасная, между прочим, планетка. Кислорода – двадцать один. Среднегодовая температура уже поднялась до плюс одиннадцати. Следы радиации есть, но – ерунда.

Так что если там никого живых не осталось, и захочешь продать Колониальной Администрации, советую заломить не меньше, чем...

– Понял, спасибо. – ещё *она* будет *меня* учить торговаться!.. Нахалка. Чем бы ей отомстить.

– Вот что, Мать. Какое топливо в их реакторе?

– Кадмий-189.

– За сколько сможешь изготовить с десяток килограмм?

– Ну... за пару часов.

– Отлично. Изготовь. И с дроидом переправь контейнер сюда. А потом займитесь заправкой этого эксклюзивного раритета. Ну, то есть, реактора.

– Ты хочешь этот древний металллом оставить на орбите?! Разве мы не продадим его?

– Нет. Металлоломом мы теперь не занимаемся. Нерентабельно. А мне почему-то кажется, что защита этой планете не помешает... Да, и ещё перенеси сюда нашу третью пушку с антиматерией. И генератор ЭИМИ. Нам скрапперы-конкуренты сейчас – да и в будущем! – без надобности.

Мать если и удивилась, то промолчала. Она знает, что мои инстинкты не подводили никогда. Ну, не больше пары раз. Поэтому в знак символического протеста только пожужжала.

– А я пока... Схожу, посмотрю в местной библиотеке – может, остались книги с картинками. А потом пойду посплю. Да, вот ещё: пошли наши зонды к планете – пусть осмотрят подробно.

Если остались выжившие, нам надо это знать.

Коридоры чужого корабля были на этот раз подозрительно пусты.

Ощущение надвигающейся опасности давило почему-то всё сильнее. Пришлось пушку взять в руки – инстинктам я, как уже говорил, доверяю. Может, поэтому (ну, и, конечно, потому, что слушаюсь Мать) ещё жив. И лишился только рук (Да, до ключиц у меня биопротезы!).

Вот и трюм. Прошёл я к их спасательным капсулам. Трёх нету. Значит, кто-то улетел-таки. А что там, внутри остальных? Придётся проверить.

Вот твари! Не ждал я их здесь!.. Да как много!!! Настоящая Ниагара! Прямо текут! Ну-ка – ходу отсюда!

Отстреливаясь, и очень быстро убегая, я заорал:

– Мать! Почему не предупредила?! Сожрут же меня сейчас!.. Где чёртов дроид?! Давай сюда все наши резак и пушки!

Мать молчит. Но почему?!

Сую палец в ухо – точно! Нет транслятора! Проклятье!!! Он же *вживлён* под кожу – выпасть не может!.. Какого!.. Оглянулся – догоняют!!! Начал петлять по коридорам, чтоб хоть попытаться оторваться – иначе конец мне!

Мраморные муравьи – насекомые упорные. И с бронированными панцирями!

Пока жив хоть один, будут гонять меня по «Непобедимому»! А их тут!..

Но как они здесь оказались?! Ведь они без Матки не живут?! А Матка – здоровенная, похожая на напившегося кро-ви клеща, нелепо-гротескная громадина с головкой, как у бо-гомолы. И размером – с грузовик! Неужели они смогли обосноваться здесь, на корабле?!

И откуда они в *этой* Галактике?! У них же нет ни челноков, ни ракет! *Насекомые* же – чтоб им пусто было?!..

Вот эти и многие другие мысли проносились в моей голове в те доли секунды, когда их не заглушал рёв пулемётов, пушек, и плазменных излучателей экзоскелета.

Я косил сотни, но, кажется, только для того, чтоб восстали тысячи!..

Вдруг из-за поворота коридора вытек новый живой вал.

И муравьёв там было – мне по пояс! Стрелять пришлось с обеих рук, и в обе стороны... Бесполезно.

Захлестнуло.

Свет ламп на потолке померк – это меня уронили на пол, и взгромоздились сверху, мощной кучей...

А затем я почувствовал, что хвалёный скафандр повышенной защиты словно растворяется, подаваясь под сверхпрочными челюстями, и мне вновь начинают отгрызать руки и ноги!

От бессильной ярости и боли я заорал так, что, наверное, лопнули мембраны микрофона.

Что же Мать?!.. Почему не поможет? – только эта мысль мелькнула перед тем, как враги добрались до самого сердца...

– Проснись! Проснись!!! ДА ПРОСНИСЬ ЖЕ ТЫ, ЧЁРТ ТЕБЯ ДЕРИ!!!

Я рывком сел, и схватился за голову, чтоб она не отвалилась. Манипуляторы, трясшие меня за плечи, оттянулись к стенам, и убрались на места – в закрывшиеся щитками ниши. Мать с облегчением вздохнула – иногда она ведёт себя почти как живая женщина. Но такое бывает в эксклюзивных случаях. Вот таких, как этот. – она убрала и динамики, гудевшие в ухо сиреной.

Меня и без манипуляторов и динамиков дико трясло. Зубы так и стучали. Однако не успел протянуть руку, как в ней

оказался стакан.

Одним глотком осушил.

Ф-фу... Хорошая вещь – этот древний напиток. Хоть придумали для пиратов, но и скрапперам ром – ну очень здорово помогает.

Мать спрашивает:

– Опять муравьи?

– Д-да, чтоб им провалиться... Гоняли меня теперь по «Непобедимому».

– И... Как закончилось?

– Плохо. Сожрали меня на этот раз. С потрохами.

– Не шутишь?

– Нет. Иначе чего бы мне так трястись? – я всё ещё дрожал. Раньше даже в кошмарах муравьи меня не ели – или удавалось убежать, или просыпался раньше...

Мать подносит новый стакан.

Его выпил уже в три приёма. Ох, и обжигает горло, оказывается.

– Вкати-ка снотворного. Мне надо поспать ещё: два часа сна... да ещё такого... Мало.

Шприц впился в предплечье. Через пару минут блаженная нирвана абсолютного забытья (Зато гарантированно – без снов!), поглотила меня.

Извинения я принял легко – я не впечатлителен. И, в отличии от неё, по совместительству моего персонального психо-

аналитика, не связывал кошмар с булавочным уколом со стороны ратитета-охранника. У любого скраппера хватает причин видеть кошмары. Мои, правда, обычно предваряют серьёзные неприятности. Ну, или это мне, мнительному и суеверному, так кажется.

Мать у меня девушка себе на уме. И поэтому я не без оснований полагаю, что она знала, что чёртова железяка по нам выстрелит, но специально промолчала – чтобы я не слишком расслаблялся и скучал. И тут она где-то даже права: три-четыре месяца рейса занимает... Сам полёт.

Да, скучно. До тошноты. Не каждый способен выдерживать реально долгое одиночество без «необратимых сдвигов в сознании». Немного, конечно, помогает «поддержание спортивно-физических кондиций». Но, вот именно – немного. Главное, всё же – именно самонастрой.

Можно выпасть и из него, и из этих самых кондиций. Так что встряска ещё никому не вредила. Я успокаивал Мать как мог, что она и на этот раз всё сделала правильно.

На сам осмотр перспективных планет и перетаскивание к челноку добытых там «ксеносувениров» уходит обычно не больше месяца чистого времени. И за время Прыжков я все коридоры «Лебеда» исходил и избегал тысячи раз. А куда деваться: два-три часа каждый день на тренажёрах, спарринг-бои с робо-ли, затем – чёртовы учебники, и справочники по астронавигации, ремонту и т.п., и каталоги произведений ксеноискусства...

Профессия скраппера не то чтобы – сиди себе на корабле в безопасности, гоняй везде дроида, и ковыряй в носу! Нет – приходится отдуваться по полной! Да так, что чёртовым учёным и космодесантникам и не снилось: у нас-то рабочий день не нормирован, и профсоюз права не защищает. Да и медицинская страховка. Не помню, чтоб хоть одному скрапперу помогла. Или понадобилась. А вот тихое и спокойное место в два квадратных метра на кладбище ближайшей кислородной планеты, колонизированной людьми... Н-да.

Так что, если хочешь выжить, будешь пахать. Ленивые и неподкованные теорией, и те, кто пренебрегает накачивать не только мозги, но и мышцы, здесь не задерживаются: осколки и кусочки тел лентяев и беспечных балбесов устилают поверхности по крайней мере сотни планет, и бороздят безбрежный вакуум десятков Туманностей.

Впрочем, бывают и просто поломки – когда взрывается сам Корабль.

А что бы вы хотели: новые или хотя бы ремонтпригодные на рынок космотехники почти не попадают. Да и цены – не подступись! Вон – я свой прикупил подешевке, и то – только потому, что он был старой, «чрезмерно утяжелённой усиленной» конструкции, и ещё наполовину разрушен. (Да и слава Богу, что каркас – «утяжелён»! Иначе от Пустотников не удрали бы!) Восстанавливал полгода. Кривого же Пита, предыдущего хозяина «Лебеда» и Матери, домой она везла по частям. В маленьких таких контейнерах... Но поскольку

мозг на Земле умудрились восстановить, и Суд признал его правомочным, «Лебеда» пришлось – именно покупать...

Ладно, лучше не будем о грустном – я честно отрабатываю весь комплекс физ. упражнений: и на силу, и на реакцию, и на выносливость. И, знаете – выручает. Раз пять уж точно – выручило. Если вспомнить хотя бы колодец на планете с тремя дудочками...

Так что утром, после зарядки и завтрака, выслушал доклад Матери об очередной «Земле».

Так, мило. Выжившие есть. В экваториальной зоне небольшого – не то континента, не то – острова.

Видать, туда мину или бомбу не сбрасывали – пожалели. В смысле, бомбу.

Протопал я к Центральному мозгу «Непобедимого». Спрашиваю:

– Как теперь с энергообеспечением?

– Отлично, Хозяин! Заправка почти полная! Спасибо!

– Ну вот и хорошо. Продолжай выполнять все свои Задачи! А, да – разрешаю стрелять во всех, кто не отвечает на запросы, и не передаёт кодовых слов. Кроме меня. Ясно?

– Так точно, Хозяин, ясно! – ещё б ему не ясно. Особенно после того, как Мать с помощью дроида прочистила ему все платы, и подремонтировала с десятков сдохших консолей.

Ну, она у меня девушка хоть влюбчивая, но стабильная: меня ради какого-то примитивного мужлана с «Непобедимого», надеюсь, не бросит.

На планетах-колониях мне работы не нашлось.

Да и чего удивляться: крупные поселения колонистов «заклятые враги-эксплуататоры» из Метрополии просто разворотили огромными по мощности (всё же, наверное, водородными) бомбами – так, что как ни глубоко зарылись эти бедняги в скалу, ничего не помогло. А уж зрелище было... Не для слабонервных.

Ну, как бы объяснить попонятней... Представьте, что муравейник вскрыт ковшом экскаватора. А тут ещё – ядовитый или непригодный по составу воздух. Или даже – нету его.

Никто не выжил. Артефактов я не нашёл. А те, что нашёл, на изделия «инопланетян» не походили ни с какой стороны.

В поселениях поменьше мне стало понятно, до какой подлости может дойти человек, воюя против, вообще-то говоря, своих же соплеменников. (Ну это я так местную ситуацию понимаю: у всех же были и общие предки, и единый генетический код! Значит – соплеменники! Хотя... Вон – у «ихтиандров» с наземниками тоже, вроде, Предки были общие. А всё равно – уже разные *Виды* гомо: сапиенсов и акватикусов!)

Один из огромных боевых роботов-берсерков сохранился почти в целости.

Стоял он на самом нижнем этаже Убежища. Наверное, в этом и заключалось боевое программирование: добраться до самого дна, попутно вскрывая все герметичные переборки и

шлюзы. Чтобы все, кто там окажутся, попросту задохнулись. Или замёрзли, как произошло на четвёртой, более отдалённой от солнца, планете.

А что самое смешное и страшное – эта дрянь ещё работала. Когда я подошёл к – не то танку, не то – проходческому комбайну размером с доброго кита, эта монстра попыталась пошевелить клешнями с пушками и пулемётами.

Ха! Вот и получила, что ей причиталось... Пусть и спустя полтора тысячелетия.

Попинав её ещё и ногами (Со злости, а вовсе не для того, чтобы прикончить уж наверняка!), я послал дроида с плазменным резаком добыть её процессор – мало ли... Вдруг технику Вассе, или Питу из Массачусетского Технологического чего и пригодится. А вообще-то я сейчас редко так делаю – говорю же, избаловались мы с Матерью.

Лишь в каком-то совсем крошечном горном руднике я нашёл остатки поселения, что, кажется, выжило после войны, и пыталось бороться с местной природой. Мать, как она это делает всегда, после того, как я пролистал ей Дневник Колонии, сообщила вкратце – что и как.

Ну, как... Очень печально. И тягостно. Бедняги.

Насколько же извращённые мозги нужно иметь, чтобы так издеваться над своими же! Ненавидеть *людей*.

А за что они превратили несчастных колонистов-трудоголиков в своих злейших врагов – эти зажавшиеся, изнеженные, и избалованные вседозволенностью, и безнаказан-

ностью, «жители Метрополии»?

Неужели не поделили пару вшивых центов от прибыли?! Или... Попытались подавить уже вспыхнувшие восстания?

Я повозмушался. Мать меня быстренько заткнула, припомнив и Конкистадоров в Америке, и аборигенов в Австралии. И даже североамериканских индейцев. И пресловутых «афроамериканцев».

Иногда я жалею, что она никогда ничего не забывает. А иногда – хорошо, что мне не нужен Главный Университет Истории и Социологии Содружества. Исторические прецеденты...

Вразумляют.

Словом, можно быть врагами – и лютыми врагами – даже принадлежа к одной расе. Ну, или биологическому виду. Или даже – религии. Вспомнить хотя бы протестантов и католиков...

А можно – взаимовыгодно сотрудничать, например, даже с земляными червями – как на Тартаре-5!

Поскольку находками я оказался не избалован (мягко говоря), решил попытаться хоть что-то узнать, или поискать в «Метрополии» – то есть на Родине. Хотя какая, к чёрту, Родина – так и Чужие не смогли бы напакостить. А иногда даже с *ними* можно договориться.

Челнок посадил, чтобы раньше времени не пугать народ, подальше от Логова. Иначе эту мрачную, и явно природную,

пещеру назвать трудно.

Местность, где добывали себе пропитание Охотники Пле-мени, отличалась дурацкой живописностью: все эти пахну-щие хвоей, мхом и листвой (ну, не знаю, как вам, а мне, после механических запашков трюмов «Лебеда» здесь – су-щий рай!) леса, зелёные луга с пугливыми антилопами-коня-ми-баранами, ручьи, водопады, и прочая экзотика порадова-ли бы поэтов и последователей Торо. (Философ был такой. Кажется 19-го века. Ратовал за простую и скромную жизнь на лоне Природы...)

Но скраппера такой хреню не порадуешь. Роскошный вид Природы никому не продашь. Разве что я был бы ещё и художником. (А что: многие наши на старости лет балуются. Мало им сверхчеткого стереофото: хочется и «для себя за-печатлеть – «неповторимый колорит» и всё такое прочее...)

Пришлось тащиться пешком добрых пять миль. И по до-роге ещё застрелить мерзкого на вид тигра, вдруг почему-то решившего, что раз я двуногий, и пистолета не видно снару-жи – не смогу противиться его желанию пообедать. Мною. Ага, наивная скотина.

И – тяжёлая. Так что пришлось тащить его до Пещеры добрых две мили: должен же я сделать «жест доброй воли» – то бишь, Подарок, Дар, Приношение (называйте как хотите) – племени троглодитов. Чтобы доказать свои мирные наме-рения.

Так что оставалось надеяться, что этот придурок съедо-

бен. Или хоть шкура пригодится.

Ага, заметили. О!.. У них есть и часовые – вон, заорали, замахали... Копьями. Жуть. Неужели здесь – первобытно-общинный строй? Или – ещё хуже: родо-племенной? Нужно было не полениться, и послать-таки пару жуков-псевдонасекомых для прослушки...

Навстречу мне повыскочили, наверное, все взрослые Охотники Племена. С луками и копьями. А сзади, из тёмной дыры, (Вот уж любопытства у них не отнять никогда и ни за что!) опасливо пялились детишки (косматые, почище обезьянок) и женщины.

Хм... А знаете – женщины у них были... Ничего себе.

Или это мне с долгого одиночества так показалось? Всё не могу забыть Иву...

Мужчины приближались очень быстро, размахивая своими палками, и улюлюкая. Тоже мне – Тарзаны недоделанные. Видать, хотели подбодрить в себе Бойцовский Дух. Да и правильно – мужик я не маленький. Как говорят конкуренты-скрапперы, косая сажень в плечах. И ростом под два метра.

Пришлось всё же остановиться, и, чтобы всем было видно, поднять пустые руки ладонями вперёд.

Вроде, заценили – угрожающе размахивать своим деревом охотнички перестали, и притихли. Это главный на них прикрикнул. Сам же он, как и положено Вождю, вышел вперёд.

Когда до меня осталось шагов пять, разразился речью. Мать, сходу уловив ключевые моменты и слова, переводит через транслятор в ухе:

– О могучий Охотник, в одиночку убивший... э-э... съобра! (Не знаю, что это обозначает, но звучит – так!) Скажи, зачем ты пришёл в нашу долину, и мирные ли твои намерения? – тут он ещё пораспространялся, какие они сами – хорошие, и сходу предложил присоединиться к ним, и жить и охотиться вместе, особенно, если я – одиночка, покинувший, или оставивший своё Племя.

Речь его поражала. С одной стороны, она изобиловала примитивными словами, типа «еда», «враг», «охотник», «Племя». А с другой... Глаголы в ней присутствовали. А ещё она содержала и чисто абстрактные понятия – вроде «дружбы», «радушия», «мира».

Значит, ещё не всё подзабыли из прошлой, цивилизованной жизни, эти обросшие волосами оборванцы в грязных и плохо выделанных, и жутко вонявших потом, шкурах.

– Переводи, Мать, – я через ларингофон говорил ей то, что хотел выразить, а она подсказывала картавые и звонкие слова. И я уж озвучивал их, стараясь не коверкать.

– Привет вам, храбрые Охотники! Я пришёл к вам из-за гор. Пришёл с Миром. В знак моих добрых намерений примите в Дар этого... э-э... Съобра! – я же видел, с каким вождением они на него...

– Благодарим, о великий Охотник! Мы с благодарностью

принимаем твой Дар! – а очень как-то поспешно они закивали, соглашаясь на мой «дар». Не съели бы вместе со съобром! – И просим разделить с нами очаг и пищу. Наше жилище – твоё жилище!

На это «щедрое» предложение я не нашёлся бы, что ответить, но Мать посоветовала:

– Моя добыча – ваша добыча! – и прокомментировала: «Это – из «Маугли» Киплинга!»

Если бы я ещё знал их – что Киплинга, что Маугли... Но фраза, вроде, оказалась к месту, и понравилась.

Оттащив тушу на ровное утоптанное место, ребята принялись её разделывать. Я так называю их потому, что роста в каждом было не больше пяти-пяти с половиной футов, и мощью мускулов, или там, атлетичностью фигур они обезображены не были.

А, да – забыл сказать. Я, чтобы ничем не выделяться, и не пугать Племя, тоже был перемазан грязью (и Мать постаралась, и сам извозился), и в одной набедренной повязке. Матери пришлось приложить некоторые усилия и большую изобретательность, чтобы сшить, и придать всему натуральный вид. Но всё равно – я смотрелся, как качок среди школьников. Ладно, переживу.

Камеру пришлось спрятать за ухом. Дополнительный микрофон – в волосах. Так что Мать получала и картинку, и звук. И могла мне подсказать, чего опасаться, и что отвечать. Поэтому церемония поедания шашлыка, обжаренного

на палочках прямо на костре, пылавшем посреди Пещеры, в обложенном плоскими камнями огромном очаге, прошла нормально.

Если не считать того, что мясо могло бы быть и помягче. И соли мне очень не хватало... Женщины и дети неотрывно пялились на меня во все глаза. Хм. Непривычно чувствовать себя звездой Шоу, но пережил и это. На все каверзные вопросы, из какого я племени, как там у нас, за горами, и почему я один, удалось, и поднапрягши мозги с воображением, и с помощью Матери, вразумительно и вполне правдоподобно ответить.

После окончания священнодействия – то бишь, еды – все мужчины погрузились в приятную полудрёму, предаваясь перевариванию пищи, и только теперь к очагу подпустили остальных обитателей. Судя по тому, как жадно они подбирали остатки трапезы, и спешили поджарить то, что brave Охотники посчитали несъедобным, ясно стало многое.

Во-первых, женщины, дети и старики здесь – люди второго сорта. То есть, уважения к старшим, и опыта, которым могли бы поделиться для вящего улучшения, что орудий, что быта, ветераны, нет никакого. А, значит, нет и прогресса.

Во-вторых, до сорока лет тут вряд ли доживают.

И, в-третьих, некоторые члены Племена – явные изгои.

Особенно гнобили одного старичка (весьма, впрочем, противного и злобного на вид), и одну старушку. Ну, вернее, это я вначале принял её за старушку. При более пристальном

рассмотрении оказалось, что ей не больше тридцати, но она жутко истощена и печальна. Морщины на лбу и мешки под глазами сказали мне о проблемах с рационом – похоже, они со старичком тянут только на корешках и фруктах... Седые же волосы появились, скорее, не от старости, а от плохого обращения и, возможно, переживаний.

Устроившись с остальными Охотниками в глубине пещеры, на том, что можно было с натяжкой назвать спальным местом (там лежали сухие листья, мох и совсем уж старые шкуры), я всё же попробовал узнать, что произошло в Далёком Прошлом. И как эти спасшиеся «докатались до жизни такой» – ну, то есть, *их* версию Случившегося. (Нашу-то Мать мне подготовила.)

Легенду, мирно ковыряя в зубах щепочкой, рассказал сам Вождь. Звали его, кстати, Могучий Леопард. И весил он куда больше сородичей: килограмм под сто. Но в-основном – за счёт живота.

«Когда Кага сотворили Первого Человека, он поселил его в Раю. Но стало скучно человеку, и тогда Бог... (с вашего позволения я пропущу эту часть – она слишком уж напоминает пересказ Библии и аналогичных канонических книг монотеистов!) ... и наполнилась Земля злодеяниями от них. И разгневался мудрый Кага, и наслал Дождь. Дождь лил целый год. (...) Но не утонул Гангун с женой, спрятавшийся от Потопа на плоту, и продолжал свои чёрные греховные дела. И снова заселили всю Землю. (...)

Тогда Кага в великом милосердии своём наслал Огонь на Землю. И сгорели леса и луга, и погибло всё живое на поверхности. Но хитрый Рипсей спрятался в огромной Пещере, глубоко под землёй, и взял с собой припасов на три года. (...) Однако через год не понравилось брату Рипсея, как тот делит пищу, и поссорились. Разделились тогда на две семьи, и стали воевать... (Подробности: кто кому какую гадость сделал, или засаду устроил в гигантских катакомбах, я тоже опущу.)

... и остались только двое – Рой и Лана. Теперь пищи им хватало. Вот они и дали начало новому Роду Людскому после Всемирного Пожара. Они долго ждали своего часа, помня наказ Иммануха. И на поверхность вышли только после того, как травы и деревья вновь зазеленели...» И т.д.

Поблагодарив Великого Вождя за столь чудесный рассказ, я сказал, что теперь хочу выйти по своим нуждам. Ну, они поняли меня правильно – даже показали место, где у них можно... Справить свои нужды так, чтобы запах не попадал в Пещеру.

Разумеется, в наступившей темноте я поспешил скрыться, и за каких-то два часа дотопал до челнока.

Кошмар. Неужели всё, что осталось от выживших – вот это жалкое, утратившее абсолютно все «продвинутые» знания, моральные принципы, элементарную совесть, и техническое наследие, Племя?!

Мать поспешила меня уверить, что нет, конечно. Недаром же она гоняла туда-сюда наши зонды и беспилотники... Уж выяснила всё про быт «конкурентов».

Остальные племена живут ещё хуже. И почти утратили даже связную речь. Девяносто девять процентов слов, не означающих конкретные действия, или предметы – попросту забыты.

Так это же вообще – ужасно! Если нечем передавать опыт и накопленные стариками знания, местное человечество так и вымрет! Ну, или пробудет на стадии Пещер неизмеримые тысячелетия. И – пройдёт всё тот же путь, набив всё те же шишки... И никаких выводов из Апокалипсиса не сделаю.

Да и ладно: пусть за это социологи-историки переживают. А я – просто «двукратный почётный член» их Академий и Университетов.

– Ладно. – я сдался. – Ты, как всегда, оказалась права. Ни... не дало мне «изучение местного фольклора». Полетели к Бункеру. И, кстати, сделай-ка мне ещё прививок. Уже от аллергии. А то местные москиты и блохи чертовски больно кусают! – действительно, я кое-где расчесал всё до крови.

А молодец она у меня. Даже не стала тыкать в нос фразами вроде «Я же говорила, что они всё позабывали...» и «Нельзя туда идти в одной шкурке, да и то – искусственной!»

Спасибо, что хоть не съели... Впрочем, поручиться за то, что ночью не треснули бы дубиной по голове, и не использовали, как чёртова съобра, не могу. Уж больно заговорчески

этот «Могучий Леопард» со «Злобной гиеной» между собой переглядывались, облизываясь и хитро подмигивая друг другу...

Бункер, в принципе, ничем от сотен других, излазанных мной, не отличался.

Правда, пришлось довольно долго рыть образовавшиеся за эти годы холмы, чтоб добраться до собственно бетонного перекрытия. Обрушившаяся шахта входа меня почему-то не прельщала – не люблю обвалов и приключений на ...! (Ага – вот и Мать говорит – «Ха-ха! Чего же тогда опять прёшься?!»)

Длинные тёмные коридоры, пустые склады, заплесневелые стены с выкрошившимися кучками бетона, вездесущие крысы и тараканы. Почти всё, что я нашёл стоящего, брать не имело смысла. Как в и Колониях: всё слишком похоже на наше, земное... Никто не поверит в то, что это – «инопланетный артефакт с полуторатысячелетней историей».

Командный Пункт вообще разочаровал. Начинка компьютеров полностью рассыпалась от влажности и времени, а бумага превратилась в труху. Так что ничего такого, что могло бы поведать о подлинной истории и причинах «Великой Войны», и чем всё это дело закончилось, не нашёл.

Но всё равно – по традиции, чтобы не уходить совсем уж с пустыми руками, взял в месте, похожем на ясли, (Там стояли крохотные кровати. Правда, сделаны были из хромирован-

ной стали, а не дерева, как принято у нас...) Игрушку.

Пятидюймовый стеклянный шар с кукольным домиком... И снежинками, падавшими на него мирным, словно в замедленном кино, неспешным, снегопадом – если перевернуть.

Такой же я мечтал иметь в детстве. А мать (в смысле, биологическая!) так и не купила. Ни на одно Рождество. Предпочитала всегда очередную бутылку виски...

Э-э, чего там ворошить Прошлое. Вот: я достал себе наконец то, что хотел.

Не прошло и шестидесяти лет. Только...

Почему-то особой радости не испытываю.

Может, потому, что всему – своё время?..

На осмотр всех десяти Уровней ушло два дня. Я не торопился, ходил везде с положенной скрапперу добросовестностью. Наконец, в одной из самых нижних запертых комнат, нашёл, чего искал. Как чувствовал – именно эту дверь надо вскрыть!

Прямо на стене кто-то вывел чёрным (а сейчас – еле заметным серым цветом) маркером:

«Это – последнее послание к Потомкам! Знайте: мы сражались с врагом до последнего! И если ему удалось загнать нас под землю, то только потому, что ядерные мины-роботы действуют *сами*, рассчитывая удар в самом уязвимом месте своими изошрёнными электронными мозгами.

Одно только утешает: их осталось немного, заправить их

уже некому, и через пять лет удары прекратятся. Столько дети, наверное, продержатся. После Восстания, здесь, в Катакомбах, выживших осталось пятеро. Но трое – и я в том числе – дряхлые непродуктивные старики. Так что, думаю, мы оставим наш Мир в руках потомков Роя и Лары. А сами уйдём, чтобы не переводить продукты зря. Сказать хотелось бы многое. Но что? Ведь я испытываю мучительный стыд за и себя, и за других людей.

С какой стороны ни посмотри – наш Народ уничтожил сам себя! Ни болезни, ни голод, ни Пришельцы из Космоса – а только глупые мелочные амбиции и жажда власти подвели черту нашей Цивилизации. Написал бы, что, значит, недостойны выйти к Звёздам, и вступить в Контакт, или в какую-нибудь Межзвёздную Лигу Наций, но – стыдно.

Что мы могли бы предложить собратьям по Разуму, если сами как раз им-то и не обладаем?! Как назвать расу, убившую себя саму?! Идиотами? Эгоистами? Жадными недалёковидными придурками?

Ничего больше завещать не буду – разбирайтесь сами, о Далёкие Потомки! Может, был смысл в нашей генерации. А может – и не было. Не знаю. Прощайте.»

Под этим завещанием лежали три контура – Мать подтвердила, что это рассыпавшиеся в труху скелеты и одежда. Но вот от чего, и как погибли эти люди, не выяснила даже она.

Ну и ладно. Это место и так навело на меня тоску и пе-

чаль. А ведь мы видали столько погибших или погубленных планет и Цивилизаций, что и не счесть... («восемьдесят девять» – некстати сообщила моя Хозяйка. Но больше ничего не сказала – чуяла моё подавленное состояние.)

Утром, поработав на тренажёрах, и поев, я решил навещать ещё раз своих «друзей» из Племени. Пусть они ничего и не помнят из Прошлого, зато – живые. Более чем.

Чтобы завалить большого буйвола, пришлось побегать (Вот резвая скотина попалась – еле догнал и проткнул! за ним... А потом – и протащить на волокуше из веток три мили до Пещеры. Зато уж Подарок смотрелся (Да и весил!) от души: должен понравиться моим вечноголодным и не слишком-то умелым троглодитам-охотничкам.

Однако подходя к пещере, заметил я странную активность.

Племя дико орало, расположившись более-менее правильным кругом, подпрыгивая, толкаясь и мешая друг другу, и кидая в кого-то камнями. На том самом месте, где в прошлый раз свежевали съобра. Я тоже заорал, так как сердце почему-то сжалось, в предчувствии самого плохого.

Сразу же прыжки прекратились, а вопли – усилились (Ещё бы! Не слепые же!).

Все побежали ко мне, уже с радостными выкриками, поскольку тушу, которую я волочил, не заценил бы по достоинству только слепой. Ну, или очень старый и беззубый.

Приветствия и даже объятия прошли весьма бурно. Но учитывая гору свежего мяса, особых упрёков за уход в ночь я не услышал. (Как раз собирался, если бы спросили – отбрезаться именно тем, что ходил, якобы, на охоту!)

Совместными усилиями мы быстро доставили быка куда следовало.

Я оказался прав – там происходило свинство. Картина, открывшаяся мне, поразила до глубины души.

На земле лежала, истекая кровью, моя давешняя знакомая – измождённая не то женщина, не то – старушка. Жертва. Без сознания. Да и вряд ли вообще жива...

Мне бы, дураку старому, так всё и оставить, и не вмешиваться в Жизнь Племени... Однако я же – добрый идиот-гуманист, как частенько мне тычет в нос Мать.

Я пощупал пульс, и понял, что бедняжка ещё борется. Хотя дыхание уже почти не заметно.

Ага – мне, само-собой, захотелось выяснить, какого ... здесь происходит.

Ух ты – они ещё, оказывается, и верят в «колдовство», и «дурной глаз»! Одна из жён Вождя посчитала, что «ведьма» навела порчу на её младшего отпрыска: того прошиб понос. А ещё бы не прошиб: кто же кормит грудного малыша полусырым мясом! Пусть даже уже полупережёванным. Пусть и из филейной части чёртова съобра...

Словом, я вступился за «ведьму», на что мне было указано, чтобы я, как не разбирающийся во внутренних делах

Племени чужак, не лез не в свои дела.

Ну а я такой спокойный и терпеливый – меня вообще очень трудно вывести из себя.

Пререкался и скандалил с ними целых полторы минуты. (Говорю же: я – убеждённый конформист и пацифист! Правда, не всегда последовательный...)

Так что, конечно, потом дошло и до кулаков.

Ну, что могу сказать. Ясно, что против каратэ и боевого самбо эти задохлики сделать ничего не могли. Но когда они ринулись (Те, кто смог встать и двигать ногами!) за копьями и луками, я предпочёл не искушать судьбу, а взвалить «даму» на плечо, и «отступить» со всей возможной скоростью к челноку.

И должен вам сказать, весил этот мешок с костями не больше сорока кило.

Не догнали.

В тамбуре Мать разворчалась, что приходится применять двойную дозу всяких там дезинсектантов и антибактериальных средств... Я помалкивал – знал, что главный разговор ещё впереди.

А пока пришлось бедняжку, которая, на своё счастье, ещё не пришла в себя, раздеть, чтобы уж точно наша химия поработала от души.

Чёрт. Всякие блохи-вши с неё так и посыпались... Ничего – дроид потом выметет их веником.

Внутри я в первую очередь спихнул обнажённую и дур-

но пахнущую пациентку на руки Автодоктору. (парень он непривередливый, и носа от работы не воротит)

Челнок взлетел. Автодоктор включил все сканнеры и анализаторы, отобрал все нужные пробы, и не прошло и трёх минут, вкатил в тощую руку антидот – чтобы, значит, она не подцепила ничего из *моих* болячек и микробиков, к которым у неё иммунитета ну никак быть не могло.

Мне тоже досталось – уже чтобы я чем-нибудь от неё не заразился...

Я так и наматывал круги по медотсеку, пыхтя и потея. Наконец вспомнил – отлепил от горла чёртов ларингофон – старинное, но чертовски действенное устройство связи, позволяющее говорить, даже не открывая рта. Сразу стало легче. Вытирать пот.

Наконец Мать, напрямую подключённая к Доктору (Или – наоборот, что вернее!) фыркнула:

– Не знаю, чего ты так волнуешься. У этой дикарки ничего серьёзного: ссадины, гематомы, пара рёбер (ну ладно – пять) сломаны, небольшое (ну ладно – большое) сотрясение мозга. Потеря крови несущественна. Но, конечно, сильное истощение. Делов – раз плюнуть. Подлатаем за пару дней. Пошёл бы поел пока.

Я так и сделал. Но – не обольщался.

Говорю же – Мать всегда снимает мою энцефалограмму. Так что мои новые чувства, откуда ни возмись прорезавшиеся к нашей подопечной, от неё не скрыть... А Мать у меня,

должен вам сказать – тот ещё подарок. Говорю же: ревновала даже к Иве.

Но – порядочная. Искусственный Интеллект, всё-таки. Сердиться будет, а сказать – сама не скажет...

После обеда началось. Ну, вернее, я первым и начал – кто-то же должен принять ответственность за ситуацию:

– Мать, – говорю, – ты сердишься?

– Вот ещё! – отвечает, а сама, чую, дуется, – У тебя так всегда: сначала делаешь, а потом – думаешь! Так что всё как обычно – ты залез в осинник, я разгоняю ос. Или травлю.

– Нет, ну зачем же так круто. Не надо убивать всех этих дикарей. Они не виноваты, что такие тупые и злобные...

– Убивать я их и не собиралась. А вот ты, похоже, не осознаёшь, в какую передрагу нас втравил!

– Ладно, ты у нас умная и прозорливая. Вот ты и просвети. – я предостерегающе поднял руку, – Только пожалуйста, без этих научных вывертов. Простыми словами.

– Да пожалуйста. Вернуть «даму» назад ты не сможешь – её тут же убьют. Подкинуть её другому племени ещё более опасно – съедят. С вероятностью более девяноста четырёх про... – я скривился, она сразу двинулась дальше, – Оставить её на «Несокрушимом» под присмотром тамошних роботов нереально – они не рассчитаны на такое... Да и сама она там мирно спятит.

Значит, тебе придётся везти эту «девушку» в Содруже-

ство, отвалить кучу наших кровных бабок, чтобы выправить ей документы, и обучить языку и какой-нибудь профессии. Чтоб опять-таки не умерла с голоду.

Чем дальше она говорила, тем противней на душе у меня становилось. Именно потому, что она права во всём. Не могу я теперь эту тощую «старушку» бросить на произвол судьбы.

Стыдно.

– Ну а если я, к примеру, пригрожу «нашему» Племени, что поубиваю их всех – если тронут...

– Очень смешно. Уж если надумал убить эту даму, скажи мне – я выберу способ попроще. И не такой болезненный. Сам знаешь: то, что ты поколотил этих несчастных малышей, вовсе не сделало тебя Авторитетом в племени. Ну, или говоря понятней: тебе придётся *всегда* жить с ними, и взять на себя роль Вождя. Только при этом условии эта «ведьма» сможет остаться цела. Устраивает?

Я промолчал. Мать говорит:

– Нечего сопеть и чесать затылок. Знал, на что идёшь.

– Да знал... Но если бы я... Меня бы совесть мучила до самой смерти.

– Небось, когда отстреливался от амазонок Кинары-8, не думал о совести... – этак ворчливо комментирует моя Хозяйка. Затем говорит совсем другим тоном, – Ладно. Знаю, что мучила бы. Ты хоть и пытаешься казаться хуже, чем есть, в душе очень чуткий и ранимый. Кроме того, врожденно-приобретённая порядочность не позволяет тебе рав-

нодушно...

– Мать! Замолчи сейчас же!

Ненавижу, когда она так говорит. Никогда не мог понять – то ли серьёзно, то ли издевается.

– Ну и пожалуйста – могу и замолчать.

– Э-э... Мать. Извини. Погорячился. Просто в такой ситуации мы – ну, вернее, я! – ещё не был. Да и на кого мне рассчитывать, как не на тебя?! Что посоветуешь?

– Пока – ничего. – чувствую, ещё дуется. – Пусть очнётся. Может, сама что-нибудь придумает, или подскажет... Ладно, отдыхай – я приведу её в чувство не раньше завтрашнего утра.

И... Твои очередные извинения приняты.

Утром, после завтрака, который почему-то не лез в глотку, и тренажёров, которые оказались жутко сложными (А робо-ли меня ещё и побил!), я заставил себя пройти в медотсек.

А что? Встречал же я раньше опасность лицом к лицу? Ну и вперёд!..

Хоть я и старался не шуметь, эта «девушка» услышала шаги.

Открыла оказавшиеся почему-то невероятно огромными, глаза, повернула заплаканное лицо ко мне.

Меня как ножом по сердцу резануло. Более несчастного и беззащитного создания отродясь не видал. А глаза-то у неё... Вовсе не старушечьи. Голубые. И – светятся.

Я замер, словно кусок чёртова свиного студня, не дойдя до кровати пару шагов.

Однако это ничего не остановило и не исправило.

Две тоненькие, полупрозрачные от недоедания ручки протянулись ко мне, и я услышал слабый голос. Мать перевела:

– Пожалуйста... Подойди!

Ну, подошёл, конечно – куда ж деваться.

Когда приблизился вплотную, мои ноги оказались в кольце объятий, а на бёдра выплеснулся поток горячих и чертовски мокрых слёз. Затылком чуял кривую усмешку Матери.

Так что мне пришлось встать на колени, и принять всё это безобразие на «могучую» грудь.

А то уж больно глупо я себя чувствовал – с охваченными чреслами-то...

«Девушка» моя между тем вовсе не молчала, а изливала поток слов, не то чтобы совсем бессвязных... Но жутко пугающих.

– Я полюбила тебя сразу! Как только увидала – сразу поняла! Ты – мой мужчина! Только ты!.. Я хочу принадлежать только тебе! И я хочу детей от тебя! Ты – такой красивый! Храбрый! Добрый! Великий Охотник!.. Возьми же меня хоть младшей Женой! Или возьми меня просто так – я буду носить твоё копьё и стирать твою шкуру! Я буду твоей собакой, лишь бы принадлежать тебе!..

О-ох... А я-то сдуру думал, что теперь всё будет лучше...

А оно вон как повернулось!

Блинн, как говорит Мать. Впрочем – нет, она так не говорит. Это – я нуждаюсь в успокаивающих душу словах космослэнга.

И больше всего я злился именно на Мать – она-то уж наверняка всё знала. Эта зараза как пить дать снимает теперь не только мою энцефалограмму!..

И даже не предупредила! Коза бессовестная.

Если можно так сказать про машину, которая спасала мою жизнь десятки (если не сотни!) раз.

Спрашиваю поэтому вполне вежливо через всё тот же ларингофон:

– Мать! Всё это... Правда?

– До последнего слова! Я сама удивлена, что тебя, вредную, глупую, и самовлюблённую скотину, кто-то ещё может настолько сильно любить!

Я... проглотил комок в горле и заткнулся.

Обдумать предстояло многое. Но – чуть позже.

Выплакавшись и выговорившись «всласть», дикарка прижалась ко мне, и только гладила мою спину ладошками, и сопела – весьма, впрочем, умиротворённо.

Чёрт. Пора, как я сам сдуру брякнул, «принять ответственность».

Причём – по-полной.

Я отлепил тонюсенькие слабые ручки от своих плеч, отодвинул женщину от себя. Глянул ей прямо в глаза. Мать под-

сказала в ушной динамик слова чужого языка:

– Я беру тебя в Жёны.

Про себя же добавил – «И да поможет мне Бог!»

Никогда ещё я не чувствовал такой огромной нужды в его поддержке и помощи!

Позже, когда мы обедали в камбузе, и я показывал, как пользоваться ложкой, Мать не удержалась. Хорошо, что слышно её через вживлённый в ухо динамик только мне:

– Хочешь, назову Космооперу, сцену из которой ты сейчас разыгрываешь?

– Только попробуй! Больше не дам ни конфет, ни варенья!

Тут этот роман кончается.

Потому что одним романом историю о наших дальнейших с Анной взаимоотношениях не передать.

Здесь понадобятся три-четыре толстенных тома, и мастерство какого-нибудь Шекспира. Ну, или Льва Толстого с Достоевским напару – а я не знаток «тонкостей человеческих душ»...

А уж *описывать* эмоции – благодарю покорно! Для этого есть Поэты. И драматурги. Вот пусть и работают.

А вообще-то я доволен, что не побоялся преодолеть свой самый жуткий страх – взять на себя ответственность за жизнь любимой (А что куда важней: и любящей!) девушки...

И не только потому, что когда мы с Матерью отмыли и откормили Анну как следует, она оказалась настоящей кра-

савицей. (Нет, конечно Рэчел Уэлш, что играла в древнем фильме «Миллион лет до нашей эры», ростом повыше. Зато Анна – явно покрупче. И – умница!) И не потому, что завести совместных детей мне никто до неё не предлагал.

А, скорей всего, из-за того укола прямо в сердце, который я почувал, только взглянув на неё, лохматую и тощую, там, ещё в первый приход к Племени...

Ну так вот: со временем это дело не утихло, и теперь полыхает, словно степной пожар.

И я не жалею, что встретил её так поздно. Ради *такого* стоило пролететь миллиарды световых лет, и сорок лет скрап-перствовать...

И ещё я твёрдо решил: никто и никогда про её родную планету не узнает.

Потрачу я ещё некоторую часть наших денег, уплачу положенные налоги, комиссионные сборы, подарю подарки ещё каким-нибудь высокопоставленным чиновникам, и... Отпишу на себя ещё один кусочек пространства необъятного Космоса. Для официальности.

И, конечно, пусть грозный и добросовестный «Непобедимый» так и охраняет её от всяких «неофициальных» врагов, и расхитителей вроде моих «коллег». Современного оружия у него на борту теперь достаточно. Да и имя моё кое-что значит – достаточно упомянуть, чтобы «коллеги» предпочли обратиться подобру-поздорову! А найдут планету наши флотские ребята (впрочем, насколько я знаю планы Командова-

ния и Колониальной Администрации – раньше, чем через триста лет до этого Сектора Вселенной не доберутся!) – так и на здоровье! А я там никогда и не бывал!

Документы я Анне уже выправил. Мы зарегистрировали брак. Всё как положено. Живём на Вендисе-3, в моём трёхэтажном особняке-вилле на лазурном побережье самого тёплого и ласкового моря... Английский моя «ведьмочка» освоила, как родной.

Сам я, наконец, «выкроил время» все свои более-менее приличные (Нет, не в том смысле, что я в остальных занимался сексом направо-налево, жрал спиртное, как свинья во всех кабаках Вселенной, и бил морды всем встречным инопланетянам!.. (О таких, с позволения сказать, банальностях, достаточно понаписано и без меня!) А в том, что обычным читателям будет действительно – непривычно узнать о нас, скрапперах!) приключения занести в компьютер – как рассказы. Так и родился этот Цикл...

Может, и опубликую когда.

Беспокоят меня только две вещи.

Из Матери действительно получилась отвратительная Свекровь.

А глядя на звёзды по ночам, и сжимая титановые кулаки, я всё ещё ощущаю...

Да и «Лебедь» ждёт на орбите.

Но теперь если и полетим – то только вдвоём!

Ну, или вчетвером – считая Мать и дроида. (Ну, а куда же

– без него-то!..)